МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ МЫСЛИ

ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ТЕКУЩАГО СТОЛѢТІЯ.

Изъ переписки братьевъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ.

Свящ. Василія ЖМАКИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1890.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

Глава первая.

Стр.

Переписка о степени догматической важности изданныхъ и распространенныхъ св. Сунодомъ катихизисовъ, переводовъ свящ. Писанія на русскій языкъ и учебники по христіанской богословіи іеромонаха о. Ювеналія. . . 1—63

Глава вторая.

Переписка о степени необходимости для человѣка религіознаго просвѣщенія въ дѣлѣ полученія имъ спасенія своей души, или по вопросу о томъ могутъ ли надѣяться на полученіе спасенія люди, неимѣющіе достаточныхъ познаній о вѣрѣ, но находящіеся въ послушаніи церкви и прибѣгающіе ко всѣмъ ея таинствамъ, хотя и непонимающіе силы и значенія послѣднихъ. . . . . 64—128

Глава третья.

Переписка о степени полезности для православнаго богослова западнобогословской литературы, объ отношеніи къ протестанству и о степени важности въ дѣлѣ спасенія человѣка церковныхъ обрядовъ и всей религіозной внѣшности 129—149

Глава четвертая.

Переписка о значеніи монашества вообще и о сравненіи современнаго монашества съ древнимъ отшельничествомъ 150—179

Глава пятая.

Переписка о религіозно-нравственномъ значеніи Юрьева монастыря и о нравственномъ достоинствѣ его настоятеля архимандрита Фотія. . . . . 180—241

Къ исторіи русской богословской мысли тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія: изъ переписки братьевъ князей Ш. Шихматовыхъ.

Имя князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ извѣстно въ области духовной литературы. Болѣе другихъ заявилъ себя на духовно-литературномъ поприщѣ князь Сергій Александровичъ Ш.-Шихматовъ. Князь Сергій съ 1804 по 1827 годъ состоялъ на службѣ въ званіи воспитателя морскаго корпуса, а затѣмъ, получивъ отставку, поступилъ въ Юрьевъ монастырь, гдѣ постригся въ монахи, подъ именемъ Аникиты, и умеръ въ званіи настоятеля русской миссіи въ Аѳинахъ, въ 1837 году. Здѣсь нѣтъ особенной нужды пускаться въ перечисленіе литературныхъ произведеній князя Сергія Шихматова. Достаточно только указать на то, что онъ, по характеру своихъ религіозныхъ воззрѣній, принадлежалъ къ той части русскаго общества, которая группировалась около извѣстнаго адмирала А. С. Шишкова. Между княземъ Сергіемъ и адмираломъ Шишковымъ съ давнихъ поръ существовала самая тѣсная дружба: князь Сергій, по справедливости, называлъ Шишкова своимъ великимъ благодѣтелемъ. Продолжительная дружба, конечно, предполагаетъ болѣе или менѣе извѣстную общность въ воззрѣніяхъ ихъ на современные общественные вопросы. Шишковъ заявилъ себя горячимъ противникомъ того направленія, которое имѣло своимъ представителемъ князя А. Н. Голицына, занимавшаго видный постъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и, кромѣ того, предсѣдателя библейскаго общества. Основанное въ 1812 году Россійское библейское общество предприняло переводъ

Св. Писанія на русскій языкъ Въ 1818 году, впервые, появилось на русскомъ языкѣ четвероевангеліе, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, а въ 1820 году вышло полное изданіе Новаго Завѣта въ русскомъ переводѣ А. С. Шишковъ, крайній ревнитель славянскаго слова, возсталъ противъ русскаго перевода Библіи. Князь Сергій Александровичъ Шихматовъ, по примѣру своего патрона, не особенно сочувственно отнесся къ появленію Св. Писанія въ русскомъ переводѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, даетъ основаніе думать его переписка съ братьями. Лишь только появилось четвероевангеліе въ русскомъ переводѣ, князь Сергій не замедлилъ одинъ экземпляръ его переслать къ двумъ своимъ старшимъ братьямъ, причемъ и сообщалъ имъ свое, вынесенное имъ изъ чтенія русскаго евангелія, впечатлѣніе. „Переводъ сдѣланъ“, писалъ онъ въ 1819 году, „довольно исправно, но есть нѣкоторыя нестроты отъ соединенія оставленныхъ нѣкоторыхъ славянскихъ словъ и простонародныхъ. *Нынѣшній нашъ языкъ не можетъ сравниться силою съ славянскимъ*, какъ, напримѣръ, *это я* никакъ не выражаетъ знаменательности: *Азъ есмь*“. „Посылаю вамъ“, писалъ князь Сергій, отъ 13 марта 1822 года, два экземпляра недавно вышедшихъ изъ печати переводовъ со славянскаго на русское нарѣчіе; читая сіи переводы нахожу ихъ весьма ясными, отъ чего и думаю, что со временемъ и, можетъ быть, очень скоро совсѣмъ забудутъ переводы славянскіе, *о семъ нельзя не пожалѣть*, ибо псалмы на семъ послѣднемъ языкѣ дышатъ гораздо бо́льшимъ величіемъ. Нѣкоторые тексты пророчественные совсѣмъ измѣнились въ новомъ видѣ, и для сего особенно загляните въ псалмы: „Рече Господь Господеви моему“... Въ послѣдствіи времени, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ и окружающихъ лицъ, взглядъ князя Сергія на переводы Священнаго Писанія на русскій языкъ сдѣлался еще недружелюбнѣе. По крайней мѣрѣ, по словамъ его братьевъ, въ 1828 году, онъ уже прямо „ополчался противъ переложенія книгъ Св. Писанія и синодальнаго въ нихъ къ вѣрующимъ возванія“.

Въ 1824 году, по интригамъ графа Аракчеева, палъ князь Голицынъ. На его мѣсто министромъ народнаго просвѣщенія на-

значенъ былъ адмиралъ А. С. Шишковъ. Новый министръ народнаго просвѣщенія, ревнитель славянскаго языка, началъ свою дѣятельность преслѣдованіемъ русскаго перевода Свящ. Писанія. Въ 1823 году, въ первый разъ, появился въ печати пространный Катихизисъ, составленный митрополитомъ Филаретомъ, а въ слѣдующемъ году былъ напечатанъ и краткій катихизисъ митрополита Филарета. Одною изъ выдающихся особенностей, какъ пространнаго, такъ и краткаго катихизисовъ было то, что тексты изъ Св. Писанія и изъ твореній св. Отцовъ приведены были въ нихъ въ русскомъ переводѣ и даже безъ сопоставленія ихъ съ соотвѣтствующимъ славянскимъ текстомъ. Изданію обоихъ катихизисовъ предшествовало разсмотрѣніе ихъ въ Св. Синодѣ, который одобрилъ ихъ къ напечатанію. Сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія и опираясь на поддержку графа Аракчеева, Шишковъ выхлопоталъ высочайшій указъ, который имѣлъ своимъ послѣдствіемъ пріостановку перевода Св. Писанія на русскій языкъ а также запрещеніе печатать пространный и краткій катихизисы. Запрещеніе ранѣе разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ Св. Синодомъ катихизисовъ произвело много толковъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Общественное мнѣніе раздѣлилось— одни стали за изданіе катихизисовъ, другіе противъ. Нашлись даже между членами Св. Синода лица (кіевскій митрополитъ Евгеній Балховитиновъ), которыя стали указывать на недостатки катихизиса въ изложеніи догматическаго ученія вѣры Катихизисы находились подъ запрещеніемъ до самаго 1827 года, когда они были вновь исправлены, пересмотрѣны и уже въ новомъ видѣ явились въ печати [1]). Само собою понятно, что князь Сергій Александровичъ Шихматовъ, какъ близкій человѣкъ къ Шишкову, не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ борьбы мнѣній, но такъ или иначе долженъ былъ втянуться въ эту борьбу и высказываться по затронутому вопросу. Къ тому же самому склоняло его и обширное знакомство съ высшими духовными лицами и давно развившаяся въ немъ лю-

[1]) Судьба катихизисовъ И. Корсунскаго. «Русскій Вѣстникъ» 1883 года, январь.

бовь и интересъ къ церковнымъ дѣламъ. Какихъ взглядовъ онъ держался на катихизисы митрополита Филарета съ точностію указать не возможно, но, что онъ не съ одинаковымъ довѣріемъ относился къ изложенію всего догматическаго ученія, заключающагося въ изданныхъ катихизисахъ, это также не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, братья его возбудили и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ вели съ нимъ богословскую полемику, обвиняя его въ недовѣріи къ катихизическому ученію церкви и защищая авторитетъ изданныхъ тогда Св. Синодомъ катихизисовъ. При изученіи догматическаго ученія, князь Сергій предпочиталъ прежніе катихизисы и особенно любилъ православное исповѣданіе м. Петра Могилы, которое почему-то болѣе отвѣчало его вкусамъ.

Нѣкоторое недовѣріе какъ къ переводу св. Писанія на русскій языкъ, такъ и къ катихизисамъ, составленнымъ м. Филаретомъ, усилилъ въ князѣ Сергіи извѣстный юрьевскій архимандритъ Фотій, съ которымъ князь Шихматовъ былъ знакомъ издавна. Архимандритъ же Фотій высказывался очень рѣзко противъ перевода священнаго Писанія на русскій языкъ, называя его „болѣзненнымъ и вреднымъ переводомъ“. По его словамъ, „сила перевода была такова, что догматы церковнаго ученія явно испровергала, или сумнѣніе давала на истину церковнаго ученія и преданій“ [1]). Подобнаго же рода отзывъ сдѣлалъ Фотій и о катихизисахъ, составленныхъ м. Филаретомъ. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ единомысленниковъ, написанномъ имъ вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ пространнаго катихизиса м. Филарета (въ 1823 г.), юрьевскій архимандритъ указывалъ на неудовлетворительность изданнаго катихизиса, предпочитая ему катихизисъ м. Петра Могилы, и образно представлялъ его превосходство, сравнивая катихизисъ Петра Могилы, по чистотѣ, заключающагося въ немъ ученія вѣры, съ водою изъ рѣки Невы, а катихизисы м. Филарета съ канавною водою [2]). Князь Сергій Шихматовъ давно поддерживалъ свое знакомство съ Фотіемъ, но къ 1819 году это знакомство перешло со стороны князя въ благоговѣніе

[1]) Автобіографія Фотія, имѣющаяся у меня рукопись, кн. II.

[2]) Судьба катихизисовъ м. Филарета. «Русскій Вѣстникъ» 1887 г. Январь. 332—333.

предъ личностію о. Фотія. Князь Сергій отмѣчалъ въ своей перепискѣ, какъ выдающіяся событія въ своей жизни, тѣ посѣщенія, которыя дѣлалъ ему Фотій. Съ 1820 года Фотій, назначенный игуменомъ сначала Деревяницкаго, потомъ Сковородскаго, а затѣмъ Юрьева монастыря, въ Новгородѣ, оставилъ столицу, но дружескія отношенія между нимъ и княземъ Шихматовымъ не только продолжались, но и укрѣплялись все болѣе и болѣе. Въ 1821 году, князь Сергій посѣтилъ Новгородъ и пробылъ нѣсколько дней у о. Фотія. Между ними поддерживалась постоянная переписка. Знакомство князя Сергія съ Фотіемъ имѣло рѣшающее значеніе въ судьбѣ князя Шихматова. Оно же значительнымъ образомъ повліяло на отношенія его къ своимъ братьямъ.

Князь Сергій имѣлъ восемь братьевъ, изъ которыхъ съ двумя старшими братьями, князьями Павломъ и Алексѣемъ, жилъ особенно дружно. Ихъ взаимная дружба основывалась какъ на одинаковыхъ взглядахъ, такъ и на общности внѣшнихъ условій жизни. Всѣхъ братьевъ, наконецъ, соединяло одно—это глубокое благочестіе и преданность св. православной церкви. Старшій изъ братьевъ, князь Павелъ Александровичъ, получилъ воспитаніе въ Морскомъ корпусѣ и, при выпускѣ оттуда въ 1798 году, оставленъ былъ при корпусѣ воспитателемъ. Здѣсь ему нѣкоторое время приходилось служить и жить вмѣстѣ съ княземъ Сергіемъ. Въ концѣ 1818 года, князь Павелъ вышелъ въ отставку и навсегда поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, въ с. Архангельскомъ, Московской губ. Можайскомъ уѣзда, вмѣстѣ съ другимъ своимъ братомъ такимъ же одинокимъ, какъ и онъ самъ, княземъ Алексѣемъ Александровичемъ.

Князь Алексѣй получилъ образованіе, по примѣру другихъ своихъ братьевъ, въ Морскомъ корпусѣ и, по выходѣ въ отставку, навсегда поселился въ селѣ Архангельскомъ. Благочестіе князя Алексѣя побудило его всего себя отдать на служеніе своимъ собственнымъ крестьянамъ. Онъ у себя въ домѣ открылъ школу для крестьянскихъ дѣтей и самъ занимался съ ними. Въ то же самое время онъ обучалъ вѣрѣ и нравственности и взрослыхъ крестьянъ. Обученіе послѣднихъ происходило по воскреснымъ и праздничнымъ

днямъ. Занятія по обученію крестьянъ вѣрѣ и нравственности такъ у него отнимали много времени, что его ему мало оставалось на собственныя книжныя и хозяйственныя занятія.

Князь Павелъ, явившись въ с. Архангельское, избралъ для себя особенное занятіе, вполнѣ подходящее къ занятіямъ брата Алексѣя, взявшись обучать первоначальному ученію сыновей сельскихъ церковнослужителей. Русскій языкъ и законъ Божій составляли главные предметы его обученія. Занятіями въ школѣ князь Павелъ много усовершенствовалъ свое собственное знаніе. Онъ особенно любилъ читать толкованія священнаго Писанія и даже самъ дѣлалъ переводы разныхъ толкователей.

Въ 1836 году, братья князья Павелъ и Алексѣй, доведши своихъ крестьянъ до такого религіозно-нравственнаго развитія, которое давало имъ возможность благоразумно пользоваться свободою, даровали имъ свободу отъ крѣпостной зависимости. Князь Павелъ скончался въ званіи можайскаго уѣзднаго судьи, 25 апрѣля 1844 года [1]).

Много общаго съ княземъ Павломъ имѣлъ и другой братъ, князь Алексѣй Александровичъ, живший и подвизавшійся вмѣстѣ съ княземъ Павломъ. Онъ только превосходилъ его своимъ умомъ и образованіемъ. Даже въ области богословской, онъ путемъ простой начитанности дошелъ до такой степени развитія, что мало уступалъ современнымъ ему богословамъ по профессіи. Онъ перечиталъ современную богословскую литературу. Обладая знаніемъ новѣйшихъ языковъ, онъ слѣдилъ за выдающимися произведеніями литературы богословской и на Западѣ.—Князь Алексѣй заявилъ себя и какъ писатель, по преимуществу религіозно-нравственный. Таково, напримѣръ, его сочиненіе: „Служеніе Алтарю“, гдѣ онъ, въ назиданіе своему духовному сыну и ученику, изложилъ высокія обязанности будущаго его служенія церкви Божіей. Такой же, до извѣстной степени, характеръ носятъ его „письма о воспитаніи благородной дѣвицы“. Это сочиненіе, раздѣленное для удобства

---

[1]) Біографія князя Павла Александровича Ш. Шихматова М., 1848 года.

изложенія на пятьдесятъ писемъ, самый капитальный трудъ кн. Алексѣя и доселѣ сохраняющійся только въ рукописяхъ. Въ письмахъ о воспитаніи представлено обозрѣніе всей жизни человѣка, начиная съ пеленокъ и сопровождая его до могилы. Взглядъ князя Алексѣя на задачи воспитанія самый возвышенный; въ основѣ воспитанія лежитъ св. православная вѣра. Отъ благородной дѣвицы онъ требуетъ такого широкаго религіозно-нравственнаго развитія, которое теперь требуется только развѣ въ духовныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Перу князя Алексѣя принадлежитъ біографія князя Павла Александровича Ш. Шихматова. Князь Алексѣй Александровичъ скончался, 2-го августа 1849 года, въ своемъ родовомъ имѣніи, въ селѣ Архангельскомъ.—Оба брата князья Павелъ и Алексѣй вполнѣ разсчитывали, что третій ихъ братъ и единомышленникъ кн. Сергій, по выходѣ въ отставку, тоже поселится вмѣстѣ съ ними и будетъ для нихъ полезнымъ сотрудникомъ въ общемъ дѣлѣ обученія крестьянъ, которому оба брата отдались всею душой. Дѣйствительно, князь Сергій, до своей дружбы съ архимандритомъ Фотіемъ, такъ именно и предполагалъ сдѣлать, о чемъ онъ неоднократно писалъ и своимъ братьямъ, увѣряя ихъ, что служба ему становится въ тягость, что онъ стремится къ деревенскому уединенію подъ родной кровъ братьевъ. Соотвѣтственно этому, онъ и дѣлалъ извѣстнаго рода хозяйственныя распоряженія въ с. Архангельскомъ. Такъ, еще въ 1818 году, тамъ, на случай переѣзда князя Сергія, пристроенъ былъ особый флигель, по его указанію и плану, увеличенъ былъ садъ и прочее. Свое желаніе навсегда поселиться вмѣстѣ съ братьями и стремленіе „насладиться ихъ сожительствомъ“ князь Сергій высказывалъ еще въ началѣ 1823 года. Но вотъ прошло еще нѣсколько лѣтъ. Въ концѣ 1827 года, князь Сергій подалъ прошеніе объ отставкѣ и сообщаетъ своимъ братьямъ, съ нетерпѣніемъ ждавшимъ его къ себѣ въ деревню, что первый выѣздъ его будетъ *не къ нимъ, а къ отцу Фотію*. Письмо Сергія совершенно изумило братьевъ—тѣмъ болѣе, что они, будучи увѣрены въ твердости характера своего брата, никакъ не ожидали такой рѣзкой въ немъ перемѣны. Но еще болѣе они изумились, когда Сергій сообщилъ имъ, хотя и не въ категорическомъ видѣ,

о своемъ желаніи постричься въ монахи въ Юрьевомъ монастырѣ и отдать себя подъ руководство его настоятеля, Фотія.—У братьевъ, по полученіи такого рода неожиданныхъ извѣстій, естественно, возникли разнаго рода предположенія о тѣхъ причинахъ, которыя вызвали перемѣну въ Сергіи, у нихъ являлись разнаго рода догадки о томъ, кто бы могъ повліять такъ рѣшительно на ихъ брата, не увлекся ли онъ какими-нибудь особенными подозрительными мнѣніями. Однимъ словомъ, сомнѣніямъ и всевозможнаго рода предположеніямъ братьевъ не было предѣловъ. Лѣтомъ 1828 года, князь Сергій Александровичъ прибылъ, наконецъ, въ село Архангельское. Здѣсь со всею ясностію обнаружилась между ними разность во взглядахъ на нѣкоторые религіозно-нравственные вопросы. Братья, подъ вліяніемъ перемѣны взглядовъ князя Сергія, стали теперь относиться къ нему съ большимъ недовѣріемъ и съ крайнею подозрительностію выслушивали его разсужденія, строго наблюдая за тѣмъ, не выскажетъ ли онъ чего несогласнаго, по ихъ мнѣнію, съ общераспространеннымъ ученіемъ церкви. Подозрительность ихъ къ брату дошла до такой степени, что у нихъ являлась мысль о какомъ-нибудь раскольничествѣ или даже еретичествѣ Сергія. Послѣдній, какъ жившій въ Петербургѣ въ то время, когда тамъ началась, разрослась и закончилась въ высшихъ церковныхъ и государственныхъ сферахъ борьба за и противъ библейскаго общества и всѣхъ такъ или иначе связанныхъ съ нею вопросовъ, явился въ с. Архангельское подъ живымъ впечатлѣніемъ этой борьбы. Зная хорошо исторію напечатанія и затѣмъ пріостановки катихизисовъ м. Филарета, равно какъ и прекращеніе перевода свящ. Писанія на русскій языкъ, князь Сергій въ дружеской бесѣдѣ съ своими братьями дозволилъ себѣ выразиться въ томъ смыслѣ, что онъ „догматическія статьи церковно-учебныхъ книгъ, изданныхъ въ то время, принимаетъ съ разборомъ“. Эти слова Сергія относились и къ распространенной тогда богословіи іеромонаха Ювеналія, которая, по опредѣленію Св. Синода, разослана была во всѣ духовно-учебныя заведенія, какъ одно изъ самыхъ лучшихъ богословій. Заявленіе Сергія не представляло въ себѣ ничего особеннаго, но на братьевъ, уже раньше склонныхъ подо-

зрительно относиться къ нему, оно произвело потрясающее дѣйствіе. Оба брата, издавна бзвыѣздно жившіе въ деревнѣ и не знакомые съ ходомъ исторіи перевода священнаго Писанія на русскій языкъ и напечатанія катихизисовъ и съ тѣми броженіями умовъ, какія вызваны были ими въ русскомъ обществѣ, привыкли смотрѣть на изданныя въ ихъ время Св. Синодомъ церковно-учебныя книги, какъ на то, по ихъ словамъ, „хранилище, которое и *содержитъ догматическое ученіе въ первобытной евангелической чистотѣ, въ которой оно вышло изъ устъ Самого Спасителя и Его Апостоловъ*“ и, какъ такія священныя книги, онѣ должны быть, по ихъ мнѣнію, изучаемы слово въ слово. При взаимныхъ богословскихъ разсужденіяхъ между братьями обнаружились разности во взглядахъ и на другіе церковные вопросы. Но болѣе всего произвело впечатлѣніе первое заявленіе кн. Сергія о катихизисахъ и богословіи о. Ювеналія. Оба брата взглянули на пріѣзжаго брата, какъ „на упорнаго церкви противника“. Для того, чтобы не подать повода къ семейному раздору, Сергій черезъ нѣсколько дней, по пріѣздѣ своемъ въ село Архангельское, отказался отъ высказаннаго взгляда Братья словеснымъ отказомъ не удовлетворились. Они предложили ему письменно засвидѣтельствовать свое отреченіе и для этого составили особый письменный документъ, называемый ими примирительнымъ актомъ „Мы, говорилось въ этомъ актѣ, почитая нашу россійскую церковь церковію апостольскою, свято принимаемъ всѣ катихизическія и богословскія ученія съ одобренія видимой верховной власти церковной издаваемыя, торжественно исповѣдуемъ нашу вѣру по тѣмъ катихизисамъ и богословіямъ, которыя, по повелѣнію ея, проходятъ въ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ, и по которымъ предписываетъ она нынѣ всѣмъ пастырямъ духовнымъ учить свое словесное стадо; и. наконецъ, содержимъ, что всѣ церковно учебныя книги, издаваемыя церковію для наставленія посредствомъ ихъ всѣхъ членовъ ея въ ученіи и благочестіи, ни мало и ни въ чемъ одна другой не противорѣчатъ“. Князь Сергій для мира семейнаго согласился и на эту уступку и подписалъ предложенный актъ примиренія. Уступчивость его въ данномъ случаѣ объяснялась тѣмъ обстоятельствомъ, что посредствомъ ея онъ раз-

считывалъ получить отъ братьевъ дозволеніе на поступленіе въ монастырь. А согласіемъ старшихъ братьевъ онъ очень дорожилъ и сильно добивался его въ такомъ важномъ дѣлѣ — какъ принятіе монашества. И дѣйствительно, князь Сергій не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Послѣ подписанія примирительнаго акта, братья дали свое согласіе на принятіе имъ монашества.

При взаимныхъ богословскихъ разсужденіяхъ между братьями обнаружились разности во взглядахъ и на другіе современные церковные и вообще богословскіе вопросы. Такъ, между княземъ Сергіемъ и его братьями выяснился различный взглядъ и на иностранную богословскую литературу. Сергій совершенно отказался отъ иностранной литературы, тогда какъ его братья придавали ей нѣкоторое значеніе и видѣли извѣстную пользу ея и для православнаго богослова. Изъ этого разнороднаго взгляда вытекала и другая разность во взглядахъ братьевъ на лютеранство, къ которому Сергій относился съ большимъ нерасположеніемъ, чѣмъ его братья. При взаимномъ обмѣнѣ мыслей, среди братьевъ оказалась рознь во взглядѣ ихъ на современное русское монашество и особенно на значеніе Юрьева монастыря. Въ то время, когда Сергій питалъ къ послѣднему благоговѣніе, его братья смотрѣли на Юрьевъ монастырь, какъ на мѣсто подозрительное, въ которомъ воспитывались люди съ особыми церковными взглядами, не согласными съ современнымъ церковнымъ порядкомъ. Между братьями обозначилось также различное пониманіе обрядовой стороны церковной жизни, значеніе которой въ дѣлѣ спасенія человѣка братьи умаляли, тогда какъ Сергій, по крайней мѣрѣ, по ихъ словамъ, расширялъ его. Но самый щекотливый, спорный предметъ между братьями возникъ по вопросу о томъ, *могутъ ли надѣяться на полученіе спасенія тѣ люди, которые, по обстоятельствамъ своей жизни, не могли изучить подробно ученія вѣры, но находятся въ послушаніи церкви, прибѣгаютъ ко всѣмъ ея таинствамъ, хотя и не понимаютъ силы и значенія послѣднихъ.* Затронутый вопросъ отличается и своей важностію и затруднительностію своего рѣшенія. Сергій склонялся въ пользу положительнаго рѣшенія, тогда какъ его братья стояли болѣе на сторонѣ отрицательнаго рѣшенія этого

вопроса. Поставленный вопросъ служилъ долгое время предметомъ богословской переписки между братьями, которые въ своихъ письмахъ къ брату хотя и мало представили данныхъ собственно богословскаго характера, но за то дали любопытную и весьма обстоятельную характеристику современнаго имъ религіознаго состоянія русскаго общества, особенно крестьянъ. Впрочемъ, въ ихъ письмахъ встрѣчаются данныя для характеристики религіозныхъ воззрѣній и такихъ государственныхъ дѣятелей того времени, какъ, напримѣръ, министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Шишковъ, который раздѣлялъ нѣкоторыя мнѣнія *Социна*. Такова, напр., графиня А. А. Орлова-Чесменская — обладательница многихъ десятковъ тысячъ крестьянъ, которая, благодѣтельствуя Юрьеву монастырю и издерживая цѣлые милліоны на его украшеніе, совсѣмъ не заботилась о религіозномъ просвѣщеніи своихъ многочисленныхъ крестьянъ.

Послѣ подписанія извѣстнаго примирительнаго акта, между братьями установилось согласіе, ихъ богословскія разсужденія приняли совершенно спокойный характеръ. Оба брата послѣ этого изъявили свое согласіе на принятіе княземъ Сергіемъ монашества и на вступленіе его въ число братіи Юрьева монастыря. Изъ села Архангельскаго Сергій Александровичъ отправился въ Кіевъ, Москву, Ростовъ и другіе древніе города Россіи, для поклоненія св. мощамъ угодниковъ Божіихъ. Лѣто и осень 1828 г. князь Сергій провелъ въ благочестивомъ странствованіи по древнимъ русскимъ святынямъ и возвратился въ Юрьевъ монастырь въ концѣ декабря, предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова.

Между тѣмъ, по отъѣздѣ князя Сергія изъ села Архангельскаго, его братья стали взвѣшивать происходившія между ними богословскія пренія и, не извѣстно, на основаніи какихъ данныхъ, стали подвергать сомнѣнію искренность заявленія князя Сергія, послѣдствіемъ чего было подписаніе имъ примирительнаго акта. Еще въ то время, когда князь Сергій странствовалъ по святымъ мѣстамъ, братья, въ августѣ мѣсяцѣ, приготовили для него посланіе, въ которомъ подвергали обсужденію прежніе спорные вопросы и изъ нихъ на первомъ планѣ вопросъ объ отношеніи къ церковно-учебнымъ книгамъ, подъ которымъ разумѣлись катихизисы м. Фила-

рета, русскій переводъ четвероевангелія вмѣстѣ съ Псалтирью и богословіе іеромонаха Ювеналія. Въ рѣшеніи этого вопроса болѣе правильной точки зрѣнія держался князь Сергій, тогда какъ его братья, письма которыхъ отличаются горячностію тона, постоянно увлекались и договаривались до крайностей. Горячность тона писемъ братьевъ объясняется не столько самымъ предметомъ полемики, сколько побочными обстоятельствами, при которыхъ велась полемика. Обоихъ братьевъ болѣе всего волновала крайняя подозрительность не только къ Сергію, но и ко всѣмъ окружающимъ его лицамъ и ко всему тому, что напоминало собою сколько нибудь Юрьевъ монастырь. Подъ вліяніемъ чувства подозрительности трудно было удержаться въ предѣлахъ умѣренности и спокойнаго обсужденія дѣла. Совершенно другимъ характеромъ дышатъ отвѣтныя письма Сергія. Всѣ его письма одушевлены и проникнуты глубокимъ чувствомъ смиренія и христіанской кротости. Даже истины, сами по себѣ не особенно пріятныя для братьевъ, и тѣ онъ старался облекать въ такую форму, которая была бы менѣе всего обидною для братьевъ, да и въ такомъ случаѣ онъ всегда предварительно просилъ прощенія у братьевъ.

Вотъ самыя выдержки изъ писемъ, касающіяся перваго спорнаго между братьями вопроса—о церковно-учебныхъ книгахъ, изданныхъ Святѣйшимъ Синодомъ.

Письмо братьевъ, князей Павла и Алексѣя Александровичей, Ш. Шихматовыхъ, отъ 25 августа 1829 года, къ брату, князю Сергію Александровичу.

Ты, любезнѣйшій другъ, не обинуясь объявилъ намъ, что не имѣешь полной довѣренности къ тому *катихизическому ученію*, которое преподается во всей нашей церкви, говоря, что катихизисъ нашъ не есть еще такое ученіе, на которое несумнительно во всемъ можно было опираться. Разсмотри самъ, какія слѣдствія вытекаютъ изъ такого твоего положенія. Гдѣ же искать ученія о спасеніи, когда оно во всенародныхъ катихизисахъ недостаточно? Катихизисъ называется у насъ ученіемъ, какъ познавать Бога и поступать по Его заповѣдямъ: слѣдовательно, достаточнымъ ко спасенію. Въ немъ явствуютъ всѣ тѣ мѣста священнаго Пи-

санія, на которыхъ ученіе его основывается. Свѣтлѣйшіе свѣтильники нашей церкви суть наши катихизаторы.—Не говоря о живыхъ проповѣдникахъ, отличающихся и ученостію и благочестіемъ, возьмемъ писателей катихизисовъ, которые суть устами всея церкви, преосвященныхъ *Платона* [1]) и *Михаила* [2]): подтвердили оба святость ученія ихъ святостію житія. Возьмемъ подвиги ихъ на пользу церкви; оба отъ ранняго возраста до послѣдняго издыханія, уже въ старости лѣтъ, были учителями и дѣломъ и словомъ. Послѣдній пространно разсматриваетъ ученіе о вѣрѣ *въ трехъ книгахъ*, не оставляя ни одного преданія или обряда церковнаго безъ обстоятельнаго обслѣдованія и объясненія. Къ нимъ можно присовокупить и уважаемаго тобою преосвященнаго *Иннокентія* [3]) нокойнаго, который также составилъ катихизическое ученіе, во всемъ сообразное съ вышеписанными: и еще по всѣмъ церквамъ разосланную *Богословію іеромонаха Ювеналія* [4]). Вы не довѣряете и такимъ церковнымъ книгамъ, которыя издаются церковію *собственно для духовнаго просвѣщенія и вразумленія ея чадъ*, съ *приложеніемъ, въ заглавіи оныхъ, отъ Синода*, т. е., отъ собора нашей церкви, пастырскаго увѣщанія о преполезномъ чтеніи оныхъ и поученіи въ нихъ. Вы, гдѣ только можете, вездѣ и во всѣхъ стараетесь поселить сію вашу недовѣрчивость. Не есть ли это возставать противъ церкви! Не явными ли себя вы объявляете ея противниками?

Письмо братьевъ, отъ 20 января 1829 г.

Можно ли было предвидѣть, чтобы изъ насъ трехъ, съ юнаго почти возраста вмѣстѣ шествовавшихъ и утверждавшихся на одномъ пути спасенія, подъ старость ослабляющимся душевнымъ и тѣлеснымъ силамъ, такое, послѣдуетъ разногласіе, такое упорное мнѣній своихъ защищеніе, какого, къ величайшему нашему соболѣзнованію, мы были прошедшей осенью въ домѣ нашемъ свидѣтелями? Слава и благодареніе Богу, что ты изъ двухъ сторонъ, нашей и твоей, нашей, отъ слова до слова держащейся чистѣйшаго церковнаго ученія во всѣхъ церквахъ проповѣдуемаго, во всѣхъ училищахъ преподаваемаго, и твоей, все вышеписанное ученіе лишь *съ разборомъ пріемлющаго и до такой степени старымъ книгамъ придерживающагося*, что книги учебныя, вышеписанное церковное ученіе содержащія, какъ бы несуществующими вмѣнявшаго, принужденъ ты былъ принять первую всесовершенно и утвердить оную твоимъ именемъ, а слѣдовательно, всесовершенно отречься отъ словъ: «пріемлю съ разборомъ всеобщія церковно-учебныя книги» и «держусь однѣхъ старыхъ печатныхъ книгъ».

По многимъ существеннымъ обстоятельствамъ находимъ теперь, что *Аминъ*, сказанный словомъ, мало или вовсе не показываетъ ты дѣломъ. Ибо, если бы ты сердечно и всесовершенно принялъ святое ученіе

святой нашей церкви, которое, можетъ быть, и прежде тебѣ было не такъ знакомо, какъ того требовали твои способности ума, а по приложеніи твоемъ къ тѣмъ несчастнымъ толкамъ, которые успѣли вселить въ тебя чреватое грѣхами подозрѣніе къ церкви и съ намѣреніемъ избѣгалъ сихъ священныхъ книгъ, точныхъ руководителей ко спасенію, то не первѣе ли бы всего обратился ты всею душею къ собранію необходимыхъ къ спасенію евангельскихъ истинъ, Богомъ, чрезъ таинственно поставленныхъ мужей и властей церковныхъ, блюдомыхъ и объясняемыхъ и повсемѣстно въ Россіи свято пріемлемыхъ, и именно къ той богословіи Святѣйшаго Синода, въ которой мы указывали тебѣ твои погрѣшительныя богословскихъ предметовъ исповѣданія.

Мы замѣтили, что на книги богословскія и катихизическія, которыми едиными мы тебя обличаемъ, и, повидимому, согласиться съ нами уговорили, ты и взгляда не кинулъ, не только, чтобы хотя разъ повѣрить и прочія твои мнѣнія, вкоренившіяся въ тебя со времени твоего отъ нашего единства отступленія.

Ты утверждалъ, что ты катихизическія и богословскія ученія церкви нашей, для обличенія тебя тебѣ отъ насъ предложенныя, принимаешь, лишь съ разборомъ, т. е., нѣкоторыя принимаешь, а нѣкоторыя не принимаешь, и даже, что ты сіи учебныя о вѣрѣ книги, во всѣхъ церквахъ проповѣдуемыя и во всѣхъ училищахъ преподаваемыя, слѣдовательно, и всю сущность вѣры въ себѣ заключающія, и по которымъ лишь однѣмъ церковь различаетъ своихъ чадъ отъ чужихъ, почитаешь какъ бы вовсе для себя несуществующими, что *ты по старымъ книгамъ* [*]), *написаннымъ около двухъ столѣтій тому назадъ*, исповѣдуешь твою вѣру, которая, слѣдовательно, по твоему, противорѣчитъ настоящей ученой системѣ вѣры.

Что мы заблуждаемся въ чемъ либо, того и ты не можешь сказать, ибо во всемъ, что тебѣ говорили и говоримъ и будемъ говорить, руководствуемся ученіемъ святой нашей церкви. Поелику наше ученіе есть ученіе церкви, то, отвергнувъ всю прежнюю несчастнымъ подозрѣніемъ произведенную недовѣрчивость къ церкви и присоединившись къ намъ по прежнему, съ нами преклони выю подъ законную Богомъ поставленную духовную власть, и сіе не словомъ только, но и дѣломъ, т. е., уже не внимай никакимъ толкамъ розномысленниковъ, а во всемъ, въ чемъ встрѣчается какое незнаніе или недоразумѣніе, долженъ справляться въ *общихъ катихизисахъ и богословіяхъ, отъ Святѣйшаго нашего Синода издаваемыхъ, и принимать оное какъ бы изъ самихъ апостольскихъ устъ исходящую евангельскую проповѣдь.*

Если ты, въ успокоеніе наше, подтвердишь сердцемъ и подклонишь свою совѣсть и волю всѣмъ обязанностямъ истиннаго сына церкви, ру-

ководствующагося въ умозрительной и дѣятельной вѣрѣ и во всецѣломъ богослуженіи ея святѣйшими правилами, то первѣйшимъ твоимъ поступкомъ должно быть разувѣреніе, по возможности, всѣхъ тѣхъ, которыхъ ты по совѣсти долженъ признать тобою увлеченными и хотя малѣйшее подозрѣніе о св. апост. нашей церкви отъ тебя получившими. Нѣтъ ли таковыхъ и въ числѣ нашихъ кровныхъ? Сихъ, какъ ближайшихъ и извѣстнѣйшихъ, надлежитъ поскорѣе стараться всемѣрно утвердить незыблющимися членами церкви, удостовѣряя ихъ всѣми силами данныхъ тебѣ отъ Бога способностей принять *настоящія церковно-учебныя книги* съ подобающимъ смиреніемъ и покаяніемъ, почитать ихъ, какъ единыя врата къ животу вѣчному насъ вводящія, и столько въ нихъ поучаться, сколько оное по способностямъ или подробно вѣдать надлежитъ.

Если отреченіе твое искренно, то ты долженъ сіи апостольской нашей церкви апостольскаго ученія книги, надолзѣ изгнанныя изъ ума твоего, принять оныя паки со слезами умиленія и раскаянія и со всѣми знаками наружнаго благоговѣнія; кольми паче самому тебѣ должно обратиться къ ученію въ семъ апостольскомъ ученіи вѣры, такъ часто и прилежно, чтобы нѣкоторымъ образомъ вознаградить въ умѣ и сердцѣ твоемъ ихъ долговременное отсутствіе. Необходимо нужно, чтобы ты сіи священныя книги, сихъ прочныхъ и единыхъ руководителей ко спасенію сдѣлалъ совѣтниками твоего сердца и въ немъ, какъ бы въ нѣкоемъ кивотѣ, опредѣлилъ имъ мѣсто. Съ сей поры, всякаго, кто покусится опять лишать тебя сего неоцѣненнаго сокровища, хотя мало лишать тебя довѣренности ко святѣйшему ученію церкви, почитать величайшимъ твоимъ врагомъ и принимать всѣ мѣры, какія внушаетъ законъ Божій и благоразуміе... Не почитай себя неосужденнымъ отъ церкви, потому что твое разномысліе съ нею было тайное. Изъ устъ раскольника и иного явнаго разномысленника слышать совѣтъ о нечитаніи нѣкоторыхъ книгъ отъ церкви издаваемыхъ, о непринятіи нѣкотораго ученія изъ книгъ церковно-учебныхъ не повредитъ христіанину православному, какъ показываетъ самый опытъ, но слышать сіе изъ устъ своего сочлена собрата, особенно изъ устъ того, кто почитаемъ духовнымъ и въ дѣлахъ вѣры весь вѣкъ упражняющимся и искуснымъ, можетъ легко увлечь и не мало свѣдущаго въ законѣ, неосторожнаго и болѣе на мнѣніяхъ другихъ, нежели на собственномъ своемъ испытаніи основывающаго свое исповѣданіе.

Мы въ оправданіе наше имѣемъ два обстоятельства, которыя не могутъ не преклонить вѣсовъ на нашу сторону: 1) что мы съ самаго начала и доселѣ противупоставляемъ твоимъ мнѣніямъ ученія церковныя, ясныя и всѣмъ понятныя и только о томъ и стараемся, чтобы ты

словами и дѣлами твоими строго сообразовался съ симъ ученіемъ, не внимая никакимъ на церковь подозрительнымъ толкамъ... 2) что ты и самъ принужденъ былъ согласиться съ твоею неправостію и подписать отреченіе, о важности котораго отдавая судить всякому сыну матерь свою истинно любящему».

Ты нѣсколько лѣтъ почитая себя *членомъ какой то идеальной церкви*, которая имѣла, и можетъ быть, и теперь имѣетъ существованіе свое въ подобно твоему расположенныхъ умахъ привычекъ въ катихизическихъ и богословскихъ ученіяхъ церкви, которыя ты намъ объявилъ такъ мало тебя занимающими, какъ бы ихъ вовсе не было, извлекать, какъ нѣкоторыя насѣкомыя, сродный сокъ изъ травъ цѣлебныхъ, одно то, чѣмъ бы питать твой разномысленный съ нею духъ. Нѣсколько лѣтъ ты ея ученіе и установленія, которыя всѣ ты съ дѣтства обѣщалъ свято почитать и хранить, не токмо самъ не признавалъ, опровергалъ, но, въ кого только могъ изъ ближнихъ и знакомыхъ, старался вливать твои неосторожныя умствованія.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 11 февраля 1829 года.

«Въ посланіи вашемъ вижу возобновленными тѣ обличенія, на которыя, при личномъ нашемъ о нихъ разсужденіи, сдѣланы были тогда достаточныя объясненія, послѣ которыхъ не оставалось недоумѣнія. Новому же вашему недовѣрію и подозрѣнію полагается причиною то, что я не обратился къ чтенію книгъ катихизическихъ и богословскихъ и не пожелалъ отъ васъ ващшаго вразумленія въ моихъ неправыхъ мнѣніяхъ и нѣкоторыя замѣченныя вами (которыхъ я не помню) изреченія, якобы, несогласныя съ догматомъ о членахъ церкви. Прежде, нежели стану извинять себя предъ недовѣріемъ вашимъ, долженъ я повторить вамъ вновь согласіе мое на писанное условіе нашего примиренія, и опять объявить, что *всѣ церковно-учебныя книги, имѣющія на себѣ знаменіе своего православія, одобренія, утвержденія и повельнія Святѣйшаго Синода, пріемлю я съ благоговѣніемъ свято*, и всѣхъ ихъ почитаю единомудрствующими въ вѣрѣ православной, всѣми пользуюсь, по возможности, къ спасенію души моей, дополняя и поясняя одну другою. И сіе ли признаніе есть ересь, безбожіе и путь къ вѣчному осужденію! Братія возлюбленные! помилуйте, пощадите!

Что я не вдругъ послѣ объясненія съ Вами обратился къ чтенію церковно-учебныхъ книгъ, то причина тому то, что содержаніе ихъ мнѣ довольно извѣстно, ибо въ двухлѣтнее мое съ малолѣтними отроками обращеніе, отъ одного спрашиванія уроковъ въ законѣ Божіемъ, *катихизисы краткіе и пространные* [6]) затвердились въ моей памяти, въ

которой также начертано и *богословіе преосв. Платона* отъ частаго чтенія и мышленія. *Ювеналіевой* богословіи я не имѣю, за то имѣю *Иринѣеву* [7]), которую извѣстный благочестіемъ сей пастырь проходилъ, будучи ректоромъ въ кіевской академіи, которую я читалъ не разъ и впредь читать намѣренъ. И потому, успокоясь относительно мнимоусмотрѣннаго мною несогласія въ катихизисахъ, обратился къ чтенію отеческихъ книгъ (хотя и прежде мною читанныхъ), заключающихъ въ себѣ наставленія и опыты для духовной монашеской жизни, къ которой пріуготовлялся, почитая оныя для очищенія сердца своего нужнѣйшими, нежели повтореніе главныхъ необходимыхъ истинъ богословскихъ, и изученіе тонкостей сей науки, которое должно продолжать всю жизнь для совершеннаго запамятованія оныхъ и отъ незнанія коихъ спасеніе не бѣдствуетъ.

Что я не поспѣшилъ разгласить повсюду мое съ вами соглашеніе, дабы отвлечь отъ пути погибельнаго, на который введены, якобы, ближніе мои, то скажу вамъ необиновенно, что я самъ никакой ереси въ себѣ не имѣю, не могъ и другимъ быть вождемъ къ заблужденію. Самая моя излишняя ревность, вами обличенная, предъ вами только и оказалась: ибо небезстрастное съ обѣихъ сторонъ наше словопреніе и нѣкоторое, показавшееся мнѣ сначала, неполное ваше уваженіе къ церковному чиноположенію, т. е., къ чину монашества, премного много чтимаго, а болѣе всего гордость моя, гнѣву предававшаяся, при бесѣдахъ духовныхъ съ вами, бесѣдахъ долженствующихъ быть совершенно мирными, произносила языкомъ и часто сердце не думало, а потомъ упорствовала, защищая свои ошибки. Вездѣ, гдѣ я бесѣдовалъ съ ближними о духовныхъ вещахъ, главная моя цѣль была увѣрить, что власть церкви есть божественная, что противляющійся ей противляется главѣ ея и что посему не токмо содержать должно несумнительно догматы ею проповѣдуемые, но всѣ ея постановленія чтить свято и всемѣрно стараться исполнять: *о катихизисахъ мало ідѣ было слово.* Да и поелику всѣ они содержатъ православное ученіе церкви и всѣ властію ея утверждены, *то по которому бы изъ нихъ не исповѣдывалъ кто ученіе сіе*, церковь наша признаетъ такового за вѣрнаго своего сына и, слѣдовательно, нечего тутъ опасаться ереси. Однакоже, поелику вы упомянули о кровныхъ, то хотя я и не помню, чтобы кого нибудь излишнею ревностію своею соблазнилъ, писалъ *въ Смоленскъ* сестрамъ [8]) и *въ Петербургъ* [9]) брату о томъ, что пріемлю съ благоговѣніемъ свято всѣ отъ Святѣйшаго Синода издаваемыя церковно-учебныя книги, признавая оныя всѣ душеполезными и ко спасенію ведущими. При семъ, поелику церковь наша такъ чадолюбива, такъ попечительна о водвореніи мира между своими чадами, такъ снисходительна къ немощамъ человѣческимъ,

имѣя въ виду единственно спасеніе чрезъ себя доставить овцамъ своего стада словеснаго, что, изрекши строгій судъ на тѣхъ изъ заблуждающейся нашей братіи, которые, отвергнувъ поправленныя ею богослужебныя книги, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, отвергли ее и лишились благодати, матерински о нихъ жалѣя, паки милостиво къ нимъ преклонилась и, позволивъ имъ употреблять прежде запрещенныя ею книги (запрещенныя по важнымъ ошибкамъ въ нихъ находящимся, немаловажныя разногласія съ истиною содержащими, какъ объясняетъ ученѣйшій мужъ св. Максимъ грекъ) признаетъ ихъ, повинующихся ея іерархіи, вѣрными своими чадами, а намъ велитъ почитать ихъ искренними своими братьями и общими намъ и имъ таинствами преподаетъ имъ, намъ спасеніе. Обратившіяся къ матери своей отпадшія прежде чада, но остающіяся еще въ немощи непринятія новыхъ, хотя и отъ церкви же созданныхъ, книгъ и въ которыхъ немощь сія церковію чадолюбиво терпится, имѣютъ нужду въ поученіи о догматахъ, таинствахъ, заповѣдяхъ вѣры, и церковь, для наученія ихъ, неминуемо должна предложить имъ книгу, писанную за два столѣтія, и по ней одной исповѣдующихъ святую нашу вѣру признаетъ истинно православными, достаточно умудренными во спасеніе. Ежели же церковь сама такъ заботится о соединеніи всякаго между чадъ ея раздѣленія, что и наиважныя съ нею несогласія не почитаетъ препоною къ полученію благодати и спасенія, то какимъ образомъ ревнители ея, не токмо не подражаютъ ей въ снисходительной ея мудрости, но, питая въ себѣ недовѣріе и подозрѣніе, которымъ никогда не оскудѣютъ вины къ обвиненію, объявляютъ непричастнымъ благодати спасенія, церковію сообщаемой, человѣка, всѣ ея постановленія свято почитающаго и православное ея ученіе все безъ изъятія содержащаго? Не буди мнѣ прилагаться къ отпадшимъ и паки возвратившимся съ немощію, но примѣръ ихъ привожу я только къ показанію того, что духъ нашей церкви, духъ миролюбія и единенія, ежели дышетъ въ насъ, то и мы, подобно ей, не токмо не должны по недовѣрію открывать причинъ къ раздѣленію въ вѣрѣ, но и кажущееся раздѣленіе приводить въ единеніе и не отвергать отъ единомыслія съ собою кажущихся намъ разномысленными, ежели они не суть таковы по признанію самой церкви. Укоризна въ слѣпомъ пристрастіи къ старымъ книгамъ справедлива ли въ отношеніи ко мнѣ, судите безпристрастно. Не только не пристрастенъ я къ старымъ книгамъ, но и почитаю ихъ погрѣшительными и только изъ снисхожденія церковію терпимыми, и все мое слѣпое пристрастіе къ старымъ книгамъ (гдѣ въ ученіи церковномъ говорится о старыхъ книгахъ, разумѣется, только о богослужебныхъ, новыми отъ церкви замѣненныхъ) окажется развѣ то, *что я предпочиталъ православное исповѣданіе* [10]) *прочимъ катихизисамъ*, но православное исповѣданіе не есть отнюдь изъ числа

старыхъ церковію запрещенныхъ книгъ, къ которымъ пристрастіе осуждается церковію. Книга сія будетъ всегда вѣнцомъ православія, яко испытанная судомъ всѣхъ православныхъ преемниковъ апостольскихъ и утвержденная общимъ всѣхъ одобреніемъ; золото, чѣмъ болѣе искушается огнемъ, тѣмъ дѣлается свѣтлѣе, а потому и теперь допуская, что и нашею единою православною церковію издаваемыя учебныя книги, равно какъ и православное исповѣданіе душеспасительны, нахожу, что нельзя книгѣ сей не дать перваго между равными мѣста: и потому любить сію книгу и въ ней поучаться похвально, но только бы безъ уничиженія прочихъ ей подобныхъ, церковію же утвержденныхъ: отъ послѣдняго меня Господь, по милости своей, избавилъ, и потому первое не заслуживаетъ порицанія. Книгу сію исповѣдуя всякъ вѣрующій пріимется въ отверстыя объятія церквей Божіихъ святыхъ, іерусалимской, константинопольской, антіохійской, александрійской и нашею апостольскою же всероссійскою церковію, конечно, не отринется отъ уготованной ею небесныя трапезы. Какъ же послѣ того утверждать можно, что таковой человѣкъ принадлежитъ къ церкви идеальной (идеальная церковь есть убѣжище протестантовъ, отвергшихъ всесовершенно видимую церковь, седьмью столпами вселенскихъ соборовъ утвержденную) и до безконечности оскорблять совѣсть его, объявленіемъ, что, при всей чистотѣ его вѣроисповѣданія, по книгѣ, церковію торжественно предъ всѣмъ міромъ одобряемой, онъ, страшусь сказати, тать ея таинства. Братія возлюбленные, помилуйте, пощадите!

Письмо братьевъ, отъ 5-го апрѣля 1829 года.

Съ благодареніемъ сердечнымъ карающему насъ многогрѣшныхъ Господу, слышимъ мы, что ты листъ, заключающій единодушное наше исповѣданіе, точно такъ же принимаешь теперь, какъ ты его принялъ здѣсь твоею совѣстію, что ты даже писалъ въ П. и въ С., для отъятія всякаго претыканія отъ ближнихъ. Сіе увѣдомленіе твоего письма много уже, очень много помогаетъ смягченію обстоятельствъ нашихъ, потому не мало успокаиваетъ нашъ духъ и тѣмъ даетъ большую возможность говорить теперь съ подобающею кротостію.—

Одно лишь все тревожитъ насъ, что твой прежній образъ мыслей насчетъ разборчиваго пріема настоящаго всеобщаго церковнаго ученія. Сіе то обстоятельство, обозрѣваемое тобою и нами съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ видахъ, есть вина несогласованія нашего съ тобою въ заключеніяхъ, въ посланіи нашемъ значащихся.—

Если ты, дѣйствительно, не смѣешь ни на волосъ отступить отъ церковно-учебныхъ вѣры преподаваній и совершенно съ нами единодушенъ

быть являешься, не было бы и надобности даже распространяться о тѣхъ статьяхъ твоего письма отдѣльно.—

Ты указываешь на единовѣрцевъ. Здѣсь дѣлается снисхожденіе невѣжеству съ тѣмъ благимъ намѣреніемъ, что когда сіи невѣжды посредствомъ материнскаго попеченія церкви просвѣтятся, то они немедленно сами оставятъ свое упорство. Нельзя даже и предположить, чтобы кто изъ таковыхъ, просвѣтясь истиннымъ свѣтомъ богословскаго ученія, оставался въ тѣхъ теперешнихъ своихъ грубыхъ мнѣніяхъ.—А потому никакому просвѣщенному уму невозможно въ примѣрѣ ихъ искать себѣ подкрѣпленія и убѣжища. Въ бытность свою здѣсь, ты самъ изрекъ, что и самое малѣйшее колебаніе въ пріятіи уставовъ церкви отдаляетъ отъ православія. Если и ты захочешь признаться чистосердечно, то слова эти тогда готовъ ты былъ употребить, если въ самомъ дѣлѣ не употреблялъ, противъ того самаго положенія, которымъ ты теперь ищешь укрѣпиться. Судя по образу тогдашнихъ твоихъ мыслей, едва ли ты въ сердцѣ одобрялъ сію благоразумную мѣру, пріятую церковію съ старообрядцами. Но это, впрочемъ, одна наша догадка. А если въ чемъ и подозрѣваемъ твою неправость, то надежда на милосердіе Божіе, при твоемъ благомъ намѣреніи, не допускаетъ опасенію нашему простираться до такой степени. Не мало, однакоже, тревожились о тебѣ въ семъ отношеніи. Да, вѣроятно, и самъ ты теперь, перемѣнивъ образъ твоихъ мыслей, увидѣлъ бы сіе въ иномъ видѣ на иномъ комъ, который бы, по окончаніи священнику своей исповѣди, предъ выслушаніемъ разрѣшительной молитвы, зная, что нигдѣ такъ не у мѣста неискренность, какъ на семъ судѣ, проговорилъ: «я за непремѣнное почитаю увѣдомить васъ, что то катихизическое ученіе о вѣрѣ, которое вы и всѣ пастыри учите и которому вы и всѣ пастыри учатъ своихъ духовныхъ овецъ, я пріемлю съ разборомъ, но не сіе токмо; я даже почитаю излишними всѣ церковно-учебныя книги, поелику есть уже книги о вѣрѣ, за два вѣка писанныя, которыя вамъ, можетъ быть, вовсе неизвѣстны, да и извѣстны лишь рѣдкимъ». Едва ли какой іерей рѣшится, послѣ сего твоего признанія, прочесть тебѣ разрѣшеніе, не посовѣтовавъ сперва оставить такое разборчивое исповѣданіе. Если бы даже ты сталъ приводить въ примѣръ нѣкоторыхъ старообрядцевъ, допускаемыхъ къ причащенію, то многіе бы сказали тебѣ на сіе, что сіи, терпимые церковію, братія наши, такъ невѣжественны, что церковь не рѣшается почитать ихъ отпадшими; что же касается до катихизиса вѣры и ученія, то въ нихъ отнюдь не могутъ, ибо подходятъ во всемъ со многими другими соотечественниками нашими, т. е. ничего о томъ не знаютъ. Великая разница погрѣшности противъ церковныхъ постановленій, отвергая оныя по невѣжеству грубому, какое отличаетъ допускаемыхъ къ церкви нашихъ старообрядцевъ,

и по упорству ума просвѣщеннаго, такъ видящаго всю важность пребыванія въ церкви нашей россійской апостольской, господствующей, что самомалѣйшее колебаніе почитающимъ отпаденіемъ отъ православія. Хотя дѣйствія и подобныя, но причины совершенно различныя. Вѣдущій волю господина своего біенъ будетъ много, а невѣдущій—мало. Относительно до катихизическаго ученія, запрещающаго имѣть разборъ между старыми и новыми книгами согласны, что церковь здѣсь имѣетъ въ виду большею частію книги новыя, поправленныя, церковно богослужебныя и старыя неисправленныя. Однако же не подходятъ и подъ сію статью такъ предпочитающіе старыя богословскія, что новыя почитаютъ излишними: но тѣмъ и важнѣе сіе недовѣріе къ богословскимъ книгамъ недовѣрія къ служебнымъ, чѣмъ первая важность превосходитъ самую послѣднюю. Ты теперь самъ видишь ясно, что упомянутое тобою пріятіе съ разборомъ было погрѣшеніемъ. Но чтобы усмотрѣть его въ томъ видѣ, въ какомъ оно дѣйствительно должно быть, прослѣдимъ сіи слова твои до ихъ источника. Что иное, какъ недовѣрчивость въ сердцѣ показываетъ такое расположеніе ума? Отдай сіе на судъ глубочайшему изъ христіанскихъ философовъ, онъ также скажетъ; а потому, принявъ сіи свои мнѣнія положеніемъ, къ нашему же придешь заключенію.

Въ обѣщаніи твоемъ заключалось сердечное пріятіе всего того, что мы тебѣ изъ ученія церковнаго представляли и твердое намѣреніе впредь во всѣхъ мнѣніяхъ о вѣрѣ руководствоваться *настоящими церковно-учебными книгами* для того, чтобы не случилось никакихъ ни древнихъ, ни новѣйшихъ толковъ, руководствоваться такъ, чтобы уже опредѣленіе церкви въ вѣрѣ евангельской, догматической, неизмѣняемой не могло направить куда либо на аппеляцію, чтобы даже самыми словами и выраженіями церкви исповѣдывать и выражать все . . . . . Ибо, безъ сомнѣнія, безъ всякаго подозрѣнія вѣровать слѣдуетъ, что самая премудрость Божія умудрила и умудряетъ оную выражаться такъ въ догматахъ, что намъ не придется ничего ни прибавить, ни убавить. А твои теперешнія сужденія о церкви, о догматахъ вѣры далеко еще не сходствуютъ съ ея ученіемъ.

Письмо кн. Сергія къ братьямъ отъ 20 апрѣля 1829 г.

Въ сіе всерадостнѣйшее торжество торжествъ не даетъ мнѣ мое сердце отвѣчать на обличительное ваше посланіе писаніемъ состязательнымъ, да не скорбь на скорбь пріиму, да и впредь, по сей же причинѣ, едва-ли отверзутся уста мои на словопренія съ вами о вѣрѣ православной, въ которой васъ почитаю твердыми, да и себя, благодатію Божіею, не колеблющимся. Скорбь же моя, при чтеніи вашихъ посланій, и еще вящшая,

при отвѣчаніи на оныя, состоитъ въ томъ единственно, въ первомъ случаѣ, что вижу васъ сѣтующихъ обо мнѣ, аки о отпадшемъ (Господь и Пречистая Его Матерь, уповаю несомнѣнно, хотя и грѣшнѣйшаго, меня, но до сей погибели не допустятъ во вѣки), и яко такового, обратить меня болѣзненно усиливающихся; а во второмъ случаѣ, что я вынужденъ бываю кое что сказать въ свою защиту; сокращая слово, по возможности, не могу однакоже сказати сего безъ нѣкоего обличенія къ вамъ относящагося, къ вамъ искренно мною любимымъ и уважаемымъ. Въ совѣсти же моей, скажу вамъ не обинуясь, тревоги никакой не чувствую; ибо, благодареніе Господу и Пречистой Его Матери, никогда еретикомъ, раскольникомъ, отщепенцемъ не бывалъ, не есмь, и (вѣрую Богу моему, не хотящу Ему смерти грѣшнику) никогда не буду. Даже, откровенно скажу вамъ и то, что иногда, по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ отъ строгаго вашего надо мною суда, утѣшенія Господня возвеселяютъ душу мою, вдыхая въ нее миръ и спокойствіе. Признаюсь вамъ и въ сей моей немощи, что не безболѣзненно для меня и то (хотя и чувствую, что благо мнѣ, яко смиряетъ меня Господь), что, приступая къ письменному съ вами собесѣдованію, вижу себя аки подсудимаго предъ судей, для отданія имъ отвѣта и оправданія своего, въ чемъ? въ томъ, что я вѣрую православно! Отвѣтъ и оправданіе мое, на сей разъ состоитъ въ усерднѣйшей моей просьбѣ, чтобы вы, оставивъ всякое подозрѣніе, представляющее вещи въ иномъ видѣ, нежели онѣ суть, остались совершенно спокойными относительно моего православія, которое мнѣ, какъ я уже многократно объявлялъ, дороже самой жизни, и увѣрились, что нѣтъ между нами разногласія существеннаго, а развѣ только въ маломъ, да и то, при прилежномъ разсматриваніи, исчезаетъ.

Прочтеніе еще вновь богословскаго ученія вѣры есть для меня пріятнѣйшее и полезнѣйшее занятіе; хотя и нынѣ, при слабѣющей памяти, еще менѣе прежняго надѣюсь запомнить всѣ многоразличныя ученія онаго подробности. Но въ семъ случаѣ уповаю, безъ всякаго сомнѣнія, что, при исповѣдываніи главныхъ основныхъ догматовъ, которыхъ забыть не можно, невѣденіе мое отъ непамятованія въ вину мнѣ не вмѣнится и не преградитъ мнѣ пути ко спасенію. Впрочемъ, по чувствованію совѣсти моей, не столько мнѣ настоитъ надобности въ вящшемъ познаніи умозрительной вѣры, сколько въ вящшемъ пріобрѣтеніи дѣятельной, до котораго достигать нужно труднымъ путемъ укрощенія своихъ страстей, укорененіемъ въ сердцѣ своемъ чистыхъ отъ всякой примѣси христіанскихъ добродѣтелей, а паче всего смиренія, онаго, истинно евангельскаго, которое заставляетъ человѣка почитать себя всѣхъ худшимъ и не позволяетъ ему ниже думать о сужденіи ближняго, и за которое дается человѣку

благодать, умудряющая его простоту, паче всякой мудрости, собственно, человѣческой.

Письмо братьевъ Алексѣя и П-а къ Сергію отъ 11 іюня 1829 года.

Любезный братъ, суди самъ, можемъ ли мы не тревожиться, если хотя и малое нѣчто несообразное замѣчаемъ въ тебѣ съ ученіемъ церковнымъ? Пусть бы еще, если бы мы не въ текстѣ богословія, не въ самыхъ словахъ разномыслили, а въ пріятіи онаго, давая другой смыслъ, нежели мы. Нѣтъ, въ самомъ текстѣ, который и не можетъ имѣть иного смысла кромѣ того, въ которомъ онъ отъ всѣхъ пріемлется и въ которомъ всѣмъ ученикамъ преподается. Что-же, ужели мы отойдемъ отъ суда церковнаго опять въ разныя стороны?

Оставь свои обмолвки въ дѣлѣ святыя вѣры и торжественно предъ всѣмъ свѣтомъ рѣшись повторять *за церковію слово въ слово* и сіе ея исповѣданіе, точно такъ, какъ ты за нею слово въ слово повторяешь, приступая къ святѣйшей евхаристіи. Тогда только ты будешь ея вѣрный сынъ. Тогда успокоится нашъ духъ, тогда лишь совершенное единомысліе между нами возстановится.

Письмо братьевъ, писанное между 4—16 іюля 1829 г.

Принимаясь теперь отвѣтствовать на статьи твоего послѣдняго письма, во первыхъ, опять повторяемъ тебѣ, что ничего такъ не желаемъ, какъ прекратить наши споры, которые, при всѣхъ осторожностяхъ, не могутъ не питать духъ холодности не христіанской. И сіе зависитъ отъ тебя. Подлинно, одинъ почеркъ пера можетъ сіе произвести, сказавъ, что ты *слово въ слово пріемлешь все догматическое церковно классическихъ книгъ ученіе, держась, собственно, того смысла, который очевиденъ по свойству языка и который иначе пріемлемъ быть не можетъ.*

Письмо братьевъ отъ 14-го августа 1829 г.

Со стѣсненнымъ духомъ и сердцемъ будемъ мы читать отвѣты твои, если не увидимъ въ твоемъ отвѣтѣ подтвержденія слѣдующихъ строкъ: что ты въ подтвержденіе сказаннаго тобою и утвержденнаго аминемъ присовокупляешь теперь, что дѣйствительно слово въ слово пріемлешь все догматическое церковныхъ классическихъ книгъ ученіе, держась, собственно, того смысла, который очевиденъ по свойству языка, и который иначе пріемлемъ быть не можетъ, слѣдовательно пріемлешь все упоминаемое въ *нижеозначенныхъ выпискахъ* [11]), которыя я разсудилъ за благо вторично предложить предъ тебя.

Письмо братьевъ отъ 23 сентября 1829 г.

Сказать правду, любезный другъ, всѣ письма твои, вмѣсто того, чтобы намъ правдиво отвѣчать на наши представленія и сказать что либо о приложенныхъ нами выпискахъ богословскихъ и катихизическихъ и тѣмъ показывать наше погрѣшеніе, наполнены жалобами, что мы почитаемъ тебя еретикомъ и пр. и пр. Напрасно ты жалуешься на насъ, любезный другъ, не мы тебя такъ называемъ, а собственная твоя совѣсть, сличая мнѣнія твои съ прочимъ церковнымъ ученіемъ, шепчетъ тебѣ нѣчто такое, которое возбуждаетъ твое опасеніе. Ибо смѣло можемъ сказать тебѣ, что на каждое твое спорное мнѣніе мы представляли тебѣ излагающее оное церковное ученіе слово въ слово, не имѣя куда выше взять на аппелляцію; такое наше сужденіе и на такое церковное опредѣленіе ты довольствуешься лишь безъ всякихъ доводовъ стоять въ одномъ и упорно повторять одно и то же.—

Письмо князя Сергія къ братьямъ отъ 16 октября 1829 года.

Мирствуйте въ себѣ миромъ душевнымъ и тѣлеснымъ и престаньте смущаться помыслами, спокойствіе мое возмущающими. Да умалится, наконецъ, ревность ваша, пощадитъ мою немощь и избавитъ меня отъ томительнаго истязанія о моемъ православіи. Оно, повторяю вамъ, тоже и тоже, не причастно никакому заблужденію, ибо во всѣхъ догматахъ и ученіяхъ и преданіяхъ есть то, которое содержится святою православною нашею церковію, повиновеніе которой совершеннѣйшею почитаю я себѣ непреложною и священнѣйшею обязанностію и небеснымъ утѣшеніемъ въ сей наземной, скорбей и печалей исполненной жизни. По сей причинѣ, настойчивое ваше требованіе не можетъ не быть для меня болѣзненнымъ и уничижительнымъ, но не обиднымъ, ибо, хотя я и скорблю не мало отъ вашихъ обличительныхъ остереженій, однакоже не обижаюся оными. Совѣсть моя, которую вы противъ меня возставляете, находится, въ семъ отношеніи, въ желаемомъ спокойствіи, и хотя утопаетъ во многихъ беззаконіяхъ, но не въ ереси, ибо извѣстно убѣжденіе мое, при помощи Божіей благодати, лучше лишиться жизни, нежели уклониться отъ спасительнаго православія. Предписываемый вами образецъ изложенія моего вѣрованія, для меня весьма посрамительный, и для васъ утѣшителенъ быть не можетъ. Ежели я, увы мнѣ! по мнѣнію вашему способенъ предъ вами увертываться, то увертливость моя сыщетъ себѣ и въ сей огородкѣ отверстіе для убѣжанія. Что я писалъ вамъ, то писалъ отъ сердца откровеннаго, а не увертливаго, и не сомнѣвался, что оно будетъ читано съ христіанскою сердечною простотою, не допускающею чужихъ словъ толковать съ предположеніемъ коварства въ пишущемъ. Что помянутый,

предлагаемый вами мнѣ образецъ не можетъ васъ успокоить и утѣшить, довольно вамъ привести одну изъ вашихъ выписокъ: *тайны безъ вѣры того, кто тайну пріемлетъ, ничего не пользуетъ ему* [12]). Ежели, по собственному смыслу разумѣть сіе слово, то должно оправдать анабаптистовъ, не крестящихъ до совершеннаго возраста, и папистовъ, отлагающихъ миропомазаніе до совершеннаго же возраста, а младенцевъ вовсе отъ причащенія отгоняющихъ. Знаю, что есть объясненіе симъ словамъ индѣ, но здѣсь, въ прямомъ ихъ смыслѣ, нельзя разумѣть ихъ иначе. И потому, мало еще принимать просто слово въ слово заключающееся въ церковныхъ книгахъ ученіе о вѣрѣ, *но и съ разумѣніемъ православнымъ*. Увѣряю васъ, что такъ я оное пріемлю и прошу васъ усерднѣйше не тревожить меня дальнѣйшими истязаніями, которымъ конца не будетъ, да положить конецъ вашей недовѣрчивости, не совѣмъ совмѣстной съ христіанскою кротостію. Всякое малѣйшее даже противъ васъ возраженіе крайне для меня тягостно, и потому я всегда, сколько могъ, избѣгалъ онаго въ моей съ вами перепискѣ, а теперь уже не рѣшусь отнюдь продолжить горестнаго для меня о вѣрѣ словопренія.

Письмо князя Алексѣя отъ 28 ноября 1829 г.

Ты *отрицаешься, по приглашенію нашему, исповѣдать* все, безъ изъятія, догматическихъ церковно-классическихъ книгъ ученіе *слово въ слово* и держась того смысла, который очевиденъ по свойству языка и по разумѣнію всѣхъ учащихъ и учащихся по симъ книгамъ. Ты отрицаешь сіе исповѣдать! Что слышимъ, любезный другъ! И намъ ли, теперь ли, послѣ такого ли отзыва, время прекратить съ тобою о сихъ важнѣйшихъ вопросахъ переписку? Нѣтъ, любезный другъ, развѣ усугубить теперь время прежнюю нашу ревность.

«Предписываемый вами *образецъ изложенія моего вѣрованія*, пишешь ты, для меня весьма *посрамительный*, и для васъ утѣшителенъ быть не можетъ». Когда и кому и гдѣ изъ вѣрующихъ посрамительно было исповѣдывать вѣру по церковно-учебнымъ книгамъ? *То* мы заставляемъ тебя принять и исповѣдывать, что церковь издаетъ въ печать въ учебныхъ своихъ книгахъ, для напечатлѣнія словъ сихъ на нашихъ сердцахъ. Мы желаемъ, мы вожделѣнно желаемъ слышать сіе, исповѣдуемое устами твоими, дабы не сомнѣваться, что мы единаковаго ученія и духа церкви причастницы. Тогда только ты могъ законно намъ въ томъ отказать, когда бы ты въ требованіи нашемъ нашелъ мѣста, отводящія тебя отъ церкви, а напротивъ, тогда требованіе наше показываетъ напряженіе всѣхъ умственныхъ силъ къ тому единственно, чтобы какъ можно несомнѣннѣйше имѣть отъ тебя знакъ, что дѣйствительно ученіе церкви о спасеніи, въ учебныхъ ея книгахъ содержащееся, неизгла-

димо врѣзалось въ твоемъ сердцѣ. Не это ли исповѣданіе ты называешь для тебя посрамительнымъ? Будь оно у тебя врѣзано въ сердцѣ, какъ то слѣдуетъ въ каждомъ учащемся закону Божію, въ каждомъ христіанинѣ, ты бы нетолько не затруднился, по нашей неотступной просьбѣ, повторить языкомъ что непрестанно отзывается въ сердцѣ, но съ перваго раза, до того бы раскрылъ намъ сіе сердце, содержащее одну и туже мысль съ церковно-учебными богословіями, что мы давно бы успокоились. Относительно до другой части вышеприведенной рѣчи твоего письма, что *исповѣданіе твое по нашимъ строкамъ* намъ утѣшительно быть не можетъ, позволь, л. д., обратить на тебя слова, которыя ты прежде изрекъ намъ, что заключеніе твое сіе приведено безъ всякаго основнаго положенія. Какъ ни утѣшительно намъ будетъ слышать то, чего мы единаго отъ тебя добиваемся, для водворенія мира въ сердце, такъ давно безмирствующее и болѣзнующее. Дай ты намъ сей знакъ къ тому прежнему, который прежде здѣсь оставилъ, мы бы имѣли больше силы держать тебя въ единогласіи нашемъ противъ всякой посторонней силы, стремящейся тебя уловить; да и ты, положивъ сей сугубый якорь, крѣпче противился вѣтрамъ и бурямъ, въ несчастное время насъ разлучившимъ; умолкли бы всѣ вихри состязаній, такъ разрушительно насъ порѣвающіе... Подъ однимъ бы небомъ мы плавали, однѣми свѣтилами водились, по однимъ картамъ и книгамъ все свое спасеніе, однимъ бы правымъ компасомъ управлялись.

Что принадлежитъ до послѣдующихъ словъ твоего письма, которое ты представляешь намъ: *что если приписываемъ тебѣ увертливость, то она сыщетъ себѣ и въ сей огородкѣ отверстіе*, скажемъ тебѣ, л. д., что подлиннымъ словамъ прошедшаго твоего письма никакъ невозможно дать, какъ *твое благодареніе* намъ *за отклоненіе тебя со стези преткновенія въ дѣлахъ вѣры*, о которыхъ продолжалось, почти до самаго отъѣзда твоего, наше съ тобою несогласіе, и въ которыхъ *листомъ* примиренія послѣдовало (къ несчастію наружное только) *соглашеніе*. Сей то листъ примиренія еще сильнѣе подтверждаетъ, что и ты самъ, дѣйствительно, хотѣлъ дать словамъ твоимъ тотъ самый смыслъ, въ которомъ мы приняли оный и въ которомъ, безъ сомнѣнія, приметъ всякій, прочитавшій все твое письмо. Ибо ты самъ называешь листъ сей *условіемъ нашего примиренія*. Когда есть условіе примиренія, то долженствовало предшествовать оному недоразумѣніе. Оно и было, и продолжалось до жаркихъ споровъ, въ которыхъ *мы принятіемъ безъ разбора всего ученія церковно-учебныхъ книгъ* противупоставляли тебѣ, принимающему *оное съ разборомъ*. Что ты д. б. уступить, то доказываетъ сей *листъ примиренія*, въ которомъ *ты приложился къ нашему мнѣнію*, не изъявъ изъ онаго ни единой іоты, слѣдовательно, отрекшись

совершенно отъ прежняго своего съ разборомъ церковно-учебныхъ книгъ мнѣнія, слѣдов. ты торжественно исповѣдуешь вѣру твою по тѣмъ катих. и богослов. ученіямъ, которыя, по повелѣнію ея, проходятъ въ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ. Вотъ, за какимъ примиреніемъ, писалъ ты намъ благодареніе, что мы отклонили тебя отъ стези преткновенія. Нужно ли пояснять сей путь преткновенія? Неощутителенъ ли онъ каждому съ перваго времени? *И однакоже, ты совершенно отрекаешься отъ сего смысла?* Скажи на милость, какъ намъ принять сей твой поступокъ?

Не пройдемъ молчаніемъ и то, что ты потому еще *не повторяешь* требуемаго отъ тебя *исповѣданія*, что если ты употребилъ *увертливость* въ одномъ случаѣ, ты можешь употребить ее и въ иномъ. Нѣтъ, л. д., мы сего отъ тебя не чаемъ. Извнѣ, какъ ничтожна причина, которую ты представляешь якобы, удерживающую тебя отъ повторенія, и какъ вѣски всѣ тѣ обстоятельства, по которымъ мы добиваемся отъ тебя сей милости.

Далѣе ты говоришь, что мало еще принимать слово въ слово заключающееся въ церковно-учебныхъ книгахъ ученіе о вѣрѣ, но и съ разумѣніемъ православнымъ. Но таковыхъ необъясненныхъ мѣстъ оставленныхъ читателю самому избирать правое оныхъ разумѣніе, не находится вовсе въ богословскихъ нашихъ книгахъ. Все въ нихъ до того истолковано, что предостаточно будетъ вѣрою принимать оное слово въ слово— всѣ исчезли затрудненія, всѣ ложныя понятія испровергнуты. Доказательствомъ тому, что церковь находитъ достаточнымъ *вербальное оныхъ изреченіе, служитъ то*, что учащимся повелѣваетъ учить оное слово въ слово, наизустъ, и при экзаменахъ требуетъ такого же вербальнаго отвѣта отъ вопрошаемыхъ. Смыслъ церковно-учебныхъ книгъ такъ ясенъ и простъ, что еще не приходило никому въ голову сказать, что онѣ заключаютъ въ себѣ какое либо важное непониманіе, которое бы до того измѣняло смыслъ, что опасно литерально исповѣдать оное. *Такое представленіе что бы иное значило, какъ не прямую недовѣрчивость, какъ неподрываніе коренного богословскаго ученія?*

Сколько ни издаваемо было катихизисовъ и богословій отъ временъ перваго оныхъ написанія въ Россіи, всѣ они въ смыслѣ своемъ ни мало не разнствуютъ; большая же часть даже въ послѣдующихъ писателяхъ есть ни что иное, какъ вербальное повтореніе предыдущихъ. Само собою разумѣется, если бы какія мѣста въ богословскомъ ученіи предыдущихъ писателей нашлись такъ не поясненными, что подлежали толкованію, то, безъ сомнѣнія, послѣдующіе не оставили бы сдѣлать сей важной поправки. Поясненія были и будутъ, вѣроятно, впередъ, но такія, которыя ни мало не перемѣняютъ значенія, а только оное болѣе и болѣе раскрываютъ и распространяютъ. Для чего такъ поступаетъ церковь? Для

того собственно, чтобы въ нихъ дать всеобщій образецъ, какъ подлежитъ принимать и разумѣть вѣрующимъ всѣ спасительныя евангельскія истины. Это есть знамя, подъ которое собираются въ состязаніяхъ вѣры, къ нимъ повелѣваетъ церковь обращаться во всѣхъ сомнѣніяхъ и недоумѣніяхъ. По нимъ, вербально исповѣдуемымъ, она отличаетъ своихъ православныхъ чадъ, съ ними она непобѣдима ни въ какихъ пряхъ.

Съ удивленіемъ и страхомъ повторяемъ, что сіе ученіе—слово въ слово исповѣдывать—недостаточно, неправославно, безъ одушевленія онаго содержимымъ въ умѣ православнымъ разумѣніемъ? Стало быть, оно есть, по такому мнѣнію, бездушное мертвое тѣло, и только оживляемое отъ тѣхъ, которые имѣютъ силу сообщать оному *душу въ православномъ ихъ разумѣніи*, котораго слѣдовательно не имѣется въ семъ вѣрованіи, ибо вербальное онаго исповѣданіе, по мнѣнію тому, не живо, недостаточно. Вотъ, какое новое ученіе! Гдѣ же оно и кѣмъ написано? Кѣмъ сочинено, кѣмъ утверждено?

Ты, въ подтвержденіе твоего мнѣнія, *что литеральное богословской вѣры изложеніе недостаточно*, приводишь и примѣръ, но примѣръ такой, который ты самъ же послѣдующими словами твоего письма лишаешь совершенно всей дѣйственности, всего вѣса для своей стороны.—Ибо кто не пойметъ, что слова сіи: *Тайны безъ вѣры того, кто тайну пріемлетъ, ничего не пользуютъ ему*,—относятся къ взрослымъ? Самое слово *пріемлетъ* сіе предполагаетъ. Когда я тебѣ приводилъ сіе мѣсто богословія, то ко взрослымъ его и прилагалъ противъ твоего мнѣнія, которымъ ты утверждалъ такое положеніе, которое куда ни поверни, не можетъ никакъ быть показано сообразнымъ съ сими словами богословія. Не знаю, какъ ты можешь дать имъ *православное разумѣніе?* Ибо здѣсь, какъ и во многихъ другихъ показанныхъ тебѣ мѣстахъ изъ ученія церковно-классическаго, они съ твоими мнѣніями діаметрально противуположны. *Какая пространная отверзается дверь всякаго рода толкамъ* и самомалѣйшимъ допущеніямъ, что церковное изложеніе вѣры недостаточно, для безопаснаго вѣрованія и исповѣданія по немъ слово въ слово. Всякій сталъ бы называть *православнымъ свое разумѣніе* .. и такое явилось бы множество толковъ. Много бы буйныхъ головъ и много бы волковъ въ овечьихъ кожахъ старались завалить сіе пространное отверстіе. Но благодареніе Неизреченному Спасителю и Богу нашему! Огражденіе церкви нашей такъ прочно, такъ надежно, что крѣпко накрѣпко запертъ входъ *симъ перелазящимъ* инудь. Всѣ внутрь ограды сей пребывающіе безопасны, *кромѣ развѣ добровольно перескакивающихъ за ограду*.

Мы, съ подобающимъ благоговѣніемъ пріемля ученіе церкви, смѣемъ думать, что вѣра евангельская церковію, Духомъ Божіимъ руководствуе-

мой, такъ изложена, на основаніи священнаго Писанія, что нельзя къ ней ни прибавить ни убавить. И въ первые вѣка, до появленія ересей, ученіе сіе прикровенно было для гибнущихъ, которымъ и евангеліе было на паденіе. А когда Господь допустилъ ересямъ быть, когда Господь открылъ апостоламъ и преемникамъ ихъ тѣ мѣста ограды церковной, въ которыхъ волцы хищнически извлекаютъ Христовыхъ овецъ, съ тѣхъ временъ всѣ сіи, бывшіе для нихъ пролеты соборами святыми были болѣе и болѣе, по указанію самихъ еретиковъ, забираемы новыми постановленіями. Сіе допускалъ Господь для того, чтобы всѣ возможныя бредни лжеучителей и лжетолковниковъ, одинъ за другимъ, имѣли свое явленіе и признаніе и для того собственно, чтобы послужить церкви къ сооруженію ограды, для всякаго духа ересей уже непроницаемой. Вотъ, уже сколько вѣковъ не появляется никакихъ новыхъ бредней, а всѣ тѣ, волнующіе умы неутвержденныхъ, подъ именемъ новыхъ, лишь во мракѣ невѣжества испускаютъ свой Ignis fatuus. *Крѣпкое и извѣстное утвержденіе мы имѣемъ теперь въ церковно-учебныхъ книгахъ.* На всякое всевозможное недоумѣніе не токмо изъ важнѣйшихъ догматическихъ, но и изъ второстепенныхъ статей вѣроисповѣданія имѣется предостачное объясненіе. Мы и не смѣемъ думать, чтобы объясненіямъ богословскимъ *давать наше или чье либо разумѣніе; напротивъ, богословіею церковной повѣряемъ всѣ наши о вѣрѣ понятія и разумѣнія, вѣруя несомнѣнно, что онѣ заключаютъ въ себѣ полное и предостаточное*, въ вербальномъ ихъ пріятіи, все апостольское ученіе. Но и ты самъ, разномыслящій съ нами въ семъ, не можешь, доколѣ читаешь сердцемъ *Символъ Вѣры*, не исповѣдать онаго *слово въ слово*, подобно тому какъ принятіе всѣхъ объясненій *Евангелія* не токмо не препятствуетъ, но еще утверждаетъ тебя исповѣдывать сію святую книгу слово въ слово.

Нѣтъ, л. д., не имѣешь ты никакой самомалѣйшей *законной отговорки не повторять написанныхъ тебѣ строкъ*. И отказъ твой не можетъ не вселять подозрѣніе. Ты называешь сіе повтореніе *посрамительнымъ*. Въ какомъ это отношеніи? Строки наши суть изложеніе мнѣній, благопріятствующихъ церковному ученію, онѣ суть изложеніе ревнующихъ по тому ученію, въ которомъ и мы и ты воспитаны и которому и мы и ты обязаны всѣмъ, что имѣемъ добраго. Что же тутъ посрамительнаго для тебя? Сверхъ того, предвидя, что ты, не желая принимать церковно-учебнаго исповѣданія въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется для буквальнаго но нимъ вѣрованія всѣхъ и каждаго, ухватишься за смыслъ, заключающійся подъ буквою сихъ книгъ, мы тебѣ и въ семъ отношеніи заперли выходъ, включивъ въ сихъ строкахъ и о *смыслѣ*, а именно, что ты, при повтореніи сихъ строкъ, принимать

будешь въ нихъ тотъ самый смыслъ, который очевиденъ по свойству мрака и который иначе, безъ погрѣшенія, пріемлемъ быть не можетъ, который и есть настоящій смыслъ церкви. Что же тутъ *посрамительнаго?* Если ты оскорбляешься тѣмъ, что мы дерзаемъ присылать тебѣ строки, для повторенія твоего исповѣданія, то не иначе положить можно причину посрамительности, какъ изъявъ изъ нашихъ съ тобою сношеній братскую, дружескую изъ дѣтства, всякую связь. Ибо связь сія вполнѣ допускаетъ, уполномочиваетъ насъ говорить съ тобою самымъ искреннимъ языкомъ и требовать отъ тебя того, что мы требуемъ. Молчаніе наше или хладнокровное равнодушіе были бы вѣроломствомъ преступнымъ въ христіанскомъ смыслѣ. Сообразно ли такое оскорбленіе твое съ тою искренностію, которая отъ юности и до старости между нами существовала. При братскихъ прежнихъ твоихъ къ намъ чувствахъ, могутъ ли оскорбленіе, посрамительность и пр. быть положены на вѣсы съ безпокойствомъ нашимъ, съ тревогою сердца, которая, сильно ударяя въ него, не даетъ ему отдохнуть. Какія твои христіанскія добродѣтели могутъ оскорбиться симъ живѣйшимъ изъявленіемъ нашей къ тебѣ любви и ревности? Если непротивно христіанскимъ чувствамъ требованіе наше, то, безъ сомнѣнія, онѣ и не могутъ быть источникомъ дѣйствія противящагося сему требованію.

Достаточно прочесть твою причину *неповторенія, доставленныхъ тебѣ строкъ о православіи* (православіемъ мы называемъ все ученіе церковно-учебныхъ книгъ, православными тѣхъ, которые въ вѣрѣ иного толкованія не пріемлютъ кромѣ того, которое значитъ въ семъ всеобщемъ Евангелія Христова проповѣданіи), достаточно замѣтить, что ты, избѣгая какой-то *посрамительности*, не хочешь удовлетворить неоднократнымъ требованіямъ нашего сердца, все еще съ тобою тѣсно соединеннаго, ищущаго себѣ покоя въ сихъ строкахъ, достаточно сего, чтобы удостовѣриться, что не посрамить себя ты опасаешься, *а другая есть тому причина.* Когда мы пребывали въ единомысліи съ тобою, ты нетокмо не тяготился посрамленіемъ чести твоей, но готовъ былъ жертвовать своимъ покоемъ для упокоенія брата. Новымъ совсѣмъ языкомъ слышимъ мы тебя, говорящаго съ нами такимъ образомъ. Если даже и самую сію посрамительность взять въ соображеніе, то какого позора можешь ты чаять отъ словъ твоихъ, не простирающихся далѣе нашихъ очей.

Нельзя никакъ, послѣ всѣхъ твоихъ отзывовъ не подозрѣвать, что ты съ намѣреніемъ избѣгаешь исповѣдывать буквальное ученіе церкви и почитаешь недостаточнымъ церковное ученіе *слово* въ *слово*... Апостольская есть наша церковь, слѣдовательно и апостольское ея ученіе, а потому истинно вѣрующій долженъ такъ принимать каждое слово

церковной проповѣди, *или ея учебныхъ книгъ*, какъ бы оно исходило *отъ самихъ апостоловъ*, или изъ устъ великаго учителя языковъ, верховнаго апостола Павла, который и есть основатель нашей церкви. Теперь, представь себѣ на мѣстѣ священника, обучающаго народъ закону по церковно-учебнымъ книгамъ, самого Павла, подобно тому какъ онъ дѣйствительно стоялъ и училъ обращенныхъ имъ коринеянъ и прочихъ греческихъ народовъ, сіе же слово ко всѣмъ намъ и тебѣ обращающаго, повернулся ли бы у тебя языкъ сказать по выходѣ, съ неба принесенной апостольской проповѣди, отрицаться исповѣдывать вѣру свою его небесными словами *слово въ слово?* Не почелъ ли бы ты посрамительнымъ для себя, когда бы мы, тогда же, предложили тебѣ повторить такія слова, которыхъ вся цѣль въ томъ, чтобы, повторяющему оныя, показать себя какъ можно ближе и точнѣе пріемлющимъ апостольскую проповѣдь? Нѣтъ, конечно нѣтъ. Ты бы, даже, старался повторять всѣ истины вѣры, какія слышаны тобою отъ апостола. Не такъ ли же повелѣваютъ намъ и апостольскіе преемники, во гласѣ и ученіи которыхъ слышится самый гласъ апостольскій; повелѣваютъ намъ отвѣтствовать тѣми безопаснѣйшими словами, которыя свышняя мудрость такъ изложила, что, исповѣдующій оными вѣру свою, такъ далеко отстоитъ отъ ложныхъ толковъ, какъ только можетъ отстоять истина отъ лжи. *Не ясно ли тебѣ теперь, отрекающійся исповѣдывать вѣру свою буквально словами церковно-учебныхъ книгъ, отрицается исповѣдывать слово въ слово ученіе самихъ апостоловъ.*

Ты, отказомъ принять исповѣданіе, сомнѣніе наше усилилъ до высшей степени. *Недовѣрчивость твоя къ церковно-учебнымъ книгамъ*, теперь, симъ послѣднимъ нашимъ исповѣданіемъ еще болѣе обнаружилась. Взявъ теперь обратно твое признаніе въ томъ, что мы отклонили тебя отъ претвновенія въ вѣрѣ, ты изгладилъ изъ памяти, происходившее здѣсь между нами примиреніе, въ которомъ ты уступилъ всѣмъ нашимъ требованіямъ и утвердилъ актъ, совершенно низлагающій всѣ твои, несогласныя съ нами, мнѣнія безусловнымъ пріятіемъ ученія церковно-учебныхъ книгъ. Предавъ совершенно забвенію твое здѣсь отреченіе, ты теперь поставилъ себя и насъ въ самое то положеніе, въ которомъ мы находились прошедшаго года, сентября, когда ты у насъ обнаружилъ ясно твое съ нами разномысліе, изрекши слова: *пріемлю съ разборомъ*. Приведи себѣ на память сіе время и часъ, вспомни всю эту болѣзненную сцену, вспомни, до какой степени ты насъ сразилъ симъ изреченіемъ, котораго наименѣе ожидали мы *отъ тебя*. Ты не можешь совершенно сбросить съ совѣсти, какое произошло неожиданнѣйшее зрѣлище между нами, братьями христіанами, братьями, отъ которыхъ все наше семейство ожидало совѣтовъ и утѣшеній и примѣровъ благочестія, къ

которымъ довѣренность они проявляли порученіемъ воспитать своихъ дѣтей, до того несогласнымъ въ ученіи о вѣрѣ, что мы заградили свой слухъ, просили тебя заградить твои уста, изъ которыхъ, послѣ словъ: *пріемлю съ разборомъ*, дѣйствительно, небезопасно было намъ, *въ словѣ* гораздо тебя неискуснѣйшимъ слушать тебя, пріуготовившагося изложить предъ нами апологію сихъ словъ. Ты, изрекши ихъ, заставляешь насъ взять мѣру, для братскаго нашего сердца весьма насильственную, и мы, съ скрѣпившимся сердцемъ, просили тебя не продолжать твоихъ разсужденій на столь неправое положеніе. За сценой сей слѣдовало молчаніе о дѣлахъ вѣры. Ибо мы, по совѣсти, не смѣли слушать твоей апологіи на слова: *пріемлю съ разборомъ*, которыми ты запечатлѣлъ для насъ твои уста. Спустя нѣсколько дней, ты попралъ сію мысль торжественнымъ признаніемъ твоей неправости и принялъ примирительный листъ. Ты былъ очевидцемъ, съ какою радостію отверзли мы опять слухъ нашъ, съ какимъ веселіемъ и умиленіемъ изъявляли мы тебѣ нашъ восторгъ, слыша твое, совершенно вопреки пріятію съ разборомъ, пріятіе церковно-учебныхъ книгъ безусловное. Но, непродолжительна была сія радость. *Теперь, сіе второе твое отступленіе.* Ты, повидимому, только лишь сего и добивался, чтобы заставить насъ замолчать, ежели несоглашеніемъ съ нами, какъ прежде, *словами твоими*, то изъявленіемъ, необыкновенно, разномыслія твоего съ нами, съ духомъ рѣшимости, который говоритъ: «что вы не пишите, а я все останусь при своемъ мнѣніи».

Разсмотрите еще пристальнѣе *непозволительность словъ: пріемлю съ разборомъ* въ устахъ истиннаго сына церкви. Что могутъ значить слова сіи *съ разборомъ* какъ не то, что есть *нѣкоторыя* постановленія церкви нашей православной, основывающейся на чистотѣ евангельскихъ ученій, которыхъ ты не не принимаешь, а принимаешь по тому толку, который несообразенъ съ ея евангельскихъ истинъ объясненіемъ. Ибо *церковно-классическія* книги суть не иное что, *какъ такое объясненіе вѣры евангельской*, которое всякій вѣрующій можетъ смѣло *принимать слово въ слово*, по которому всѣ чада церкви, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, должны вербально исповѣдывать сіе евангельскихъ истинъ и спасительныхъ догматовъ истолкованіе. Таковаго ученія и объясненія разборчивое принятіе явно показываетъ несогласованіе съ тѣми, касательно которыхъ церковь предписываетъ преподавать и объяснять вѣру во всѣхъ безъ изъятія училищахъ и проповѣдывать съ каѳедры.

Вслѣдъ за объявленіемъ словъ: *пріемлю съ разборомъ*, ты увѣрялъ еще меня, что мы ни въ чемъ не розниствуемъ. Какъ не розниствуемъ? Ты видишь, какъ ты отъ насъ отступилъ. *Безпричинная* твоя *къ намъ холодность*, нами тебѣ указанная и тобою вовсе не оправданная, есть мутная струя, приличествующая только мутному источнику, т. е. отступле-

нію отъ безусловнаго пріятія догматическаго ученія церковно учебныхъ книгъ...

Видимъ тебя, не искренно съ нами примирившагося, не искренно на наши письма отвѣтствовавшаго... Можетъ быть, Господу угодно симъ случаемъ съ тобою испытать нашу вѣру и любовь, испытать оную въ сношеніяхъ съ столь близкимъ намъ лицомъ и о такомъ важномъ предметѣ. Да сподобитъ насъ Господь показать себя тебѣ братьями не по здѣшнему міру, не по тѣлу только, но и по духу. Прежніе многіе опыты, въ которыхъ мы неосмотрительно склонялись на прекращеніе спорнаго слова и которые, открывшимся новымъ обстоятельствомъ, неоднократно опять возобновлялись, опыты сіи научили насъ осторожности. Воистинну, должны мы всѣми мѣрами стараться сорвать съ устъ твоихъ неблаговременное положеніе: *пріемлю съ разборомъ*.

Смотри, куда тебя завели твои новые учители. Что иное скажутъ всѣ *секты нашихъ раскольниковъ*, которые, дѣйствительно также, одно пріемлютъ, другое не пріемлютъ, или, по своему, даютъ *православное* толкованіе такимъ ученіямъ вѣры, которыя теперь преимущественно въ богословіяхъ и катихизисахъ нашихъ разсматривались... Не ясно ли, что *принимать съ разборомъ* есть прямо вдаваться въ сіи толки, которые безчисленны.

Если бы объ одномъ какомъ мѣстѣ церковно-учебныхъ книгъ ты намъ объявилъ свое недоразумѣніе, то и это не могло бы насъ не тревожить и не побуждать насъ всѣми силами подвизаться примирить твое недоразумѣніе съ церковнымъ ученіемъ, но мы слышали нашими ушами твою недовѣрчивость къ книгамъ неограниченную, *слышали о твоихъ сужденіяхъ, вопреки многимъ мѣстамъ сихъ книгъ*. Неискренность поступковъ твоихъ заставляетъ насъ болѣе и болѣе подозрѣвать нечистоту источника, отъ котораго онъ чрезъ тебя къ намъ истекаетъ.

Какъ будто для того ты получилъ вѣсъ въ семействѣ, чтобы такъ необдуманно перевѣшивалъ имъ правую сторону. Не однимъ намъ бросилась въ глаза сія неожиданная *въ тебѣ перемѣна*. Вездѣ, въ семействахъ нашихъ, въ домахъ оставилъ ты слѣды, по которымъ воспоминанія о тебѣ растворены грустью. Оба наши брата семейные были свидѣтелями нашихъ съ тобою преній, сверхъ того, *въ Дерптѣ* [13]), ты, съ обычною твоею настойчивостію, слабѣйшему сосуду старался писать въ совѣсть *недовѣрчивость къ книгамъ свящ. Писанія, издаваемымъ съ благословенія св. Синода*, къ чтенію оныхъ приглашающаго, и сіе по причинамъ, которыя явно показываютъ въ тебѣ, отъ другихъ всѣянный предразсудокъ. Ты, послѣ, въ письмахъ твоихъ, признаешь твою въ семъ неправость, ибо пишешь намъ, что ты о сей перемѣнѣ мнѣній твоихъ писалъ въ *Петербургъ* и въ *Смоленскъ* [14]), гдѣ, вѣроятно, ты также, не-

осторожно увлекши онымъ, самимъ тобою признаваемымъ *предразсудкомъ*, распространившимся, какъ и въ Дерптѣ, куда ты однакоже не писалъ ни слова о семъ, а потому сей монументъ раздѣленія твоего съ нами во мнѣніяхъ о вѣрѣ еще остается.

Сіе переложеніе Новаго Завѣта на Россійскій языкъ, скажемъ мимоходомъ, за которое многіе и многіе благодарятъ и царя, указавшаго сіе сдѣлать и потрудившихся въ семъ дѣлѣ — переложеніе, какое предлагается чадамъ нашей церкви за скрѣпою и печатью самой церкви, достаточно свидѣтельствующей ея точность и вѣрность со священными подлинниками, напоминаетъ тебѣ о *твоемъ переложеніи многихъ мѣстъ всей св. Библіи* [15]), въ которомъ ты дозволилъ себѣ прибавлять многія слова, въ святомъ текстѣ не находящіяся, и безъ котораго не составилось бы переложеніе сіе на языкъ поэзіи. Въ семъ предпріятіи, позволь тебѣ сказать, ты не привелъ себѣ на умъ сіи важныя истины, что слова *свящ. Писанія отличны отъ словесъ людскихъ* тѣмъ наипаче, что въ мірскомъ писателѣ человѣкъ другой, мудрѣйшій его, можетъ сыскать, нѣчто прибавить или убавить, чтобы до послѣдней степени сдѣлать слова равновѣсными съ мыслію, хотя и здѣсь не всегда это удается. А потому, прибавленіе и убавленіе еще допустимо. Въ божественныхъ же словахъ и строкахъ сего допустить невозможно безъ перемѣны и смысла словъ, ибо вдохновенный языкъ изложилъ самыми непогрѣшимыми вѣсами истины, такъ что и самомалѣйшая іота прибавленія и убавленія непремѣнно перемѣняетъ текстъ.

Не забывай, л. д., сего правила истинной набожности, по которому послушаніе пріемлется паче поста и молитвы, послушаніе тѣмъ самымъ церковно-учебнымъ книгамъ, которыя существуютъ и теперь, коимъ ты обязался, вступая въ завѣтъ съ Богомъ во св. крещеніи, когда св. наша церковь воспріяла тебя въ свое материнское лоно. Св. ученіемъ она питала тебя до совершенныхъ лѣтъ, и далѣе давала возрасти въ тебѣ многимъ христіанскимъ добродѣтелямъ. Не теперешнее измѣненіе образа мыслей поставило тебя въ то состояніе благочестія, въ которомъ служилъ ты намъ всѣмъ образцомъ христіанской жизни. Отнюдь нѣтъ. Ибо развѣ въ пятый уже десятокъ твоей жизни послѣдовало сіе, непонятное для насъ, измѣненіе.

Можемъ смѣло ручаться, что ты, воспріявъ теперешнія мнѣнія съ раннихъ лѣтъ, не токмо далеко не достигъ твоей высоты духовной, на которую, съ благодатію Божіею, возвели тебя церковно-учебныя книги, открывъ тебѣ множество источниковъ истиннаго Богопознанія, по всей обширной словесности, въ которой Господь отверзъ тебѣ понятіе. Ты тогда ограниченнымъ имѣлъ бы твое святѣйшія нашея вѣры познаніе, которое немного подвинуло бы тебя изъ предѣловъ той толпы, которой

все богопознаніе состоитъ изъ познанія нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ вѣры и обычаевъ людскихъ, и на которую любвеобильнымъ христіанамъ невозможно смотрѣть безъ особеннаго сокрушенія; и сіе положеніе наше есть вполнѣ вѣрное, не токмо при невѣжествѣ, но и при просвѣщеніи твоемъ въ вѣрѣ сильное твое стремленіе съ прочими къ одобренію всего невѣжества, какъ только ты, приложившись къ прочимъ, далъ способностямъ твоимъ направленіе, противное истинной пользѣ человѣчества и духу церковной проповѣди. Самый тотъ здравый смыслъ и здравое сужденіе о вѣрѣ, которые дѣлали тебя нашимъ учителемъ, которымъ ты совершенно обязанъ тому духу, тѣмъ правиламъ, тѣмъ ученіямъ церкви, которыя заключаются въ ея учебныхъ книгахъ, ты теперь обращаешь противъ оныхъ. Невозможно, чтобы ты могъ что либо сыскать въ книгахъ, ею не запрещенныхъ, на что бы тебѣ упереться въ выше писанномъ и прочихъ твоихъ противныхъ ей мнѣніяхъ. Ибо и намъ, и всякому извѣстно, что всѣ, издаваемыя ею, учебныя книги совершенно единомысленны въ мысляхъ о вѣрѣ. Да кто дерзнетъ сказать сему противное, кромѣ явныхъ ея недоброжелателей. На что же ты опираешься, дерзая не принимать ея положеніе, въ учебныхъ книгахъ содержащееся и такъ объясненное, что самое требованіе новаго объясненія показываетъ. большею частію, одну недовѣрчивость къ ней отъ вопрошающаго?

Теперь ли молчать? Когда прежде писали тебѣ листами и тетрадями, *то теперь надобно тетрадями и книгами.* И продолжать желаемъ доколѣ не получимъ отъ тебя извѣстія прямаго, безъ всякихъ околичностей излагаемаго, что ты отрицаешься совершенно, съ подобающимъ сокрушеніемъ, отъ словъ: пріемлю съ разборомъ и, напротивъ, пріемлешь всесовершенно все догматическое церковно-учебныхъ книгъ въ томъ самомъ объясненіи вербальномъ, которымъ повелѣвается намъ всѣмъ, учащимся закону, исповѣдывать вѣру свою, не уклоняясь ни въ какіе толки, и держась, собственно, того смысла, который очевиденъ по свойству языка и по намѣренію писателя

Доставленные тобою три псалтиря, для насъ и для П. А., мы получили, за которые приносимъ нашу чувствительную благодарность кн. Е. В. также и тебѣ. Нельзя не сказать тебѣ о томъ, что мы встрѣчены были при первомъ раскрытіи сей свящ. книги. Вотъ первыя слова ея: «иже хощетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати каѳолическую вѣру, ея же, аще кто цѣлою и непорочною не соблюдаетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, во вѣкъ погибнетъ». А потомъ, въ концѣ сего, символъ во святыхъ отца нашего Аѳанасія, который первымъ положенъ въ псалтири: «сія есть каѳолическая вѣра, ея же, аще кто вѣрно и *извѣстно* вѣрити не будетъ, спастися не возможетъ». Зная, что сія статья есть столь давнее время нашихъ съ тобою препирательныхъ переписокъ, ты

можешь легко судить, какъ не мало мы были удивлены, слыша великаго во святыхъ патріарха, рѣшающаго нашъ съ тобою споръ утвержденіемъ нашихъ и церковныхъ тебѣ словесъ и представленій. Замѣть, что св. патріархъ говоритъ намъ такими сильными и прямыми словами, что не даетъ мѣста никакимъ окольнымъ словамъ...

Оканчивая сіе наше посланіе, опять, попрежнему, просимъ тебя написать твой отвѣтъ вышеписаннымъ строкамъ, которыя, для повторенія, опять тебѣ посылаемъ. Невозвращеніе обратно къ намъ въ твоемъ письмѣ строкъ сихъ опять удвоитъ и нашу болѣзнь и наше подозрѣніе.

Письмо князя Сергія, отъ 28-го Декабря 1829 г.

Получилъ я многосложный вашъ свитокъ, и какъ прежніе, такъ и сей прочелъ съ сокрушеніемъ духа; благодарю Господа смиряющаго меня и молю Его отъ всего сердца, да призритъ на смиреніе мое. Умоляю Его благость, да положится, наконецъ, конецъ прискорбнѣйшему для меня состязанію и имѣю твердую мысль кончить оное съ моей стороны. Съ кончающимся годомъ, нынѣ еще разъ, скрѣпясь духомъ, изреку вамъ нѣчто въ отвѣтъ на ваше обличительное и укорительное посланіе. Не буди мнѣ во вѣкъ стыдитися и срамлятися благовѣствованіемъ Христовымъ, въ немъ же душа моя находитъ единственное для себя въ мірѣ семъ утѣшеніе, и предстоя лицу Божію въ общественныхъ церкви богослуженіяхъ, трижды днемъ исповѣдую я предъ Господомъ и человѣками вѣру православную, которую столько люблю, что, при содѣйствіи благодати, предпочитаю сохраненіе оной сохраненію самой своей жизни. А ежели требованія ваши остаются не исполненными и кажутся мнѣ погрѣшительными, такъ это единственно потому, что предполагаютъ меня еретикомъ лжесловеснымъ, котораго надобно обязать подписками въ вѣрѣ, и такими, чтобы запереть коварству его всѣ возможные выходы. Какой для меня срамъ! Какая для сердца моего болѣзнь! Для сердца, дышущаго благоговѣніемъ къ церкви и почитающаго святымъ и божественнымъ не токмо все ея ученіе, но и всякое ея постановленіе. Признать себя таковымъ, согласіемъ дать, требуемыя ревностію вашею, подписки, возбраняетъ мнѣ моя совѣсть, въ семъ отношеніи совершенно мирствующая, по строгомъ внутреннемъ испытаніи моего вѣроисповѣданія. Умъ мой ужасается и не вмѣщаетъ мысли о приписуемоемъ мнѣ еретичествѣ.

Сердце скорбитъ, получая удары и поношенія самочувствительнѣйшія, но слава въ вышнихъ Богу! Миръ въ душѣ моей не нарушается, ибо, благодатію Божіею, есмь рабъ Его, хотя и лѣнивый и лукавый по дѣламъ, но не врагъ по вѣрѣ. Помыслите, каковымъ представляютъ меня ваши обвиненія, ни прежде не было, ни теперь нѣтъ никакой надобности обращать къ православію того, которому православіе есть сокровище сердца. А что я писалъ къ вамъ объ отвлеченіи меня отъ стези, ведущей къ претковенію, то опять, по строгой совѣсти, утверждаю предъ вами, что въ сихъ словахъ мысль моя не касалась вѣры, а только любви къ ближнему, которая отъ излишней ревности могла пострадать отъ нѣкотораго мысленнаго раздѣленія, которое возможно было привести къ единству. И помянутыя слова мои, сколько мнѣ помнится, писаны вамъ въ отвѣтъ на ревность вашу ту, которая требовала отъ меня отчета въ поступкахъ моихъ, а не только въ вѣрѣ. Требуемыя вами подписки почитаю излишними, за одною всегдашнею моею подпискою символа православныя вѣры вамъ не безъизвѣстнаго, который, символъ, пріемля слово въ слово (ибо отъ принятія сего не отрицаюсь), пріемлю, (опять повторяю вамъ, не смотря на то, что вы на цѣлыхъ страницахъ и листахъ за то меня порицаете, яко противника церкви), съ православнымъ разумѣніемъ. Символъ самъ по себѣ совершенно истиненъ, но, по краткости своей, не можетъ вмѣщать въ себѣ опроверженіе ересей, могущихъ подъ него поддѣлываться, и потому самому требуетъ объясненія каждаго члена своего, и церковь оные объясняетъ, заимствуя объясненія свои первоначально изъ слова Божія, а потомъ изъ положенія святыхъ вселенскихъ и вселенскими утвержденныхъ помѣстныхъ соборовъ, изъ ученія святыхъ отцовъ, изъ книгъ своихъ богослужебныхъ, составляющихъ, какъ выразился одинъ благочестивѣйшій архипастырь (преосв. Филаретъ [16]) нынѣ Рязанскій) въ священномъ собраніи своихъ собратій, самую полную всегдашнюю богословію церкви, никакимъ измѣненіямъ не подлежащую. Такимъ образомъ, въ первомъ членѣ хотя и предлагается ученіе о святой Троицѣ въ словахъ:—*Бога Отца*, однакоже не изложено, въ чемъ состоитъ единство лицъ по существу и раздѣльность по свойствамъ каждаго, а сіе изложеніе и составляетъ православное перваго члена разумѣніе, опровергающее Савеллія, смѣшивающаго Св. Троицу. Такимъ образомъ, во второмъ членѣ, при словѣ *воплотившагося*, надлежитъ помнить слова *не во двою лицу раздѣляемаго, но во двою естеству неслитно познаваемаго*, и еще: *никакоже претерпѣвшаго измѣненія или смѣшенія или раздѣленія*, и еще въ похвалахъ, восписуемыхъ церковію Богородицѣ: *Богъ воплотися отъ чистыхъ кровей твоихъ*, и еще наименованіе *Приснодѣва*, дабы: не впасть 1-е, въ ересь Несторія, раздѣлявшаго Спасителя въ два лица. 2-е, въ ересь ар-

мянскую, смѣшивающую два естества во едино, 3-е, въ ересь Копронимову и его сообщниковъ, утверждавшихъ, что Сынъ Божій плоть свою принялъ съ неба во чрево Пренепорочныя, только прошелъ чрезъ нее, какъ бы чрезъ нѣкую трубу, и 4-е, дабы сердцемъ и устами исповѣдывать, что Пречистая Богоматерь до рожденія, въ рожденіи и по рожденіи пребыла Дѣвою и вѣчнуетъ Дѣвою, ибо на противная мыслящихъ гремитъ изъ устъ святыхъ церкви анаѳема. Подобно сему, и прочіе члены, пріемлемые слово въ слово, требуютъ непремѣнно православнаго разумѣнія, дабы быть незыблемыми основаніями нашего спасенія. Не отрицаю отнюдь, что и церковно учебныя книги, изъ помянутыхъ источниковъ воду живую почерпающія, содержатъ въ себѣ сіе православное разумѣніе; только не надобно онаго терять изъ виду, повторяя слово въ слово ученіе ими предлагаемое. Въ помянутой же выпискѣ вашей сего не соблюдено, ибо приведено положеніе, утверждающее недѣйствительность таинствъ для неимѣющихъ нужной къ тому вѣры, въ намѣреніи доказать, что невѣжествующіе въ вѣрѣ наши собратія тайнами не освящаются, и умолчано изъятіе изъ сего правила для крещенія младенцевъ и миропомазанія и причащенія, которыми благодать Божія приняла ихъ въ завѣтъ милосердія вѣчнаго и содѣлала ихъ членами тѣла Христова; а слѣдовательно братія наши, хотя и невѣжествуютъ въ вѣрѣ (отъ какового невѣжества да изведетъ ихъ Господь чрезъ пастырей и учителей) не чужда освященія таинствами. Ежели бы не умолчано было изъятіе, правило не осудило бы допущенія вами не допускаемаго. Всѣ сіи разсужденія, кажется, оправдываютъ обвиняемаго и показываютъ обвиненіе неосновательнымъ, и потому въ обвиненіяхъ надлежитъ быть крайне осмотрительному.

Дабы не лишиться вамъ, навѣтомъ вражіимъ, ниже малѣйшей части мзды оной многой, осмѣливаюсь я, худой и скверный, не братолюбивый, возмутитель семейственнаго спокойствія, соблазнительный для своихъ ближнихъ беззаконіемъ, только не еретикъ, повергнуть предъ вами нѣкоторыя мои опасенія, съ моленіемъ, да не прогнѣвается смиреніе ваше на мою искренность. Господь обогатилъ вашъ умъ и сердце сокровищами благочестія въ вѣдѣніи и въ дѣяніи. Блюдите отъ татія завистливаго ваше богатство; не оставитъ онъ подкапывать храмины вашего спасенія, и какъ невозможно ему уловить въ сѣть какого нибудь грубаго преступленія тѣхъ, которые и тѣни зла ужасаются, то единственный ему доступъ къ строгимъ ревнителямъ благочестія, однакоже не безстрастнымъ, есть высокоуміе. Сію тончайшую сѣть не преминетъ онъ разставить самымъ хитрымъ образомъ, и отъ дѣлателей добродѣтели потщится отнять ихъ достоинство чрезъ осужденіе недѣлателей, и отъ рев-

нующихъ просвѣщенію духовному чрезъ порицаніе неревнующихъ, и отъ вѣдущихъ тайны царствія Божія чрезъ уничиженіе невѣдущихъ.

Пишете вы, любезнѣйшіе, что молва о моемъ раскольничествѣ прошла съ Дернова и до Пахомова: ожидаю, что она распространится и далѣе, и предаю имя мое на поношеніе, ежели есть на сіе воля Божія, и молю Господа, да послужитъ мнѣ сіе безчестіе къ омытію хотя нѣкоторыхъ сквернъ моихъ грѣховныхъ, имъ же всѣмъ нѣтъ числа; только о томъ не могу не поскорбѣть, что изъ Архангельскаго исходитъ слухъ, оглашающій меня противникомъ церкви, врагомъ Божіимъ. Но и сія скорбь моя, уповаю на Господа, послужитъ мнѣ къ уврачеванію язвъ моихъ душевныхъ. Уповаю паче упованія, что Господь милосерднѣйшій, искусивъ меня на водѣ пререканія, услышитъ меня наконецъ втайнѣ бурнаго вашего со мною препирательства и паки преклонитъ ко мнѣ сердце ваше, увѣреніемъ и убѣжденіемъ васъ, что я, хотя и недостойнѣйшій рабъ Его, но рабъ Его, и развѣ Его, иного Господа не знаю, и развѣ церкви нашей святой и православной, чистѣйшей Его невѣсты, никакой прелюбодѣйной матери не имѣю. Повергаюсь къ вашимъ ногамъ и со слезами умоляю васъ, простите мою дерзость и всякую вину мою въ продолжительной моей съ вами состязательной перепискѣ, которую отнынѣ я продолжать уже не въ силахъ. Вы, по любви своей, угрожаете мнѣ новыми свитками также укорительнаго и обличительнаго содержанія, но, можетъ быть, смилуетесь; а ежели нѣтъ, то я готовъ на раны и терпѣть буду, не отверзая устъ на свое оправданіе. Господь и Пречистая Его Матерь да охраняютъ души и сердца ваши отъ всякаго страстнаго возмущенія, и миръ Божій да внѣдряется въ васъ самихъ и во всемъ васъ окружающемъ. Не забывайте меня въ святыхъ вашихъ молитвахъ, выну молящагося о васъ ко Господу. Остаюсь съ братскимъ усердіемъ ко всякому вашему благу, недостойнѣйшій вашъ братъ и слуга, С. Шихматовъ.

Прошу простить мнѣ худое мое сказаніе, ибо крайне торопился по нуждѣ. Еще пришло мнѣ на мысль сказать нѣчто вамъ относительно того, какъ надлежитъ сыну церкви быть осторожну въ томъ, чтобы, не предупреждая суда самой церкви, по нѣкоторому мнимому разномнѣнію, не отлучать собственнымъ самовластнымъ судомъ братію свою отъ лона церкви спасительнаго. Что, ежели бы я сказалъ вамъ, что я всю повѣсть бытейскую о паденіи человѣка пріемлю въ иносказательномъ смыслѣ, разумѣя въ оной не по смыслу въ словахъ заключающемуся, но духовнымъ образомъ признавая и рай, и плодъ, и вкушеніе, и ризы кожанныя, и пр.? Конечно бы вы, по церковно-учебнымъ книгамъ, не преминули приписать мнѣ еще новую ересь. Но не будьте поспѣшны на осужденіе, да не осудитесь сами церковію. Точно самое сіе иносказательное

объясненіе находится въ словѣ на Рождество Христово великаго свѣтила церкви, св Григорія Богослова, которое церковь уставомъ своимъ повелѣваетъ читать вслухъ правовѣрнымъ чадамъ своимъ въ день великаго нынѣшняго праздника, хотя она же въ другихъ мѣстахъ научаетъ принимать упоминаемую повѣсть въ прямомъ ея смыслѣ, утверждая, что древомъ надлежало Спасителю снять отъ древа клятву. Нѣтъ въ ученіи ея противорѣчія: я и то, и другое пріемлю, соединяя во едино и прямое, и иносказательное сказаніе, полагая первое основаніемъ второму. И такимъ образомъ, кажущееся противорѣчіе исчезаетъ. Подобные примѣры и еще быть могутъ, и потому повторяю, надлежитъ быть осторожну въ изреченіи суда своего на ближняго, въ изверженіи его изъ лона матери церкви, которая сама не только его не извергаетъ, но и грѣетъ, и питаетъ, и возращаетъ о Господѣ.—Страшенъ отвѣтъ предъ Господомъ, ежели судъ нашъ окажется противенъ суду Господню, ежели мы проклянемъ, а Онъ благословитъ. Страшенъ отвѣтъ сей, и страхъ сего отвѣта да будетъ намъ уздою, востягающею нашу въ самихъ себѣ увѣренность и смѣлость въ сужденіи ближняго.

Письмо кн. Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 3 февраля 1830 года.

Прошеніе наше тебѣ и въ послѣднемъ твоемъ письмѣ не исполнено: не нашли мы въ немъ повторенія отъ тебя, вѣрою и любовію *диктованыхъ тебѣ строкъ*. Для чего же ты не изрекаешь сего исповѣданія? Для того, говоришь ты опять, что оно для тебя посрамительно, и какъ бы отступнику еретику предлагается для затворенія всякаго выхода. Мы, далѣе, въ письмѣ твоемъ, видимъ и другую причину неповторенія нашихъ строкъ, несообразную съ первой, ибо сія предполагаетъ сіе исповѣданіе возможнымъ, хотя и неизрекаемымъ, напротивъ, послѣднее вовсе невозможнымъ, *поелику не смѣешь ты исповѣдывать церковно-учебныхъ книгъ слово въ слово*, а почитаешь себя обязаннымъ принимать оное *съ православнымъ разумѣніемъ*. Когда, для разумѣнія богословія церковноучебнаго, нужно еще разумѣніе въ немъ незаключающееся, а гдѣ либо индѣ собранное, то напрасно называетъ церковь богословію *глубочайшимъ* ученіемъ о вѣрѣ. Вотъ, есть какое то еще глубже сего! Какое это новое ученіе? Какая это книга еще неизвѣстная нашимъ церковнымъ учителямъ?

Ты не можешь не принять, что св. отцы *въ Никеѣ* изложили символъ вѣры православно. Катихизисъ же и церковно-учебное богословіе есть ничто иное, какъ пространное сего символа объясненіе и пространнѣйшее, ибо другого пространнѣйшаго о догматахъ ученія и въ самыхъ академіяхъ нашихъ духовныхъ не преподаютъ. Православно ли

же сіе объясненіе? Такъ православно, что оно только одно и есть православно. Такими ли достаточными словами оно выражено, чтобы, читая, показать тотъ самый смыслъ, который желаетъ сообщить церковь? Предостаточными и точно то изображающими, что церковь изобразить въ нихъ предпринимала, и точно такое разумѣніе преподающими, какое сообразно съ разумѣніемъ первоначальныхъ сочинителей символа св. отцевъ. Итакъ, не есть ли сія церковноучебная богословія то самое православное разумѣніе, въ какомъ всѣ чада церкви должны принимать символъ вѣры? Воистинну, такъ вѣруемъ и исповѣдуемъ, и не можемъ не удивляться, слыша, что недостаточныя границы положила церковь глубочайшему своему ученію о вѣрѣ, удивляться смѣлости находящихъ нужду и возможность распространять сіи границы. *Догматическое ученіе о вѣрѣ съ такою точностію и ясностію въ нихъ изображено, что дѣйствительно ничего нельзя ни прибавить ни убавить*, хотя мало измѣняющаго изложеніе догматовъ церковно-учебныхъ. А потому то, не только не опасно исповѣдывать догматы сіи словами сихъ книгъ, но церковь требуетъ, чтобы, для соблюденія сей точности, не иными какими словами то мы исповѣдывали и не иное какое разумѣніе допускали, какъ собственно то, что сіи святыя книги заключаютъ по смыслу языка, всѣмъ вразумительнаго. Послѣ сего суди самъ, какъ намъ принимать твои мнѣнія, по которымъ ты такъ почитаешь недостаточными церковноучебныя книги, что не находишь въ нихъ, т. е. собственно въ смыслѣ словъ сихъ книгъ, всего нужнаго разумѣнія и обращаешься куда—то инуду за симъ православіемъ, и куда же инуду—неизвѣстно. Всякая другая книга, или тоже заключаетъ, что и богословія учебная о догматахъ вѣры, или нѣтъ; ежели тоже, то сколько бы ихъ ни издавали, всѣ ихъ надлежитъ принимать за одно, а если хотя въ маломъ чемъ разнствуетъ, то не слѣдуетъ ихъ принимать, не слѣдуетъ принимать того изъ чьихъ устъ, кто бы онъ ни былъ, хотя бы былъ и ангелъ съ небеси.

Повторяемъ опять: опасеніе принимать ученіе церковно-учебныхъ словъ есть очень явственное подозрѣніе на церковь; и не можетъ не навлечь на себя подозрѣнія всякъ тотъ, кто, принимая вербально символъ вѣры, отказывается принимать также катихизическое и богословское объясненіе сего символа, тѣмъ паче, что церковь сама требуетъ такого вербальнаго исповѣданія, и иного разумѣнія не предписываетъ кромѣ того, какое сообщаетъ нашему уму сіе православное ученіе.

Странно слышать всякому, знающему вѣру, изъ устъ сына церкви, что онъ почитаетъ нужнымъ имѣть какое то еще, кромѣ церковноучебнаго, *православное разумѣніе* и объясненіе догматовъ. Нужно тебѣ напоминать, что всѣ истинные чада церкви иного *православнаго* испо-

вѣданія догматовъ вѣры имѣть не могутъ и не смѣютъ, кромѣ изображенныхъ въ церковно учебныхъ книгахъ, въ которыхъ все догматическое ученіе такъ ясно, подробно, основательно изображено, что составляетъ самонадежнѣйшій путь ко спасенію. И въ случаѣ какого либо недоразумѣнія, или незнанія, не къ инымъ какимъ источникамъ прибѣгать надлежитъ всякому, пекущемуся о своемъ спасеніи, какъ къ симъ учебнымъ книгамъ, чрезъ учителей нашихъ церковныхъ къ умудренію нашему во спасеніе и къ разрѣшенію великаго недоумѣнія намъ предлагаемымъ. *Богословія Ювеналіева*, собственно, для сей цѣли издана, съ благословенія духовнаго начальства, на россійскомъ языкѣ. Не странно ли слышать тебя, отрицающагося исповѣдывать слово въ слово то, что вѣрующіе слово въ слово отвѣтствовать обязаны въ испытаніи ихъ о догматахъ вѣры? Нужно ли о семъ распространяться, чтобы показать тебѣ несообразность сего твоего правила съ наставленіями, чрезъ церковное ученіе отъ церкви намъ предлагаемыми. Церковно-учебная *богословія* есть столь глубокое ученіе о вѣрѣ, что все то, *о чемъ въ ней не упоминается*, не только не можетъ придать никакого особеннаго православія нашему разумѣнію вѣры, но и есть такое мнѣніе, которое нельзя почесть принадлежащимъ къ необходимому ученію о спасеніи. *Если бы кто спросилъ тебя, гдѣ значится православное разумѣніе* и объясненіе символу вѣры? Не сказалъ ли бы ты: въ церковно-учебныхъ, катихизическихъ и богословскихъ книгахъ? А если бы ты не указалъ на сіе, то, безъ сомнѣнія, на другія какія либо, или на однѣ, мнѣнія людскія, или лишь на мнѣнія такого то именно лица. Буде не другое какое, то ты самъ однимъ указаніемъ явственно бы изъявилъ твое подозрѣніе на церковь, полагая ее не включившею въ классическое свое ученіе такія книги, въ которыхъ единственно заключается *православное* догматовъ вѣры *разумѣніе*, а выдающей во множествѣ и употребляющей учебными такія, которыя ты до того унижаешь, что безъ другихъ, тебѣ извѣстныхъ, почитаешь невполнѣ православное разумѣніе содержащими. Буде же *мнѣнія людскія*, въ церковно-учебныхъ книгахъ незаключающіяся, или еще во многомъ имъ противныя *почитаешь православнымъ разумѣніемъ*: то смотри *опасно* куда ты идешь.

Не можемъ не удивляться, л. д., что ты стараешься доказать, что, при ученіи церковно-классическихъ книгъ, которыя, какъ сказано выше, и суть не иное что, какъ *православное разумѣніе* и объясненіе символа, въ систему приведенное, никакого недоразумѣнія не содержащее и такъ всякій догматъ излагающее, что *учащіеся по немъ слово въ слово принимаютъ* оное въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ оно только и есть православное, стараешься доказать, что, при ученіи книгъ сихъ

нужно еще какое то иное особенное православное разумѣніе, которое, церковь не помѣстила въ своемъ догматическомъ ученіи о вѣрѣ. Посему самому что не помѣстила въ такомъ собраніи догматовъ вѣры, которые составляютъ ея всеобщее ученіе о вѣрѣ и единое православное, то безъ сомнѣнія всякое такое новое о догматахъ вѣры ученіе и объясненіе нетокмо подозрительно, но и вовсе не церковное. Ибо, не надобно забывать при семъ разсужденіи, что догматическое ученіе было и есть едино и не можетъ, подобно другимъ мѣстамъ свящ. Писанія, подлежать разнымъ объясненіямъ. *Церковно учебныя книги суть то хранилище, которое и содержитъ оное въ первобытной евангельской чистотѣ, въ которой оно вышло изъ устъ Самого Спасителя и Его апостоловъ.* Можно ли полагать безъ подозрѣнія на церковь, что она опустила что либо изъ догматическаго ученія, и въ такой книгѣ, которая названа *глубочайшимъ о вѣрѣ* ученіемъ, которой собственно есть та цѣль, чтобы въ ней всѣ спасительные догматы, сіи главныя евангельскія истины, предложить вѣрующимъ въ такомъ видѣ, въ такомъ понятіи и разумѣніи, въ какомъ видѣ, понятіи и разумѣніи излагаема была откровенная вѣра принесшимъ ее съ неба Богочеловѣкомъ. Безъ всякаго самомалѣйшаго сомнѣнія надлежитъ принимать, что, при изложеніи церковныхъ догматовъ, *въ катихизисахъ и въ богословіяхъ* соблюдена такая точность въ смыслѣ и словахъ, что *принятіе онаго слово въ слово* есть самое безопаснѣйшее. или паче, единое безопасное. Если ты сего не допускаешь, то не можешь не навлекать на себя *подозрѣнія въ твоемъ подозрѣніи церкви.* Тутъ нечего много думать, или то, или сіе прибавленіе, или убавленіе, хотя мало перемѣняющее значеніе церковно-учебныхъ книгъ, или устраненіе понятія оныхъ отъ общаго церковнаго понятія—нечисто, грѣховно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ *академіяхъ нашихъ духовныхъ*, приготовляющихъ нетокмо пастырей церкви, но и архипастырей, безъ сомнѣнія, церковь проходитъ ученіе о догматахъ самое точнѣйшее и пространнѣйшее, и что же оно такое? Самое сіе всеобщее ученіе церковно-учебной богословіи *слово въ слово*—самое сіе, которымъ ты слово въ слово опасаешься исповѣдывать вѣру. Прочія ихъ дальнѣйшія богословскія познанія относятся къ иносказательности, прообразовательности и таинственности свящ. Писанія, которое ничего не прибавляетъ и не убавляетъ въ догматическомъ ученіи. Недавно мы имѣли случай говорить съ профессоромъ и магистромъ, въ акад. московской обучавшимся, отъ котораго мы имѣемъ вышеписанное о академическомъ ученіи свѣдѣніе.

Ты, повидимому, не отличая сего богословско-догматическаго ученія, собраннаго въ богословію людьми, во всякомъ родѣ церковнаго ученія искуснѣйшими, собраннаго въ неизмѣняемыя правила и положенія и приспособленнаго къ общему понятію, ты, не различая сего съ выше-

упомянутыми нѣкоторыхъ мѣстъ священнаго Писанія разъясненіями, почитаешь позволительнымъ давать различное разумѣніе и догматамъ, по примѣру сихъ различныхъ слова Божія толкователей. Величайшій бы былъ недостатокъ въ церковно-учебныхъ книгахъ, если бы догматическое ихъ ученіе подлежало тому же различному разумѣнію, какое, различное, даютъ толкованіе церковные писатели иносказательнымъ и таинственнымъ мѣстамъ свящ. Писанія. Отличительная черта свящ. Писанія есть та, что всѣ, ко спасенію необходимые, догматы такъ кратки, такъ ясны и всякому вразумительны, что развѣ произвольно, слѣпые оныхъ не видятъ и не разумѣютъ. Сія же черта отличается и въ *святѣйшемъ* богословскомъ нашемъ ученіи. Такая же краткость и ясность оныхъ изъ свящ. Писанія перенесена и въ сіи книги, и такими церковными учителями, которые до границъ умѣли взвѣсить всѣ спасительные догматы и не недоконченное оставили намъ сіе свое дѣло, такъ чтобы имѣть надобность заимствовать отъ *инуда* къ тому разумѣнію.

Въ самыхъ академіяхъ нашихъ, гдѣ сосредоточена вся богословская ученость просвѣщеннаго нашего вѣка, исповѣдуютъ вѣру по тѣмъ же катихизисамъ и богословіямъ, какія обращаются и между нами. Да и какъ можно, не навлекая на себя названія противника церкви, допустить, что она утаиваетъ и удерживаетъ нѣчто отъ всего множества чадъ своихъ, нѣчто ко спасенію необходимое. Запрещенныя ли, ею издаваемыя книги почитать вмѣщающими въ себѣ *православное ея догматовъ разумѣніе*? а влагаемыя въ руки всѣхъ и каждаго почитать недостаточными въ семъ разумѣніи? Какое странное ученіе! Кто не видитъ, что сей на священныя церковно-учебныя книги пристрастный покровъ недостаточества скрываетъ подозрѣніе и недовѣрчивость? Сіе положеніе наше вполнѣ оправдывается бывшими у насъ съ тобою здѣсь словопреніями.

Замѣтить надобно тебѣ еще, для совершеннаго испроверженія сего твоего слабаго оплота, внѣ предъ церковію воздвигаемаго, что *богословія русская, Синодомъ изданная* и для незнающихъ отвлеченнаго ученія, простыхъ чадъ нашей церкви, сочиненная, всѣ положенія свои, особенно догматическое ученіе, утверждаетъ на текстахъ священнаго Писанія, симъ единымъ источникомъ и основаніемъ догматическаго ученія. Какого другого разумѣнія можно законно требовать въ богословскомъ ученіи, какъ не то, въ которомъ богословія представляетъ догматическія тексты свящ. Писанія? Богословіе то и есть ничто иное, какъ изложеніе евангельскаго ученія въ томъ разумѣніи, какое ему, давая, церковь основываетъ на немъ свои догматы. *Богословія наша учебная*, безъ всякаго прекословія, заключаетъ самое *непоколебимѣйшее и предостаточное объясненіе тѣхъ мѣстъ священнаго Писанія, которыя* всѣ, взятыя

вмѣстѣ, составляютъ православную нашу вѣру. Будь благонадеженъ, л. д., непремѣнно всѣ отцы церкви пересмотрѣли всѣ толкованія догматическаго евангельскаго ученія, пересмотрѣны были прежде, нежели церковные наши учители составили намъ ученіе о вѣрѣ. Слѣдовательно, всѣмъ мѣстамъ свящ. Писанія, въ текстахъ своихъ сію вѣру нашу вкратцѣ заключающимъ данъ въ учебныхъ книгахъ тотъ самый смыслъ, который есть одинъ православный; православный же смыслъ что иное есть, *какъ не православное разумѣніе* евангельскихъ догматическихъ истинъ? *Не ясно ли, что, для безопасности нашей и для вѣрности* нашей къ церкви, надлежитъ держаться того единственно объясненія (или разумѣнія, если хочешь), *которое содержатъ церковно-учебныя* книги. Для того, кто такъ вѣруетъ, не нужно блуждать внѣ ограды, для пріисканія *православнаго разумѣнія*... Не ясно ли намъ, которые своими ушами слышали не токмо твое, противное симъ книгамъ сужденіе, но и явно объявленное, разборчивое оныхъ принятіе. Воля твоя, весьма страшно слышать, что богословскія догматическія свящ. Писанія объясненія и по онымъ разумѣнія требуютъ новаго разумѣнія и объясненія, слѣдовательно, такого, которое онѣ своими словами не сообщаютъ! Всякое изреченіе можетъ имѣть одинъ лишь прямой смыслъ, и это есть тотъ, который обнаруживаетъ свойство языка и въ которомъ всѣ, знающіе хорошо грамоту, оный принимаютъ. Церковно-учебныя книги наши дѣйствительно выражаютъ самое то, что писатель оныхъ выразить намѣревался. Ручательствомъ сему долговременное ихъ безъ малѣйшей перемѣны въ догматическихъ опредѣленіяхъ употребленіе.

Ты, въ бытность твою здѣсь, *противуположно судилъ нѣкоторымъ богословскимъ истинамъ*. Въ такомъ противуположномъ видѣ нельзя уже никакой схоластикой подвести оба пріятія подъ одно разумѣніе. Нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ тебѣ были читаны и доставлены въ спискахъ. Изъ нихъ пришло мнѣ теперь на память *два мѣста*. Первое, заключающееся въ сихъ словахъ: почему весьма несправедливо нѣкоторые не радѣютъ, или хладны до Бога. когда, ничего нужнѣйшаго для прославленія и любовнаго хваленія величества Божія не зная, къ прикрытію своего, *безбожникамъ единымъ свойственнаго, невѣжества говорятъ:* я такъ вѣрую, какъ церковь вѣруетъ, и сами при томъ не вѣдаютъ, какъ церковь вѣруетъ. Ибо, сіе есть незнаніе и невѣріе, а не богопознаніе и вѣра. Я своими ушами слышалъ отъ тебя, утверждающаго [и другое лицо, отъ тебя же, вѣроятно, получившее сіе богословское мнѣніе] совершенно вопреки сему богословскому положенію, а потому и навлекшаго на себя заключающееся въ семъ ученіи осужденіе. Не знаю, какъ ты умствовалъ, при твоемъ намъ *признаніи въ неправотѣ твоихъ о вѣрѣ сужденій*, но теперь, поелику ты опять не признаешь

сей твоей неправости, или стараешься дать словамъ твоимъ другой смыслъ, потому, не обинуясь говоришь, что ты никогда ни въ чемъ не подвергалъ себя сей неправости, то, безъ сомнѣнія, и сіе твое, противуположное богословскому ученію, мнѣніе почитаешь *православнымъ же разумѣніемъ*. Видишь, какъ легко, съ запасеннымъ въ умѣ, такъ называемымъ *православнымъ разумѣніемъ*, не отступая видимо отъ церкви, *противуположно ей мыслить* и въ тоже время выдавать себя за ея ревностнаго защитника. Трудно, чтобы согласовать между собою мнѣнія, такъ діаметрально противуположныя. Желательно бы мнѣ знать, какъ тутъ поступило бы православное твое разумѣніе?

Скажемъ о *другомъ обстоятельствѣ* твоего церковно-учебнымъ книгамъ противленія. Я разумѣю здѣсь твое мнѣніе *относительно къ принятію таинствъ*. Ты приписываешь намъ въ вину, что мы въ выпискахъ нашихъ церковнаго правила о безполезности таинствъ, безъ вѣры оныя пріемлющихъ, *не изъяли изъ оныхъ младенцевъ*. Но мы не почли сіе за нужное. Приведенныя нами тебѣ мѣста церковно-учебныхъ книгъ относятся до взрослыхъ, которые могутъ и должны вѣдать все катихизическое ученіе о таинствахъ прежде, нежели допустятся къ пріятію, *а не до младенцевъ, немогущихъ имѣть сего познанія, которымъ, по катихизису, замѣняетъ вѣра родителей*.

За симъ говоришь ты, что «ежели бы не умолчано было *нами* изъятіе—правило о младенцахъ, не осудили бы допущеніе вами недопускаемаго». Не нами, л. д., а церковію, ибо мы своихъ собственныхъ мнѣній, ни чьихъ другихъ, неосновательно пріятыхъ, въ продолженіе всего нашего съ тобою пренія, изъ многихъ писемъ ни въ одномъ не допускали. Сіи слова твои, кажется, нѣчто такое заключаютъ, что, поелику *изъятіе есть на младенцевъ*, то изъятіе можетъ быть и на взрослыхъ. Какая бы была нужда церковнымъ учителямъ включать сіе богословское положеніе въ ученіе о вѣрѣ, если бы и взрослымъ безъ вѣры также неосужденно возможно пріять таинства, какъ и младенцамъ. Какая бы была нужда закономъ поставлять непремѣнное наученіе взрослыхъ, какъ о всѣхъ таинствахъ вообще, такъ особенно тѣхъ, къ которымъ они приступать неопустительно обязаны и къ которымъ они, по своему праву, приступаютъ. Отъ младенцевъ не требуется ни вѣры, ни дѣлъ, ни молитвы. Но почему сіе? Потому единственно, что сіе ему невозможно. При первой же возможности, повелѣваетъ церковь устами катихизисовъ наставлять его въ законѣ тотчасъ же, какъ только у него откроются къ тому способности. Если въ познаніяхъ о Богѣ и о вѣрѣ дѣлать такое же снисхожденіе взрослымъ, безъ необходимости, какое дѣлается младенцамъ, по сущей необходимости, то изъятій сихъ наберется такъ много, такъ много, что безъ вѣры можно быть вѣрующимъ, безъ

заповѣдей Божіихъ исполнителемъ Его воли, безъ молитвы набожнымъ, или, что все тоже, быть сыномъ церкви, по одному отправленію внѣшности. Довольно сіе мнѣніе о церкви, которое мы изъ устъ твоихъ слышали, чтобы заключить, какую странную ты себѣ составилъ систему о вѣрѣ, удалясь церковно-учебныхъ книгъ, къ которымъ недоброжелатели успѣли вселить въ тебя подозрѣніе.

Мы такъ близко придерживаемся святѣйшему ученію церковно учебныхъ книгъ, что не иначе можетъ пасть на насъ какое либо обвиненіе, какъ вмѣстѣ съ церковію же. Такъ искреннно пріемлемъ ученіе церковно-учебныхъ книгъ, содержащихъ въ себѣ духъ писанія, тотъ духъ, который животворитъ и *которымъ только* кланяющіеся составляютъ истинныхъ поклонниковъ Божіихъ, что, заимствуя сіи слова истины, не опасаемся ни откуда въ обличеніи въ не истинѣ.

Словами *предложенными ты боишься исповѣдать свою вѣру*, то суди самъ о нашемъ съ тобою единствѣ; суди самъ, что мы должны ощущать, вспоминая, что ты опасаешься, не хочешь, не рѣшаешься исповѣдывать вѣру твою сими самыми словами, что ты употребляешь всѣ возможныя усилія, какъ бы избѣжать такого словеснаго исповѣданія, которое есть наше убѣжденіе. Л. д., если точно мы изъ церковно-книжнаго ученія заимствуемъ всѣ наши тебѣ представленія, то подумай, противъ кого ты ополчаешься? И ополчаешься вторично, воспріявъ брошенное было здѣсь оружіе признаніемъ твоей неправости.

Не прогнѣвайся, л. д., на то, что я теперь тебѣ скажу. *Ты не малотрудныя наши на твои письма тебѣ отвѣтствованія* еще болѣе затрудняешь и не даешь никакъ идти за тобою по прямой стезѣ и отвѣтствуешь намъ такими обстоятельствами, которыя такъ мало принадлежатъ къ нашему дѣлу, что вовсе не относятся до сущности онаго. Ясно и преясно тебѣ указывается въ каждомъ письмѣ нашемъ, *что именно* намъ кажется въ тебѣ несообразнымъ съ тѣмъ духомъ церкви, которымъ мы вмѣстѣ съ тобою были одушевляемы и котораго хорошую часть получили отъ тебя же. *А ты, вовсе не обращая вниманія на наши* часто повторяемыя представленія, но такъ слегка касаешься, что не можемъ сдѣлать о нихъ нашего заключенія, кромѣ того, что *ты не хочешь о нихъ вовсе разсуждать*. А между тѣмъ, наполняешь письма такими обстоятельствами, которыя сами по себѣ никогда не были у насъ предметомъ споровъ. Ты, не могши прямо отрицательно отвѣтствовать на вопросы наши, такъ приспособленные, что отрицательность была бы знакомъ явнаго къ церкви нерасположенія, поставленъ нами въ заблужденіе, что сказать, чѣмъ наполнить письмо,... потому что ты не хочешь и не смѣешь изложить на письмѣ, что говорилъ словесно. Ты, пропуская безъ вниманія всѣ вопросы болѣзненнаго на-

шего сердца, ожидающаго всякій разъ въ отвѣтахъ твоихъ нѣкотораго утѣшенія, хватаешься за тѣ строки онаго, которыя были отдаленнѣйшею принадлежностію существенныхъ предметовъ письма.... хватаешься и распространяешься такъ, какъ бы *они то и составляли суть нашихъ съ тобою споровъ*, а всѣхъ прочихъ важныхъ, надъ которыми мы такъ много бьемся и душою и тѣломъ, какъ бы вовсе не было; на сихъ то остановясь, прибирая обстоятельство къ обстоятельству, ни отъ кого ни въ чемъ непререкаемое, ты удивляешься, уговариваешь, *приводишь мнѣнія духовныхъ лицъ*, для указанія намъ, что сіи мнѣнія, которымъ ты также, безпрепятственный, и въ видѣ и въ степени, даешь такой оборотъ: «*оправдываютъ обвиняемаго и показываютъ обвиненіе несостоятельнымъ*». Такое то дѣйствіе употреблено тобою и въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, въ которомъ значатся *какіе то вопли наши* 1) *противъ обрядоваго служенія* и 2) *противъ допущенія ко спасенію невѣжествующихъ нашихъ братій*. Мы смѣло вызываемъ тебя обличить насъ изъ всѣхъ этихъ листовъ, нами тебѣ пересланныхъ, какую либо мысль, какое либо слово, которыя бы обвиняли насъ въ погрѣшеніи противъ пріятія въ церковномъ духѣ обрядоваго служенія.

Въ томъ самомъ мѣстѣ всей христіанской системы, въ которое поставляютъ ихъ церковно-учебныя книги, въ томъ мѣстѣ и мы обыкли *видѣть богослужебные обряды*, и увѣрены, что не одно пониженіе оныхъ въ ихъ систематическомъ порядкѣ, во внѣшности вѣры предосудительно, но и повышеніе грѣховно. По сему увѣренію нашему, съ особенною точностію стараемся ослѣдить сію точку и ни съ которой стороны отъ нее не отступить. Если ты такое что со стороны въ насъ замѣтилъ, укажи его прямо, безъ всякихъ околичностей, и мы готовы тебя слушать. Но не томи любовь нашу пустыми, не дѣльными, увертливыми нашихъ простыхъ словъ перетолкованіями..., пощади нашу немощь, дай работающей тебѣ любви нашей хотя бы тѣмъ нѣкоторое отдохновеніе, что не води ее закоулками, но наблюдай прямое прямо душное на вопросы отвѣтствованіе.

Ты называешь *главнымъ и единственнымъ пунктомъ нашего состязанія* съ тобою недопущеніе ко спасенію невѣжествующихъ нашихъ братій. Но отчего ты взялъ за главный пунктъ недоразумѣній нашихъ такое обстоятельство, о которомъ мы никогда себѣ прямаго сужденія не дозволяли. Осужденія мы никакого изрекать не смѣли и не смѣемъ, почитая себя первѣйшими грѣшниками. Вникни, любезный, въ посланія наши, ты увидишь, что сердечное наше желаніе въ словопреніяхъ съ тобою есть получить отъ тебя отвѣтъ на предложенный въ нѣсколькихъ лишь строкахъ вопросъ и паче получить подтвержденіе, подобно первому, бывшему здѣсь отъ тебя *принятію церковно-учебныхъ книгъ*. Въ немъ

поимянно ничего обозначено не было о допущеніи или недопущеніи кого либо ко спасенію. Ежели ты изъ выписокъ нашихъ, доставленныхъ тебѣ, изъ церковно-учебныхъ книгъ и символа Аѳанасія Великаго принужденнымъ нашелся сдѣлать заключеніе, что *невѣжество въ вѣрѣ* не ведетъ ко спасенію, то позволь намъ почитать такое мнѣніе не отъ насъ исходящимъ, какъ ты утверждаешь, а обратить тебя къ тѣмъ источникамъ, откуда ты оное почерпнулъ.

Доколѣ ты будешь принимать вообще ученіе сихъ догматическихъ священныхъ книгъ, *съ разборомъ*, что многія частныя положенія ихъ будутъ подходить подъ сей твой разборъ? *Изложеніе сего разбора и есть прямая цѣль всѣхъ нашихъ представленій*. Сей то печати ты не снимаешь съ твоихъ устъ, обнаруживъ ее здѣсь предъ нами первоначально. Она то насъ тревожитъ, раздирая чувствительную часть нашего сердца... Какое хочешь, давай разумѣніе твоему слову, но ничего такого не придумаешь, какъ то, что ты изъ церковно-учебныхъ книгъ св. нашей апостольской церкви, изъ ученія догматическаго одно пріемлешь, а другое не пріемлешь.

Напрасны всѣ твои вызовы намъ *именъ мужей*, можетъ быть, почтеннѣйшихъ. Мы научены долговременнымъ опытомъ и ученіемъ, что нѣтъ ничего опаснѣе для христіанина вѣрующаго, какъ соступленіе съ церковнаго пути церковно-учебныхъ книгъ, а потому увѣряемъ тебя однажды на всегда, что мы не пойдемъ, оставивъ вѣрное, искать нетокмо сомнительнаго, но и весьма опаснаго, какими бы именами ты насъ не привлекалъ. Одну изъ величайшихъ пользъ принесло намъ наше обученіе другихъ закону Божію, что мы до того времени, также влающіеся всякимъ вѣтромъ ученія, нашлись принужденными толико ознакомиться съ книгами церковно-учебными. Если бы сего ученія Господь въ насъ не вложилъ, то неудивительно, что и мы, подобно тебѣ, могли быть завлечены пріятіемъ отъ кого либо ученія *по человѣку*, а не судя о человѣкахъ по ученію. Опять повторяемъ, что доколѣ ты будешь держаться теперешняго твоего плана, нескончаема наша пря. Вся бѣда съ тобою оттого, что ты, не имѣвъ никогда рѣшимости, какъ бы то слѣдовало всякому сыну церкви, разсмотрѣть со всевозможнымъ вниманіемъ церковно-учебныя книги, далъ имъ преимущество въ твоемъ умѣ и сердцѣ надъ всѣми многими обносящимися людскими мнѣніями, источниками всѣхъ раскольвъ и раздоровъ, всѣхъ неточностей въ вѣрѣ. И такъ, на предлежащія къ нашему предмету всѣ *вводныя тобою мнѣнія лицъ, намъ незнакомыхъ*, не могу ничего отвѣтствовать, а замѣтимъ лишь тебѣ дальнѣйшій изворотъ твоей предубѣжденной совѣсти. Ты дѣйствовалъ такъ въ сихъ сношеніяхъ твоихъ *съ духовными лицами* и учителями, какъ бы не ты не согласовался съ церковными книгами, а

мы, которыхъ ты хочешь вразумить въ нашемъ отъ сихъ книгъ отступленіи. Мало того, что ты самъ домогаешься указать намъ то, чего нѣтъ ни въ нашемъ сердцѣ, ни въ нашихъ письмахъ, но усиливаешь голосъ твой голосами другихъ лицъ, отъ которыхъ ты получаешь тотъ самый отвѣтъ, который заранѣе имѣлъ уже мѣсто въ твоемъ письмѣ и диктовалъ тебѣ потомъ, дѣлаемый тобою лицамъ симъ, вопросъ.

Если бы ты располагалъ прямо поступить въ семъ дѣлѣ, если бы, не полагаясь на твои не изъ церковно-учебныхъ книгъ изчерпнутыя мнѣнія, избралъ, для повѣренія себя, *довѣренное лицо*, ты долженъ бы былъ тому лицу первѣе всего исповѣдать твое бывшее съ нами первоначальное здѣсь состязаніе и преклоненіе къ намъ и отступленіе. Ты бы исповѣдалъ, что ты церковно-учебныя книги принимаешь съ разборомъ, и сей несчастный твой разборъ простирается не на второстепенныя постановленія церковныя, но на ученіе догматическое, на истины церковно-учебныхъ книгъ спасительныя. *Тогда не успокоивалъ бы ты себя тѣмъ, что могутъ быть изъятія изъ правилъ церковныхъ*, ибо изъ такихъ правилъ, въ которыхъ и сама церковь перемѣнить ничего не смѣетъ, изъятій она не потерпитъ. Таково есть все догматическое ученіе, на которое простирается твой несчастный разборъ. Откройся ты также, какъ ты обнаружилъ себя предъ нами, предъ всякимъ истинно духовнымъ лицомъ; онъ непремѣнно скажетъ тебѣ тоже, что говоримъ и мы, и еще больше.

Ты, далѣе, поставляешь *намъ на видъ непригодность и какъ бы непринадлежность нашу находить погрѣшительныя мнѣнія* въ вѣрѣ въ комъ бы то ни было, и выказываешь нѣкоторую самонадѣянность нашу, нѣкоторую *дерзость* въ показаніи тебѣ твоей неправости, и также, съ обвиненіемъ тебя, находишь въ насъ присвоеніе себѣ славы намъ не принадлежащей... Разсмотри же наше дѣло вкратцѣ... и укажи намъ, что такое ты можешь назвать въ насъ предосудительнымъ. Всѣ наши требованія, домогаемыя отъ тебя, по принятому нами подозрѣнію, *такого исповѣданія*, которое всякъ вѣрующій сынъ церкви готовъ произнести и произноситъ при всякомъ почти богослуженіи, и домогаемся отъ тебя отреченія *твоего съ разборомъ пріятія* церковно-учебныхъ книгъ и вообще пріятія всего того, *что ты пріялъ подписаніемъ въ совѣсти примирительнаго акта*. Вотъ наши наступательныя дѣйствія. Обороняться же намъ не нужно, ибо имѣемъ всю туже оборону, которую имѣетъ церковь противъ ея наступателей, имѣемъ оныя, пріемля слово въ слово всѣ ея спасительныя догматическія истины.

Теперь позволь спросить, въ чемъ ты изъ сихъ дѣлаемыхъ тебѣ нашихъ нужныхъ представленій видишь *присвоеннее нами себѣ пре-*

имущество предъ пастырями и учителями о разумѣніи богословія въ чемъ ты находишь наше разногласіе со освященными церковію учителями, увлекающее за предѣлы праваго мудрованія, въ чемъ видишь высокоуміе, въ чемъ осужденіе и какихъ недѣлателей, въ чемъ порицаніе первенствующихъ, въ чемъ уничиженіе невѣдущихъ, въ чемъ мы возстаемъ противъ обрядоваго служенія, въ чемъ замѣчаемъ сатирическія изображенія внѣшней святыни? Въ чемъ можешь ты ослѣдить изъ нашихъ писемъ, которыя ни въ одной іотѣ ни отступаютъ отъ ученія церковно-учебныхъ книгъ, въ точнѣйшемъ и единомъ смыслѣ пріемлемыхъ, какое даетъ намъ свойство языка и какое преподается по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, начиная отъ академій духовныхъ до сельскаго училища? Откуду же пришло тебѣ наполнять письмо твое такими строгими нашему съ тобою дѣлу обстоятельствами? Будетъ ли конецъ этимъ окольнымъ изворотамъ? Какъ не истощеваешь ты терпѣніе наше, заставляя насъ тщетно ожидать отвѣта на простые и краткіе наши тебѣ вопросы и наполняя отвѣты твои такими разсужденіями, которыя болѣе показываютъ твою цѣль обвинить насъ въ твою очередь, нужно сбросить съ себя подозрѣніе, многими словами и письмами твоими отъ насъ на себя навлеченное. Кто не видитъ, какъ мало бы стоило успокоить насъ, презрѣвъ, не знаю какими чувствами внушаемую, *посрамительность?*—...

Подумай ка что ты, *для того*, по словамъ твоимъ, не повторяешь нашихъ строкъ, не рѣшаешься, что это для тебя посрамительно. Можешь ли ты увѣрить насъ, или кого либо, чтобы это было дѣйствительно посрамительно? *Вотъ, и въ семъ письмѣ, опять прилагаемъ тебѣ тѣ же вопросы и тѣми же словами:* что, дѣйствительно, слово въ слово пріемлешь все безъ изъятія догматическихъ церковно-классическихъ книгъ ученіе, держишься собственно того смысла, который очевиденъ по свойству языка, который пріемлется отъ всѣхъ, по книгамъ симъ учащихся; что ты почитаешь себя обязаннымъ всѣ прочія, безъ изъятія, книги о вѣрѣ повѣрять не иными, какъ церковно-учебными, богословскими книгами. Это есть печать, запечатлѣвающая наши съ тобою сношенія и удостовѣряющая наши акты и требованія въ ихъ законности. Будемъ опять ожидать терпѣливо, чѣмъ Господь обрадуетъ.

Наконецъ, надобно тебѣ сказать слова два и на то мѣсто твоего письма, которымъ ты упрекаешь насъ за распространеніе о тебѣ непріятной молвы *въ Пахомовѣ и Дерновѣ*. Трудно дѣйствительно было намъ укрывать отъ обоихъ братьевъ нашихъ наше съ тобою недоразумѣніе. И никакъ имъ невозможно было сего не провѣдать, когда оно сдѣлалось очень явнымъ, такъ явнымъ, что въ бытность брата, Платона Александровича, съ семействомъ здѣсь, происходили жаркіе наши съ тобою

споры. Впрочемъ, и здѣсь ты самъ обоимъ имъ подалъ поводъ дѣлать о тебѣ подобныя заключенія. Въ Дерновѣ, прежде нежели мы о сей семейной непріятности нашей отверзли уста, слышали отъ сестры, Ольги Яковлевны (жены кн. Платона), *твое покушеніе ополчить ее противъ переложенія книгъ священнаго Писанія и Синодальнаго въ нихъ къ вѣрующимъ воззванія*, слышали, съ вопросомъ отъ нея, какъ принимать ей сей твой совѣтъ. На такіе вопросы мы принуждены были тебѣ противорѣчить для утвержденія ее въ прежнихъ, покоряющихся во всемъ церковной власти, мнѣніяхъ. И такъ, ты видишь, что противленіе твое законной церковной власти въ Дерновѣ ты обнаружилъ прямо самъ. Въ Пахомово (17) проникла причина такого же недоразумѣнія также прежде, нежели мы съ братомъ В. А. о семъ потужили вмѣстѣ, проникла, какъ мы тебя увѣдомляли, отъ секретаря С. К. Не отрицаемъ, что мы потомъ вмѣстѣ съ нимъ нерѣдко горевали о семъ.

Письмо князя Сергія, отъ 17 Марта 1830 года.

Великое, прежнимъ подобное, или паче тождественное, посланіе ваше я получилъ и прочелъ, съ возобновленіемъ того прискорбнаго чувствованія, каковое уже съ немалаго времени сопровождаетъ чтеніе мое вашихъ обличительныхъ посланій. Оставаясь *непремѣнно* въ объявленномъ вамъ отъ меня намѣреніи—рѣшительно не продолжать крайне для меня болѣзненнаго защищенія себя предъ вами въ православіи моемъ (въ которомъ, по благодати Божіей, пребываю, не уклоняясь ниже малымъ помысломъ отъ всякой, преданной нами святою церковію, заповѣди), отвѣтствую вамъ искреннею благодарностію за вашу ко мнѣ искреннѣйшую любовь, хотя и до огорченія духа моего стужающую мнѣ своими требованіями. Что же принадлежитъ до усмотрѣннаго вами коварства не беззлобнаго въ моемъ письмѣ и указаніяхъ на предлежащей вамъ отъ врага опасности духовнаго ущерба, въ томъ признавая свою немощь и вину, усерднѣйше и преусерднѣйше прошу вашего прощенія совершеннаго, и прошу даже святыхъ вашихъ молитвъ ко Господу о исцѣленіи души моей многонедужной! Ибо, хотя я нисколько не имѣлъ намѣренія хитрословіемъ предъ вами коварствовать, но, какъ отъ избытка сердца уста глаголютъ, то конечно въ непредъумышленныхъ моихъ словахъ само собою обнажилось предъ вами лукавое мое сердце, сущее, по истинѣ, вмѣстилищемъ страстей всякаго рода. Повергаясь предъ вами съ крайнимъ болѣзнованіемъ, прошу отпущенія вины моей, какъ сей, такъ и всякой, когда либо и въ чемъ либо предъ вами содѣянной. Сіе полное и совершенное ваше прощеніе и отпущеніе тѣмъ для меня нужнѣе, что уже время мое, о которомъ я нѣкогда вамъ писалъ, что оно близь

есть, не зная еще какое оно, нынѣ уже наступило время отреченія отъ міра и воспріятія на себя ига Господня благаго и шествованія за нимъ по тѣсному и прискорбному пути иноческаго подвижничества.

Письмо князей Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 18 апрѣля 1830 года.

Вотъ, наконецъ, дошло до того, что ты рѣшился не отвѣчать на наши письма. Вотъ, до какой степени лукавый нашъ врагъ успѣлъ сокрушить нашу съ тобою связь. Ты хладнокровно можешь, прочитавъ наше письмо, оставлять его безъ отвѣта. Вотъ, дальнѣйшіе плоды твоего соступленія съ церковнаго пути. Смотри, какъ непрестанно ты далѣе и далѣе падаешь отъ истины, но такъ тому и быть слѣдуетъ, по порядку вещей... Не видишь ли ты самъ, какъ ты здѣсь дѣйствуешь вопреки нетокмо вѣры евангельской, но и самаго свѣта разума, самаго закона естественнаго? И небольшой свѣтъ разума достаточенъ указать тебѣ такое соступленіе твое отъ истиннаго пути. Съ твоимъ ли умомъ тебѣ и сего не вѣдать? Ты, видя не видишь, слыша не слышишь многократно указываемыя тебѣ въ письмахъ нашихъ несообразности твои...

Ты далѣе, въ письмѣ твоемъ, *увѣдомляешь насъ о скоромъ твоемъ постриженіи*. Разсуждая вообще о *монашествѣ*, мы почитаемъ званіе сіе требующимъ строжайшаго испытанія, возложенныхъ церковію на всѣхъ ея сыновъ, обязательствъ, кромѣ особенныхъ статей, къ обѣту монашескому присоединенныхъ; общія христіанскія обязанности должны ближе быть на сердцѣ у человѣка духовнаго. А потому и вѣра, которая есть первѣйшая изъ сихъ обязанностей, требуетъ быть принимаемой совершенно въ духѣ церкви, который, духъ, содержится въ церковно-учебныхъ книгахъ, а ты не перестаешь принимать ихъ съ разборомъ, т. е. одно принимать, другое не принимать. Суди же самъ, съ законнымъ ли расположеніемъ ты воспринимаешь на себя сей обѣтъ, удерживая прежнія твои незаконныя мнѣнія? И съ такимъ то расположеніемъ, т. е. подъ личиною вѣрнаго и послушнаго ей сына, хочешь внести твое противленіе *ея церковно-учебнымъ книгамъ*. И въ этомъ тебя совѣсть твоя не зазираетъ? Самое то, что мы продолжаемъ требовать отъ тебя, для исповѣданія истиннаго православія, самое то, какъ недавно встрѣтили мы въ церковной книгѣ, безъ сомнѣнія требуетъ она и отъ поставляемыхъ ею на служеніе ей и управленіе ея чадами. Вотъ тебѣ слово въ слово, что значится въ чиноположеніи архіерейскомъ. «Клянусь и еще Всемогущимъ Богомъ, что вся сія (не церковное о вѣрѣ ученіе), мною нынѣ обѣщаваемыя, не инако толкую во умѣ своемъ .. но въ той силѣ и разумѣ, каковую силу и разумѣніе и написанныя здѣ

слова чтущимъ и слышащимъ являютъ». По сей присягѣ можно ли смѣть давать какое иное разумѣніе какому либо ученію и отказываться принимать оное слово въ слово... Видишь ли, какъ мы сообразуемъ наше требованіе, которое мы, не вѣдая еще о семъ, тебѣ писали. Законное твое вшествіе въ сіе ближайшее служеніе церкви можетъ быть лишь сею дверью. Когда ты намѣренъ честно поступить, ни мало не кривя совѣстію, то долженъ не только устами сіе произнести, но и имѣть впечатлѣннымъ и на умѣ и на сердцѣ; ибо это есть первѣйшая часть клятвы и обѣта, а если такъ, *то невозбранно можешь и нашему удовлетворить требованію повторенiемъ, посылаемыхъ* и въ семъ *письмѣ, прежнихъ нашихъ строкъ*. Если же ты намъ не доставишь сего твоего повторенія, это будетъ явнымъ знакомъ, что ты не исповѣдывалъ онаго въ умѣ и сердцѣ твоемъ и не намѣренъ исповѣдывать при постриженіи. Отъ того ты взойдешь и думаешь войти не дверью, а прелазя. Если бы мы требовали отъ тебя непремѣннаго единомыслія съ нами въ такихъ принадлежностяхъ вѣры, которыя есть изъ второстепенныхъ, тогда бы можно было назвать наше притязаніе явнымъ и насъ не по христіански снисходительными къ ближнимъ. Мы требуемъ твоего единодушнаго согласія съ церковію въ догматахъ, изъ которыхъ каждый есть истина, необходимая для спасенія. *Катихизисы наши содержатъ лишь одно сіе ученіе* и потому требуютъ непосредственнаго пріятія всего содержащагося въ оныхъ и слово въ слово. Ты же, вмѣсто повѣрки всѣхъ прочихъ книгъ и мнѣній сими учебными книгами, истинное ученіе апостольской церкви содержащими, имѣешь дерзновеніе сіи святыя книги повѣрять иными книгами и людскими мнѣніями и инде ихъ, несообразныхъ съ сими твоими образцами, не страшишься имѣть къ нимъ недовѣріе. Опять повторяемъ и повторять не перестанемъ въ каждомъ письмѣ тоже отъ тебя требованіе относительно до твоего исповѣданія, опять требуемъ твоихъ слѣдующихъ строкъ, устами *и сердцемъ повторенія, что ты дѣйствительно* слово въ слово пріемлешь все, безъ изъятія, догматическихъ церковно-учебныхъ книгъ ученіе, держась собственно того смысла, который очевиденъ по свойству языка, который пріемлется отъ всѣхъ, по нимъ учившихся, что ты почитаешь себя обязаннымъ всѣ прочія, безъ изъятія, книги о вѣрѣ повѣрять не иными какими либо, а какъ только церковно-учебными книгами.

Статься можетъ, что требованіе, подобное вышеписаннымъ нашимъ строкамъ, которыми домогаемся несомнѣннаго увѣренія въ твоемъ православіи, *потребуется у тебя отъ властей, сумняющихся въ твоемъ церковно учебныхъ книгъ принятіи*, отъ властей, непосредственно тобою начальствующихъ, тогда уже твои обмолвки и увертки не примутся, и ты, по необходимости, принужденъ будешь сказать, *да* или *нѣтъ*, и если

рѣшишься упорствовать и въ требованіи властей, какъ упорствуешь съ нами, то объявишь себя уже торжественно противникомъ церковнаго ученія. Что таковое требованіе у тебя отъ властей можетъ имѣть мѣсто, то не почитай ты несбыточнымъ дѣломъ. Отъ нихъ не отдѣлаешься ни жалобами о *несрамленіи* тебя такимъ вопросомъ, ниже инымъ какимъ отзывомъ, подобнымъ тѣмъ, неосновательнымъ и страннымъ, которыми ты по сіе время мучишь насъ. Такое духовныхъ властей открытіе о тебѣ, вкравшемся въ ближайшую ограду церкви, неединомышленникѣ съ ней, почтется весьма важнымъ, какъ то и есть на самомъ дѣлѣ. Ибо съ твоею ревностію противъ сихъ властей, которую ты обличалъ въ низложеніи ихъ *постановленія относительно до чтенія переложенныхъ книгъ свящ. Писанія*, можно ожидать много непріятностей, если пропустить безъ вниманія пріятіе тебя, двоедушествующаго, въ число ея служителей; двоедушествующаго, повторяемъ, ибо, какъ изъ словесныхъ отзывовъ твоихъ намъ, такъ и изъ письменныхъ, ясно и прямо, что ты питаешь сильное подозрѣніе на церковно-учебныя книги и, *кажется, ты свою имѣешь систему* ученія, отличную отъ содержащейся въ сихъ святыхъ книгахъ, ибо, въ противномъ случаѣ, ты не мучилъ бы насъ твоими увертками и обиняками, которыя ты и самъ нашелся принужденнымъ въ себѣ признать.

Подумай, какая уже подлинно посрамительность тебѣ готовится, если вышеписанный тебѣ нашъ вопросъ имѣетъ быть отъ властей духовныхъ! Истинному сыну церкви и малѣйшее сомнѣніе подать о его ей противленіи было бы болѣзненно мучительно. И самый вопросъ, который покажетъ сомнѣніе о твоемъ православіи, несносенъ, а какимъ почитать отвѣтъ твой, подобный тому, который ты дѣлалъ и дѣлаешь намъ? Отвѣтъ, явное подозрѣніе на церковь обнаруживающій, отвѣтъ, изъ котораго ясно, что ты, по внѣшности называя видимую нашу всероссійскую церковь матерію, тайно не признаешь себя ея рожденіемъ. Ты уже на опытѣ показалъ, какъ ты во зло употребляешь сію ея внѣшность, которой ты наученъ хитро прикрываться, показалъ уязвленіемъ ея внутренности, тѣмъ дѣйствительнымъ, чѣмъ ближе ты себя по внѣшности выдавалъ ея почитателемъ и ревнителемъ. *Здѣсь я опять имѣю въ виду твое ополченіе противъ переложенія книгъ священнаго Писанія и попытку отвлечь другихъ къ своей ополчающейся сторонѣ.* И простое непочтеніе къ матери, къ матери церкви, грѣховно, богопротивно, а какимъ должны почитать ополченіе противъ ея, ополченіе не себя лишь, но и другихъ. Не есть ли это раздираніе матерней утробы своими и чужими руками. Страдаемъ теперь сугубо, увѣдомленные отъ тебя, что ты, вооруженный такимъ образомъ, впускаешься въ мирные предѣлы недорослыхъ сыновъ церкви, большею частію младенствующихъ еще вѣрою, а

потому, безъ приготовленія почти побѣждать себя дозволяющихъ. Какую ты скоро нашелъ матерь, оправдавшую тебя. Не та же ли святая всероссійская церковь приняла тебя въ свое лоно еще двухъ и трехдневнаго младенца, приняла и воздоила млекомъ духовнымъ, которая и всѣхъ насъ приняла, питала и питаетъ и млекомъ и брашномъ, которыми питала своихъ чадъ церковь во времена самихъ апостоловъ, первоначальныхъ раздавателей ея къ недостойнымъ ея чадамъ духовной милостыни. Потому она и называется апостольскою, какъ и самъ ты устами твоими ежедневно, а можетъ быть и въ день неоднократно, исповѣдуешь. А сіе млеко и сіе брашно суть не иное что, какъ учебныя ея книги катихизическія и богословскія. Ихъ то ты и почитаешь зараженными духовнымъ ядомъ, потому имѣешь на нихъ сомнѣніе.

Письмо князя Сергія, отъ 1-го мая 1830 года.

На письмо ваше, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ свитокъ—приписка, хотя и могъ бы я отвѣчать поранѣе, но какъ я, прежде полученія онаго, писалъ къ вамъ о посѣтившей меня, недостойнаго, великой свыше благодати, то и поджидалъ отъ васъ слова привѣтнаго, а потому и не торопился отвѣтомъ. Но ждалъ и не бѣ; и потому молчаніе мое прерываю.

Извѣщаю васъ, что ни въ какія состязанія съ вами о православіи входить я не намѣренъ, но благодарю любовь вашу за обличенія, признавая себя, кромѣ ереси и раскола, во всемъ, по обличеніямъ вашимъ, виновнымъ, ни мало ни помышляя о томъ, что тѣмъ доставляю перевѣсъ вашей сторонѣ, ежели доставляю. О намѣреніи вашемъ искать на меня управы у высшей власти духовной, яко на противника церкви, скажу, что почитаю оное плодомъ великой вашей къ церкви ревности и уповаю, что власть духовная доставитъ ей совершенство своимъ вразумленіемъ. Устрашенія ваши не возмущаютъ меня, и я, съ моей стороны, представляю вамъ полную свободу дѣйствовать въ провозглашеніи меня не въ одномъ семейственномъ кругу, но во всемъ отечествѣ новымъ еретикомъ и раскольникомъ. Но твердо уповаю, что никакая власть духовная съ вами въ семъ мнѣніи не согласится, а если бы мнѣ за истину и привелось потерпѣть безчестіе или бѣду, то, да укрѣпитъ меня Господь понести все, съ благодареніемъ и со смиреніемъ.

Письмо братьевъ, отъ 26 августа 1830 года.

Послѣ продолжительныхъ изслѣдованій объ истинѣ всего того, что я въ тебѣ видѣлъ и слышалъ, мы вполнѣ убѣдились въ томъ, что ты дѣйствительно, безъ всякаго уже сомнѣнія, отступилъ отъ догматическаго

ученія церковно-учебныхъ книгъ, а потому мы не можемъ и не должны почитать тебя единомысленнымъ съ церковію, слѣдовательно ни ея покорнымъ и послушнымъ сыномъ... Мы нашлись принужденными, чтобы отъять всякое между нами недоразумѣніе, и однимъ разомъ рѣшить всякій споръ, если оный въ однихъ только словахъ заключался,—послать тебѣ, для повторенія, слѣдующія строки: (свидѣтельствующія)—что ты дѣйствительно слово въ слово пріемлешь все безъ изъятія догматическое церковно-учебныхъ книгъ ученіе, держась собственно того смысла, который очевиденъ по свойству языка, который пріемлется отъ всѣхъ, по книгамъ симъ учившихся, что *ты почитаешь себя обязаннымъ всѣ прочія безъ изъятія книги о вѣрѣ повѣрять не иными, какъ тожмо церковно учебными книгами.* Строки сіи были тебѣ посылаемы сряду въ пяти или въ шести нашихъ посланіяхъ, но ты не хотѣлъ и не хочешь подтвердить оныя, полагающія конецъ всѣмъ состязаніямъ нашимъ, хотя вѣдаешь, что сіе неподтвержденіе твое питаетъ мучительную тревогу въ нашемъ сердцѣ—вѣдаешь сіе, и чтоже противопоставляешь сей тревогѣ нашей?... (дивись самъ, на что ты съѣхалъ) на какую то тебѣ, отъ повторенія сихъ строкъ имѣющую быть посрамительность.... Въ сихъ теперь строкахъ заключенъ весь нашъ съ тобою споръ. Въ сей фокусъ сосредоточены всѣ лучи, которые мы, заимствуя отъ церковнаго свѣта, обращали на тебя. Отдаемъ на судъ всѣхъ, до кого можетъ дойти, наше съ тобою препираніе, при жизни нашей, или по смерти. Пусть рѣшитъ вѣрный сынъ церкви, во первыхъ: не естественно ли намъ требовать отъ тебя такого повторенія, послѣ всѣхъ вышеписанныхъ твоихъ съ нами несогласованій, примиреній и опять къ прежнимъ мнѣніямъ возвращеній, вопреки сдѣланнаго съ тобою акта, вопреки обѣщаній твоихъ и условій:—не естественно ли сіе и по одной обязанности ближнихъ, а тѣмъ паче, по такой любви и привязанности братьевъ, которая изъ трехъ насъ, до несчастнаго сего періода, дѣлала одно лицо? Во вторыхъ, не заключаютъ ли сіи строки сущности всего того, что обязанъ исповѣдывать всякій православно, то есть, по церковно-учебнымъ книгамъ вѣрующій? Въ третьихъ, не слѣдуетъ ли заключать о томъ, кто отказывается исповѣдывать оныя, что онъ не довѣряетъ ученію церкви, ученію, на церковныхъ и учительскихъ каѳедрахъ преподаваемому? Въ четвертыхъ, при такой важности, какой есть, для тебя и для насъ, продолжающійся между нами споръ,—повтореніемъ твоимъ сихъ строкъ совершенно кончаемый — не ничтожная ли, не пустая ли отговорка неповторенія оныхъ есть посрамительность?—Я имѣю одну любочестивую мысль, признаюсь, а именно: Если бы кто изъ судей сихъ *не* могъ взять на себя произнести судъ по аргументамъ: то, чтобы онъ убѣжденъ былъ взять нашу сторону, по той ревности и любви, которая одушевляетъ сіи слабые мои на пользу

твою труды: и сіе не для того, чтобы умножить себѣ число балловъ, или, чтобы преклонить вѣсы побѣды на свою сторону—нѣтъ, но чтобы доказательствомъ любви, сильнѣйшимъ всѣхъ аргументовъ, показать истину того ученія, которое Всеблагій Промыслъ Божій благоволилъ мнѣ защищать. Представимъ себѣ судей, сидящихъ надъ нашимъ дѣломъ. Они должны произнести приговоръ. Кого же осудятъ? Если меня, то и церковь, въ ея учебныхъ книгахъ: то и.., не куда поведетъ такое заключеніе?—Буде же я законно требую отъ тебя исповѣданія догматовъ, по церковно-учебнымъ книгамъ, и повѣренія по онымъ всѣхъ мнѣній о вѣрѣ и книгъ, то незаконно ты поступаешь, отрекаясь принимать въ нихъ что-либо догматическое, или пріемля ученіе сіе съ разборомъ. Наконецъ, ты, послѣ многихъ посланій нашихъ къ тебѣ, обличающихъ неправость твою въ разборчивомъ принятіи церковно-учебныхъ книгъ,—посланій, указывающихъ тебѣ ясными доводами, куда ведетъ такой погрѣшительный разборъ, указывающихъ и тѣ уловки, къ которымъ ты прибѣгалъ, чтобы поставить насъ въ затрудненіе, обезсилить нашъ въ тебѣ приступъ: послѣ пяти или шести-кратнаго нашего требованія отъ тебя подтвержденія строкъ испытанія, для удостовѣренія насъ въ твоемъ церковному ученію, по ея классическимъ книгамъ, повиновеніи, котораго ты ни въ одномъ изъ отвѣтовъ твоихъ повторить не хотѣлъ: наконецъ, ты рѣшительно отрѣзалъ насъ, что не хочешь и не будешь отвѣтствовать на наши тебѣ представленія о вѣрѣ: и на самомъ дѣлѣ показываешь сію твою рѣшимость, не пріемля съ прочими разсужденіями и того вопроснаго пункта, отъ котораго, какъ тебѣ извѣстно, зависитъ значительная часть нашего спокойствія—того пункта, который всякъ истинный сынъ церкви, не токмо при всѣхъ почти молитвахъ своихъ повторяетъ, но и сверхъ того весьма часто обращаетъ въ своемъ умѣ, какъ основаніе его спасительной вѣры. Не въ полномъ ли мы правѣ заключать, за всѣмъ симъ, что ты, по прежнему, какъ объявилъ намъ изъ устъ твоихъ, пріемлешь съ разборомъ церковно-учебное догматическое ученіе; а потому вышеписанныхъ строкъ подтвердить не соглашаешься: и что не сіи книги служатъ тебѣ къ повѣренію разныхъ мнѣній толковъ, а ты уже имѣешь всю систему, которой дерзаешь повѣрять сіи святѣйшія книги. Одно изъ двухъ, любезнѣйшій другъ, ты долженъ непремѣнно исповѣдывать или слово въ слово сіи наши строки испытанія, или противоположныя имъ слѣдующія: что ты не слово въ слово, а съ разборомъ принимаешь догматическое церковно учебныхъ книгъ ученіе и не держишься собственно того смысла, который очевиденъ, по свойству языка, и который пріемлется отъ всѣхъ, по книгамъ симъ учившихся; и, что, наконецъ, ты не почитаешь себя обязаннымъ всѣ прочія безъ изъятія книги о вѣрѣ

повѣрять церковно-учебными книгами. Ты находишься въ такомъ положеніи, что иного выбора тебѣ нѣтъ. Поелику же ты явно отрицаешься исповѣдывать первое: слѣдовательно, положительно исповѣдуешь послѣднее. Здѣсь напрасно тебѣ обманывать себя увѣреніями пустыми, никакой существенности не имѣющими: почитать себя близкимъ къ церкви, по заключеніямъ безъ положеній, безъ посылокъ, на воздухъ: почитать себя привязаннымъ къ церкви узами въ воображеніи твоемъ одномъ, безъ всякихъ матеріаловъ сплетенными. Ибо, вотъ собственныя твои слова, хотя изъ устъ изыти не дерзающія, но въ умѣ твоемъ ясно читаемыя, обличаютъ неправое твое мечтаніе. Церковь нашу православную составляютъ, по опредѣленію о церкви, всецѣлое собраніе вѣрующихъ, т. е. пріявшихъ вѣру, наученыхъ вѣрѣ евангельской, догматической. Какъ же наученными? По катихизисамъ и богословію, по книгамъ церковно учебнымъ.— Слѣдовательно, кто по инымъ какимъ ученіямъ исповѣдуетъ вѣру свою догматическую, тотъ и не принадлежитъ до сего православнаго собранія. Послѣ сего, суди,—мы ли называемъ тебя тѣми укорительными именами, которыя ты намъ въ уста влагаешь, или, не самъ ли ты себѣ оныя, твоими, чуждыми церкви, мнѣніями, приписываешь? Суди и о томъ, какъ почитаешь свое повседневное исповѣданіе словъ, которыя въ смыслѣ церковномъ принимать отрицаешься. Какъ судить о томъ принятіи тобою священства, въ которомъ, какъ намъ извѣстно, ты не произнесъ сердцемъ произносимаго устами, или подразумѣваемаго, при облеченіи въ сій санъ, исповѣдавія. Ибо, по указанному тебѣ, въ предъидущимъ письмѣ, чинополоненію, ты долженъ былъ изрещи и сердцемъ и устами: «Клянуся и сие Всевидящимъ Богомъ, что вся сія, (все церковное о вѣрѣ ученіе), мною нынѣ обѣщаваемая, не инако толкую въ умѣ моемъ, яко провѣщаваю устами моими, но въ той силѣ и разумѣ, яковую силу и разумъ написанныя здѣ слова чтущимъ и слышащимъ являютъ». Еще ли, и за всѣмъ симъ, можно тебѣ почитать малозначущей твою несообразность съ книжнымъ церковнымъ ученіемъ, и какъ позволительно увѣрять себя, что споръ нашъ съ тобою въ однихъ словахъ. Какъ! и послѣ разбора твоего въ пріемѣ догматическаго ученія и послѣ прочитаннаго мною въ умѣ твоемъ вышеписаннаго отрицательнаго исповѣданія! Нѣтъ, любезнѣйшій другъ, послѣ всего того, что Господу угодно было (можно сказать) чудесно обнаружить среди насъ изъ твоихъ въ исповѣданіи вѣры погрѣшительностей, неприлично стоять холоднымъ зрителемъ, видя тебя, извлекшагося хитростію изъ объятій нашихъ, и извлекаемаго изъ объятій церкви! ибо церковно-учебныя книги суть тѣ узы, которыми привязываетъ она къ себѣ живыхъ своихъ членовъ, а догматическія ученія суть материнскія ея объятія.—

Въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ разсудилось мнѣ написать тебѣ въ остереженіе твое,—какія возьмешь ты мѣры, если бы высшая власть, свѣдавъ о твоемъ противленіи церковно-классическому ученію, вздумала обратиться къ тебѣ съ вопросомъ, подобнымъ нашему? Ты не отвѣчалъ мнѣ, какой у тебя готовъ отвѣтъ церковной власти. Да что отвѣчать тебѣ ей, если пребудешь въ томъ же упорствованіи, въ какомъ заставлялъ насъ толикократно вотще тебя вопрошать? Что она провѣдать можетъ и не отъ насъ о долговременномъ съ тобою преніи нашемъ: того не почитай ты невозможнымъ.—Можетъ статься, что Господь, смиловавшись, пошлетъ наконецъ помощь нашей сторонѣ, лишенной теперь всѣхъ человѣческихъ способовъ къ преклоненію тебя къ намъ. Ибо убѣжденій и доказательствъ, предубѣжденіе твое не пріемлетъ, а власти, которую мы имѣли надъ тобою по первородству, ты насъ лишилъ всесовершенно. Я бы готовъ былъ и самъ призвать такую помощь, если бы ясно усматривалъ на то званіе Божіе. Вѣрую несомнѣнно, что если Онъ, услышавъ мои молитвы, благоволитъ даровать мнѣ просимое, то безъ сомнѣнія совершитъ то, ими же вѣсть судьбами, хотя и не призываетъ къ тому насъ. Благословенно буди Его святое Имя!

Посуди далѣе, какъ можно тебѣ было увѣриться, что вся церковь наша, имѣвшая и имѣющая въ себѣ пастырей и учителей, и дѣломъ, и словомъ, и писаніями достойныхъ послѣдователей апостоловъ, своихъ предшественниковъ, можетъ въ чемъ либо погрѣшать? И кто же твои увѣрители? Чѣмъ они знамениты? Чѣмъ могутъ поддержать внѣдренныя въ тебя вышеписанныя мнѣнія о церкви и прочія противныя церковно-учебнымъ книгамъ ученія, не имѣющія сами по себѣ никакой самостоятельности, и прекаемыя на каждой страницѣ Евангелія? Какъ такъ тебѣ было рѣшиться слѣпо принимать мнѣнія, отъ церковнаго ученія такъ разнствующія, и ни на чемъ не утверждаемыя. Какая отважность! Какое безстрашіе! Пусть бы еще, когда бы поколебали они твой умъ въ непринятіи какихъ второстепенныхъ статей богослуженія: и тогда бы намъ больно было видѣть тебя не во всемъ послушнымъ сыномъ церкви. Но какъ можемъ примириться съ мучительною мыслію теперь, видя тебя, пріемлющимъ съ разборомъ догматическое ея ученіе и отказывающагося, въ церковно-учебныхъ книгахъ заключающимся, догматическимъ ученіемъ, повѣрять всѣ толки и мнѣнія о вѣрѣ? Кто можетъ увѣрить меня, что не важно такое твое отступленіе? Недальновидность бы моя и неспособность усмотрѣть того, какъ ты себя опуталъ, отвратили бы и отъ тебя весь громъ изъ тучи словъ моихъ, и отъ меня безпокойство тяжкое, изнурительное. Господу угодно было, не по нѣкоторымъ уже обинякамъ твоимъ, какъ было сначала твоей перемѣны, но собствен-

ными устами моими, допустить мнѣ услышать отъ тебя разборчивое догматовъ церковныхъ принятіе. Если болѣзненно было для моего сердца слышать сіе отъ тебя, до признанія твоего въ твоей погрѣшительности, то несравненно болѣзненнѣе видѣть тебя, обратившагося къ первому мнѣнію, по отреченіи отъ онаго.

Если ты по прочтеніи и сего разсужденія, также какъ и послѣ другихъ, предшествовавшихъ оному, не доставишь намъ повторенія седьмикратнаго (помнится) посылаемыхъ тебѣ уже строкъ, то пришли его обратно.

Письмо князя Сергія, отъ 26 января 1831 года.

... Получивъ послѣдній повторительный прежнихъ, обличительный вашъ свитокъ и прочитавъ оный, я не замедлилъ, по требованію вашему, отправить его обратно къ вамъ, съ отвѣтною моею на послѣдней страницѣ онаго надписью...

Надпись, сдѣланная на письмѣ братьевъ Сергіемъ: Суди ми Господи, яко азъ незлобою моею ходихъ; и на Господа уповая, не изнемогу.

Искуси мя Боже и увѣжды сердце мое, истяжи мя и разумѣй стези моя.

И виждь, аще путь беззаконія во мнѣ, и настави мя на путь вѣченъ.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь.

Свящ. В. Жмакинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) *Платонъ* (Левшинъ), митрополитъ московскій (1737—1812 г.) знаменитый богословъ своего времени оставилъ послѣ себя не мало догматическихъ сочиненій. Такъ, извѣстно «Православное ученіе вѣры» Платона, изд. въ Спб. 1765 года. Ему же принадлежатъ: 1) «Катихизисъ, или первоначальное наставленіе въ христіанскомъ законѣ», которое всенародно толковано было въ академической аудиторіи съ сентября 1757 по 15 іюля 1758 года. М. 1781 ч. 8 и 9; 2) «Православное ученіе, или сокращенная христіанская богословія о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашея и о заповедехъ Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ». Спб. 1780 г.; издано церковною печатью въ 1781 году; 3) «Катихизисъ для священно-церковно служителей» М. 1775 г.; 4) «Краткій катихизисъ для дѣтей», изд. 1776 г. Самое лучшее изъ катехизическихъ сочиненій митрополита Платона есть то, которое имъ первоначально преподано народу въ академической аудиторіи, а потомъ издано имъ въ собраніи своихъ сочиненій. «Обзоръ русской духовной литературы Филарета, архіеп. черниговскаго», изд. 3-е съ дополненіями и поправками автора. Спб. 1884 г., изд. Тузова, кн.

II, стр. 404. Антикварный каталогъ бывшей библіотеки А. Смирдина, нынѣ Н. Киммеля. Отд. I. 1887, № 864—868.

[2]) *Михаилъ* (Десницкій), митрополитъ новгородскій и петербургскій, умершій въ 1821 году, написалъ «Катихизисъ въ бесѣдахъ». Катихизическія бесѣды митрополита Михаила издавались три раза, въ полномъ собраніи его сочиненій. Первое изданіе его сочиненій, въ 10 томахъ, вышло въ Спб. 1815—1816 г., второе изданіе, въ 9 томахъ, Спб. 1823—1824 г. и третіе, въ 16 частяхъ, Спб. 1855—1856 г. «Обзоръ русской духовной литературы», кн. II, 426—427.

[3]) *Иннокентій* (Смирновъ), епископъ пензенскій († 1819 года), составилъ: «Дѣятельное богословіе» и написалъ «Изъясненіе Символа вѣры». То и другое напечатано въ собраніи его сочиненій (ч. I), издававшихся, въ трехъ частяхъ, два раза въ 1821 и 1845 гг. «Обзоръ русской духовной литературы» кн. II, 424—425.

[4]) *Ювеналій* (Медвѣдскій), съ 1799 года намѣстникъ Хутынскаго монастыря, бывшій потомъ катихизаторомъ въ московской троице-сергіевой семинаріи († 1809 г.), издалъ въ Москвѣ свой богословскій трудъ: «Христіанская богословія для желающихъ въ благочестіи высшаго успѣха». Три части. Синод. тип. 1806 года. По отзыву преосвященнаго Филарета, архіеп. черниговскаго, трудъ о. Ювеналія замѣчателенъ, какъ потому, что его авторъ только любовію къ наукѣ достигъ довольно обширныхъ познаній въ богословіи, такъ и потому, что это былъ одинъ изъ первоначальныхъ опытовъ систематическаго богословія на русскомъ языкѣ. Іеромонахъ Ювеналій составилъ также и катихизисъ, извѣстный только по рукописямъ. «Обзоръ духовной литературы, кн. II, 398. Антикварный каталогъ библіотеки А. Смирдина, № 1456.

[5]) Здѣсь рѣчь идетъ о «Православномъ исповѣданіи» кіевскаго митрополита Петра Могилы, одобренномъ восточными патріархами и изд. на слав. языкѣ въ Москвѣ 1696 г. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, «Православное исповѣданіе» написано не Петромъ Могилою, а его ученикомъ Исаіею Трофимовичемъ Козловскимъ. «Обзоръ русской духовной литературы» кн. I, 190—194.

[6]) Здѣсь разумѣются: «Пространный катихизисъ» преосвящ. Филарета, митрополита московскаго, изданный въ первый разъ въ 1823 г. и «Краткій катихизисъ», его же, изд. въ 1824 году.

[7]) *Ириней* (Фальковскій), съ 1803 года ректоръ кіевской академіи, съ 1807 года епископъ чигиринскій († 1823 г.), авторъ богословскаго сочиненія: «Orthodoxae theologiae dogmaticae compendium». М. 1802 г., отличавшагося ясностію и систематическою строгостію. «Обзоръ русской духовной литературы» кн. II, 429.

[8]) Въ Смоленскѣ, въ женскомъ Вознесенскомъ третьеклассномъ монастырѣ были пострижены въ монашество двѣ сестры князя Сергія княжны Александра и Анна Ш. Шихматовы. Старшая изъ нихъ, Александра, въ монашествѣ Агаѳоклія, умерла въ вяземскомъ Аркадіевскомъ монастырѣ въ 1833 году, а младшая, Анна, въ монашествѣ Августа, пережила свою старшую сестру и умерла въ 1859 году, въ званіи игумены Аркадіевскаго женскаго монастыря. Обѣ сестры переѣхали изъ Смоленскаго монастыря въ вяземскій Аркадіевскій

женскій монастырь въ 1833 году, когда монахиня Августа назначена была въ игуменіи этого монастыря.

[9]) Въ С.-Петербургѣ въ это время находился братъ князя Сергія, князь *Платонъ* Александровичъ Ш.-Шихматовъ, съ 1824 по 1842 годъ состоявшій директоромъ канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія, а съ 1842 по 1850 годъ — товарищемъ министра, а съ 1850 по 1853 годъ—министромъ народнаго просвѣщенія. Князь Платонъ Ш.-Шихматовъ умеръ 5 мая 1853 года. См. «Очеркъ жизни князя Платона Александровича Ш.-Шихматова. Спб. 1855 г., изд. Н. Елагина.

[10]) Здѣсь рѣчь идетъ о *Православномъ исповѣданіи м. Петра Могилы.*

[11]) Выписки здѣсь не помѣщаются. Они заимствованы большею частію изъ «Пространнаго катихизиса и изъ «Богословіи» іеромонаха Ювеналія. Нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ представляютъ повтореніе тѣхъ, которыя еще раньше отправлены были братьями къ Сергію, при письмѣ, отъ 25 августа 1828 года.

[12]) Эти слова дѣйствительно находятся въ письмахъ братьевъ, и они помѣщены въ письмѣ ихъ къ Сергію, отъ 25 августа 1828 г. Приведенныя здѣсь слова братья представляютъ какъ доказательство, заимствованное ими изъ «Богословіи» о. Ювеналія.

[13]) Въ сельцѣ Дерновѣ, Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, жилъ самый младшій изъ братьевъ, князь Прохоръ Александровичъ Ш.-Шихматовъ, имѣвшій большое семейство и отличавшійся рѣдкою гуманностію къ своимъ крестьянамъ. Онъ умеръ въ 1863 году.

[14]) Въ письмѣ, отъ 11 февраля 1829 года.

[15]) Подъ переложеніемъ многихъ мѣстъ Библіи разумѣются поэтическія переложенія кн. Сергіемъ нѣкоторыхъ псалмовъ Давидовыхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ переложеній псалмовъ напечатаны въ изданіи академіи наукъ 1820 г., а большая часть ихъ осталась въ рукописи, подъ заглавіемъ: «Псалтирь десятиструнный». «Обзоръ русской духовной литературы», кн. II, 444—445. «О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты». Спб. 1838, стр. 10.

[16]) *Филаретъ* (Амфитеатровъ), архіепископъ казанскій (съ 25-го февраля 1828 года по 19 сентября 1836 года), въ 1836 году былъ переведенъ въ Ярославль, а отсюда 18 апрѣля 1837 года—въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ званіи митрополита 21 декабря 1857 года. Строевъ. Списки іерарховъ: 290. 335. 9.

[17]) Въ селѣ Пахомовѣ, Рославльскзго уѣзда, Смоленской губерніи, жилъ въ имѣніи своемъ одинъ изъ братьевъ, именно князь Василій Александровичъ Ш.-Шихматовъ, скончавшійся въ 1834 году.

II.

Второй и болѣе важный предметъ, подвергавшійся обсужденію въ перепискѣ между братьями князьями Алексѣемъ и Павломъ Александровичами Ш.-Шихматовыми съ одной стороны и княземъ Сергіемъ Александровичемъ съ другой,—сосредоточивался на рѣшеніи вопроса о томъ, могутъ-ли надѣяться на полученіе спасенія люди, не имѣющіе достаточныхъ познаній о вѣрѣ, но находящіеся въ послушаніи церкви и прибѣгающіе ко всѣмъ ея таинствамъ, хотя и не понимающіе силы и значенія послѣднихъ.

Что собственно подало поводъ къ возбужденію этого вопроса, на это нѣтъ никакихъ указаній въ перепискѣ братьевъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ князю Сергію братья-князья говорятъ только, что они „нечаянно открыли въ Сергіѣ заблужденіе о членахъ церкви“. Очень легко могло случиться и то, что, въ бытность у братьевъ въ селѣ Архангельскомъ, князь Сергій, при взаимныхъ богословскихъ разсужденіяхъ, дозволилъ себѣ какое-нибудь не особенно точное выраженіе о степени необходимости религіознаго просвѣщенія христіанъ. Братья тѣперь, вообще, стали недовѣрчиво относиться къ религіознымъ воззрѣніямъ Сергія, вслѣдствіе рѣшительной перемѣны, происшедшей въ немъ, когда онъ отказался отъ совмѣстной съ ними жизни, а, взамѣнъ того, избралъ мѣстомъ своего пребыванія Юрьевъ монастырь. При такомъ на-

---

[1]) См. іюль—августъ «Христ. Чт.» (т. I, 97—124, 1889).

строеніи братьевъ достаточно было одного неосторожнаго слова, неопредѣленнаго выраженія о религіозномъ просвѣщеніи, чтобы возникъ спорный вопросъ, тѣмъ болѣе, что жизнь обоихъ братьевъ такъ сложилась, что они нѣсколько иначе относились къ этому вопросу. Оба брата всю свою жизнь посвятили на религіозное просвѣщеніе своихъ крестьянъ, всю свою душу отдали этому святому и излюбленному ими дѣлу. И, въ данномъ случаѣ, достаточно было одного неосторожнаго, неопредѣленнаго выраженія Сергія, по самому животрепещущему для нихъ вопросу, чтобы со стороны ихъ вызвать возраженіе.

Князь Сергій Александровичъ высказалъ болѣе опредѣленный и, главное, болѣе жизненный взглядъ на возбужденный вопросъ, чѣмъ его братья. Онъ выражался о немъ въ слѣдующихъ словахъ: „для тѣхъ изъ братьевъ нашихъ, которымъ, *по обстоятельствамъ жизни сей многопопечительной*, еже ли не совсѣмъ возбранены, то, по крайней мѣрѣ, не довольно открыты средства къ умудренію себя въ ученіи вѣры, и они потому остаются въ невѣдѣніи или въ неясномъ вѣдѣніи спасительныхъ ея истинъ, а, между тѣмъ, они вѣчно пребываютъ въ сыновнемъ покорствѣ возродившей ихъ въ вѣчную жизнь духовной ихъ матери церкви, и таинствами ея освящаются и ведутъ жизнь добродѣтельную, для таковыхъ согласіе ихъ во всемъ совершенно, поколику они разумѣть могутъ, хранить ихъ на пути спасенія и доводить къ оному можетъ“. Братья же, подъ вліяніемъ вкравшагося у нихъ нѣкотораго недовѣрія къ Сергію, поняли вышеприведенное его положеніе въ томъ смыслѣ, что будто онъ признаетъ религіозное невѣжество нормальнымъ, законнымъ явленіемъ, нисколько не подтвергающимъ опасности спасенія человѣка. „Не о томъ споръ нашъ съ тобой, писали братья къ Сергію, лишаются или не лишаются спасенія невѣжествующіе въ вѣрѣ, не наше дѣло разбирать и разсуждать о семъ, предоставимъ сіе Господу, но о томъ, что *невѣжество въ вѣрѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть путемъ ко спасенію*“. Братья, неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, заключили, что Сергій допускаетъ *въ одинаковой степени* возможность полученія спасенія и вѣдающими свою вѣру и *всѣми безъ разбора невѣдаю*

щими ея". Нужно при этомъ замѣтить, что они, и въ словесныхъ объясненіяхъ и даже въ своихъ письмахъ къ Сергію, не отчаявались въ благости Божіей къ нѣкоторымъ религіознымъ невѣждамъ, „яко невиннымъ въ своемъ невѣдѣніи". Въ сущности такого же самаго взгляда держался и Сергій. „Я, писалъ онъ, *отнюдь не утверждаю и не законополагаю невѣжества въ вѣрѣ*, но, напротивъ, признаю нужнымъ, *равно какъ и вы*, познаніе въ истинахъ откровенія, а только не могу допустить совершеннаго отлученія отъ спасенія тѣхъ изъ нашей православной собратіи, которые, *не имѣя средствъ, лишаются желаемаго въ вѣрѣ просвѣщенія.*

Такимъ образомъ, разность во взглядахъ на затронутый вопросъ между переписывавшимися между собою братьями заключается болѣе на словахъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Положимъ, во многихъ мѣстахъ писемъ князей Алексѣя и Павла встрѣчаются многія отдѣльныя выраженія, которыя ведутъ къ отрицательному рѣшенію затронутаго вопроса, но, если взять во вниманіе и обобщить всю ихъ переписку, то имъ нельзя приписать безусловно отрицательнаго взгляда на невозможность полученія спасенія религіозными невѣждами.

Вообще, вся переписка по возбужденному вопросу возникла и развивалась не столько вслѣдствіе разногласія во взглядахъ, сколько, и главнымъ образомъ, была плодомъ нѣкотораго недовѣрія братьевъ какъ къ самому Сергію, такъ и къ окружающему его монашескому обществу и, особенно, къ представителю этого общества архимандриту Фотію. Возникшее, подобнаго рода, недовѣріе и подозрительность къ Фотію дѣйствительно имѣли серьезныя основанія.

Фотій своими, болѣе чѣмъ странными, дѣйствіями, напримѣръ, *таинственною посылкою князю Сергію письма за семью печатями* съ надписью на печати на недоступномъ для большинства языкѣ (англійскомъ), или записью объ исцѣленіи бѣсноватыхъ, могъ возбудить нѣкоторое недовѣріе къ себѣ даже среди самыхъ довѣрчивыхъ по природѣ людей. Мы ограничиваемся до времени одними этими общими указаніями, такъ какъ въ нижепомѣщаемыхъ нами

матеріалахъ будетъ выдѣлена особая глава, посвященная дѣятельности о. Фотія.

Предлагаемый здѣсь отдѣлъ переписки между князьями Алексѣемъ и Павломъ Александровичами съ одной стороны и княземъ Сергіемъ съ другой имѣетъ не столько богословскій, сколько, и по преимуществу, историческій интересъ. Въ своихъ письмахъ князья Алексѣй и Павелъ даютъ намъ любопытную характеристику современнаго имъ религіознаго состоянія русскаго общества. Въ нихъ мы находимъ указаніе на особенности религіозныхъ воззрѣній какъ высшаго русскаго общества, такъ и низшаго. И что особенно замѣчательно, изъ переписки князей Ш.-Шихматовыхъ открывается такое любопытное явленіе, какъ то, что извѣстный историческій дѣятель и ревнитель славянорусскаго слога и *блюститель православія* А. С. Шишковъ, въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, держался нѣкоторыхъ *соцініанскихъ воззрѣній*. На какомъ невысокомъ уровнѣ религіознаго просвѣщенія стояло тогда высшее сословіе дворянство можно судить по слѣдующему примѣру. Одинъ изъ ближайшихъ къ Москвѣ помѣщиковъ и знакомыхъ князей Ш.-Шихматовыхъ, въ своемъ разговорѣ съ ними, высказалъ слѣдующій взглядъ на догматическое ученіе о св. Троицѣ, по которому св. Троица состоитъ, по его мнѣнію, изъ Отца, Сына и Божьей Матери. Если таковы были нѣкоторые помѣщики, жившіе вблизи центра русскаго православія и просвѣщенія, т. е. Москвы, что же нужно думать о религіозныхъ познаніяхъ помѣщиковъ, жившихъ въ глуши!? О рѣшительномъ невѣжествѣ низшаго класса и говорить послѣ этого нечего. Потому-то князья Алексѣй и Павелъ такъ возмущались скудостію религіозныхъ познаній крестьянъ, что, въ своихъ обличеніяхъ ихъ религіознаго невѣжества, доходили до нѣкоторыхъ довольно односторонніхъ выраженій. „Самыя святыя мощи угодниковъ Божіихъ, напримѣръ, по словамъ братьевъ, не столько чествуются отъ невѣждъ, сколько безчествуются“. Однимъ словомъ, здѣсь оправдывалась общеизвѣстная истина, что одна крайность вызывала другую, одна крайность сопровождалась другою.

Всѣ письма Алексѣя и Павла пишутся отъ имени обоихъ

братьевъ; на самомъ дѣлѣ всю богословскую переписку съ княземъ Сергіемъ велъ князь Алексѣй, другой братъ князь Павелъ—только подписывался.

Письмо братьевъ князей Навла и Алексѣя Александровичей Ширинскихъ-Шихматовыхъ къ князю Сергію Александровичу Ширинскому-Шихматову, отъ 25-го Августа 1828 года.

...Есть у васъ правило, изъ твоихъ же устъ нами слышанное, которымъ не взыскивается съ членовъ церкви никакого познанія въ вѣрѣ, ниже самаго кратчайшаго.

... Ты пріемлешь, что нѣтъ необходимости всякому христіанину, самому лично быть свѣдущу въ догматахъ исповѣдуемой имъ вѣры, ниже въ главнѣйшихъ изъ нихъ, каковы суть: св. Троица, воплощеніе и искупленіе, а достаточно лишь быть крещену, почитать себя членомъ церкви и не отступать отъ нея видимымъ образомъ.

Письмо братьевъ, отъ 20-го Января 1829 года.

Мы нечаянно открыли въ тебѣ очень важное заблужденіе о членахъ церкви, заблужденіе, которое, если разсмотрѣть пристальнѣе, то найдется оно источникомъ премногихъ вовсе нехристіанскихъ мнѣній, а ежели на мнѣніяхъ такихъ основывать и поступки, то многихъ крупныхъ золъ виновникомъ оно окажется; мы частію то тебѣ и показали уже, какъ въ изданной Богословіи [1]), такъ и въ одной изъ читанныхъ тебѣ тетрадей нашихъ. Если бы ты сердечно и всесовершенно принялъ святое ученіе церкви, тогда, не мѣшкая ни минуты, бросился бы, какъ вѣрный сынъ ея, по сему образцу вѣры, расположить и твое сердечное исповѣданіе, искоренивъ всесовершенно главнѣйшія во мнѣніяхъ твоихъ вышеупомянутыя погрѣшности о разборчивомъ принятіи церковнаго ученія, о предпочтеніи старыхъ книгъ новымъ, о членахъ церкви, но и всѣ безъ изъятія, какъ бы, впрочемъ, маловажными они тебѣ не казались. Ты бы не отсталъ отъ насъ, доколѣ мы не указали тебѣ все то, что мы находимъ въ тебѣ несообразнымъ съ церковнымъ ученіемъ, въ которомъ единомъ мы многіе годы сами поучаемся и другихъ поучаемъ [2]). Ты, единожды увѣрившись, что мы не отъ инудѣ излагаемъ тебѣ наши представленія, наши доводы какъ спрашиваясь у церкви, общей нашей матери, и ея слова тебѣ предлагаемъ, совершенно отгналъ бы всякую недовѣрчивость, опять слилъ бы твой духъ вѣры во едино. И теперешнее, изъ двухъ насъ, по благодати Божіей, составленное, единство, тогда опять составилось бы изъ трехъ.

Мнѣніе твое, что достаточно быть крещеннымъ въ церкви, не отла-

гаясь отъ нея, хотя и безъ надлежащаго понятія о святѣйшемъ христіанствѣ, чтобы быть истиннымъ ея членомъ и стоять на пути спасенія, повидимому, также не перемѣнилось, ибо намъ случалось замѣчать въ тебѣ нѣкоторыя рѣчи, прямо отъ сего пагубнаго положенія истекающія. А что не по образцу и правиламъ богословскаго и катихизическаго ученія продолжалъ ты твое съ нами обращеніе и поступки и со времени произнесеннаго отреченія, то явствуетъ изъ того, что ни малѣйшей не послѣдовало во внѣшностяхъ здѣшней твоей жизни перемѣны.

По твоему, всякъ тотъ, кто крещенъ въ церкви, хотя бы онъ и не былъ оглашенъ ученію Господню, хотя бы онъ чуждъ былъ всякаго катихизическаго ученія, можетъ также шествовать путемъ спасенія. По твоему, достаточно, чтобы только онъ вѣровалъ лишь такъ, какъ вѣруетъ церковь, вовсе, впрочемъ, не вѣдая церковнаго о томъ ученія. Вотъ съ какимъ мнѣніемъ ты прибылъ сюда и вотъ что было причиною нашего состязанія о вѣрѣ.

...Если не успѣемъ преклонить тебя къ нашей сторонѣ, то прибѣгнемъ ко власти старѣйшинства, Богомъ и природою намъ надъ тобою врученной, не свой лишь гласъ къ тому употребляя, но соединенные гласы нашего семейства, въ которыхъ ты не можешь не слышать и самый гласъ въ Бозѣ почивающей нашей родительницы. Она такъ съ нами возопіетъ: «въ тебѣ ли я вижу такую существенную разность съ ученіемъ церкви, церкви, той матери твоей, которая отродила тебя духовно и въ томъ самомъ ученіи тебя воспитала отъ дѣтства твоего, которое она и теперь проповѣдуетъ и въ которомъ ты думаешь ее подозрѣвать. Бѣги, лети на край свѣта отъ виновниковъ такого нелюбовнаго прелестнаго внушенія». Таковъ, конечно, былъ бы ея гласъ, если бы она, приступивъ ко всѣмъ намъ, ея дѣтямъ, выслушала отъ насъ о погрѣшности твоей наше представленіе. Она бы заключила разбирательство сіе словами: я, будучи не искусна въ богословскомъ ученіи, не могу судить о подробностяхъ богословскихъ, но знаю и увѣрена въ томъ, что не токмо вышеписанной разности, но и ни малѣйшей съ ученіемъ церкви вы не должны имѣть, а потому повелѣваю тебѣ: пребывай всегда усерднымъ ко святой церкви (церкви же не идеальной, а видимой, россійской апостольской, подъ управленіемъ св. синода пребывающей), всѣ ея постановленія свято почитай и храни, по христіанской твоей благопристойности поступи такъ, какъ повелѣваетъ и повелитъ (замѣть, и повелитъ) тебѣ сія мать твоя церковь и никогда отъ ней не отступай и бѣгай не токмо расколовъ, но и раздоровъ и всякаго несогласія.

Письмо князя Сергія, отъ 11-го Февраля 1829 г.

Что принадлежитъ до догмата о членахъ церкви, то о семъ скажу

необиновенно, что ежели я утверждалъ, что учиться истинамъ вѣры для вѣрующаго излишне и ненужно, лишь бы онъ согласовалъ съ ученіемъ церкви, самъ нисколько не стараясь познавать сіе ученіе, то, конечно, худо выразилъ свои мысли и достоинъ порицанія. Но, ежели я говорилъ (какъ и теперь говорю), что для тѣхъ изъ братіевъ нашихъ, которымъ, по обстоятельствамъ жизни сей многопопечительной, ежели не совсѣмъ возбранены, то, по крайней мѣрѣ, не довольно открыты средства къ умудренію себя въ ученіи вѣры, и они потому остаются въ невѣдѣніи, или въ неясномъ вѣдѣніи спасительныхъ ея истинъ, а между тѣмъ они всегда пребываютъ въ сыновнемъ покорствѣ возродившей ихъ въ вѣчную жизнь духовной ихъ матери церкви, и таинствами ея освящаются, и ведутъ жизнь добродѣтельную, что для таковыхъ согласіе ихъ (во всемъ совершенно, поколику они разумѣть могутъ), съ церковію хранить ихъ на пути спасенія и доводить къ оному можетъ, ежели я сіе говорилъ, то отъ словъ моихъ не отрицаюсь *). Изъ таковыхъ простыхъ сердцемъ и умомъ многіе даже достигаютъ до высокой степени святости, ежели они, по мѣрѣ возможности своей, ревнуютъ жить по

---

*) На эти слова братья сдѣлали слѣдующія замѣчанія:

Выписка изъ письма князя Сергія, отъ 11-го Февраля 1829 г.	**Замѣчанія князей Алексѣя и Павла.**
Ежели я говорилъ (какъ и теперь говорю), что тѣмъ изъ братій нашихъ, которые... остаются въ невѣдѣніи, или въ неясномъ вѣдѣніи *спасительныхъ истинъ*,	Самыя слова: *спасительныя истины* не могутъ иначе быть понимаемы, какъ такія истины, которыя *необходимо* нужны для спасенія души. Безъ вѣры, какъ извѣстно всякому читающему Евангелія, спастись не можно: а вѣра есть ни иное что, какъ принятіе сихъ евангельскихъ, спасительныхъ истинъ. Можетъ ли же быть принятіе оныхъ сердцемъ, безъ предварительнаго познанія умомъ?.. Суди самъ.
а между тѣмъ всегда пребываютъ въ сыновнемъ покорствѣ... церкви,	Пребывать въ покорствѣ, то есть въ повиновеніи церкви, тѣмъ, которые не знаютъ или худо знаютъ ея предписанія, есть дѣло также невозможное, какъ невозможно совершенно глухому, или одинъ несвязный голосъ рѣчи слышащему рабу, повиноваться велѣніямъ своего господина.

Бозѣ. Примѣръ тому, оныя двѣ женщины, простыя поселянки, къ ко-

таинствами ея освящаются.

Таинствами освящаться взрослымъ, не вѣдущимъ о таинствахъ, не допускаетъ богословское церкви ученіе. Да и сколько нелѣпаго придется допустить, допустивъ такое освященіе.

и ведутъ жизнь добродѣтельную,

Неповинующимся же церкви и неосвященнымъ таинственно благодатію невозможно вести жизни добродѣтельной, въ томъ видѣ, въ какомъ оную повелѣваетъ Евангеліе Іисуса Христа:—а развѣ въ томъ, въ какомъ оную предписываетъ евангеліе міра, или вѣра *христіанская не евангельская.*

что для таковыхъ согласіе ихъ (во всемъ совершенно, поколику они разумѣть могутъ) съ церковію, хранить ихъ на пути спасенія, и доводить къ оному можетъ.

Пребывающимъ въ невѣдѣніи или въ неясномъ вѣдѣніи спасительныхъ истинъ вѣры и ученій церкви съ церковью въ оныхъ разумно согласоваться есть опять нравственная невозможность. Ибо въ согласіи двухъ сторонъ въ чемъ-либо (по здравой логикѣ) необходимо требуется ихъ другъ друга ясное разумѣніе.

Ежели *я* сіе говорилъ, то отъ *словъ моихъ* не отпираюсь.

Изъ вышеписанныхъ замѣчаній нашихъ явствуетъ, что сіи *твои слова* вовсе несогласны ни съ церковнымъ ученіемъ, ниже съ здравымъ разсудкомъ: несогласны вовсе и съ тѣмъ листомъ, который ты утвердилъ, было, твоимъ *аминемъ*. Не усматриваешь ли ты здѣсь упомянутыхъ въ письмѣ нашемъ твоихъ *да* и *нѣтъ?*

.. Я отнюдь не утверждаю, что не нужно поучаться въ вѣрѣ, но что и тѣ не лишаются спасенія, *согласія ихъ ради съ церковію*, которые сами лишены средствъ къ сему душеполезному поученію.

Тѣ, которые лишены средствъ къ поученію, не иное какое могутъ имѣть согласіе съ церковію, какъ *слѣпое, невѣжественное*, самое то, которое ты самъ называешь порицательнымъ, говоря: *если я утверждалъ, что учиться истинной вѣрѣ для вѣрующаго не нужно, лишь бы онъ согласовался съ ученіемъ церкви, то, конечно, достоинъ порицанія.*

торымъ посланъ былъ отъ Бога преподобный Макарій египетскій, какъ на единой степени святости съ нимъ стоящимъ, за то, что многія лѣта живучи вмѣстѣ, какъ жены двухъ братьевъ, никогда одна другой ни въ чемъ не досадили, ниже словомъ единымъ. Подобныхъ примѣровъ въ житіяхъ святыхъ не мало. Но повторяю, что отнюдь не утверждаю я, что не нужно поучаться въ вѣрѣ по возможности, ибо, что̀ полезнѣе сего поученія, но что и тѣ не лишаются спасенія, согласія ихъ ради съ церковію, которые сами лишены средствъ къ сему душеполезному поученію.

Позвольте мнѣ еще сказать вамъ откровенно, что крайне, крайне прискорбно мнѣ было видѣть въ посланіи вашемъ потревоженнымъ священнѣйшій для насъ прахъ родительскій, и безъ сего можно бы обойтись обличеніями, самими по себѣ рѣзкими до крайности; по совѣсти опять скажу вамъ, что почивающая въ Бозѣ не почла бы меня отступникомъ отъ церкви по всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, и, можетъ быть, поскорбѣла бы о строгости догмата, совершенно исключающаго отъ спасенія не систематически наученныхъ ученію вѣры, но я не смѣю влагать въ уста ея свои мысли.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла, отъ 5 апрѣля 1829 года.

Относительно до очень важнаго нашего съ тобою несогласія о церкви, въ которомъ наше мнѣніе есть совершенно мнѣніе церкви, ты пишешь, что ты *худо выразился*. Хорошо, если дѣйствительно ты съ нами и съ богословіею разнствовалъ лишь недостаточнымъ выраженіемъ, а въ существѣ мы были согласны. Но сего допустить нельзя, ибо ты слишкомъ свѣдущъ и въ языкѣ и слишкомъ давно занимаешься богословскими предметами, чтобы такой важный догматъ и притомъ въ требующихъ всякаго остереженія словопрепирательныхъ разговорахъ могъ ты изложить несообразно съ твоими мыслями и такъ правильно съ богословіемъ, какъ показываетъ прочитанное мною тебѣ мѣсто. Но и теперь, когда ты подписуешь намъ твое ни на волосъ неотступленіе отъ богословскаго ученія нашей церкви, ты утверждаешь, что неясное вѣдѣніе или даже и невѣдѣніе спасительныхъ истинъ не отдаляетъ отъ него спасенія. Здѣсь явное противорѣчіе въ словахъ. Спросимъ тебя: почему ты называешь истины спасительными? Неправда ли—потому, что онѣ необходимы ко спасенію? Мы желаемъ сами себѣ и тебѣ, чтобы не своими умствованіями, не мнѣніями частными, а всеобщими богословскими положеніями руководствоваться не только въ догматахъ, но и въ постановленіяхъ меньшей важности. Для того то просимъ и тебя не иначе почитать съ нами единомысленнымъ, какъ, прочитавъ со вниманіемъ изданную, съ одобренія верховной власти, на русскомъ языкѣ, богословію для

всѣхъ членовъ нашей церкви, ученыхъ и неученыхъ. Въ ней ты слышалъ мнѣніе твое порицаемымъ. Суди самъ, любезный другъ, за что ты насъ почитаешь не право умствующими? За то ли, что мы такъ сильно хватаемся за ученіе церкви? Но мы опять приведемъ тебѣ на видъ тобою изреченныя вышеписанныя слова о важности повиновенія церкви. Ты насъ совершенно тогда лишь успокоишь, когда не... только пріятіемъ богословскихъ истинъ, которыя ты здѣсь подтвердилъ, и которое, однакожъ, не препятствуетъ тебѣ отступать отъ нихъ, но когда скажешь, что ты перечиталъ церковныя богословіи отъ доски до доски и почитаешь своею обязанностію во всемъ томъ, гдѣ не дозволяется намъ мыслить, во всемъ томъ сообразовать твои мнѣнія съ сими богословіями церкви. Вотъ тогда дѣйствительно прекратятся наши пренія. Святая наша церковь, переливъ тогда въ сердце твое ея спасительныя словеса, не оставитъ между нами никакого недоразумѣнія. До сего же времени, воля твоя, не можемъ мы не говорить тебѣ о предметѣ семъ. Виноваты мы предъ тобою, что не сообразовались тономъ нашимъ нелюбовнымъ съ состояніемъ чувствъ, многою любовію возбужденныхъ. Впередъ будемъ осторожнѣе, при помощи Божіей. Но несравненно были бы виновнѣе предъ Богомъ и предъ тобой, если бы, вопреки совѣсти, вопреки разума, съ тобою согласились. Вѣруемъ и надѣемся, что Господь, коего сила въ немощи совершается, поможетъ нашему скудоумію до конца остеречь твою мудрость. Давно бы ты прекратилъ наше состязаніе, если бы прочиталъ со вниманіемъ церковную богословію, которой мы держаться почитаемъ нашею первѣйшею обязанностію. Во время обнаруженія нашего съ тобою въ церковномъ ученіи несогласія, благодаря Бога, ты приближаешься къ намъ на нѣсколько становъ, подаваясь болѣе и болѣе. Надобно сдѣлать тебѣ еще сей послѣдній шагъ, чтобы приблизить совершенно, дать себя обнять нашею любовію, грубою, неотесанною, но все же любовію, которая, при всякомъ твоемъ приближеніи, чаяла тебя обнять, но что то тебя отдаляло. Два или три вышеписанныхъ отъ тебя слова удовлетворительнѣе будутъ многихъ.

Приводимый тобою примѣръ изъ житія св. Макарія ни съ которой стороны не утверждаетъ, что невѣдѣніе или неясное вѣдѣніе спасительныхъ «истинъ» не есть препятствіе ко спасенію. Ибо, во-первыхъ, истины евангельскія и особенно дѣятельной вѣры лишь текстами Свящ. Писанія *объясняются по извѣстному богословскому правилу, а не біографическими примѣрами.* Во-вторыхъ, упоминаемыя въ житіи сего святаго двѣ святыя жены ни въ какомъ отношеніи не показываютъ своего неяснаго вѣдѣнія истинъ христіанскихъ, а тѣмъ менѣе невѣдѣнія. Время жизни ихъ въ такую эпоху, когда оглашеніе, или наученіе истинамъ вѣры строго наблюдалось въ церкви, даетъ поводъ думать, что имъ

принадлежало не токмо сіе кратчайшее исповѣданіе догматическихъ истинъ христіанскаго ученія, въ символѣ вѣры заключающееся, но и дальнѣйшее ихъ въ законѣ познаніе, ибо онѣ простерли желаніе свое къ христіанскому совершенству, желая вступить въ ликъ святыхъ дѣвъ. Сіе еще явствуетъ изъ того, что, живучи въ мірѣ, онѣ угодили Богу болѣе, нежели самъ извѣстнѣйшій пустынникъ св. Макарій; а безъ вѣры, какъ тебѣ извѣстно, невозможно угодить Богу. Изъ сего примѣра нельзя не замѣчать, какъ предпочтительна самымъ прославившимся святымъ пустыножителямъ жизнь въ свѣтѣ можетъ быть иногда; и отсюда несправедливо заключать, что во свѣтѣ живущіе не могутъ достигнуть такой степени святости, какъ монашествующіе обоего пола.

Изъ письма твоего ясно видно, что ты допускаешь таковымъ (невѣдущимъ въ вѣрѣ) таинствами освящаться и вести жизнь добродѣтельную, т. е. всѣ тѣ дѣйствія, которыя суть лишь плоды живой вѣры и возрожденія сердечнаго. Апостолъ, повидимому, не такъ мыслилъ, взывая: како увѣруютъ безъ проповѣдующаго (Римл. X, 14)? Онъ безъ ученія вѣры не допускалъ ей мѣста въ человѣкѣ, а безъ вѣры почиталъ невозможнымъ угодить Богу (Евр. XI, 6). Какъ ты хочешь, но такое мнѣніе отзывается нерасположеніемъ твоимъ къ просвѣщенію и даже до такой степени, что заставляетъ тебя клонить вѣсы на сторону невѣжества и непросвѣщенія. Не это ли заставляло тебя не обращать вниманія на необразованность въ вѣрѣ вѣрнаго твоего служителя *И. П.* [3]), у котораго ты и не подозрѣвалъ пустоты истинъ христіанскихъ, доколѣ не услышалъ отъ него антихристіанскаго требованія? Не это ли, въ обращеніи твоемъ съ родными и ближними, удерживало твое вниманіе отъ обозрѣнія познаній ихъ въ законѣ, въ семъ первѣйшемъ дѣлѣ духовной милостыни, которыхъ одно согласіе съ тобою во внѣшностяхъ достаточно было утвердить въ твоемъ мнѣніи объ ихъ православномъ исповѣданіи.

Относительно до невѣжествующихъ нашихъ братій, невѣжествующихъ до того въ законѣ Божіемъ, что не могутъ различить правой руки отъ лѣвой, нельзя о семъ не болѣзновать чрезвычайно, плакать горько и молиться болѣе, нежели о чемъ либо, ибо кто вѣдаетъ здѣсь Слово Божіе между сими милліонами? Судить о нихъ и осуждать ихъ не наше дѣло. Милосердіе Божіе неизреченное и пути Его недовѣдомые да будутъ утѣшеніемъ скорбящимъ и молящимся о нихъ. Горе для сердца, образованнаго по образцу евангельскому, котораго оно не можетъ забыть. Невѣдѣніе Бога есть первѣйшая вина зла и корень золъ частныхъ и общественныхъ. Это есть источникъ всѣхъ нравственныхъ болѣзней, которыми недугуютъ невѣжествующіе наши братія, это болѣзнь такъ распространившаяся, что ее можно даже назвать *духовной епидеміей*. Кто чувствуетъ много, даже до состраданія съ ближними, сіе ихъ несчастіе, тотъ любитъ много,

кто мало—тотъ мало, иной же совсѣмъ не видитъ, не чувствуетъ, не подозрѣваетъ, кто, слѣдовательно, и не молится о сей всеобщей язвѣ; не знаю, какъ онъ можетъ въ совѣсти своей почитать себя любящимъ ближнихъ, любящимъ отечество, любящимъ церковь. Ибо, церковь то и есть образъ Христовъ. Чтобы любить въ церкви всѣ принадлежности ея, надобно сперва любить ея тѣло, съ которымъ неразлученъ ея Глава. Подобно, какъ кто, любя человѣка, не украшенія одеждъ имѣетъ предметомъ своей любви, а самого человѣка, съ которымъ тогда и всѣ принадлежности его любезны, такъ, равно, чтобы искренно любить и церковь, надобно любить ея членовъ, любить, т. е. радоваться въ ихъ духовномъ пріобрѣтеніи и скорбѣть въ ихъ лишеніи, и въ вспоможеніи имъ предпочитать духовную милостыню тѣлесной, когда мы можемъ оную, или еще обязаны, подавать. Врагъ нашъ и здѣсь бодрствуетъ, дѣйствуя десными и шуіями. Многіе изъ насъ, любя другого, любятъ не его, а любятъ себя въ немъ, а потому нельзя не опасаться и здѣсь, чтобы въ любви къ церкви не любить предпочтительно не то, что вящше требуетъ нашей любви, а то, что намъ болѣе нравится.

Допущеніе невѣдѣнія спасительныхъ истинъ невреднымъ ихъ спасенію отверзаетъ входъ всякимъ ересямъ, всякому злу. Представь ты себѣ неблагословенное правило во всемъ томъ пространствѣ, которое оно готово себѣ отгородить, бывъ допущено въ церквахъ, и ты ужаснешься и пожалѣешь, что отверзъ ухо свое пріять оное въ свой умъ, въ свое сердце. *Протестантовъ* отсѣченіе, сличаемое съ послѣдствіями, съ опустошеніями, какія сей вепрь готовъ произвесть, если дать ему волю, есть такое явленіе, что вовсе теряется изъ вида. Оно, сказываютъ, нѣкогда допущено было, дѣйствительно, въ западной церкви, и чего оно не надѣлало? Да, можетъ быть, и теперь не оно ли питаетъ буйство, породившееся въ наше время на островахъ невольницкихъ?.. Отъ запада то оно перешло и на востокъ, и ходитъ, повидимому, и у насъ изъ устъ въ уста, хотя и не съ такою странностію, съ какою оно было пущено на западѣ, но это потому, что порокъ, бросающій сіи бомбы, не имѣетъ довольно силы, чтобы докинуть до берега и метать на смерть. Года два тому назадъ, намъ случилось слышать такое мнѣніе въ нашемъ домѣ отъ пріѣзжаго изъ П. Мы не мало удивились, увидѣвъ, что оно, къ несчастію, вселяется и въ наши предѣлы. Нѣтъ сомнѣнія, что церковные учители такъ обстоятельно и написали въ богословіи такое рѣзкое ему опроверженіе, чтобы не дать ему хода въ нашей церкви. Въ предыдущемъ письмѣ нашемъ ты видѣлъ выписку о семъ изъ богословіи.

Недавно еще случилось намъ слышать отъ лица, коего умъ ученіемъ вообще щедро выше поставленъ народнаго, такое погрѣшительное мнѣніе о вѣрѣ, которое дѣйствительно превосходитъ всѣ ереси, имя хри-

стіанъ на себѣ носящія, и которое привело въ ужасъ самое сіе лицо, когда мы оному объяснили погрѣшительность онаго. Невѣжественное мнѣніе сіе, непосредственно истекающее изъ вышеописаннаго правила, состояло въ томъ, что Троицу, по мнѣнію сего лица, составляютъ: *Богъ Отецъ*, *Богъ Сынъ и Пресвятая Богородица*. Когда мы спросили, отъ чего такое, еще неслыханное ни въ какой христіанской ереси, мнѣніе, то получили отвѣтъ, что о св. Троицѣ оно никогда не имѣло евангельскаго и катихизическаго понятія. А какъ въ письмахъ, получаемыхъ отъ лицъ набожныхъ и благочестивыхъ, оно всегда видѣло Божію Матерь, непрестанно упоминаемую со Спасителемъ, то и не смѣло о ней иначе и мыслить, какъ почитая ее равною съ Нимъ. Если въ *нашемъ* классѣ слышится такое уродливое понятіе о вѣрѣ, то чего ожидать въ низшемъ и званіемъ и просвѣщеніемъ? По многимъ признакамъ видно, что многіе изъ невѣжествующихъ въ вѣрѣ почитаютъ Божію Матерь больше Спасителя. Да оно и очень естественно, ибо они, не слыхавъ и не зная ничего о таинствѣ искупленія и воплощенія, и не имѣя никакого понятія основательнаго о Божествѣ, слышавъ покланяемыхъ Матерь и Сына, безъ сомнѣнія, по порядку земныхъ вещей, предпочитаютъ Ее Сыну.

Другое ложное понятіе также во всѣхъ классахъ, по которому премногіе боготворятъ святыя иконы, такъ очевидно, что только ты сего не видишь, премногіе и вовсе не обращаютъ вниманія на отправленіе богослуженія не по не радѣнію, но по нехотѣнію. Преосвященный Платонъ, излагая въ *п. кат.* [4]) погрѣшительное употребленіе иконъ, кажется, имѣлъ въ виду сіе народное злоупотребленіе сего благочестиваго обычая. Но народное просвѣщеніе въ вѣрѣ, со времени сего катихизиса, благодаря, между прочими причинами, и вышеписанному правилу, пріемлющему невѣдѣніе вѣры, а, слѣдовательно, невѣдѣніе Бога, непрепятствующимъ ко спасенію, не повысилось ни на волосъ. Даже и тотъ, кто хладнокровно взираетъ на сіе, чреватое многими и многими всякаго рода преступленіями, по строгому суду христіанскія любви, не можетъ почесться братолюбивымъ. Кто не видитъ, что вышеписанное правило и всѣ, порождающіеся отъ онаго, многіе другіе малые болѣе всего останавливаютъ ростъ младенцевъ до той мѣры возраста Христова, о которой упоминаетъ апостолъ. Обременивъ себя, съ самаго дѣтства, однѣми внѣшностями, они не могутъ выйти изъ сего возраста. Гдѣ видна великость богослуженія, тамъ чрезмѣрное превозношеніе, при существующемъ невѣдѣніи о важнѣйшемъ вѣры, о сущностяхъ оной. Такъ слѣдуетъ сему быть по порядку вещей. Нѣтъ сомнѣнія, всѣ учители нашей церкви, которыхъ церковноучебныя книги суть всеобщій проповѣданія вѣры и закона Божія источникъ, имѣли въ виду вышеприведенныя вредныя слѣдствія, ополчаясь такъ сильно противъ невѣжества въ вѣрѣ.

Если бы можно было допустить, что невѣжествующіе въ вѣрѣ и невѣдомо держащіеся ученія церкви, соблюдая умъ свой въ совершенномъ невѣдѣніи истинъ евангельскихъ, могутъ въ тоже время соблюдать оный чуждымъ суевѣрныхъ и богопротивныхъ толковъ и преданій, но опытъ семидесяти вѣковъ показываетъ, что не было еще ни единаго народа и даже ни единаго человѣка, который не имѣлъ бы о Богѣ и вѣрѣ какого либо понятія, т. е. если не истиннаго, то ложнаго. Я самъ имѣлъ случай премногими опытами извѣдать въ простомъ народѣ нашемъ истину и сего положенія и вышеупомянутаго погрѣшительнаго богослуженія.

Теперешнее твое защищеніе твоихъ мнѣній есть точно такое же, какое мы отъ тебя слышали, и которое, однако же, ты, по времени, оставилъ. Вспомни, не то ли же говорилъ ты мнѣ, пришедъ ко мнѣ, однимъ утромъ, предъ обѣдней, что ты съ нами ни въ чемъ не разнствуешь. Предъ отъѣздомъ ты подтвердилъ, что ни въ чемъ не разнствуешь съ ученіемъ церковноучебныхъ книгъ, а теперь мы опять читаемъ въ твоемъ письмѣ ощутительное съ богословскимъ ученіемъ *несогласіе о членахъ церкви. Ибо, самое сіе мнѣніе, что достаточно вѣровать такъ, какъ вѣруетъ церковь, не зная, впрочемъ, ничего изъ сей церковной вѣры, назвали мы мнѣніемъ, прикрывающимъ безбожниковъ*. Суди самъ, суди, съ какимъ хочешь пристрастіемъ и предубѣжденіемъ. Можемъ ли мы хладнокровно слушать однимъ ухомъ сіе твое опять совершенно прежнее мнѣніе о столь важномъ догматѣ, тогда какъ церковь въ другое ухо внушаетъ намъ горестное возраженіе такому мнѣнію. Какой тутъ умъ не смутится, пріявъ отъ окружающихъ своихъ такія неблагопріятныя вѣсти? Какое сердце не дрогнетъ, если бы хотя лишь одна искра братской любви еще въ немъ не потухла? Что стоитъ тебѣ, когда ты совершенно чисто умствуешь о церкви, приложиться къ намъ, въ той простотѣ сердца, которая, будучи одинъ духъ съ церковію, не оказываетъ ни малѣйшаго противленія ея ученію. Не надѣясь на свою глупую мудрость, мы даже заимствуемъ уста церкви, ея словами сообщаемъ тебѣ наше мнѣніе, съ твоимъ несообразное; ибо, если бы сообразовалось, не было бы между нами никакой при.

Письмо князя Сергія, отъ 20 Апрѣля 1829 года.

Отвѣтъ и оправданіе мое состоитъ въ усерднѣйшей моей просьбѣ, чтобы вы, оставивъ всякое подозрѣніе, представляющее вещи въ иномъ видѣ, нежели онѣ суть, остались совершенно спокойными относительно моего православія, которое мнѣ, какъ я уже многократно объявлялъ, дороже самой жизни, и увѣрились, что нѣтъ между нами разногласія существеннаго, а развѣ только въ словахъ, да и то, при прилежномъ раз-

сматриваніи, оно исчезаетъ. Прошу васъ вникнуть, что, хотя я исповѣдую, что тѣ изъ православной нашей собратіи, которые, бывъ и бывая таинствами освящаемы, и сохраняя дѣтскую покорность къ возродившей и освящающей ихъ матери, и провождая жизнь добродѣтельную, не познали, по невѣжеству, всѣхъ спасительныхъ истинъ вѣры, не отчуждаются своего спасенія, оставаясь въ лонѣ святой церкви, съ сыновнимъ къ ней усердіемъ; но исповѣданіе сіе есть токмо допущеніе любви христіанской, возлагающей несомнѣнное упованіе на безпредѣльное милосердіе Божіе, не изгоняющее вонъ изъ царствія своего грядущихъ къ Богу въ простотѣ сердца, кроткихъ и смиренныхъ чадъ возлюбленной Его невѣсты, за коихъ Онъ, бывъ человѣкъ, изліялъ кровь свою вседражайшую. Господь даже, въ утѣшеніе наше, (ибо утѣшительно таковое исповѣданіе столько, сколько противное мучительно) представляетъ примѣры такового милосердія своего въ житіяхъ святыхъ отецъ, и даже видимъ и опыты и чудесные; ибо между нашими святыми угодниками, которыхъ тѣлеса почиваютъ въ нетлѣніи, съ силою чудотворенія, въ пещерахъ кіевскихъ, нѣкоторые были не книжны. Допущеніе сіе, и вами неотвергаемое, отнюдь не есть, въ устахъ моихъ, правило утверждать невѣжество въ дѣлѣ спасенія; а, напротивъ, нельзя не желать и не молить Бога съ церковію о просвѣщеніи свѣтомъ Христовымъ вящше и вящше всѣхъ ея чадъ, и, безъ всякаго прекословія, наставить невѣжду въ вѣрѣ есть дѣло милостыни духовной, заповѣданное къ спасенію наставляющаго и наставляемаго, милостыни тѣмъ важнѣйшей тѣлесныя, что душа важнѣе тѣла. И какъ въ посланіи вашемъ, при повтореніи прежнихъ обвиненій, съ присовокупленіемъ немногихъ, прямо относящихся къ самому дѣлу, новыхъ обстоятельствъ, главное разсужденіе касается онаго моего исповѣданія, то, пояснивъ еще мысль мою въ семъ исповѣданіи и оставаясь при оном неотступно, не имѣю ничего прибавить къ причинамъ, изложеннымъ въ прежнемъ моемъ письмѣ; да и еще повторяю вамъ, что я не въ силахъ продолжать еще состязательное съ вами бесѣдованіе и потому прошу усерднѣйше и отъ васъ помилованія и пощады. Любовь ваша ко мнѣ, которую чувствую съ благодарностію, отклонивъ меня отъ стези, ведущей къ преткновенію въ крайнемъ, но не чрезмѣрномъ ли, опасеніи, чтобы я не падалъ и не разбивался, пріемлетъ на себя трудъ надзирать всѣ шаги мои, и, такъ сказать, какъ бы водить меня за руку мою. Но не утомителенъ ли и не излишенъ ли будетъ для нея трудъ сей?

Письмо братьевъ Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 11 іюня 1829 года.

Ты признаешь, что Господь помогъ намъ отклонить тебя *отъ стези, ведущей къ преткновенію*. Это собственныя твои слова въ твоемъ

письмѣ. Но по нѣкоторымъ замѣчаніямъ не могла не подозрѣвать любовь наша, что ты не слѣдовалъ тому направленію, которое ты признавалъ и признаешь теперь отклоняющимъ отъ стези преткновенія. Всѣ подозрѣнія наши дѣйствительно вполнѣ оправдались событіями. Ибо, не успѣлъ ты прибыть въ Юрьевъ монастырь, какъ услышали мы отъ тебя не обоюдное нашихъ мнѣній согласованіе, *но явное поддерживаніе прежняго мнѣнія твоего о церкви, различнаго отъ мнѣнія, въ учебныхъ богословскихъ книгахъ* излагаемаго.

Нельзя не видѣть, что какъ пріятіемъ сего богословскаго ученія о церкви пріемлются, по необходимости, мнѣнія другія, такъ и съ отложеніемъ отлагаются многія же. Нельзя не видѣть, что мнѣніе сіе есть преобладающее въ той системѣ, гдѣ все вниманіе обращается на одну внѣшность богослуженія и обычаи людскіе. Въ ней имѣютъ свое убѣжище *всѣ, отъ невѣжества простекающія* не мнѣнія токмо нелѣпыя и противухристіанскія, но и самыя дѣла и преступленія.

Въ предыдущемъ письмѣ ты мнѣніе твое о церкви излагалъ въ выраженіяхъ подобныхъ прежде здѣсь бывшимъ; а въ послѣднемъ ты, какъ бы опасаясь уже говорить попрежнему положительно, хотя и называешь мнѣніе сіе допущеніемъ любви христіанской, однако же такъ сильно стараешься утверждать такими доводами, что едва не прежній опять даешь оному положительный вѣсъ.

Если бы ты всего одинъ разъ предсталъ предъ оправдавшую *насъ матерь*, т. е. церковь, и спросилъ ее, какъ она насъ о семъ вѣровать и содержать повелѣваетъ. Слышишь ли, что она говоритъ? Слышишь ли, какъ она отнюдь не дозволяетъ почитать достаточнымъ, *когда кто вѣруетъ, какъ церковь неопредѣленно*, невѣжественно. Слышалъ ли, какъ она порицаетъ сіе мнѣніе, слышалъ ли, какъ она непремѣнно требуетъ для спасенія каждому имѣть сіи спасительныя истины въ своемъ сердцѣ, слышалъ ли, какъ она почитаетъ недѣйствительнымъ и самое таинство, когда пріемлющіе сами лично не вѣдаютъ о немъ умомъ и искреннимъ сердцемъ? Словомъ, слышалъ, какъ она святымъ своимъ ученіемъ, разсѣяннымъ по всей богословіи, уничтожаетъ до основанія сіе неправое мнѣніе?

се ты это видѣлъ и слышалъ въ выпискахъ нашихъ изъ самой богословіи церковно-учебныхъ книгъ. Суди же самъ, кому должны мы болѣе вѣрить: церкви и ея властямъ, или противно ей проповѣдающимъ? Ты самъ хорошо это вѣдаешь. Слѣдовательно, не умствуй паче, нежели подобаетъ умствовати.

Относительно до приводимаго тобою примѣра *нѣкоторыхъ некнижныхъ прославленныхъ* церковь знала и знаетъ сіе лучше тебя, но это не воспрепятствовало ей быть положительной въ своихъ требованіяхъ. Когда ты, послушный ея сынъ, ты съ благоговѣніемъ долженъ внимать

ея святѣйшему ученію. Вотъ мы предстали съ тобою предъ нею на судѣ...

Мнѣніе твое сіе есть главизна всѣхъ тѣхъ толковъ, о которыхъ у насъ съ тобою было столько спора, и которые всѣ будутъ не переставать показываться и рости, доколѣ корень сей совершенно не извержется. Любезный, разсмотри хоть разъ безпристрастно, чего мы отъ тебя требуемъ. Требуемъ, чтобы ты оставилъ мнѣніе людское, ни на чемъ не основанное, священнымъ Писаніемъ пререкаемое, здравымъ разсудкомъ низлагаемое, церковному ученію противоположное, и пріялъ то святѣйшее ученіе, которое во всѣхъ церквахъ проповѣдуется, во всѣхъ училищахъ преподается, на словѣ Божіемъ утверждается, съ умомъ здравымъ совершенно согласуется. Ты трепещешь, ты ужасаешься отступленія отъ церкви? Но что такое есть отступленіе, какъ непротивленіе ея ученію? Хочешь ты быть истинно послушнымъ ея сыномъ, ухватись съ нами за всѣ ея истины и не бойся ничего.

Ты признаешь, въ письмѣ твоемъ, что духовная милостыня важнѣе, нежели тѣлесная, какъ душа важнѣе тѣла. Но спроси себя по совѣсти, сообразно ли сему правилу ты дѣйствуешь съ той поры, когда послѣдовала въ тебѣ сія ощутительная во мнѣніяхъ о вѣрѣ перемѣна. Невѣжду въ законѣ наставлять есть первѣйшее дѣло духовной милостыни. Имѣлъ ли ты въ виду признаваемую тобою важность сію во всѣхъ твоихъ сношеніяхъ съ ближними, во всѣхъ твоихъ совѣтахъ и наставленіяхъ, особенно къ тѣмъ лицамъ, которыя обнаруживаютъ къ тебѣ особенную довѣренность и требовали большаго отъ тебя попеченія? Противное тому ощутительно, тѣмъ болѣе (не для обличенія сказано), что изъ извѣстныхъ намъ близкихъ къ тебѣ лицъ едва ли кто получилъ отъ тебя сію милостыню, отъ тебя, пребогатаго познаніемъ закона. Назовемъ И. П., о коемъ мы уже и намекнули въ прошедшемъ письмѣ, близкаго къ тебѣ и любимаго тобою, получилъ ли онъ отъ тебя какое наставленіе въ законѣ, при грѣховномъ невѣжествѣ его, на опытѣ здѣсь доказанномъ? Сей и многіе другіе примѣры не показываютъ отнюдь, чтобы ты наставленіе невѣжды въ законѣ почиталъ дѣломъ великой важности въ любви къ ближнему. Блюдись, мнѣнія такія исходятъ изъ твоихъ устъ явно вопреки церковному ученію. Весь пріобрѣтенный тобою по міру вѣсъ бросаешь ты на лѣвую сторону, а вѣсъ сей есть данный тебѣ отъ Бога талантъ. Ты ли не знаешь того, что одна внѣшность богослуженія безъ внутренняго богопознанія есть чистое суевѣріе. Что принадлежитъ до осужденія, которымъ ты называешь остереженіе наше тебя отъ разныхъ людскихъ толковъ, то можно ли понимать осужденіемъ такое обозрѣніе вещей, которое и разсудокъ одобряетъ и христіанское благоразуміе повелѣваетъ. Спаситель Самъ повелѣваетъ: «Искушайте духи»

(1 Іоан. IV, 1). А потому, кто испытываетъ по евангельски, тотъ не долженъ опасаться, приписываютъ ли ему осужденіе.

Письмо князя Сергія, отъ 3-го Іюля 1829 года.

Братія любезнѣйшая, почто недовѣрчивость входитъ въ сердца ваша и въ нихъ вселяется? Почто не пріемлете мнѣнія моего, какъ я оное изложилъ вамъ, а даете ему иное сказаніе. Опять повторяю (ибо вновь сказать мнѣ нечего), что я отнюдь *не утверждаю и не законополагаю невѣжества въ вѣрѣ*, но, напротивъ, признаю нужнымъ, равно какъ и вы, познаніе въ истинахъ откровенія; *а только не могу допустить* совершеннаго отлученія отъ спасенія тѣхъ изъ нашей православной собратіи, которые, не имѣя средствъ, лишаются желаемаго въ вѣрѣ про свѣщенія. Въ бытность мою съ вами, я и отъ васъ слышалъ, что и вы не отчаиваетесь въ благости Божіей къ нимъ, яко невиннымъ въ своемъ невѣдѣніи. Къ тому же, церковь наша, т. е. та же священная власть, которая утверждаетъ учебныя христіанскія книги, не невѣдая невѣдѣнія простой братіи нашей во многомъ до истинъ вѣры относящемся, не токмо отъ лона своего ихъ не отвергаетъ, но сподобляетъ ихъ освященія таинствами, признавая ихъ вѣрными своими чадами. Ибо, хотя вы освященія сего не признаете, однако же оно отнюдь не таково, чтобы однимъ почеркомъ пера вашего могло быть уничтожено. Развѣ въ таинствѣ крещенія они не омылись отъ первороднаго грѣха, и, яко чада благодати, а не гнѣва, не вступили въ завѣтъ вѣчнаго Божія къ человѣкамъ милосердія, и, по благодати, не усыновились Богу? Развѣ въ таинствѣ муропомазанія не сошелъ на нихъ Духъ Святый и не изліялъ на нихъ даровъ своихъ божественныхъ? Развѣ въ таинствѣ исповѣданія, ежели они искренно признаютъ свои согрѣшенія, не развязываются на нихъ узы грѣховные? Развѣ, наконецъ, въ таинствѣ евхаристіи, къ которому они приступаютъ съ постомъ и молитвою, и сердцемъ повторяя гласъ церкви, вѣрую и исповѣдую, лишаются они хлѣба небеснаго и чаши жизни? И еще, развѣ въ таинствѣ брака не освящается ихъ соединеніе къ сожитію и дѣтотворенію, или они сходятся жить въ блудѣ и дѣти ихъ суть прелюбодѣйчища? По симъ причинамъ, нельзя, или, по крайней мѣрѣ, я не смѣю исключить ихъ изъ числа вѣрующихъ и спасаемыхъ. Не малымъ въ пользу ихъ свидѣтельствомъ можетъ послужить и то, что многіе и премногіе изъ нихъ, при невѣдѣніи своемъ, простыми своими молитвами испрашиваютъ у Господа и у Пречистой Его Богоматери и у святыхъ Его угодниковъ, чествуя и лобызая съ вѣрою иконы ихъ и нетлѣнныя мощи, чудесныя исцѣленія отъ разныхъ болѣзней и исполненіе желанія своего во благихъ? Примѣры сему безчисленны и

безпрестанно видимы. Слѣдственно, есть въ нихъ что либо угодное Богу, Ему же безъ вѣры угодить не можно, и есть въ нихъ та вѣра, о ней же пишется: вѣра твоя спасетъ тя. Но прошу не забыть, что я все сіе говорю, дабы утвердить допущеніе спасенія, въ случаѣ невиннаго невѣдѣнія, а отнюдь непроизвольное пребываніе въ невѣжествѣ относительно вѣры. Вы сами такого же были мнѣнія прежде, и только теперь, конечно, боясь уронить важность церковно-учебныхъ книгъ, рѣшились совершенно запереть дверь милосердія Божія для невѣжествующей братіи своей, моею же съ вами матерью порожденныхъ и питаемыхъ. Не есть ли это и съ вашей стороны крайность; особенно же припомнивъ то, что и еретикамъ, церковію православною анаѳемѣ предаваемымъ, не смѣете вы изрещи судъ отверженія (хотя всякій православный сынъ церкви сердцемъ и устами долженъ во всемъ согласовать съ церковію) вѣчнаго? И еретикамъ ли пощада, дышущимъ хулою на Святаго Духа (ибо такова есть всякая ересь), и православнымъ ли братіямъ своимъ, которыхъ тоже материнское лоно церкви согрѣваетъ и питаетъ съ вами вкупѣ, отъ васъ изыдетъ конечное осужденіе прежде суда? Да не будетъ сего, братія любезнѣйшая! удержитесь по крайности, и къ церковно-учебнымъ книгамъ имѣйте ревность по разуму церкви, которая отнюдь не отлучаетъ отъ себя, а, слѣдственно, отъ спасенія, тѣхъ изъ простоумныхъ и простосердечныхъ чадъ своихъ, для которыхъ учебныя ея книги закрыты, но которыхъ она не оставляетъ вовсе безъ наученія чтеніями и пѣніями и поученіями божественными, при богослуженіи ея бываемыми. Ежели ревность сія не умѣрится разсужденіемъ, которое по наученію нѣкоего безграмотнаго старца (св. Антонія великаго), и самой любви христіанской выше, то надобно будетъ, по необходимости, видѣть храмы наши, въ которыхъ простыя сердца изливаются въ молитвѣ къ Богу, Отцу ихъ, съ матерію ихъ церковію, видѣть полными отверженныхъ и осужденныхъ, когда самъ Богъ, какъ сказано было выше, не токмо не отвергаетъ, но и пріемлетъ и исполняетъ ихъ прошенія. А что должно ихъ учить, и блаженъ тотъ, кто ихъ учитъ, въ томъ не токмо нѣтъ ни малѣйшаго спора, но всесовершенное мое согласіе. Обличеніе ваше о неподаяніи мною сей милости духовной пріемлю съ особенной благодарностію и признаю въ томъ вину свою, и каюся Господу.

Письмо князя Алексѣя къ Сергію, писанное между 4—16 іюля 1829 года.

Ты хочешь доказать намъ, что *не слѣдуетъ невѣжествующихъ* братій нашихъ почитать отлученными Божія милосердія и *лишенными спасенія*, представляя намъ непозволительность такого суда и осужде-

нія... Съ самаго начала нашего состязанія держались и держимся мы того же руководства книжнаго, т. е. церковнаго ученія, которое не можетъ, подобно разнымъ толкамъ, принять какое измѣненіе. Да не уклонится сердце наше въ словеса осужденія. Непристойно въ грѣхахъ зачатымъ, въ грѣхахъ рожденнымъ и безпрестанно согрѣшающимъ не осуждать, ни клясть никого...

Относительно *до невѣжества въ вѣрѣ*: иная вещь—называя оное противнымъ заповѣди Божіей и церковной, а богоневѣдѣніе называя съ Василіемъ Великимъ смертнымъ грѣхомъ,—ожидать отъ милосердія Божія снисхожденія къ такимъ изъ невѣжествующихъ братій нашихъ, которые дѣйствительно не имѣютъ способа познать и самоважнѣйшихъ догматовъ вѣры, а не ко всѣмъ невѣжествующимъ безъ изъятія; опять иная вещь доказывать доводами, вопреки положенія церкви, что тѣ же способы, которые ею предлагаются для вѣдающихъ вѣру и пріемлющихъ ее, дѣйствительны *и для всѣхъ невѣдающихъ безъ разбора*, слѣдовательно, и для непріемлющихъ оной. Первое положеніе наше, а послѣднее твое. Симъ твоимъ положеніемъ невѣдающимъ, слѣдов. непріемлющимъ догматовъ вѣры, также одинаково приспособляются всѣ средства ко спасенію съ пріемлющими догматы сіи, что первымъ не нужно никогда снисхожденія предъ послѣдними. Видишь ли ты теперь, какъ различно наше мнѣніе о семъ догматѣ. Мы допускаемъ возможность спасенія невинно невѣдающимъ спасительныхъ истинъ, но, по снисхожденію Божію, не смѣя противиться положительному изреченію церкви и Самого Спасителя—иже вѣру имѣтъ—спасенъ будетъ (Марк. XVI, 16), а вѣра, по опредѣленію церкви, сердечное пріятіе Евангелія. А ты прямо, вопреки церкви и Евангелію, не боишься говорить: иже не имѣтъ вѣры, т. е. сердечнаго пріятія Евангелія, спасенъ же будетъ. Если ты дерзаешь, вопреки ясному опредѣленію церкви о томъ, что она называетъ вѣрою, принимать какое иное, то оно, во-первыхъ, потому незаконно, что *нецерковное*, а во-вторыхъ, скажи же, что ты самъ называешь вѣрою, и ты, безъ сомнѣнія, не найдешься выразить словами твоими нецерковную вѣру? Что же это такое? То, чего ты и самъ, по словамъ твоимъ, не знаешь и не понимаешь и опредѣлить не можешь, и на семъ ли основываешь спасеніе душъ?

Не о томъ споръ нашъ съ тобой: лишаются или не лишаются спасенія невѣжествующіе въ вѣрѣ, не наше дѣло разбирать и разсуждать о семъ, предоставимъ сіе Господу, но о томъ, что невѣжество въ вѣрѣ и богоневѣдѣніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть путемъ ко спасенію, а потому не доводовъ требуетъ, оправдывающихъ оный, а токмо ожиданія чудеснаго милосердія Божія къ идущимъ неправымъ противуположнымъ путемъ. Держащійся сего непротивнаго церкви мнѣнія хри-

стіанскаго смѣетъ надѣяться на помилованіе лишенныхъ способовъ богопознанія христіанскаго братьевъ своихъ, надѣясь на неизреченное милосердіе и снисхожденіе Божіе. Мы между тѣмъ, съ церковію безъ пощады осуждаемъ богопротивное невѣжество. А твое же мнѣніе, утверждая равнодѣйствительность вѣры, какъ слѣпой, невѣдомой, такъ и разумной, сердечной, значительно поддерживаетъ богоневѣдѣніе.

Что принадлежитъ *до не признанія освященія таинствами, при невѣдѣніи о нихъ*, которое, непризнаніе, ты, повидимому, почитаешь однимъ нашимъ мнѣніемъ, и потому называешь недостаточнымъ, почеркъ нашего пера къ уничтоженію такого освященія. Этотъ почеркъ хотя и нашего пера, но слова не нашего ума, а ученіе церковно-учебной богословіи, какъ ты усмотришь въ приложенныхъ выпискахъ изъ оной. А потому, какъ бы кажется, съ большею смѣлостію можно было обратить твои рѣчи на самого тебя.

Такое церковное положеніе такъ достаточно отвѣчаетъ на всѣ вопросы твоего письма о таинствахъ, что намъ не было бы надобности о семъ распространяться, если бы не имѣли мы въ виду тебя еще болѣе остеречь. Изъ многихъ и многихъ освященныхъ благодатію крещенія и миропомазанія мало лишь спасутся, ибо изъ многихъ званныхъ мало будетъ избранныхъ (Мѳ. XXII, 14). Спасутся лишь тѣ, по ученію церкви, которые, вѣдая завѣтъ ихъ въ крещеніи, вѣдая обѣтъ онаго, данный ими на исполненіе—употребятъ въ свою пользу всѣ къ тому евангельскія предписанія. Такъ-ли? Теперь суди, какъ же могутъ воспользоваться сими евангельскими средствами тѣ, которые ни о завѣтѣ, ни объ обѣтѣ ихъ, ни о Евангеліи ничего не слыхали и не знаютъ? Обѣщаніе сіе есть ложное. Ты забылъ объ оглашеніи, забылъ о воспріемникахъ, забылъ о всеобщемъ катихизическомъ ученіи, когда дерзаешь, минуя все сіе и гораздо большее, по своему мыслить и утверждать.

Относительно до *исповѣди*, не обращая тебя къ богословскому катихизическому ученію, которое учитъ насъ, что необходимо знаніе вѣры при совершеніи сего таинства, и изъ котораго мы тебѣ уже довольно представляли доводовъ, а обращаемъ тебя лишь къ требнику, по которому церковь предписываетъ исповѣдывать духовному отцу. Ты тамъ увидишь необходимымъ постановленіемъ, чтобы пришедшій на духъ прежде, нежели приступить къ исповѣданію грѣховъ, долженъ прочесть символъ вѣры т. е. объявилъ бы самъ лично вѣру свою духовному отцу во всѣ спасительные догматы. Какъ же послѣ сего сказать, что церковь не требуетъ знанія вѣры отъ приходящихъ на исповѣдь? Развѣ было какое-либо другое чиноположеніе о преподаваніи таинствъ? Куда дѣвалось твое искусство въ дѣлахъ вѣры, что мы находимся принуждены указывать тебѣ такія, всѣмъ явныя, ея постановленія?

О евхаристіи дѣло: тотъ же требникъ (ибо и о семъ было тебѣ сказано и переслано ученіе богословіи церковной) указываетъ тебѣ, что церковь призываетъ приступать къ чашѣ вѣру имѣющихъ, т. е. по крайней мѣрѣ вѣдающихъ и разумѣющихъ символическое вѣроисповѣданіе, да они по сему же требнику обязаны въ молитвѣ предъ самымъ причащеніемъ вновь исповѣдывать свою вѣру. Неужели можно утверждать, что церковь довольствуется лишь ихъ устнымъ однимъ за священникомъ возглашеніемъ? Нѣтъ, ты самъ сего не допускаешь. Я знаю очень хорошо, что многіе и многіе, ежели не всѣ, самыхъ словъ изъ сей молитвы не понимаютъ, а потому, какъ могутъ сердцемъ повторять? Если бы тебѣ случилось вслушаться въ повторяющій молитву сію народъ, ты бы рѣдкое слово оной услышалъ по надлежащему отъ нихъ произнесеннымъ. Ясное доказательство, что ни умъ, ни сердце тутъ не работаютъ.

Относительно *до таинства брака*, при которомъ ты также допускаешь невѣжество въ законѣ не препятствующимъ освященію, то и самъ показываешь малое твое знакомство съ церковными опредѣленіями и постановленіями, заключающимися къ Кормчей книгѣ. Ты тамъ увидишь, что уставомъ церковнымъ повелѣвается, чтобы приступающіе къ бракосочетанію женихъ и невѣста обучены были въ законѣ Божіемъ и знали бы непремѣнно хотя символъ вѣры, заповѣди и молитву Господню, т. е. всѣ три части катихизическаго ученія.

Мнѣ приходится разувѣрять тебя въ твоихъ мнѣніяхъ о народѣ нашемъ. Мы очень близко и обстоятельно имѣли случай извѣдать духъ народный относительно ихъ вѣроисповѣданія и отправленія богослуженія. Состояніе ихъ относительно къ вѣрѣ самое жалкое и неутѣшительное, оно есть великая причина ихъ золъ, которыхъ исчислить здѣсь невозможно, и которые очевидны всякому непредубѣжденному. Я тебѣ говорю то, что я узналъ долговременнымъ и непрестаннымъ опытомъ. Двѣсти человѣкъ обоего пола крестьянъ нашихъ могутъ быть приняты непогрѣшимымъ образцомъ просвѣщеннѣе всѣхъ прочихъ нашей губерніи, противъ другихъ особенно еще просвѣщенныхъ. Повѣришь ли ты, когда я ихъ принялъ въ свои руки, ни одинъ не могъ дать ни малѣйшаго отчета не токмо о настоящемъ своемъ вѣроисповѣданіи, но ниже о богопочтеніи вообще. Нѣсколько обычаевъ и обрядовъ, переданныхъ имъ отъ предковъ, составляли все ихъ понятіе о вѣрѣ. Каковы же должны быть сіи понятія, безъ всякаго познанія ни о единомъ изъ самоважнѣйшихъ истинъ вѣры, суди самъ? Какія иныя, какъ непогрѣшительныя суевѣрія, какъ то и должно ожидать по праву вещей? Ибо это есть несомнительная неоспоримая истина, что наученный однимъ обрядамъ и обычаямъ, безъ показанія внутренняго догматическаго ихъ значенія, кото-

рымъ могли быть службы сіи опредѣлены, непремѣнно содержитъ не вѣру, а суевѣріе.

Крестьяне наши подтверждаютъ то мнѣ изъ ихъ устъ. Я имѣлъ случай слышать собственными ушами отъ многихъ, что до наученія ихъ церковному понятію объ иконахъ, они просто *запросто боготворими ихъ*. Такихъ, каковы суть большая часть нашихъ некнижныхъ крестьянъ, выше мною описанныхъ, большинство. Имъ совершенно чуждо всякое понятіе о вѣрѣ, стало быть, и о всѣхъ тѣхъ лицахъ, коихъ иконы представляютъ, которыхъ умъ оставляется въ такомъ младенчествѣ, что они не понимаютъ самаго слова *образъ*, слѣдов. не имѣютъ никакого понятія о первообразномъ и образуемомъ и, при такомъ грубомъ невѣжествѣ, заставляемые общимъ обычаемъ чинить поклоненіе и лобызаніе образовъ, и приходятъ къ боготворенію иконъ, особенно если къ тому присовокупить, что они отъ младенчества не иное какое названіе слышатъ образу, какъ имя Бога. Можетъ ли производить правильное поклоненіе иконамъ тотъ, кто не имѣетъ никакого понятія объ ихъ первообразныхъ? Конечно, нѣтъ, а будетъ поклоняться ему боготворительно. Будучи вовсе чуждыми всякаго катихизическаго ученія и даже понятій о самоважнѣйшихъ истинахъ онаго, они не умѣютъ дѣлать надлежащаго различія между Спасителемъ и святыми, и даже ревностнѣе производятъ наружное свое поклоненіе иконамъ святыхъ, нежели Самому Спасителю. Да и можно ли ожидать отъ сихъ ненаученныхъ какого различія? Невѣдая о воплощеніи, о безсѣменномъ зачатіи, могутъ ли имѣть надлежащее понятіе о Предвѣчномъ Младенцѣ и о Божіей Матери? Понятія ихъ о семъ не могутъ не быть погрѣшительными. Вотъ въ какомъ бѣдственномъ невѣжествѣ находятся многіе и многіе изъ братій нашихъ, въ какомъ, дѣйствительно, плачевномъ состояніи. *Ни одна язва государственнаго тѣла не заслуживаетъ такъ много быть оплакиваемою* какъ сія, и такія слезы будутъ, подлинно, слезы отъ любви. До того ли мы дошли, чтобы, вмѣсто исправленія злоупотребленій въ вѣрѣ, находиться принужденными отымать беззаконность этихъ злоупотребленій признаніемъ и почитаніемъ ихъ уже *непогрѣшительными*? Что говорено объ иконахъ, то самое нужно сказать и о св. мощахъ.

Странно слышать отъ тебя, что ты *такое злоупотребительное* народное *обрядоваго богослуженія отправленіе* не токмо не почитаешь богопротивнымъ, но и еще богоугоднымъ. По твоему мнѣнію, они, *не смотря на невѣдѣніе ихъ*, не токмо кланяются богоугодно, *но и испрашиваютъ чудесныя исцѣленія и исполненіе желанія* ихъ. Ты не токмо противъ богословскаго ученія, но и противъ всякаго правдоподобія, въ приводимомъ лишь тобою изреченіи, допускаешь совмѣстившимися невѣжество и вѣру. Да, вѣра такое есть познаніе Бога, позна-

ніе Его святой воли и сердечное оной пріятіе. Хотя познаніе и можетъ быть безъ вѣры, но вѣра никакъ не можетъ быть безъ познанія. Раскрой Евангеліе, ты сіе увидишь подтверждаемымъ на каждой страницѣ. Вѣрующему сыну церкви достаточно и сего ея опредѣленія: *вѣра есть сердечное пріятіе Евангелія.* По такому-то, всѣми ея вѣрными сынами пріемлемому, опредѣленію вѣры, поклоненіе иконамъ и лобзаніе ихъ должны производить съ вѣрою евангельскою, тогда оно дѣйствительно богоугодно, спасительно, и, безъ сомнѣнія, привлекаетъ на себя милость Божію и исцѣленія... Но безъ сей вѣры поклоненіе есть тоже, что и поклоненіе вовсе безъ всякой вѣры, и еще гораздо хуже... Истинно ревностный по Богѣ и по вѣрѣ, видя такое богопротивное поклоненіе, лобызаніе и моленіе иконамъ, готовъ бы былъ, подобно Павлу и Силѣ, растерзать ризы своя, во изъявленіе своего негодованія (Дѣян. XIV, 13—15).

Всѣмъ ли больнымъ изъ невѣрующихъ должно непремѣнно умирать? и ужели никакимъ желаніямъ и суевѣріямъ не слѣдуетъ быть исполненными? Напротивъ, милосердіе Божіе и щедроты не преставали проливаться на весь и языческій міръ и теперь не престаютъ и на насъ христіанъ, горше язычниковъ еще Его прогнѣвляющихъ. Ибо, дѣйствительно, какъ не пламенны будутъ наши молитвы, но щедроты любви Его безмѣрны. Итакъ, приличнѣе подражать намъ смиренію и богопочтенію древнихъ... и въ самыхъ радостныхъ нашихъ молитвахъ, а не дерзать всякой молитвѣ приписывать получаемое, да и еще такой, которая безъ вѣры, т. е. также бездушной молитвы и недѣйствительной. Дѣло духовныхъ, видя совершающіяся такія милости Божіи надъ невѣдущими Бога, употреблять сіи случаи къ приведенію ихъ къ Богу, ознакомить съ тѣмъ Искупителемъ, который и имъ, невѣдающимъ Его, такъ благодѣтельствуетъ, то кольми паче будетъ посылать благодѣянія на познавшихъ и молящихся Ему, показать всѣ главные основные догматы христіанства, которыхъ такъ немного, что въ короткое время можно наставить въ нихъ совершеннаго невѣжду въ вѣрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, это есть цѣль благодѣянія Божія къ невѣдущимъ Его.

Ты, по настоящему, долженъ бы былъ имѣть такую вѣру, что *ежели бы и на дѣлѣ увидѣлъ чудо*, къ утвержденію чего-либо противоцерковнаго ученія произведенное, когда самое это чудо склоняетъ тебя принимать то, чего не принимаетъ церковь, не давать ему другое противоцерковное опредѣленіе, ни принимать то, чему ты самъ не можешь дать никакого опредѣленія. Ученіе нашей церкви апостольской есть ученіе самихъ апостоловъ, а потому если бы и ангелъ съ небеси принесъ тебѣ что-либо противное оному, не принимай и такого небеснаго вѣстника, по завѣщанію одного изъ нихъ паче прочихъ потрудившагося (Св. ап.

Павла. Галат. I, 8). По ученію свящ. Писанія, не чудеса должны служить провѣркою ученія церковнаго (какъ поступаютъ всѣ держащіеся твоего мнѣнія), а ученіе церкви апостольской долженствуетъ повѣрять и самыя чудеса. Притомъ не забудь и сей истины: легковѣріе есть вѣрнѣйшая стезя къ суевѣрію. Истины вѣры никогда не страшатся испытанія, но и повелѣваютъ оное: испытайте вѣру—искушайте духи, аще отъ Бога суть (1 Іоан. IV, 1). Крайностей же въ пріятіи церковнаго ученія о догматахъ вѣры никакихъ быть не можетъ—это есть та средняя черта, которая отъ обѣихъ крайностей равно удалена. Ученіе наше *катихизическое и богословское* такъ ясно, что *никакого недоумѣнія не допускаетъ*, ибо оно есть ничто иное, какъ предписанное въ священномъ Писаніи ученіе о спасеніи, собранное во едино и къ простому понятію человѣческому, какъ можно болѣе, приспособленное. Крайности же, сколько ихъ было, есть и будетъ, всѣ происходятъ отъ толковъ церкви противящихся, потому и соступающихъ съ ея средняго пути.

Надобно, далѣе, показать тебѣ, что число тѣхъ, которыхъ дѣйствительно можно *почесть лишенными средствъ къ духовному себя просвѣщенію*, къ пріобрѣтенію познанія въ тѣхъ истинахъ христіанской вѣры, которыя необходимо нужно вѣдать всякому христіанину, не весьма велико, и гораздо меньше, нежели ты, повидимому, себѣ представляешь. Только тѣ, по справедливости, могутъ быть почитаемы такими, которые лишены возможности познавать умомъ сокращенное ученіе о слѣдующихъ главныхъ основныхъ догматахъ: о св. Троицѣ, о искупленіи, о благодати Св. Духа, о таинствахъ трехъ главныхъ, о заповѣдяхъ и о молитвѣ, т. е. о небольшихъ статьяхъ, кратко, но ясно изложенныхъ. Сіе то знаніе, сіе то малое ученіе было бы, однако, великое предохраненіе отъ злоупотребленія тѣхъ внѣшностей богослуженія, которыя однѣ составляютъ теперь вѣру премногихъ соотечественниковъ нашихъ, не находящихъ нужды прибѣгать къ наученію даже и симъ кратчайшимъ статьямъ. Посмотримъ, кто найдется такимъ скудоумнымъ, чтобы не въ состояніи былъ перенять сіе малое число истинъ, съ нѣкоторыми подробностями наинеобходимѣйшими. Ибо, всѣ прочіе классы, обучавшіеся какимъ-либо наукамъ, или хотя просто одной грамотѣ, не могутъ быть включаемы въ число невинно-невѣжествующихъ въ вѣрѣ. Во-первыхъ, все духовенство обязано и имѣетъ всѣ возможности познать вѣру, ежели не богословски (какъ всѣ священники теперь), то, по крайней мѣрѣ, катихизически (какъ дьячки и пономари); равно и всѣ монашествующіе имѣютъ еще болѣе возможности познать законъ Божій, монашество обоего пола, равно какъ и дворянство безъ исключенія: одни богословски,—которые избираютъ поприще учености, а всѣ остальные катихизически, все купечество, все мѣщанство, всѣ солдаты, объ обученіи ко-

торыхъ закону Божію съ нѣкотораго времени прилагается особое попеченіе, все громадное крестьянство. Остаются еще самые безграмотные наши крестьяне. Грамотныхъ же нынѣ и крестьянъ очень не мало, такъ что индѣ можно исчислять ихъ цѣлыми губерніями. Не будемъ говорить о нравственной обязанности господъ и священниковъ учить закону Божію, первыхъ—своихъ крестьянъ, а послѣднихъ—своихъ прихожанъ. И теперь всякій изъ безграмотныхъ и непросвѣщенныхъ имѣетъ доступъ къ своему священнику, которые всѣ поставляются такіе, что готовы дать отвѣтъ всякому вопрошающему ихъ о спасеніи и пространно и сокращенно.

Согласны, *что крестьяне не понимаютъ слышаннаго въ церкви*, какъ по языку имъ незнакомаго, такъ и потому, что слова и проповѣди, читаемыя въ церквахъ, написаны съ предположеніемъ заготовленнаго въ слушателяхъ основанія въ законѣ Божіемъ. Но что препятствуетъ имъ испросить у священника объясненія ихъ вѣры и богослуженія? *Многіе изъ невѣждъ не ищутъ богопознанія* по обносимому между ними правилу. Общеупотребительная почти поговорка между невѣжествующими: «*больше знать—больше отвѣчать*» показываетъ уже что небезызвѣстно имъ о такомъ ученіи, которое должно обуздывать ихъ и воздерживать отъ грѣховныхъ дѣлъ, которыя всякому человѣку по нраву. Когда апостолъ называетъ *безотвѣтными* и язычниковъ, не познавшихъ Бога (Римл. I, 20), то намъ ли оправдывать въ томъ христіанъ—людей, родившихся въ христіанской семьѣ, отъ христіанскихъ родителей, въ церкви, учащей всѣхъ, готовой указать всякому, какъ ему жить и вѣровать должно? Такихъ ли невѣжествующихъ безъ разбора всѣхъ называть невинными? Если бы и сіи безграмотные и вовсе не ученые никогда вѣрѣ обращали вниманіе свое на сей предметъ хотя половину, хотя малую долю противъ того, сколько обращаютъ на житейскія ихъ вещи, на способы къ обогащенію и, вообще, на соблюденіе своихъ выгодъ, которыхъ большая часть служитъ теперь поводомъ къ осужденію, то, какъ ни мало бы полагать у нихъ ума, но они не могли бы не обслѣдовать, или хотя поверхностно осмотрѣть, что такое называется спасеніемъ души, и что есть такое вѣра и богослуженіе. А усмотрѣвъ важность сего предмета предъ всѣми прочими, занимающими умъ, они непремѣнно бы уже сами стали прилежно къ тому дѣйствовать, и до тѣхъ бы поръ не успокоились, покамѣстъ не увидѣли пути, ведущаго ко спасенію.

Такое невниманіе есть очевиднѣйшій знакъ развращеннаго сердца. Это слѣпота произвольная, намѣренное сомкнутіе глазъ, чтобы не видѣть солнца. Я имѣлъ случай узнать самымъ опытомъ о чрезвычайномъ нежеланіи и нерасположеніи, по отношенію нѣкоторыхъ изъ сихъ невѣ-

жествующихъ, къ познанію закона Божія, такъ, что они скорѣе готовы согласиться на самое трудное и продолжительное дѣло, чѣмъ полчаса, или много часъ, заняться попеченіемъ о душѣ. Это собственно и есть благодѣяніе свѣта нашей вѣры, что она извлекаетъ людей изъ сего природнаго развращенія.

прочемъ, есть одни, которые болѣе лишены средствъ къ наученію, другіе—менѣе. Такихъ же, которые вовсе лишены сихъ средствъ въ христіанскомъ государствѣ, по вышеописанному разсужденію, окажется немного. Пусть бы уже однихъ таковыхъ называли невинно невѣжественными, то было бы нѣкоторое правдоподобіе, но какъ слышать сей эпитетъ переданнымъ всѣмъ и каждому невѣждѣ, не токмо безграмотнымъ, но и грамотнымъ, и изъ грамотныхъ то грамотѣямъ, которые давно бы могли прочест и затвердить не токмо церковныя воззванія къ своимъ чадамъ въ катихизисахъ, но и самое богописанное письмо, которое, по небреженію, безъ сомнѣнія грѣховному, у нихъ всю жизнь лежитъ нераспечатаннымъ. Таковое требованіе премногихъ невѣждъ разбудило бы изъ ихъ послѣдней летаргіи. Напротивъ, вышеписанное несчастное правило располагаетъ ихъ къ вящшему и вящшему усыпленію.

Изъ сего разсужденія видишь теперь, что не такъ многіе могутъ укрываться, подъ предлогомъ невиннаго невѣжества. Всякое же вольное невѣжество о Богѣ есть грѣхъ тяжкій. Что сказалъ бы апостолъ Павелъ, день и ночь трудившійся въ обученіи всѣхъ и каждаго вѣрѣ евангельской, услышавъ, что нынѣ такъ мало цѣнятся всѣ его труды: что слово *невѣждѣ въ вѣрѣ* у него было слово порицательное, нынѣ у насъ уже потеряло тогдашнее свое значеніе, что это уже насъ не страшитъ и не безпокоитъ, была бы лишь отправляема обрядовая вѣра, что мы ближайшимъ роднымъ и всѣмъ любимымъ нами ко спасенію предписываемъ лишь обрядовое служеніе.

Тебя, повидимому, увлекаютъ *исполняющіяся желанія по молитвамъ невѣжествующихъ*. Ты не можешь не согласиться, что полученіе милости Божіей не служитъ несомнѣннымъ знакомъ угодности Ему. Богъ отъ начала міра благодѣтельствовалъ и благодѣтельствуетъ какъ достойнымъ его милостей, такъ и недостойнымъ: солнце сіяетъ на злыя и благія (Мѳ. V, 45). Слѣдуетъ извѣдать, молится ли онъ молитвою, т. е. молитвою сердечною, если, по обыкновенію многихъ невѣжествующихъ, молитва его была одна внѣшняя, то онъ вовсе не молится, а если онъ и просилъ о чемъ, то какого бога? Какое онъ имѣетъ понятіе о Богѣ? Вѣдаетъ ли онъ о св. Троицѣ, о Сынѣ Божіемъ? Если же онъ молилъ Божію Матерь, то имѣетъ ли онъ настоящее понятіе о воплощеніи, о безсѣменномъ зачатіи Спасителя? Если угодниковъ просилъ, то знаетъ ли онъ о ихъ все то, что заповѣдуетъ церковь? Буде же онъ, молясь

не молится, или молится невѣдомому богу, вовсе не вѣдая, что доступъ къ Богу искупленнымъ пока чрезъ Искупителя, о Лицѣ котораго и заслугахъ онъ порядочно и не слыхивалъ, тѣмъ менѣе о сердечной въ Него вѣрѣ, то исполненіе желанія его есть, конечно, отъ Бога, ознаменовывающаго на насъ дѣла свои, какъ явилъ оные на разслабленномъ, на слѣпорожденномъ и многихъ другихъ, вовсе Его не знавшихъ. Но, чтобы и не молитвенное онаго прошеніе, и погрѣшительное, противузаконное святыхъ Божіихъ почитаніе, и, особенно, боготвореніе иконъ въ сихъ молитвахъ невѣжествующихъ почитать привлекшими на него чудесную божественную милость, — пусть такъ мудрствуютъ не боящіеся осужденія...

Теперь уже не сердечное пріятіе Евангелія нужно для вѣры, а слѣпое подражаніе обрядовому служенію. Это называется въ «простотѣ сердца» отправленіе богослуженія. Какъ измѣнилось самое значеніе слова: по настоящему, та лишь простота должна почитаться верхомъ христіанскаго состоянія въ вѣрѣ, которая происходитъ отъ евангельскаго духа, наполняющаго сердце и, собственно, отъ знакомства, самого близкаго, съ Евангеліемъ проистекающаго: она была и будетъ верхомъ христіанскаго совершенства. А нынѣ видимъ уже простоту сію, не различающуюся съ грѣховнымъ невѣжествомъ, и чтобы быть простымъ христіаниномъ надобно быть невѣждою въ вѣрѣ, или, по крайней мѣрѣ, до такой степени заимствовать всѣ дѣйствія невѣжествующихъ, чтобы не различаться отъ нихъ; здѣсь, не вѣруя можно вѣровать, не молясь молиться до чудеснаго привлеченія благодати Божіей. По слову Божію, по ученію церкви, одно богопознаніе съ евангельскою вѣрою ведетъ ко спасенію, *а по сему нововведенію и самое богоневѣдѣніе и совершенное незнаніе о евангеліи не препятствуютъ ни стать на путь спасенія, ни шествовать по нему.*

Письмо кн. Алексѣя къ Сергію отъ 16 іюля 1829 года.

Послѣднее наше письмо было уже готово къ отправленію, какъ полученное отъ тебя подало намъ новую думу, что одна изъ важнѣйшихъ твоихъ обязанностей остается еще неисполненной или невполнѣ исполненной. Обязанность мы разумѣемъ къ твоему отъ ранней юности *благодѣтелю* [4]), котораго искренняя къ тебѣ любовь въ продолженіи тридцати лѣтъ не переставала осыпать тебя милостями и благодѣяніями весьма значительными, и тебѣ извѣстно, что твоя къ нему взаимная любовь не представляла тебѣ еще ничего такого, что бы можно было положить тебѣ на вѣсы съ его благотвореніями, что бы можно было назвать хотя нѣкоторымъ воздаяніемъ. А было обстоятельство, которымъ подлинно ты могъ бы уравновѣсить всѣ и гораздо большія его тебѣ благодѣянія.

Обстоятельство это есть твое ему служеніе въ *утвержденіи его* въ христіанской вѣрѣ. Такое изреченіе наше можетъ дѣйствительно показаться страннымъ тому, кто не дѣлаетъ различія между христіанами по названію только и христіанами по вѣрѣ сердечной, но оно не можетъ не быть употреблено тамъ, гдѣ дѣйствительно подъ симъ святѣйшимъ именемъ скрываются мнѣнія, *далеко отступающія отъ православія, а иногда и вовсе ему противуположныя. Что благодѣтель твой непричастенъ такихъ мнѣній, о семъ мы много отъ тебя слышали, мнѣній, подходящихъ близко, если несовершенно, послѣдующихъ социніанству*, т. е. неправо пріемлющихъ, или вовсе не пріемлющихъ ни паденія ангеловъ, ни первороднаго грѣха, слѣдовательно, ни воплощенія, ни искупленія, ни Троицы, слѣдовательно, ни таинствъ, сей единой отрады падшихъ вѣрующихъ и кающихся христіанъ. Посуди же теперь самъ, какъ можетъ твоя, тридцать лѣтъ питаемая въ твоемъ христіанскомъ сердцѣ, признательность къ нему смотрѣть на него безъ слезъ, безъ мучительной туги, которая бы дотолѣ не давала покоя ни днемъ, ни ночью, доколѣ бы ты не истощилъ всѣ способы къ вспомоществованію сему твоему *второму отцу*? Да и тогда благодарность сія, если бы она была растворена первобытнымъ твоимъ духомъ христіанской ревности и любви, не могла совершенно успокоиться; ничто бы не могло совершенно успокоиться; ничто-бы не могло осушить слезъ твоихъ, хотя бы сердце нѣсколько и примирилось, предавши, по исполненіи всего твоего дѣла, волѣ Божіей, предавши онаго невѣдомымъ и неизслѣдованнымъ Его судьбамъ. Но ты еще, повидимому, и не приступалъ дѣйствовать въ семъ дѣлѣ съ такимъ жаромъ и ревностію, какія возлагаетъ на тебя твоя христіанская обязанность. Смотри, какъ ощутительна его любовь и ревность къ твоей пользѣ, и твоя холодность, твоя нечувствительность, твое совершенное почти бездѣйствіе въ воздаяніи ему. Ибо всѣ тѣ попытки, не смѣлою рукою искренне-христіанской любви, а рабской мірской политикой пріуготовляемыя, которыя совѣсть твоя иногда понуждала тебя ему напомнить, какъ ты самъ сказывалъ, вмѣщали въ себѣ столько услаждающихъ частицъ мірскаго благоразумія, что малость цѣлебнаго вещества, повидимому, была вовсе нечувствительна и недѣйствительна. Посуди по сему правилу, съ небесъ принесенному, которое заключаетъ въ трехъ словахъ всю христіанскую нравственность: не дѣлай того другому, чего себѣ не желаешь (Дѣян. XV, 29), а дѣлай ему то, что желаешь себѣ, поставивъ его на своемъ мѣстѣ, а себя на его мѣстѣ. Какъ бы ты въ семъ случаѣ желалъ, чтобы онъ тебѣ о семъ напоминалъ, чтобы употреблялъ для сего высшую степень христіанской любви? Какъ бы ты, по праву благодѣтеля, ожидалъ такихъ воздаяній и непремѣнно надѣялся отъ него сего знака его искренней

благодарности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и знака живой христіанской вѣры? Какъ бы ты ожидалъ сего отъ него, при всѣхъ невозможнѣйшихъ отъ тебя проявленіяхъ, вѣдая, какъ къ тому обязывала его сердцемъ исповѣдуемая имъ вѣра? Вникни хорошенько въ обстоятельство сіе, помѣнявши мѣста съ твоимъ благодѣтелемъ, и посмотри, не законны ли будутъ такія ожиданія его отъ тебя, не долженъ ли самъ теперь слышать сихъ его требованій отъ тебя, при самомъ его безмолвіи тебѣ оныхъ, при самомъ его нежеланіи, чтобы ты говорилъ ему о томъ? Не забудь, что уже мужъ близъ восьмидесяти лѣтъ есть онъ, и уже по природѣ занесъ ногу, чтобы переступить за предѣлы времени. Сіе возвышаетъ его опасность до высочайшей степени. *А ты во всемъ мірѣ одинъ человѣкъ, который можешь указать ему сію опасность: и долженъ и по человѣчеству и по вѣрѣ.* Если и ты, «видѣвъ, мимоиде» (Лук. X, 31), то кто ему пособитъ? Признаемся тебѣ, любезный другъ, мы не можемъ безъ сердечной болѣзни видѣть низходящимъ въ могилу съ соцініанскими мнѣніями мужа, котораго и насъ съ тобою много причинъ заставляетъ любить и уважать, какъ по его отеческимъ милостямъ къ тебѣ, такъ и высокимъ и громкимъ заслугамъ его отечеству. Какъ же можешь ты такъ неискренно съ нимъ обращаться; какъ готовому уже, можетъ быть, лечь въ гробъ ты не боишься говорить языкомъ мірской политики? Представь себѣ, съ какимъ привѣтствіемъ встрѣтитъ тебя старецъ сей въ вѣчности, допущенный тобою съ вышеписанными мнѣніями закрыть глаза, допущенный тобою, ибо ты, и по твоимъ познаніямъ въ христіанской вѣрѣ, и по твоимъ къ нему служебнымъ обязанностямъ и близости, есть тотъ единый стражъ, отъ котораго онъ долженъ и имѣетъ право требовать и ожидать бдительности и остереженія, будучи окруженъ врагами его спасенія. Какъ думаешь? Не поблагодаритъ онъ тебя за твое неискреннее съ нимъ обращеніе и утаеніе отъ ужасной пропасти, къ которой онъ несется ниже, когда прежде былъ отъ тебя остерегаемъ? Нѣтъ, любезный, готовься слышать упреки, упреки, которые повторять здѣсь не достаетъ духа, и которые ты самъ легко себѣ представить можешь, которые и не худо тебѣ представить въ воображеніи, дабы получить возможность отвратить ихъ самымъ дѣломъ. Если ты, не коснувшись ни единымъ перстомъ своимъ бремени отца и благодѣтеля допустишь ему пасть подъ онымъ, то, хотя конечно, доколѣ онъ живъ, онъ можетъ имѣть надежду во грѣхѣ семъ получить прощеніе отъ Того, Кого милосердіе не препобѣждаетъ никакой грѣхъ, но съ какою болью сердечною, съ какимъ мучительнымъ чувствомъ, съ какимъ сокрушеннымъ покаяніемъ? Такъ, какъ сокрушаются кости, лишь слабо выражаютъ чувствованія. А что тебѣ стоитъ сіе теперь? Мало, дѣйствительно, если мѣрить масштабомъ прежняго твоего съ нимъ по-

грѣшительнаго обращенія. Какъ достигнуть, какъ сказать? Съ чего начать? Но долго ли будешь незамѣченнымъ въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ нерѣшительность наша, робость и боязливость есть измѣна, есть предательство. Ты теперь уже обыкъ всякое дѣло предпринимать, благословясь именемъ Іисуса Христа. Чего же ты можешь страшиться, ограждаемый силою сего Высочайшаго имени, когда Имя сіе произносишь въ духѣ вѣры и церкви? Благословясь онымъ въ духѣ вѣры и церкви и ступай на подвигъ. Повторяемъ опять, благословясь въ духѣ вѣры и церкви, во всемъ согласно съ нами и съ церковнымъ ученіемъ, отложивъ всякій доселѣ съ нами споръ, оставивъ самое малѣйшее недоразумѣніе съ настоящими церковно-учебными книгами, повторяя догматы въ нихъ изложенные и объясненные, какъ ты за церковію повторяешь молитву и исповѣданіе твое предъ причащеніемъ. Вотъ, съ благословеніемъ въ такомъ духѣ приступай къ сему тогда вовсе не трудному дѣлу, вовсе не тяжелому, ибо Всемогущая сила поддержитъ тебя...

Совѣтъ сей надобно тебѣ произвесть въ дѣйствіе, не взирая ни на что, ибо относительно къ твоему благодѣтелю нечего уже выжидать— осьмой ему десятокъ и за половину. Торопись, пользуйся еще остающимся временемъ. Никакіе теперь узкочеловѣческіе разсчеты не могутъ здѣсь имѣть мѣста. Ты знаешь, какое воздаяніе обѣщало за сіе дѣло слово Божіе! Такое дѣло будетъ прямой христіанскій подвигъ! Всѣ твои упражненія монашеской внѣшности, отправленіе всего повелѣннаго уставомъ монашескимъ не перевѣсятъ сего единаго и не могутъ положены быть съ нимъ на вѣсы. Это есть верхъ христіанской любви. Вспомни, что мы будемъ судимы по евангелію, которое ничего такъ не заповѣдуетъ, какъ любви, какъ такой духовной милостыни. Вся бѣда твоему упущенію есть то, что ты соступилъ съ средняго пути. Вдавшись теперь въ одну, другая такъ отъ тебя отдалилась, что ты ее вовсе потерялъ изъ вида, а въ ней и твоего единственнаго предъ всѣми благодѣтеля. Сравни самъ жаръ твой, съ которымъ ты защищалъ предъ нами идеальную какую-то непозволительность земныхъ въ молитвѣ поклоновъ въ поліелейные дни и холодность, нечувствительность, съ которою ты оставляешь пребывать въ социніанскомъ духѣ твоего благодѣтеля и отца, и ты не можешь не видѣть самъ основательности нашихъ тебѣ долговременныхъ представленій.

Знай, любезный другъ, что мы о благодѣтелѣ твоемъ, котораго вовсе почти не знаемъ, и о его вѣроисповѣданіи столько имѣемъ понятія, *сколько извѣстно о томъ отъ тебя самого*. Мнѣніе наше о немъ, теперь излагаемое, въ томъ же видѣ находится въ умѣ нашемъ, въ какомъ *ты самъ* оное вселилъ, говоря о немъ съ сожалѣніемъ и такимъ, которому бы не было мѣста, когда бы не настояло ему, по твоему

тогдашнему мнѣнію, опасности, опасности душевной; ты, не обинуясь объявилъ намъ мнѣнія его о Спасителѣ и о всемъ строеніи христіанской вѣры, не токмо не ясными, не твердыми, но и подходящими къ вышеписаннымъ *социніанскимъ*. Брать тебѣ назадъ свои слова было бы не иное что, какъ обманывать самого себя.

Ты, можетъ быть, опять увидишься съ благодѣтелемъ твоимъ въ обратный его проѣздъ въ Петербургъ. Можетъ быть, онъ опять самъ тебя посѣтитъ. Но ежели бы и не посѣтилъ, рѣшись самъ сыскать его въ городѣ. Воспользуйся симъ, вѣроятно послѣднимъ, свиданіемъ. Старайся сдѣлать его такимъ, чтобы онъ со слезами плача и со слезами во всемъ раскаялся, не отступай отъ него, покамѣтъ онъ не согласится тебя выслушать, покажи ему, какъ необходима правая вѣра сердечная, чтобы разрѣшеніе духовника было дѣйствительнымъ. Покажи ему, что безъ пріятія Символа вѣры слово въ слово, безъ пріятія обѣта крещенія тоже слово въ слово, безъ пріятія таинствъ, заповѣдей и молитвъ по церковному ученію, безъ пріятія всего катихизическаго ученія, всѣхъ библейскихъ обоихъ завѣтовъ за истинное слово Божіе, безъ сего не можетъ быть истинной вѣры, а потому нельзя получить благодати, слѣдовательно, нѣтъ спасенія. Покажи ему все сіе систематическое ученіе ясно, достовѣрно, убѣдительно, какъ необходимо къ вѣчному благополучію, и почему безъ онаго невозможно ожидать ничего иного, какъ гнѣва Божія, а слѣдовательно и отдаленія отъ Него. Выслушай и его сторону, ты можешь остановить его на каждомъ его положеніи — это бездонная кадка, это зданіе безъ фундамента; покажи, какъ, напротивъ, въ православіи нашемъ удовлетворяются всѣ вопросы, дѣлаемые отъ праводушнаго искателя вѣчнаго себѣ благополучія. Совѣтуемъ тебѣ, до свиданія еще твоего съ нимъ, начать твои пріуготовительныя къ тому дѣйствія: дѣйствуй и молись, молись и дѣйствуй. Успѣешь въ дѣлѣ твоемъ, слава Богу, и не успѣешь, все слава Богу. Для насъ уже то будетъ отрадою, если и не совершится общее наше желаніе, чтобы ты свергнулъ съ себя гору, которая теперь давитъ тебя всей своей тяжестію. Твое все дѣло исправишь первымъ разомъ, когда отъ внѣшнихъ обрядовъ начнешь вести къ *внутреннему* христіанству. Это и есть камень преткновенія для нетвердыхъ христіанъ, особенно придерживающихся *социніанства*. Многіе изъ таковыхъ, не вѣдая систематическаго христіанства, судятъ о немъ по злоупотребленіямъ онаго невѣждами, одной внѣшней коры придерживающимися, и потому дѣйствительно нерѣдко суевѣрствующими, которыхъ суевѣріе просвѣщенный умъ таковыхъ, каковъ и твой благодѣтель, не можетъ не видѣть. Суевѣріе невѣжествующаго народа премногихъ изъ таковыхъ мірскихъ мудрецовъ удерживаетъ въ преддверіи

къ истинной вѣрѣ. У насъ толпа суевѣровъ, въ однѣхъ внѣшностяхъ всю вѣру поставляющихъ.

Особенно взыщется съ тѣхъ, которые непосредственно содѣйствуютъ къ размноженію суевѣрій, даже допуская и распространяя сіе мнѣніе, что нужно христіанину какъ можно болѣе прилѣпляться *къ внѣшностямъ* религіи, а догматы вѣры откроетъ ему самъ Господь. По ихъ мнѣнію, пусть лишь пріобучаетъ онъ себя воздерживаться отъ пищи, пусть хотя языкомъ однимъ читаетъ побольше молитвъ, самъ не понимая ихъ умомъ, пусть кладетъ больше поклоновъ, пусть посѣщаетъ чаще св. мѣста, словомъ пусть неопустительно хранитъ всю обрядовую вѣру, все прочее приложится ему. Кто не видитъ, что здѣсь все обращено вверхъ дномъ, и значительность внутренней догматической вѣры замѣнена вѣрою обрядовою, которая и заступаетъ первое мѣсто. Стоитъ только обратить вниманіе на народъ нашъ, чтобы видѣть всю гибельность такого обѣщанія. Сколько тысячъ и милліоновъ у насъ, послѣдуя сему богопротивному правилу, всю жизнь свою отправляютъ обрядовую вѣру и однакоже также мало остаются свѣдущими въ спасительныхъ догматахъ, и при концѣ оной и до самой смерти, какъ были, когда получили жизнь. Но найденъ способъ и сему пособить: допускается, что можно быть и добродѣтельнымъ, и набожнымъ, и благочестивымъ, не зная и не слышавъ ни о какихъ спасительныхъ догматахъ. Не то ли самое есть допускать такое противоевангельское положеніе, какое говоритъ такъ: Господи, я вѣрую и знаю, что Ты повелѣлъ ученикамъ твоимъ учить всѣхъ догматамъ твоей св. вѣры и подтвердилъ, что тотъ только спасенъ будетъ, кто приметъ умомъ и сердцемъ благую ихъ вѣсть, кто увѣруетъ въ евангеліе. При всемъ томъ я смѣю утверждать, что и безъ евангелія Твоего можно вести добродѣтельную, благочестивую жизнь и по смерти получить спасеніе. Что можетъ быть ужаснѣе сей хулы, однакоже вотъ что говорятъ всѣ тѣ, которые невѣжество въ вѣрѣ почитаютъ неважнымъ въ достиженіи спасенія, говорятъ же сіе не словомъ токмо, которое иногда невольно можетъ соскользнуть съ языка, но самымъ дѣломъ, обдуманно. Благодаря такому мнѣнію, десятки милліоновъ у насъ не умѣютъ различить въ вѣрѣ правой руки отъ лѣвой. Это ли любовь къ ближнимъ, это ли любовь къ соотечественникамъ!

Скажемъ тебѣ, что, въ добавокъ къ твоимъ рѣчамъ, твоему благодѣтелю, которыя, безъ сомнѣнія, будутъ такъ сильны и назидательны, какъ глубоко твое знаніе въ христіанской вѣрѣ, и такъ умилительны, какъ велика твоя къ сему благодѣтелю и отцу твоему любовь; въ добавокъ къ симъ рѣчамъ, совѣтуемъ тебѣ выписать для него изъ Москвы недавно вышедшую книгу Е. и уже переведенную прошедшаго года А Е. Какъ сія, вѣроятно, книга въ подлинникѣ была написана, такъ и

теперь на нашъ языкъ переложена, съ тою собственно цѣлію, чтобы руководствовать ко Христу блуждающихъ на семъ пути, чтобы дать имъ возможность, пробившимъ сквозь толпу преддверія, войти во внутренность христіанской вѣры. Мы прочли ее два раза сряду и нашли доводы чрезвычайно сильными. Теперь же прилагаемъ рукопись, давно мною переложенную, которая не мало ходила по рукамъ, какъ ты видишь по ея обветшалости. Сія будетъ также очень сильна къ утвержденію въ христіанской вѣрѣ. Достоинство ея, особенно для предубѣжденныхъ и не имѣющихъ достаточно терпѣнія къ прочтенію цѣлой книги, то, что она состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ листковъ, а между тѣмъ ясно указываетъ божественность христіанской вѣры. Я хотѣлъ было для тебя ее переписать—время не дозволило, сверхъ того и раздумалъ, что если тебѣ самому придется читать предъ твоимъ благодѣтелемъ, то она довольно четка для тебя, а если понадобится ему ее переписать, то ты можешь заставить переписать И. П., или кого нибудь другого, письмомъ чистымъ и четкимъ, а тетрадь доставить мнѣ обратно. Сіи же мѣры небезполезны могутъ быть и для другого, также съ давнихъ временъ тебѣ покровительствующаго, Н. С. М. и, къ несчастію, какъ мы отъ тебя слышали, также, повидимому, по міру мудрствующаго. Кромѣ сей рукописи очень бы, кажется, полезно было для нихъ обоихъ прочесть извѣстную тебѣ, имѣющуюся у насъ, книгу Вельбердора (не разобрано названіе). Въ Петербургѣ, вѣроятно, можно ее имѣть, а если нѣтъ, я могу ее прислать тебѣ, и ты доставишь имъ для прочтенія.

Письмо кн. Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 14 августа 1829 года.

Надобно показать тебѣ неправость твоего мнѣнія логически. Вотъ твой силлогизмъ, изъ письма твоего взятый, вотъ на чемъ ты основываешь твои сужденія.

Первая посылка: Всякъ тотъ, кто угоденъ Богу, имѣетъ вѣру. *Вторая посылка*: а всякъ испрашивающій во благихъ желаніе свое угоденъ Богу. *Заключеніе:* слѣд., всякъ испрашивающій во благихъ желаніе свое имѣетъ вѣру. Первая посылка есть тоже, что и текстъ священнаго писанія: безъ вѣры невозможно угодить Богу (Евр. XI, 6). Но вторая—*ложная*, и ложь ея обнаруживается нетокмо здравымъ умомъ и ежедневнымъ опытомъ, но и слѣдующими словами свящ. писанія: Богъ въ прошедшія времена попустилъ всѣмъ народамъ ходить своими путями, хотя, впрочемъ, никогда не переставалъ свидѣтельствовать о Себѣ благодѣяніями, посылая съ неба дожди и времена плодотворныя, подавая намъ пищу и исполняя сердца наши веселіемъ (Дѣян. XIV, ст. 17). А изъ сего явствуетъ, что и язычники, неимущіе вѣры, по благости Божіей, получаютъ во благихъ желанія свои, о которыхъ они молятъ невѣдомому

имъ богу ложному, слѣдовательно, ложное есть то по[illegible]ніе, что всякъ, испрашивающій во благихъ желаніе свое, угоденъ е[illegible] Богу, а потому ложно есть и заключеніе, что всякъ, получающій во благихъ желаніе свое, имѣетъ вѣру.

Приличнѣе бы было изъявлять любовь свою къ ближнимъ несогласованіемъ своимъ съ пререкаемымъ здѣсь правиломъ, невѣжество въ вѣрѣ обезпечивающимъ, а вспомоществованіемъ, каждому по своимъ силамъ, тѣмъ изъ пастырей, которые неутомимо трудятся къ защищенію стада своего отъ мысленныхъ волковъ, заграждая онымъ всѣ входы, которые невѣжество въ законѣ Божій во многихъ пунктахъ ограды пространно отверзаетъ. Таковъ былъ въ Бозѣ почивающій *митрополитъ Михаилъ* [5]), который, по истинно—христіанскому своему благочестію, вполнѣ постигалъ сію необходимость народнаго ученія, а потому, въ бытность еще *приходскимъ священникомъ въ Москвѣ*, по всѣмъ праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, паству свою неутомимо поучалъ катихизическому ученію. Благодаря Бога и Спаса нашего, есть и теперь между нашими пастырями, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ и селахъ. Особенно много могли бы содѣйствовать этому общему христіанскому дѣлу облеченные властію и тѣ богатые по міру, которые считаютъ богатство свое числомъ душъ родовыхъ людей, до десятка и даже до сотенъ тысячъ простирающихся, имъ принадлежащихъ, т. е., по собственному ихъ признанію, врученныхъ ихъ отвѣтственности.

Если ты дѣйствительно не только не находишь никакого опасенія для почитаемыхъ тобою невинно невѣжествующихъ въ главныхъ и основныхъ догматахъ вѣры, и даже допускаешь молитвенную простоту и силу, превосходящую силу молитвы многихъ сердцемъ вѣрующихъ; если ты дѣйствительно такъ умствуешь и сердцемъ твоимъ убѣжденъ, что совершенное невѣжество въ свящ. писаніи, замѣчающееся во многихъ нашихъ соотечественникахъ, не препятствуетъ шествію по спасительному пути, то согласишься ли ты помѣняться, взявъ отъ кого совершенное невѣжество о Богѣ и вѣрѣ и прилѣпленіе къ обычаямъ людскимъ и обрядамъ, и за такую его простоту, такъ много тобою цѣнимую, отдать ему все твое знаніе въ законѣ, все твое пріобрѣтеніе многихъ и многихъ лѣтъ, твою духовность, твою набожность и сердечное чувствованіе?

Письмо князя Сергія, отъ 11 сентября 1829 года.

Многіе и многосложные ваши свитки я получилъ и прочиталъ, и душевно поскорбѣлъ о томъ, что изъ всѣхъ моихъ писемъ и поясненій много заключенія вы сдѣлать не могли, какъ то, что я противникъ церкви.

...Ко всему тому, что писано мною прежде, прибавить мнѣ нечего, ибо я отнюдь не полагаю богоневѣдѣніе путемъ къ богоугожденію, а

только невольсъ невѣжествующимъ въ вѣрѣ, чадамъ церкви православной добродѣт[illegible]лмъ, (ибо не мало есть таковыхъ добродѣлающихъ будущаго ради воздаянія) невѣжество ихъ, уповаю несомнѣнно, милосердіемъ Божіимъ не поставится къ спасенію преградою; и въ семъ упованіи моемъ отнюдь не смѣшиваю ихъ съ непріемлющими, ибо въ сихъ дышетъ духъ противленія, а въ тѣхъ—совершенной покорности. Вѣрую Господу премилосердному, что Онъ благодатію, какъ до нынѣ ограждалъ, такъ и впредь оградитъ меня отъ заблужденія по пути погибельному—еретическому.

Тетрадь вашего обличительнаго писанія на неисполненіе вполнѣ обязанности моей къ моему благодѣтелю, хотя и почитаю я для себя бременемъ тяжкимъ и неудоботносимымъ, однако же не могу не благодарить строгости вашей ко мнѣ любви, взвѣшивающей со всякою точностію, вполнѣ ли я всѣ свои обязанности исполнилъ. Много и много недостаетъ до полноты, и вся надежда на милосердіе Судіи Господа, о которомъ присный Ему рабъ Его повѣдалъ намъ, что Онъ и дѣянія пріемлетъ и предложенія хвалитъ и намѣренія цѣлуетъ. На возвратномъ пути благодѣтеля моего не судилъ мнѣ Господь видѣть лице его; ибо онъ, торопясь кончить путешествіе свое, на записку мою, дабы извѣстилъ меня смотритель о его проѣздѣ, дабы я могъ самъ, испросивъ у настоятеля благословеніе, предстать лицу его, отвѣчалъ онъ мнѣ, что никакъ не могъ остановиться въ городѣ, для ожиданіи моего прибытія, а только перемѣнилъ лошадей и отправился далѣе. Я писалъ ему письмо, въ которомъ, не въ видѣ обличенія или наученія, но даже съ похваленіемъ ревности его по православію, писалъ ему о православіи и о будущемъ мірѣ, куда уже путь ему предстоитъ не вдалекѣ. Впрочемъ, соображая слова его, здѣсь говоренныя, о существующемъ въ столицѣ маловѣріи, я противъ прежняго моего относительно его погрѣшился, и уповаю, что начавый и совершитъ.

Письмо братьевъ, отъ 28-го ноября 1829 года.

Допустить невѣжество и самое глубокое невѣжество, не дающее отличить въ вѣрѣ правой руки отъ лѣвой? Сіе подтверждаешь ты не словами токмо, но и самымъ дѣломъ на *И. П.* Научилъ ли ты его хотя теперь, послѣ неоднократныхъ нашихъ представленій? Если нѣтъ, то суди самъ, какъ безбоязненно для ближнихъ, какъ безопасно для любимыхъ тобою ты чаешь быть невѣжество въ законѣ, и такое грѣховное, какое Господу угодно было указать тебѣ здѣсь на И. П. Не забудь притомъ, что ты самъ писалъ намъ, что почитаешь духовную милостыню также важнѣе тѣлесной, какъ душа важнѣе тѣла.

Допустить невозбранность приближенія къ тайнамъ взрослымъ не знающимъ ничего о вѣрѣ, слѣдовательно и невѣрующимъ?

Допустить состояніе церкви изъ христіанъ невѣдующихъ о Христѣ, слѣдовательно также невѣрующихъ въ Него, и сіе тогда, когда у тебя должны были глубоко врѣзаться въ памяти катихизическіе вопросы?

Допустить молитву дѣйствительною на испрашиваніе просимаго, когда и самъ просящій не знаетъ, о чемъ онъ проситъ?

Допускать, что ежели Господь ознаменуетъ милость Свою надъ болящимъ по его молитвѣ, хотя и такой, которую можно назвать поклоненіемъ Богу вовсе невѣдомому, по молитвѣ не чрезъ Искупителя, по молитвѣ боготворящей угодниковъ и самыя ихъ иконы, при всемъ томъ приписывать вѣрѣ болящаго исцѣленіе или иную какую нибудь милость?

Допускать исполненіе заповѣдей Божіихъ, при совершенномъ незнаніи оныхъ?

Допускать наименованіе простоты христіанской верховною добродѣтелію истинно духовныхъ подвижниковъ грубое такое невѣжество о Богѣ и о вѣрѣ?

Допускать называніе вѣрою и вѣрою евангельскою хранящихъ однѣ внѣшности вѣры и обычаи людскіе? Все сіе явно противъ ученія св. церкви и ея учебныхъ книгъ, какъ отъ насъ тебѣ ясно, прямо было показано.

Письмо князя Сергія, отъ 28 декабря 1829 года.

Прежніе свитки ваши вопіютъ противъ обряднаго служенія, а послѣдній—противу допущенія къ спасенію невѣжествующей нашей собратіи, и явно къ тому клонятся, чтобы заставить меня изрещи судъ отверженія на сію простѣйшую чадь православной нашей церкви, и по сему самому подписки оныя излишни, ибо въ прежнихъ моихъ письмахъ я обстоятельно вамъ изъяснилъ мое о семъ предметѣ мнѣніе, отъ котораго и теперь отступать не смѣю, хотя оно составляетъ главный и единственный пунктъ нашего взаимнаго недоразумѣнія, ибо не смѣю, тварь ничтожная, ограничить милосердія творческаго, призвавшаго простѣйшую оную чадь въ нѣдро истинной своей церкви и въ ней оную освятившаго и освящающаго! Братія возлюбленные! не прогнѣвайтесь, ежели я вопрошу васъ словами апостольскими: или отъ васъ слово Божіе изыде, или васъ единыхъ достиже (1 Кор. XIV, 36)? Есть люди, равно какъ и вы, благочестивые, и которые науку богословскую попрежде васъ познали и поглубже (ибо облечены отъ церкви сугубою властію научати вѣрующихъ вѣрѣ, таинствомъ священства и саномъ учительства) и однакоже, не только такъ рѣшительно, какъ вы, не отрѣшаютъ упоминаемыхъ нашихъ собратій, вѣрующихъ, поколику разумѣютъ искренно въ Бога и въ церковь Божію, отъ дверей чертога небеснаго, но съ неменьшимъ моего снисхожденія допускаютъ имъ входъ въ святилище спасенія. На дняхъ ѣздилъ я

поздравить съ праздникомъ *здѣшняго преосвященнаго викарія* [7]), котораго знакомствомъ пользуюсь я еще со времени его архимандритства, мужа мудраго, проходившаго въ Харьковѣ шесть лѣтъ званіе ректора семинаріи и оттолѣ возведеннаго на степень святительства, и предложилъ ему вопросъ о спорномъ между нами пунктѣ, и получилъ отъ него Отвѣтъ совершенно согласный съ моимъ мнѣніемъ; и даже когда я привелъ ему на видъ, что въ книгахъ богословскихъ строго требуется разумѣніе вѣры, и тогда онъ, по тому положенію, что правила могутъ имѣть изъятія, остался при прежнихъ словахъ, утверждая, что дерзостно есть опредѣлять слабымъ нашимъ смысломъ милосердіе Божіе, усыновившее Богу простѣйшую нашу братію отъ самаго ихъ рожденія. Отвѣтъ его не есть простого христіанина, овцы стада, но просвѣщеннаго благодатію пастыря словесныхъ Христовыхъ овецъ; и къ рѣшенію нашего недоумѣнія онъ есть лицо довлѣющее. Подобное же мнѣніе слышалъ я отъ *ректора здѣшней семинаріи* [8]), который десять лѣтъ, по удостоенію начальства, проходилъ съ честію сіе званіе, обучая богословію духовное юношество, и теперь, будучи архимандритомъ первокласснаго монастыря, готовится взыти на степень архіерейства и удостоилъ меня однажды своего посѣщенія. Я полагаю, что ежели бы еще кому предложить подобный вопросъ, то послѣдовалъ бы подобный же и отвѣтъ. Братіе! неприсвояйте себѣ, преимущественно предъ пастырями и архипастырями, учителями церкви по сану и по благодати, разумѣніе богословія, въ изученіи котораго и въ обученіи которому они проводятъ всѣ дни свои, освящены на то бывъ церковію.—Возлюбленные! не будьте мудры о себѣ но допустите, что и васъ излишняя ревность, приводящая въ разногласіе со освященными церковію учителями, можетъ увлечь за предѣлъ праваго мудрованія. Опять же повторяю вамъ, многократно уже мною повторенное прежде, что допущеніе не есть правило, но что правило не не терпитъ допущенія. Господь да пробавитъ вамъ свои щедроты временныя и вѣчныя за то, что сами, паче и паче утверждаясь въ истинной и дѣятельной вѣрѣ, научаете оной и невѣрующихъ. Благословенъ предъ Господомъ трудъ вашъ и мзда ваша у Господа многа.

Письмо братьевъ кн. Алексѣя и Павла къ Сергію, между декабремъ 1829 года и январемъ 1830 г.

Тебѣ извѣстно, что истинное христіанство, основанное на любви, на любви даже ко врагамъ, связуетъ всѣхъ членовъ онаго, всѣхъ чадъ церкви неразрывными узами. И всякій человѣкъ, по ученію святѣйшей нашей вѣры, есть нашъ ближній, а тѣмъ паче присный въ вѣрѣ и еще болѣе тотъ, съ которымъ связуютъ насъ, кромѣ общихъ, еще частныя узы, или непосредственно или посредственно. Изъ такихъ ближнихъ нашихъ ки-

дается намъ въ глаза *графиня Орлова* [9]), которая, благодѣтельствуя тебѣ, и намъ сдѣлалась не чуждое лице, хотя ея сіятельство можетъ быть и не знаетъ о существованіи насъ, услугами своими ей обязанныхъ. Со времени твоего вступленія подъ ея покровительство мы чаще стали о ней говорить и внимательнѣе слушать говорящихъ. Она есть помѣщица нѣсколькихъ десятковъ тысячъ крестьянъ, если съ женами, то въ совокупности составитъ, можетъ быть, до сотенъ тысячъ, или около, которыхъ благополучіе непосредственно зависитъ отъ нея, благополучіе не временное только, но и вѣчное, по зависимости, въ которой находятся всѣ крестьяне у своихъ помѣщиковъ и по обязанности, какая лежитъ на первыхъ пещись о благосостояніи ихъ душъ, какъ то явствуетъ всякому, знающему наши права и вникающему въ христіанское благочестіе, вѣдая по христіанскимъ вѣсамъ, что *помѣщикъ для крестьянъ, а не крестьянинъ для помѣщика*, что духовная милостыня и благодѣяніе также превосходитъ тѣлесную, какъ душа тѣло, что, по примѣру нашего Спасителя, мы должны сами служить другимъ, нежели отъ другихъ требовать услугъ.

Мы, сколько могли освѣдомиться, не находимъ учебныхъ заведеній во всѣхъ, подчиненныхъ ея сіятельству, городкахъ и весяхъ многочисленныхъ, въ которыхъ бы раздавалась духовная милостыня въ той величайшей духовной нищетѣ, въ которой находятся почти всѣ члены сего великаго сословія соотечественниковъ нашихъ. Не знаемъ, есть ли какія нибудь учебныя заведенія для дѣтей крестьянъ въ ея помѣстьяхъ. Ежели есть, то, кажется, не во многихъ, ибо иначе трудно, чтобы то не дошло до нашего свѣдѣнія изъ публичныхъ листовъ или иныхъ какихъ источниковъ, взрослые же, кажется, навѣрное, по примѣру всѣхъ вообще помѣщиковъ, не имѣютъ чѣмъ утолить духовный свой гладъ (къ закону Божію), крестьянъ нигдѣ не обучаютъ, и *они, поколѣніе за поколѣніемъ, остаются въ глубокомъ невѣжествѣ о единомъ на потребу* (Лук. X, 42).

Вслѣдствіе замѣченнаго нами упущенія сего просвѣщеннаго долга помѣщиковъ въ помѣстьяхъ ея сіятельства, мы, по вышеписанной связи съ нею, находимъ христіанскимъ долгомъ *сообщить ей чрезъ тебя наше братолюбивое остереженіе.* Довѣренность же, которою ты, повидимому, пользуешься у ея сіятельства, есть одинъ изъ тѣхъ талантовъ, тѣхъ важнѣйшихъ, ибо твой благовременный совѣтъ можетъ имѣть дѣйствіе на вѣчное благополучіе сотенъ тысячъ душъ, за каждую изъ которыхъ Спаситель пролилъ Божественную Свою кровь, и которое ты дѣйствительно воздѣлаешь ревностнымъ и подробнымъ ей предложеніемъ... Ты, любезнѣйшій, обязанъ ей и здѣсь твоею благодарностію за ея благодѣянія, которыя ты получаешь и не имѣя въ томъ нужды,,

благодарностію и воздашь, по своимъ силамъ. Такое отъ тебя ей предложеніе есть непремѣнный твой долгъ, ибо Господь сблизилъ тебя съ нею, доставивъ тебѣ ея довѣренность, обративъ на тебя ея благодѣянія и, наконецъ, открывъ тебѣ неисполняющеюся первѣйшую ея обязанность и попеченіе о подданныхъ, для будущаго ихъ благополучія; явно указываетъ тебѣ сіе твое дѣло.

Добродѣтели графини такъ дивны и такъ ощутительны въ пространной нашей Имперіи, добродѣтели необычайныя въ ея званіи и состояніи, склоняющія ее нетокмо отереть слезы сѣтующихъ, насыщать утробы алчущихъ, призирать сирыхъ, вспомоществовать всѣмъ всячески, но и съ высоты своей знатности и величія снисходить въ убогія хижины и въ кельи пригвожденныхъ къ болѣзненному одру... Ежели, по обозрѣніи важности и богоугодности предлагаемаго тебѣ для предложенія сего дѣла, посмотрѣть, что это тебѣ и ей будетъ стоить, то цѣна сія оказывается такъ ничтожною, что и поставить ее врядъ съ пріобрѣтеніемъ невозможно. Съ твоей стороны нужно лишь направленіе по сему пути твоей отъ нея довѣренности, христіанскою любовію и ревностью движимой, а съ ея вовсе незначительное отдѣленіе доходовъ, отъ крестьянъ ея ею получаемыхъ, на благодѣяніе, симъ крестьянамъ направленное... Смѣемъ сказать, что Господь восполняетъ и твои добродѣтели, представляетъ тебѣ сей легчайшій способъ къ увѣнчанію оныхъ дѣломъ изъ всѣхъ дѣлъ милости первѣйшимъ. Господь представляетъ тебѣ случай исполнить неисполненное, довершить недовершенное.

Вѣроятно, никто по сіе время не указалъ ей сію богатѣйшую руду въ ея помѣстьяхъ. Тебя, повидимому, угодно Господу избрать, тебя вести разными путями, и прямыми и косвенными, чтобы, наконецъ, привести къ симъ топазамъ, для обогащенія и себя и владѣтельницы оными. При ея богатствѣ, сія богоугодная жертва отнюдь не лишитъ ее не токмо нужныхъ для нея, но и дальнѣйшихъ способовъ благодѣтельствовать. Относительно же до людей способныхъ раздавать сію духовную милостыню, производить обученіе и взрослыхъ и дѣтей, нѣтъ сомнѣнія, что, по первомъ объявленіи о семъ, будутъ оныхъ имѣть столько, что можно будетъ избрать лучшихъ и способныхъ изъ нихъ. Да если бы и затруднились симъ, то и духовное и гражданское начальства съ радостью готовы будутъ снабдить ее и учителями и законоучителями. Самъ Августѣйшій нашъ Монархъ, повелѣвшій въ недавнее время Августѣйшимъ своимъ указомъ заводить учебныя заведенія по всѣмъ удѣльнымъ вотчинамъ, подаетъ намъ великій примѣръ подражанія къ образованію нашихъ крестьянъ. Графиня, по множеству крестьянъ, ей подвѣдомственныхъ, можетъ употребить тѣ-же самыя мѣры, какія отъ министра двора были опубликованы, которыя казнѣ ничего не стоятъ.

Прилагаю при семъ рукопись [10]), написанную мною лѣтъ пять тому назадъ для нѣкоторыхъ изъ ближнихъ нашихъ помѣщиковъ и сельскихъ пастырей духовныхъ, съ которыми искреннее обращеніе допускало мнѣ необиновенно говорить и остерегать отступающихъ и неисполняющихъ своего званія. Надобно бы было по настоящему препроводить къ тебѣ одно разсужденіе мое о крестьянахъ, но сіе не иначе можно было произвести, какъ сдѣлавъ изъ ней выпуски, разрушивъ тотъ порядокъ, въ которомъ она была изложена. Для избѣжанія сего я рѣшился препроводить тебѣ оную, какъ она есть, съ тѣмъ, что если ты можешь прочесть ее ея сіятельству всю, то, при чтеніи статьи, о сельскихъ пастыряхъ выпустить, т. е. гдѣ говорится о злоупотребленіяхъ въ служеніи. Большая часть изъ тѣхъ, которымъ я, руководствуясь благоразуміемъ, давалъ ее читать, отъ обоихъ вышеописанныхъ сословій, совершенно были согласны съ моимъ мнѣніемъ. Признаюсь, что я давалъ читать ее немногимъ. Вышеописанное христіанское благоразуміе меня въ томъ удерживало и удерживаетъ. Должно однакоже замѣтить, что сіе малое число были все люди разсудительные и сколько можно, безпристрастные, ибо и соглашались въ истинѣ тѣхъ самыхъ разсужденій, въ которыхъ они не могли не признавать своего упущенія. Многихъ, увѣрившихся въ семъ, удерживаетъ, повидимому, самая слабая причина, но въ самомъ дѣлѣ самая сильная, а именно *то, что это не въ обычаѣ.*

Письмо князя Сергія, отъ 3-го Февраля 1840 года.

Миръ вамъ отъ Господа и отъ Пречистыя Его Богоматери и отъ святыхъ и праведныхъ Симеона и Анны, любезнѣйшіе братья и друзья.

Получивъ посланіе ваше и рукопись, не оставилъ я сдѣлать всего того, что могъ изъ всего вами требуемаго. Истинны дошедшіе до васъ слухи о благочестіи именемъ и благочестіемъ сіятельнѣйшей графини, покровительницы всей нашей обители святой, а посему и моей, ибо я почитаю себя вступившимъ не подъ ея покровительство, а подъ ближайшее покровительство Божіе (пріемля со всякою вѣрою, что санъ иноческій паче всякаго иного житія въ мірѣ семъ существующаго угоденъ Господу и подъ особенное заступленіе великомученика и побѣдоносца еще и въ мірѣ благоволившаго явить мнѣ свою милость, сподобивъ меня ношенія священнаго его изображенія). Да не смущаетъ васъ и то, что я безъ нужды, по мнѣнію вашему, пріемлю одолженія вмѣстѣ съ прочими своими собратіями отъ боголюбивой нашей благодѣтельницы: довольно вамъ для успокоенія вашего напомнить слова евангельскія: и служаху Ему (конечно, могшему не нуждаться въ пособіи) отъ имѣній своихъ (Лук. VIII, 3). Какъ тѣ святыя жены за малыя свои пожертвованія получили въ воздаяніе великія щедроты духовныя въ мірѣ семъ и жизнь вѣчную въ будущемъ: такъ и сія, примѣру ихъ послѣдующая, честнѣй-

шая и христолюбивѣйшая дѣвица, о убогихъ Христа ради пекущаяся, съ ними даровъ Божіихъ будетъ причастница. Истинны слухи о ея христіанскихъ добродѣтеляхъ; и всѣмъ своимъ благочестіемъ обязана она, по благодати Божіей, во первыхъ, отцу *Амфилохію,* бывшему ея духовнику, гробовому у раки святителя, св. Дмитрія ростовскаго, давно уже скончавшемуся, который положилъ начало, а потомъ, отцу, почтеннѣйшему нашему настоятелю [1]), настоящему ея духовному отцу, который начало привелъ къ совершенству и хранитъ оное съ возведеніемъ на вящшую и вящшую высоту духовную. Чувствуя себя обязанною паемымъ спасеніемъ души своей сему благомудренному своему наставнику, она совершенно покорила ему свою волю, и безъ его разрѣшенія ничего не предпринимаетъ, и кромѣ его, никакихъ постороннихъ совѣтовъ и наставленій не пріемлетъ. И я, ежели пользуюсь ея милостивымъ и искреннимъ обращеніемъ, то сіе по давней искренней, дружественной связи моей съ отцомъ архимандритомъ, и никогда не бываю въ ея сообществѣ иначе, какъ съ симъ ея духовнымъ отцомъ и моимъ настоятелемъ.—По симъ соотношеніямъ ея ко мнѣ и къ общему нашему отцу, я никакъ не рѣшаюсь, да и не могу приступить къ ней съ моими совѣтами и наставленіями, мимо ея духовнаго отца, который есть въ тоже время мой настоятель, я же послушникъ ввѣренной ему святой обители; ибо таковое дерзновеніе мое было бы явнымъ нарушеніемъ послушнической моей обязанности (которая сколь есть строга, и вамъ, яко читателямъ св. Василія Великаго и св. Іоанна Лѣствичника, не безызвѣстна), чего и помыслить я страшусь, ибо покореніе и отсѣченіе воли есть главнѣйшая пища новоначальнаго и подвигъ даже совершеннаго монаха. А потому иного не могъ я сдѣлать, какъ открыть отцу моему о Господѣ, настоятелю и наставнику, сдѣланное мнѣ вами настойчивое порученіе. Сіе я и сдѣлалъ, предоставивъ ему, со смиреніемъ подобающимъ, которому чуждо всякое истязаніе, дѣйствовать, какъ Господь управитъ его сердце благочестивое и боголюбивое.—По сему случаю не входя въ пространную бесѣду, коснулся онъ словомъ своимъ духовнаго состоянія меньшей и простѣйшей православной нашей братіи, далъ онъ мнѣ и вамъ краткій отвѣтъ, приказавъ сообщить оный вамъ (что я со всею точностію и послушаніемъ исполняю), что не дѣло ума нашего кратко изслѣдовать глубину благодати, дѣйствующей въ сихъ простыхъ умахъ и сердцахъ, а что, прилагая все возможное и, при помощи свыше, успѣшное стараніе о спасеніи души духовной боголюбезной своей дщери, не оставляетъ онъ безъ попеченія и душъ ей ввѣренныхъ, доказательствомъ тому служатъ многія многолюдныя, принадлежащія ей селенія, отъ раскола къ церкви обращенныя. Благодать Божія почиваетъ на госпожѣ, изливается и на рабовъ ея: на дняхъ получено извѣстіе, что одно селеніе ея чу-

вашское, до тысячи душъ, крестилось въ православную вѣру, и прочіе ихъ сосѣди примѣру ихъ подражаютъ. Посему и рукопись ваша, мною читанная, осталась безъ предполагаемаго вами употребленія, и я не замедлю вамъ оную возвратить.—Возвращая осмѣливаюсь, хотя и не имѣю на то вашего дозволенія, замѣтить, что, при всей ревности по вѣрѣ, и разума, и дара словеснаго, руководившихъ перомъ сочинителя, нѣкоторыя выраженія и мѣста кажутся для меня такъ смѣлы, что для боязливаго моего разсудка невмѣстимы, таковы, напр., что икона бываетъ Богомъ для непросвѣщенныхъ крестьянъ, и что они кланяются собственно иконамъ. — Странно изреченіе сіе, обвиняющее въ идолопоклонствѣ многое множество простѣйшихъ чадъ нашей святой церкви. Что молитва ихъ бездушна: ибо кто вѣсть яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ, а духъ человѣка можетъ молиться, хотя умъ его и безъ плода есть. Совершеніе молитва съ яснымъ разумѣніемъ, ибо тогда и умъ не безъ плода; однакоже и первая отнюдь кажется не бездушна. Что невѣдующіе суть и не пріемлющіе ученія вѣры, въ томъ нельзя никакъ согласиться, о чемъ я и прежде писалъ, а сіе положеніе положено въ число основныхъ камней разсужденія. Не смѣя распространяться замѣчаніями, прошу позволенія сказать только, что разсужденіе нерѣдко измѣняется въ осужденіе, въ осужденіе двухъ главныхъ сословій, а паче духовнаго, и сіе отъ лица, не облеченнаго свыше властію сужденія и обличенія, которыя далеко отстоятъ отъ позволеннаго каждому совѣта съ предложеніемъ средствъ дѣйствительныхъ. Осмѣлившись на изложеніе сего моего дерзкаго мнѣнія, прошу великодушнаго прощенія; дерзость сія есть плодъ искренности и можетъ быть поводомъ любомудрому писателю прочесть съ хладнокровнымъ вниманіемъ то, что писано въ пылу ревности, и поумѣрить пылкость мыслей и словъ, дабы, осуждая, не подпасть осужденію.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ о. Аникитѣ [12]), отъ 18 апрѣля 1830 года.

Грубое невѣжество, повидимому, любовно всей вашей системѣ, а съ нимъ все то множество грѣховныхъ порожденій невѣровъ, которыя оковываютъ духъ отъ дѣятельнаго прославленія имени Божія и отъ упражненія въ душеполезныхъ и общественныхъ добродѣтеляхъ... Раскрой исторію ересей прошедшихъ; въ какомъ государствѣ не найдешь ты гибельныхъ слѣдовъ... И въ нашемъ отечествѣ довольно имѣемъ примѣровъ, до какого остервенѣнія можетъ довести суевѣрный фанатизмъ черни, которая, благодаря тупости и снисхожденію вашихъ правилъ, и по сіе время не подалась ни на волосъ въ истинномъ просвѣщеніи противъ прошедшаго вѣка и многихъ ему предшествовавшихъ. Ужели ты

все еще не видишь и не чувствуешь, въ какой ты заведенъ лабиринтъ? Намъ же сіе ясно.

Относительно до того, какъ большая часть крестьянъ нашихъ принимаетъ иконы, я списывалъ съ подлинника, т. е. писалъ то, что своими ушами слышалъ самъ отъ нашихъ крестьянъ, слѣдовательно, имѣю на чемъ основывать мое положеніе, а ты, отрицающій положеніе, отрицаешь по одному умозрѣнію, которое нерѣдко бывало несогласно съ опытомъ. Опытъ самъ по себѣ уже есть единое и вѣрное и надежное основаніе для умозаключенія, а умозрѣніе тогда только можетъ служить непогрѣшимымъ основаніемъ умозаключеніямъ, когда само основывается на опытѣ.

Относительно до основного положенія моей тетради, на которомъ я располагалъ дальнѣйшія мои сужденія, а именно, что тѣ, которымъ не сообщена вѣра ученіемъ, ее въ себѣ и имѣть не могутъ, это безъ всякой логики такъ ясно и очевидно, какъ ясно и очевидно то, что если я не положилъ въ карманъ моего платка, то вѣрно его тамъ и не находится. Ты, по своему образу сужденія, по заключеніямъ безъ посылокъ, думаешь иначе.

Что принадлежитъ до послѣдняго изъ трехъ, замѣченныхъ мною, мѣстъ твоего письма, а именно: что не слѣдуемое и не принадлежащее мнѣ дѣло есть обличеніе церковно-служебныхъ неприличностей. Сперва надобно тебя спросить, согласенъ ли ты въ томъ, что существуютъ такія неприличности, такія важныя и такія вопіющія, и въ той ли степени ты видишь важность ихъ, въ какой я оную полагаю. Буде ты вовсе не видишь оныхъ, или, видя, не называешь неприличностями, или называешь малыми и незначущими, то, вотъ, съ перваго шага мы съ тобой несогласны. Невниманіе твое къ изображеннымъ въ рукописи моей обстоятельствамъ невѣжественнаго состоянія нашихъ крестьянъ; и не токмо недопущеніе никакого имъ душевнаго вреда отъ настоящаго ихъ положенія, но еще и провозглашеніе онаго безопаснымъ и всенадежнымъ, поразительны. Описываемыя мною неприличности такъ повсемѣстны, такъ всѣмъ очевидны, что ты не можешь не быть увѣреннымъ отъ самаго опыта въ истинѣ всего упомянутаго мною о нихъ. Безъ сомнѣнія, ты вѣдаешь, что это есть изъ всѣхъ дѣлъ нашихъ первѣйшее, такъ превосходящее важностію своею самоважнѣйшее человѣческое дѣло, какъ безконечное пространство одну геометрическую точку. Но этого вотъ не досматриваешь, что по мѣрѣ важности вещи есть и важность злоупотребленія оною. Посмотри на сіи неприличности въ семъ видѣ. Важность вышеописаннаго злоупотребленія ясно изображена въ рукописи. Ты не довольствуешься симъ изображеніемъ, ибо все обращаешься къ тому праву обличать сіе злоупотребленіе, котораго, по словамъ твоимъ,

я не имѣю. Я опять и здѣсь отвѣтствую: первое и главное право мое есть общее право любви христіанской, съ исчисленіемъ всѣхъ причинъ, побуждающихъ каждаго въ семъ случаѣ дѣйствовать всѣми силами своей любви. За симъ, второе есть право помѣщика крестьянъ, по связи господина съ рабами, которая, по ученію закона Божія, есть то же, что и связь отца съ дѣтьми: ибо онъ также долженъ пещись о нихъ, какъ о чадахъ своихъ чадолюбивый родитель, долженъ обучать ихъ и закону Божію и добронравію. Возьми за основаніе сію мою связь—сей домъ помѣщика и на немъ потомъ разсуждай, имѣю ли я право дѣйствовать къ душевной пользѣ ввѣренныхъ мнѣ людей, изыскивая всевозможныя мѣры, чтобы ученіе мое имъ было не одно форменное отправленіе моего дѣла, а дѣйствительно приносило бы имъ всѣ тѣ выгоды, какія они, при катихизическомъ познаніи, могутъ надѣяться получить тогда, когда богослуженіе въ храмѣ и въ домахъ ихъ будетъ совершаемо по надлежащему. Если любовь должна одушевлять отправленіе сего моего долга, чтобы сдѣлать долгъ сей пріятной Богу жертвой; то сообразно ли будетъ съ сей цѣлію не содѣйствовать, сколько можно, къ тому, чтобы изученіе сіе не встрѣчало ни съ какой стороны препятствій къ произведенію желаемыхъ плодовъ вѣры? Если церковь призываетъ меня просвѣщать ввѣренныхъ мнѣ людей въ законѣ Божіи, то она же, безъ сомнѣнія, повелѣваетъ мнѣ простирать свое попеченіе о томъ до нельзя. А извѣстно, что ежели не взять особенныхъ мѣръ, то не малой помѣхою къ возращенію силъ новонасажденныхъ лѣторослей и плодотворенію ихъ послужитъ служба Божія, какъ означено въ рукописи и какъ то есть на самомъ дѣлѣ. Ибо, что изъ такой службы, изъ такой молитвы, въ которую непосредственно втекаютъ и невразумительность, и поспѣшность, и невниманіе, и нерадѣніе, что̀ изъ нея достанется простолюдину, чѣмъ бы напитать алчущій свой духъ? Конечно, ничего. Между тѣмъ къ пропитанію блуждающаго воображенія его, и безъ того не охотно на молитву обращающагося, лукавый, съ своей стороны, въ сіе время разставляетъ цѣлый рынокъ сластей. Умъ, не питаясь душеполезнымъ брашномъ, во храмѣ Божіи предлагаемомъ, непремѣнно ястъ и піетъ сей судъ. Извѣстно еще и то, что помѣщики у насъ, по нѣкоторому вліянію, которое даетъ имъ надъ пастырями помѣщичья власть надъ тѣми крестьянами, отъ которыхъ пастыри имѣютъ свое довольство, могутъ очень много и въ нерадивѣйшаго изъ нихъ вселить, и прилежаніе въ службѣ Божіей, и благоговѣніе въ отправленіи оной; а чего нельзя ожидать отъ пастыря, лишь по неопытности и общимъ примѣромъ увлеченнаго, когда помѣщикъ, у котораго онъ, такимъ образомъ, находится въ нѣкоторой зависимости, въ дружелюбномъ своемъ съ нимъ обращеніи, будетъ, по христіанской обязанности, подавать ему такіе совѣты,

которыми общее ихъ дѣло поддерживается и имя Божіе прославляется. Замѣтить тебѣ надобно еще, что статья рукописи моей о неприличномъ отправленіи службы Божіей есть ничто иное, какъ бесѣда моя съ тѣми изъ пастырей, которыхъ я пользуюсь любовію и довѣренностію; вотъ къ какомъ видѣ представляй ты себѣ сіи мои строки, когда хочешь имѣть настоящее о нихъ понятіе. Съ сей то точки зрѣнія смотря, скажи, что ты видишь въ бесѣдѣ сей предосудительнаго? Не съ пріятностію ли, не съ умилительностію ли долженъ ты смотрѣть на дружественный кругъ, въ которомъ члены двухъ первыхъ въ государствѣ сословій, въ откровенной христіанской бесѣдѣ, говорятъ о своихъ общихъ обязанностяхъ, и каждый пріемлетъ съ отверстымъ сердцемъ тѣ замѣчанія, какія христіанская любовь внушаетъ или для остереженія или для назиданія своего собесѣдника. Христіанская любовь не терпитъ поставленныхъ ей тѣсныхъ границъ. Она, видя пользу отъ такого искренняго сердце-изліянія между помѣщиками и пастырями, тщится, сколько возможно, ввести такія бесѣды въ обычай—тщится сама посѣщать оныя въ сихъ, на бумагу изложенныхъ, разсужденіяхъ, которыхъ единая цѣль есть пользовать всѣмъ, кому нужно. Цѣль сія, слава Богу Всемогущему, нѣсколько оправдала рѣшительность писателя. Ибо, читавшіе мою рукопись пастыри приняли оную въ томъ духѣ братолюбія, съ которымъ она была писана, а нѣкоторые кое-что и почерпнули къ вящему пользованію своего стада. Ни одинъ не сдѣлалъ подобныхъ твоимъ замѣчаній: по крайней мѣрѣ, не доходило сіе до моихъ ушей. Я полагаю сіе отъ того, что читатели вошли въ духъ писателя, и видя ясно его чистое намѣреніе, не находили за что его укорять.

Я думаю такъ, любезный другъ, что довѣренность, которую имѣютъ къ намъ другіе, есть одинъ изъ нашихъ *талантовъ*, и мы нѣкогда должны будемъ дать отчетъ, какъ воздѣланъ нами и сей. Равно, и зависимость другихъ отъ насъ, по которой они, иногда и нехотя, готовы внимать нашимъ совѣтамъ, есть также не послѣдній талантъ нашъ. Любовь христіанская не пропускаетъ ни малѣйшей возможности къ прославленію Бога и пользованію ближнему. Апостолъ говоритъ: *былъ всѣмъ вся, да вся пріобрящу* (1 Коринѳ. IX, 20—22). Не мало зависитъ—то чувство и понятіе, какое мы получаемъ о обозрѣваемомъ предметѣ, есть *око* какимъ мы его разсматриваемъ. Это бываетъ съ человѣкомъ: иной въ самомъ мрачномъ предметѣ ищетъ яснаго и свѣтлаго, а иной, напротивъ, и въ свѣтломъ ищетъ мрака. Иногда мы съ тѣмъ и смотримъ на вещи—не найдемъ ли пятна, а иногда само по себѣ представляющееся пятно проскакиваетъ незамѣченнымъ. Свѣтильникъ тѣлу есть око. Аще *око* твое чисто, то и все тѣло твое свѣтло будетъ (Мѳ. VI, 22—23) и проч.

Письмо и статью сію заключаю тебѣ вопросомъ, на который отвѣтъ

твой (очевидно какой) покажетъ вполнѣ удовлетворительнымъ сей мой тебѣ отзывъ: каковъ тотъ отецъ, который, посылаядѣтей своихъ въ крестовую за столъ, не позаботится о томъ, чѣмъ ихъ тамъ кормятъ, достаточно ли имъ даютъ пищи, до сыта ли они наѣдаются, и не голодны ли оттуда возвращаются?

Письмо о. Аникиты къ братьямъ, отъ 1 мая 1830 года

Извѣщаю васъ, что ни въ какія состязанія съ вами о православіи входить я не намѣренъ, но благодарю любовь вашу за обличенія; признавая себя, кромѣ ереси и раскола, во всемъ по обличеніямъ вашимъ виновнымъ, ни мало не помышляю о томъ, что тѣмъ доставляю перевѣсъ вашей сторонѣ, ежели доставляю:..

Вы удивляетесь, возлюбленные о Господѣ братіе, что я пребываю въ молчаніи на вопіянія ваши въ свиткахъ до меня достигающія, но я вамъ скажу откровенно, что мнѣ приходитъ иногда на мысль и со всѣмъ, по крайней мѣрѣ, на время, для вашего спокойствія, запечатлѣть безмолвіемъ къ вамъ скверныя и нечистыя уста мои. Сію мысль я открыть вамъ дерзнулъ въ отвѣтъ на удивленіе ваше о моемъ молчаніи, но слѣдовать оной не рѣшусь, а напротивъ готовъ съ благодарностію слушать новыя и многократно повторяемыя обличенія ваши, хотя и съ болѣзнованіемъ сердечнымъ, но съ упованіемъ на Господа, что допущающій мнѣ и помогающій терпѣть, не лишитъ и милости своей за терпѣніе.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ о. Аникитѣ, отъ 26 августа 1830 года.

Въ продолженіи нашей переписки, я не разъ показывалъ тебѣ, какая уродливая система бываетъ всякая та, при составленіи которой хотя мало отступлено отъ вѣры евангельской. Теперь почитаю нужнымъ распространиться о ней въ другомъ отношеніи. Самъ я слышалъ изъ устъ твоихъ изшедшее правило сіе, что для спасенія достаточно такъ вѣровать, какъ вѣруетъ церковь, хотя бы, впрочемъ, *вѣрующій* сей и не вѣдаетъ, какъ вѣруетъ церковь,—о которомъ правилѣ въ *богословіи* [13]) сказано слѣдующее: «Весьма несправедливо нѣкоторые нерадѣтельные и хладные до Бога, кои, ничего нужнаго для прославленія и любовнаго хваленія величества Божія не зная, къ прикрытію своего, безбожникамъ единымъ свойственнаго, невѣжества, говорятъ: я такъ вѣрую, какъ церковь вѣруетъ, а сами притомъ не вѣдаютъ, какъ церковь вѣруетъ. Ибо сіе есть незнаніе и невѣріе, а не богопознаніе и вѣра. Да притомъ и ко спасенію ничего не пользуетъ, что другіе право вѣруютъ, или признаютъ Бога; когда праведный отъ своей, а не отъ

чужой вѣры живъ будетъ». Нравственный вредъ, происходящій отъ системы, утверждающейся на правилѣ, вопреки сего богословскаго ученія держимомъ,—великій. Что держитъ народъ въ этой нравственной тьмѣ, которая не допускаетъ различать добро отъ зла? Что питаетъ грубѣйшіе народные пороки? Что искореняетъ всякую честь и честность, и праводушіе, и прочія нравственныя добродѣтели, общественныя и частныя!? Что вкореняетъ и поддерживаетъ суевѣріе? Что не допускаетъ истиннаго богослуженія *разумнаго?* Что противится очищенію нравовъ? Что питаетъ врожденное въ человѣкѣ развращеніе? Что не допускаетъ талантамъ рости и созрѣвать?.. Всѣми сими злыми и еще множайшими обязаны мы противо-евангельскому сему правилу. Ибо, *по оному*, не нужно просвѣщенія въ вѣрѣ; а безъ познанія откровенія зло непремѣнно уже пріемлется добромъ, а добро зломъ. Безъ откровенія грубѣйшіе пороки не токмо могутъ быть допускаемы, но и превозносимы, какъ добродѣтели. Ты скажешь, что, при всемъ народномъ невѣжествѣ, въ классѣ семъ проскакиваютъ многія добродѣтели. Согласенъ,—но не системѣ сей, не евангельской онѣ тѣмъ обязаны, а Божію милосердію особенному, которое не допускаетъ природѣ человѣческой развратиться до той степени, къ которой ее влекутъ объятія лжеучителей, суевѣріе, или невѣріе поддерживающихъ и распространяющихъ. Здѣсь то наипаче видится всеблагій промыслъ Божій, воздерживающій наше зло, которое, если бы не встрѣтился предѣлъ отъ Его всемогущества, то давно бы человѣкъ буквально приложился къ безсловеснымъ, подобно *Навуходоносору*, и не токмо уподобился бы имъ, но и превзошелъ бы ихъ звѣрствомъ своимъ. Не столько христіанству нашему обязаны мы за сіи, тамъ и сямъ въ невѣжественной тьмѣ просіявающія добродѣтели, сколько, вообще въ людяхъ врожденному, нѣкоторому человѣколюбію и нѣкоторому чувству возмездія настоящаго и будущаго отъ всеназирающей силы. Вслѣдствіе сего встрѣчаемъ мы нѣкоторыя добродѣтели и въ тѣхъ земляхъ, куда свѣтъ христіанства еще не проникалъ: въ кибиткахъ *калмыковъ*, въ юртахъ *якутъ* и каравансараяхъ *магометанъ*, гдѣ (въ сихъ послѣднихъ), по сказанію путешественниковъ, всякій путникъ безденежно снабжается ночлегомъ и всѣмъ нужнымъ. А потому однѣ сіи, общія всѣмъ народамъ, тамъ и сямъ появляющіяся, добродѣтели недостаточны, чтобы судить о состояніи христіанства въ народѣ. Высочайшая степень сихъ добродѣтелей языческихъ *встрѣчается* только съ первымъ начальнымъ градусомъ оныхъ по христіанскому размѣру. *Что*, по сужденію непросвѣщеннаго свѣтомъ евангельскимъ, есть дѣло доброе, единственное, крайняя степень, совершенство добродѣтели, то между начальными христіанами есть самое обыкновенное, общее. Ибо крайняя сія степень, совершенство первыхъ, есть лишь первый шагъ послѣд-

нихъ, которыхъ крайняя степень есть... совершенство Божіе»: Будите совершени, якоже и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» (Мѳ. V, 48). Сознаніе низкой степени добродѣтелей, или одного по названію христіанства недорослаго, или въ недозрѣлости своей поблекшаго, напрасно младенствующаго, заставляетъ насъ въ сужденіи о добродѣтеляхъ прибѣгать къ размѣру сихъ непросвѣщенныхъ евангеліемъ народовъ: отъ сего то и вся цѣль, все домогательство наше не высокой мѣты, индѣ же такъ не высокой, что одна непричастность къ грубымъ порокамъ почитается уже добродѣтелью. *Но такого ли размѣра истинное христіанство?* Истинный христіанинъ мѣряетъ свое приращеніе въ добродѣтеляхъ по вышеписанному евангельскому изреченію: будите совершени и пр. Для сего надобно быть знакому съ евангеліемъ, надобно умѣть не токмо читать оное, но и понимать — понимать умомъ такъ, чтобъ быть въ состояніи передавать сердцу. Для сего потребна благодать Божія: слѣдовательно, надобно знать и о ней—что она такое и какъ получается, кѣмъ и какъ пріобрѣтена намъ, подъ гнѣвомъ Божіимъ бывшимъ, благодати и милости Его лишившимся, лишившимся, по какому случаю, и когда—какой заповѣди преступленіемъ, отъ кого она дана, кому и проч. и проч. необходимое, какъ видимъ, чтобъ быть христіанами не по названію только, а по способности расти и приближаться въ совершенствѣ къ самому Богу. Безъ таковыхъ же познаній пребывающіе христіане не могутъ восходить понятіемъ своимъ къ высотѣ добродѣтелей христіанскихъ; а потому, по необходимости, остаются пресмыкаться внизу и питать духъ свой, вмѣсто небесной манны, *землею* производимыми *рожцами*. Евангеліе *одно* указуетъ христіанскій размѣръ, указуетъ лѣствицу добродѣтелей, отъ земли на небо насъ возводящую, и доставляетъ способъ шествовать по ней, восходя отъ силы въ силу: «Будьте всѣ единомышленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры» (1 Петр. III, 8).—И паки: «соединяйте съ вѣрою вашею добродѣтель, съ добродѣтелію благоразуміе, съ благоразуміемъ воздержаніе, съ воздержаніемъ терпѣніе, съ терпѣніемъ благочестіе, съ благочестіемъ братолюбіе, съ братолюбіемъ любовь» (2 Петр. I, 5—7). Христіанство вообще, или вѣра евангельская, есть не *талисманъ* какой, который бы, подобно нѣкоторымъ магическимъ, баснословнымъ *тростямъ*, дѣйствовалъ на тѣхъ, которымъ прикасается. Таковымъ однакоже почитаетъ его всякъ, кто въ однѣхъ наружностяхъ полагаетъ свое спасеніе, кто приписываетъ *оному* благотворное дѣйствіе, безъ всякаго къ тому содѣйствія отъ того лица, на которое оно обращено. Не забываемъ никогда, что христіанская вѣра есть *разумное служеніе*. О самомъ Спасителѣ сказано въ евангеліи, что не могъ сотворить никакихъ силъ за невѣрствіе предстоящихъ (Мѳ.

XII, 38—39; XIII, 58; Марк. VI, 5) и нуждающихся—не могъ, то есть, не благоволилъ потому, что сердца ихъ не расположены были къ бринятію Его даровъ. Да и при всякомъ почти чудотвореніи своемъ надъ болящими Онъ требовалъ *вѣры личной* и почиталъ ее толико существенной въ дѣлахъ сихъ, что ей приписывалъ произведенное Имъ исцѣленіе. Невидимое дѣйствіе благодати Божіей сообразно съ видимымъ дѣйствіемъ силы Его въ природѣ. Самое лучшее зерно не принесетъ плода на худой, невоздѣланной землѣ, самое дѣйствительное врачество не излечитъ болѣзни въ тѣлѣ, лишившемся силъ, необходимыхъ къ содѣйствію съ онымъ въ исцѣленіи; равномѣрно, брашно не напитаетъ, вода не напоитъ, когда нуждающійся не протянетъ рукъ своихъ къ своему удовлетворенію. Такъ и благодать Божія, чтобы дѣйствовать въ насъ, *чрезъ любовь* должна быть пріобрѣтена, *чрезъ вѣру*, вѣру живую, живущую въ насъ, а не въ иномъ комъ, или въ церкви. Но излишне далѣе распространяться къ объясненію истины, такъ очевидной—истины, съ отъятіемъ которой, отъемлется, или дѣлается ненужнымъ, все предписанное къ нашему спасенію—все евангеліе. У мѣста, однакоже, замѣтить еще здѣсь о семъ предметѣ то, что мнѣ такъ разительно кидается въ глаза. Для чего вы такъ явно противъ заповѣди церковной и евангельской, какъ показано выше, освобождаете христіанъ отъ обязанностей христіанскихъ дозволеніемъ имъ не знать оныхъ, слѣдовательно, и не исполнять, а только допускаете считаться въ церкви, или вѣровать, какъ церковь вѣруетъ?.. Для чего? Не для того ли, смотрите, что если они ознакомятся съ евангеліемъ и познаютъ изъ онаго догматическую свою вѣру, то гораздо не тотъ уже жаръ и ревность будутъ обращать къ внѣшнимъ обрядамъ и обычаямъ, которые теперь одни составляютъ вѣру премногихъ невѣжествующихъ. Ибо весь пылъ сего жара обращенъ будетъ къ слову Божію, къ вѣрѣ евангельской, которые премногимъ теперь, почитаемымъ на высотѣ совершенства, такъ чужды, какъ и самимъ язычникамъ.

Истинное богопознаніе, пріобрѣтенное ученіемъ катихизическимъ, подобное тому, какъ въ древней церкви оглашены были готовящіеся къ св. крещенію, есть путь спасенія, указуемый церковію всякому, такимъ образомъ въ ней отраждаемому. Познаніе средствъ ко спасенію умственное есть тоже, что обозрѣніе глазами путника пути ему предлежащаго; а содѣлываніе спасенія есть шествіе по сему пути. По обѣ стороны лежатъ обѣ крайности, обѣ пропасти, равно опасныя: *суевѣріе* и *невѣріе*. Блаженъ, кого Господь, поставивъ, утвердитъ на семъ царскомъ пути. Большая часть званныхъ отвлекаются, болѣе или менѣе, къ симъ крайностямъ. Не можетъ быть больше той любви, которая посвящаетъ свои труды и способности къ отысканію и направленію на

путь заблуждающихся такимъ образомъ. Но, и не можетъ быть болѣе той нелюбовности, которая гонитъ ближнихъ къ той или другой изъ обѣихъ пропастей. Подобно тому, какъ богопознаніе и богопочтеніе истинное есть источникъ всѣхъ добродѣтелей, такъ и богоневѣдѣніе—источникъ всѣхъ пороковъ, всѣхъ золъ, безъ изъятія. Каково же поступаетъ тотъ, кто старается поддерживать сіе послѣднее? О придерживающихся вышеписанной системѣ и распространяющихъ оную можно сказать, что они, вмѣсто того, чтобы невѣжествующій суевѣрный народъ, научивъ, чрезъ пастырей и учителей, вѣрѣ евангельской, стараться облещи во Христа, въ евангельскую ризу спасенія, чтобы сдѣлать ихъ, такимъ образомъ, сообразными евангельскому образцу, облекаютъ вѣру евангельскую въ народные предразсудки и суевѣріе; располагаютъ ее по народному характеру, вмѣсто того, чтобы характеръ народный переобразовать по образцу евангельскому. Или, яснѣе сказать, вмѣсто того, чтобы возвести понятіе народное къ высокимъ истинамъ вѣры,—они низводятъ вѣру въ уровень съ невѣжественной народной толпой, и ихъ, не тронувшихся съ мѣста, увѣряютъ быть прошедшими все многотрудное поприще, между невѣжествомъ развращенныя природы и христіанскимъ благодатнымъ богопознаніемъ лежащее, и достигшими вѣры правой, спасительной, за которую слѣпо держась, они, также не двигаясь съ мѣста, перенесены будутъ въ вѣчное блаженство. Изъ сего нельзя не заключать, что они, не расположивъ сердца евангельскими способами къ наслажденію всѣми благами евангельскаго блаженства, не вселивъ въ нихъ желанія къ симъ духовнымъ добротамъ, въ наслажденіи Богомъ возрожденнаго сердца состоящимъ,—даютъ имъ поводъ и самыя блага сіи представлять себѣ сообразно съ благами природы невозрожденной.

Ты, въ одномъ изъ отвѣтныхъ писемъ твоихъ на наши представленія о невозможности быть тамъ вѣрѣ, гдѣ она не сообщена,—разсуждаешь относительно къ невѣжествующему нашему народу такъ. Многіе изъ нихъ, при всемъ ихъ невѣжествѣ, въ болѣзняхъ и въ другихъ нуждахъ прибѣгаютъ къ мощамъ св. угодниковъ и получаютъ просимое. Здѣсь, по твоему, дѣйствуетъ вѣра ихъ. Какъ же такъ? При невѣжествѣ о вѣрѣ можетъ находиться вѣра! Да что же ты называешь вѣрою: дай ей опредѣленіе, и тогда увидимъ о чемъ ты говоришь. Но ты, послѣ послѣдовавшей съ тобою перемѣны въ сихъ важныхъ мнѣніяхъ, какъ *заключенія* обыкъ дѣлать безъ *положеній*, такъ и понятія о вещахъ составлять безъ опредѣленій. *Опредѣленіе* у насъ вѣрѣ одно. Если опредѣленіе это есть одна изъ статей, на которыя разборъ твой не простирается, то ты не иначе долженъ составлять твое понятіе о вѣрѣ, какъ по церковному опредѣленію. *Вѣра*, по катихизису, *есть сердечное принятіе евангелія*. Слѣдовательно, тотъ только ме-

жетъ имѣть вѣру, кто изъ евангелія оную, или изъ катихизиса, сокращеннаго евангельскаго ученія, почерпаетъ. Кто же не знакомъ съ евангеліемъ, или съ катихизическимъ онаго о вѣрѣ ученіемъ, тотъ ни умомъ ни сердцемъ евангелія не пріемлетъ, потому и вѣры имѣть не можетъ... Не ясно ли это? Слѣдовательно, ясно и то, что невѣжествующіе о вѣрѣ не причастны вѣрѣ, и что получающіе исцѣленіе или иное какое желаній своихъ исполненіе, получаютъ оныя не по вѣрѣ, которой они не имѣютъ, а по одной неизреченной милости Того, Который солнце свое сіяетъ и дождитъ на злыя и благія (Мѳ. V, 45) на праведныя и неправедныя, на вѣрующія и невѣрующія. Исполненіе желанія таковаго, слѣдовательно, показываетъ не вѣру, которой онъ не имѣетъ, а милость Божію, тѣмъ вящую, чѣмъ болѣе получившій оную удаленъ отъ вѣры,—показываетъ одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ приведенію его къ истинной вѣрѣ,—показываетъ, что и взыскательность строже будетъ съ таковаго, когда онъ не воспользуется и симъ призываніемъ Божіимъ. Посему не къ вѣрѣ, какъ бы имѣющейся, относя оное, удалять таковыхъ отъ спасенія есть дѣло христіанской любви къ ближнему, а напротивъ, указаніемъ сей великой къ нему милости Божіей тревожить его, нерадящаго о спасеніи своемъ, чрезъ вѣру во Христа, и всѣми мѣрами стараться расположить его къ скорѣйшему, къ немедленному оглашенію себя евангельскимъ ученіемъ: да не послужитъ сія милость Божія къ вящему его осужденію. Видишь, любезный другъ, какъ превратно сіе пріемлется въ системѣ вашей. Вы, въ сей милости Божіей, съ нѣкоторымъ *угрожаніемъ* посылаемой, видите милость Божію *съ одобреніемъ*; и, вмѣсто пробужденія спящаго сномъ грѣховнаго невѣжества, громогласно повторяя ему въ уши исцѣленіемъ его призывающій его къ вѣрѣ сей гласъ Божій: *востани спяй, воскресни изъ мертвыхъ, и освятитъ тя Христосъ* (Еф. V, 14.),—вы, чеша слухъ его пріятнымъ себялюбію его превознесеніемъ вѣры не существующей, болѣе лишь усыпляете; и, можетъ быть, сонъ, отъ котораго онъ могъ бы проснуться, въ предсмертную летаргію обращаете. Сочти, сколько разъ могъ ты самъ, при теперешнихъ твоихъ мнѣніяхъ, послужить соблазномъ такъ вредительнымъ твоему ближнему,—подумай, сколько можешь, впредь, и... осмотрись.

Самыя сіи *святыя мощи угодниковъ, къ которымъ невѣжды въ вѣрѣ прибѣгаютъ съ своими просьбами, не столько чествуются отъ нихъ, сколько безчествуются*. Ибо, суди самъ, не имѣющій евангельскаго понятія ни о Богѣ, ни о вѣрѣ, ни о молитвѣ, ни о прочемъ катихизическомъ ученіи, можетъ ли чествовать святыню сію, возсылать молитву къ святымъ Божіимъ, имѣть понятіе о предстательствѣ ихъ, уповать на ходатайство ихъ, точно такъ, какъ то предписано въ церковно учебныхъ книгахъ? Конечно, не можетъ. Слѣдовательно, очень вѣ-

роятно, что многіе изъ нихъ, если не божескою, то почти божескою честію почитаютъ угодниковъ, особенно въ тѣхъ храмахъ, которые сооружены во имя угодниковъ, ибо они литерально называютъ и почитаютъ оные *ихъ* храмами. А допустивъ сіе, нельзя не заключать, что и поклоненіе ихъ святымъ мощамъ гораздо превосходитъ ту степень, въ которой сіе церковію предписывается. Слѣдовательно, не чтятся онѣ отъ таковыхъ, а, какъ я сказалъ выше, безчествуются. Если бы, въ минуту такого поклоненія ихъ, огласился сердечный слухъ ихъ оглашеніемъ церковно-учебныхъ книгъ, то они, въ семъ церковномъ остереженіи, чаяли бы слышать и самого угодника, изъ гроба своего выговаривающаго имъ за оскорбленіе ему такое, котораго больше не могутъ они ему нанести: и вопль сей изъ св. раки еще громче бы отозвался въ сердцѣ ихъ, если бы сія минута ихъ невѣжественнаго поклоненія была самая та, въ которую всей церкви слѣдовало падать ницъ предъ выносимой святѣйшей евхаристіей, отъ которой они, по невѣжеству своему, отвращались и тѣломъ и *душой*, чтобы, такимъ образомъ, и то и другое съ чрезмѣрнымъ служеніемъ преклонить предъ его остатками. Не есть ли *ограниченіе* такого неограниченнаго народнаго поклоненія, такого чествованія, ограниченіе въ учебныхъ церковныхъ книгахъ предписываемое, одна изъ причинъ *ограниченнаго*, *разборчиваго* принятія сихъ книгъ? Пусть спросятъ о семъ у совѣсти защищающіе систему вашу—защищающіе вмѣстѣ съ ней и вышеписанное погрѣшительное внѣшней святыни чествованіе. Ибо, съ допущеніемъ *неизбежимости* народнаго просвѣщенія въ вѣрѣ, неминуемо допускаются вышеписанныя и прочія народныя въ вѣрѣ злоупотребленія, особенно тамъ, гдѣ, съ небреженіемъ катихизическаго въ народѣ ученія, поддерживается одно обрядовое служеніе. Изслѣдованіемъ разглашаемыхъ чудесныхъ слуховъ отгоняется легковѣріе въ дѣлѣ вѣры; но изслѣдованіе, сіе необходимое обстоятельство въ разсудительному принятію слуховъ, особенно въ народѣ, суевѣріемъ зараженномъ, изслѣдованіе, христіанскимъ благоразуміемъ повелѣваемое — тотчасъ почтется у насъ за... невѣріе. Слѣпо, неизслѣдуемо всѣмъ разглашеніямъ вѣрящіе, — слѣпо, безъ изслѣдованія *должны* принимать всякой слухъ, въ дѣлахъ вѣры распространяемый. Здѣсь также нельзя ожидать разбирательства слуховъ сего рода, какъ нельзя допускать видѣнія сомкнутымъ глазамъ. Не забываемъ и того, что чудеса не для вѣрующихъ, а для невѣрующихъ. Требующій чуда для вѣрованія показываетъ недостатокъ вѣры. Распространяемое чудо для подкрѣпленія мнѣній своихъ *скликаетъ* къ своей сторонѣ не вѣрующихъ, а невѣрующихъ, которые, услышавъ что-ли бо подобное отъ противной стороны, готовы предаться и къ ней. Величайшее чудо (почеловѣческому сужденію) послѣ того, что оставилъ намъ

Спаситель въ евангеліи о семъ предметѣ, не служитъ еще само по себѣ достаточнымъ знакомъ вѣры, благочестія, потому что въ послѣдніе дни будутъ такія великія чудеса, которыми могли бы прельститься даже и избранные. Если же чудо можетъ прельстить, то зыбкое оно основаніе для вѣры.

Еслибы и обширныя отъ простаго народа требовались познанія въ вѣрѣ, для спасенія каждому своей души, то и тогда безотговорочно надлежало бы имъ, первѣе всѣхъ другихъ умомъ своимъ пріобрѣтеній, заняться симъ ученіемъ и продолжать безъ отлагательства, доколѣ не получатъ надлежащаго свѣдѣнія. Всѣхъ же, имѣющихъ надъ ними власть, или какое вліяніе, обязанность была бы поощрять, принуждать ихъ къ такому ученію, толковать, объяснять имъ оное, чтобы какъ можно болѣе поселить *въ нихъ внутренняго христіанства*, истинной духовности. Ибо не тотъ іудей, кто таковъ по наружности, и не то обрѣзаніе, которое наружно на плоти; но тотъ іудей, кто внутренно таковъ, и то обрѣзаніе, которое въ сердцѣ по духу, а не по буквѣ: ему и похвала не отъ людей, но отъ Бога (Римл. II, 29). Ибо это есть единое на потребу (Лук. X, 42). Это есть то единое познаніе, которое за гробомъ понадобится. Слѣдовательно, тѣмъ безотвѣтнѣе будутъ, какъ сами они, родившіеся и живущіе въ христіанской странѣ, такъ и всякій изъ тѣхъ, которые или должны, или имѣютъ возможность просвѣтить ихъ въ семъ необходимомъ знаніи:—тѣмъ, говорю, безотвѣтнѣе будутъ всѣ сіи въ настоящемъ положеніи вещей, когда требуется отъ простого некнижнаго народа познаніе вѣры весьма непространное и даже очень краткое, такое, то есть, которое объясняло бы имъ главнѣйшіе члены вѣры, заповѣди десятословія и краткое ученіе о молитвѣ, — требуется, говорю, познаніе еще кратче, нежели сокращенный катихизисъ, для народныхъ училищъ издаваемый: а и сей заключаетъ лишь десятка полтора листковъ, и есть все катихизическое ученіе о вѣрѣ и самыхъ книжныхъ изъ народа. Такъ не велико сіе ученіе для простого народа, что не найдется ни одного изъ нихъ, который бы не зналъ болѣе онаго наизусть *пѣсенъ*, *сказокъ*, *пословицъ* вмѣстѣ взятыхъ: и сіе ли почитаютъ затруднительнымъ? Христіанину надобно быть вполнѣ увѣреннымъ, что если Господь требуетъ пріобрѣтенія умомъ какихъ познаній, то достаточно подаетъ и способностей къ тому. Не потребуетъ Онъ кирпичей, не отпустивъ соломы.

Смотри, я покажу тебѣ, какая существенная разность между знающимъ кратвій свой катихизисъ и незнающимъ онаго вовсе, между провѣщеніемъ въ вѣрѣ и тѣмъ состояніемъ, въ которомъ, къ несчастію, находится у насъ такое множество, и которое непосредственно поддерживается вышеписанной системой вашей. Когда первый мыслитъ о Богѣ,

онъ видитъ въ Немъ Существо духовное, вѣчное, вездѣсущее, всемогущее и прочія совершенства Божіи, видитъ Святую Троицу, единосущную и нераздѣльную—Отца, Сына и Святаго Духа, Отца-Создателя, Сына—Искупителя и Ходатая, Духа Святаго—освящающаго и оживляющаго благодатію своею, благодатію всѣмъ вѣрующимъ посылаемою, искореняющею въ нихъ всякое зло и насаждающею всякое добро, и возраждающею ихъ изъ ветхаго человѣка по Адаму въ новаго по Христу, и тѣмъ приспособляющею къ наслажденію благами небесными, ихже око не видѣ (1 Коринѳ. II, 9). Когда, потомъ, помыслитъ о себѣ самомъ, видитъ въ себѣ не одно тѣло, день ото дня старѣющееся, изнемогающее и къ смерти приближающееся, но ощущаетъ и душу безсмертную, по кратковременной смертію разлукѣ съ тѣломъ, опять соединенно съ онымъ жить имѣющую, или вѣчно блаженствуя, или вѣчно стражда, смотря по тому, какого состоянія она сдѣлаетъ себя достойной въ сей временной жизни. Когда, потомъ, входитъ онъ въ свое сердце со свѣтильникомъ евангельской вѣры, тотчасъ видитъ живущій въ себѣ грѣхъ сильный предать его вѣчному мученію, если какая-либо постороннял сила не изметъ его изъ подъ его владычества, ослѣждаетъ грѣхъ сей и обрѣтаетъ, что во грѣхѣ онъ и зачатъ и родился, что отъ перваго человѣка, прельщеннаго діаволомъ во грѣхъ, послѣдовательно простирается до него грѣховное развращеніе, котораго корень есть сей первородный грѣхъ—грѣхъ человѣка противъ Бога, твари противъ Творца своего,—грѣхъ противъ Существа безконечнаго и вѣчнаго, слѣдовательно, грѣхъ безконечный и вѣчный—грѣхъ на вѣчное мученіе осуждающій... Но вотъ видитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и правосудіе Божіе за грѣхъ удовлетвореннымъ, и власть діавола попранной, и жало грѣха притупленнымъ: видитъ все сіе совершившееся на Голгофѣ крестною смертію Сына Божія, Богочеловѣка, Который, по неизреченному милосердію Своему, искупивъ грѣшника, пріемлетъ его въ церковь свою, въ число членовъ своего тѣла: и, вмѣсто положительнаго осужденія, вступаетъ уже съ нимъ въ завѣтъ, которымъ обѣщаетъ грѣшнику не только избавленіе отъ вѣчнаго мученія, но и царствіе небесное, если только сей съ вѣрою живою сохранитъ Его заповѣди, которыя вѣра евангельская всѣ предъ нимъ раскрываетъ въ катихизическомъ ученіи, внушая ему также, что завѣтъ сей совершенъ и обѣтъ сей данъ имъ въ таинствѣ крещенія, въ которомъ впервые излилась на него заслуженная Сыномъ Божіимъ благодать, отъ первороднаго грѣха его смывающая и положена печать дара Духа святаго. Далѣе, вѣра указываетъ ему, какъ оставшіяся въ немъ греховныя склонности, вовлекая его опять во грѣхъ и лишая благодати, угрожаютъ тѣми же адскими муками, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ и способъ опять избав-

ляться отъ нихъ—посредствомъ покаянія, сего втораго таинства, имѣющаго силу, подобно первому, омывать грѣхи. Потомъ, вѣра указываетъ въ немъ недостатокъ силъ духовныхъ, по которому онъ, при всемъ покаяніи и обѣщаніи исправиться, часто падаетъ во грѣхъ и, такимъ образомъ, вяще прогнѣвляетъ Бога; но открываетъ ему и средство къ укрѣпленію себя въ духовномъ своемъ поприщѣ, — средство преудивительное! Она предлагаетъ ему въ снѣдь истинное тѣло и истинную кровь искупившаго его Богочеловѣка, которыя, бывъ достойно приняты, то есть, въ очищенный сосудъ сердца, и переходя (подобно тому, какъ брашно тѣлесное въ составъ тѣла) въ составъ души, придаютъ ей здравіе и силы, и крѣпость, и мужество. Все сіе дѣйствіе—внушаетъ вѣра (т. е. расположеніе сердца къ покаянію и укрѣпленіе внутренняго человѣка причащеніемъ), есть дѣло вседѣйствующей Божіей благодати, Сыномъ Божіимъ заслуженной и чрезъ Духа Святаго низпосылаемой тѣмъ, которые испрашиваютъ оную усердной молитвою. Благодать сія, говоритъ вѣра, есть жизнь души, которая безъ благодати также мертва, какъ безъ души тѣло. Молитва, таинства и слово Божіе питаютъ ее и, такимъ образомъ, возращаютъ христіанина въ мужа совершенна, въ мѣру возраста Христова. Исполненія заповѣдей, присовокупляетъ вѣра, также не можно ожидать безъ благодати, какъ исполненія дѣлъ житейскихъ отъ мертваго тѣла, и что, наконецъ, съ благодатію отходящій изъ жизни сей не умираетъ, а засыпаетъ лишь, переходя смертію въ вѣчную жизнь преблаженную. Вотъ краткое начертаніе вѣроисповѣданія просвѣщенныхъ евангельскимъ ученіемъ; вотъ единый способъ спасенія грѣшниковъ. Что принадлежитъ до обрядовъ и обычаевъ людскихъ, присоединенныхъ къ вѣрѣ, одна евангельская вѣра же можетъ въ точности опредѣлить тотъ вѣсъ, который долженствуетъ имѣть въ умѣ христіанина внутреннее богослуженіе и внѣшнее. Безъ нея, какъ сказано выше, отправленіе обрядовой вѣры всегда преступаетъ свои границы.

Теперь обрати взоръ твой на тѣхъ, которымъ законъ Божій и вѣра евангельская никогда преподаваемы не были. Все, что составляетъ вѣру таковыхъ, есть одно обрядовое служеніе. Желаешь ли знать ихъ понятіе о Богѣ? Вопроси сію толпу. Мудрѣйшіе въ ней скажутъ тебѣ чистосердечно: мы люди темные, некнижные, а потому ничего о семъ не вѣдаемъ. Но не мало найдется и такихъ, которые, подобно малымъ дѣтямъ—несмысленнымъ, вопрошаемымъ о Богѣ, отвѣтствуютъ тебѣ указаніемъ на образъ. За симъ, что и спрашивать о св. Троицѣ, о искупленіи, о благодати: объ этомъ они, навѣрное, не имѣютъ никакого понятія, какъ, равно, и о таинствахъ, которымъ, слѣдовательно, пріобщаются изъ одного обычая. Что составляетъ ихъ нравственный законъ? Также обы-

чай одинъ, или страхъ временнаго наказанія. Вслѣдствіе сего, видимъ ихъ отъ *того* изъ запрещеннаго закономъ Божіимъ наипаче воздерживающимися, за что взыскиваетъ законъ гражданскій, подвергающій преступника строгому взысканію. При такомъ невѣжествѣ, могутъ ли они имѣть надлежащее понятіе о богослуженіи и молитвѣ? Могутъ ли они покланяться Богу духомъ и истиною (Іоан. IV, 23), тогда какъ духовная ихъ часть оставляется въ природной невоздѣланности: и малый лучъ природнаго свѣта погребенъ подъ грудою обычаевъ и предразсудковъ? Безъ вѣры, безъ сего сѣмени добродѣтелей, отъ чего рости любви, надеждѣ, страху Божію и прочимъ? Отъ того то плевелы всякаго рода заросли сію пустопорожнюю землю. Здѣсь уже, не какъ въ первомъ описаніи, гдѣ евангельская вѣра, занявъ въ умѣ и сердцѣ человѣка принадлежащую ей главную часть, оставляетъ обрядовой вѣрѣ лишь слѣдуемое ей мѣсто, но весь умъ наполненъ одними обрядами.

Предложивъ тебѣ сіи два образца, вопрошаю: который изъ нихъ избралъ бы ты для своего сына (если бы у тебя онъ былъ), котораго бы ты горячо любилъ?.. Конечно, первый.—Гдѣ же у тебя христіанская любовь, основаніе всего закона, повелѣвающаго желать ближнимъ то же добро, какое и себѣ? Спроси себя — готовъ ли ты перейти изъ перваго состоянія въ послѣднее? Конечно, скорѣе захочешь разстаться съ жизнію, нежели съ вѣрою евангельскою, которая есть вся твоя надежда. Какъ же теперь это твое чувство сочетать съ тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ ты видишь твоихъ ближнихъ, во мракѣ грѣховнаго невѣжества заблуждающихся—и большее, нежели равнодушіемъ; ибо ты имъ сулишь безопасность, не смотря на то, что мракъ сей такъ густъ, что можетъ быть *осязаемъ*. Поставь себя на мѣстѣ одного изъ нихъ и посуди, какъ бы ты заключалъ о томъ, который могъ бы тебя вывести изъ такого опаснаго состоянія и не хотѣлъ; или еще, съ равнодушіемъ нехристіанскимъ говорилъ тебѣ: ты въ самомъ безопасномъ находишься состояніи, ты «богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣешь нужды».—Всѣ нуждающіеся въ духовной милостынѣ несравненно большаго заслуживаютъ сожалѣнія, нежели лишенные дневнаго пропитанія. Богопротивно отсылать нуждающихся безъ подаянія имъ, когда мы въ состояніи подать. Но еще богопротивнѣе удерживать другихъ отъ подаянія, особенно тѣхъ, которыхъ это есть прямая обязанность: или, имѣя надъ ними какое вліяніе, не склонять ихъ къ тому всѣми силами.

Здѣсь нельзя не вспомнить о моемъ тебѣ письмѣ, насчетъ графини [14]) писанномъ, которое исполнено причинъ, побуждающихъ тебя *замолвить*, съ твоей стороны, о десяткахъ тысячъ братій нашихъ, величайшій недостатокъ въ духовной пищѣ имѣющихъ: и, однакоже, ты не внялъ оному отнюдь. И хотя вся операція такъ расположена (по моимъ заклю-

ченіямъ), что достаточно одной твоей руки положенія, чтобы пустить въ ходъ всю машину; однако же ты не хотѣлъ и пальцемъ однимъ прикоснуться. А какое величайшее тебѣ предстояло пріобрѣтеніе духовное, и за какую малую цѣну!

Тебѣ, вѣроятно, покажется странно, почему я такъ необходимымъ почитаю твое о вышеписанномъ графинѣ представленіе. Глянь на обстоятельство сіе духовными очами. Видишь ли, что доколѣ ты *не помыслилъ себя* добровольно подъ ея покровительство,—ты также мало имѣлъ на совѣсти представленіе сіе ей, какъ теперь и мы. Но единожды приблизивъ себя къ ея благодѣяніямъ такъ, что почитаешь ее изъ первѣйшихъ твоихъ благодѣтелей,—ты обязался ей долгомъ,—долгомъ несравненно уже значительнѣе, выше того, которымъ апостолъ повелѣваетъ намъ быть должными другъ другу—долгомъ, въ такой же соразмѣрности на тебѣ лежащимъ, въ какой благодѣянія ея тебѣ превосходятъ благодѣянія тебѣ отъ *простаго* ближняго, и *близость* твоя къ ней *сторонность* твою къ оному. Поелику же живая дѣятельная евангельская вѣра есть та, которая споспѣшествуема любовію къ ближнимъ (Галат. V, 6), то есть, изъявляемая благотвореніемъ имъ, и предпочтительно, благотвореніемъ духовнымъ: того ради, и твоя вѣра дѣятельная не можетъ не напоминать тебѣ о возвращеніи сего долга графинѣ—о возвращеніи такомъ, которое тебѣ стоя такъ мало, такъ велико, такъ многоцѣнно для нея, что уже она должна бы была почитать тебя своимъ благодѣтелемъ,—а благодѣяніе твое такъ важнымъ, что ни всѣ десятки тысячъ ея дохода, ни даже все ея изъ десятокъ тысячъ рабовъ состоящее имѣніе уравновѣсить не можетъ. Вотъ какъ драгоцѣнны отъ тебя ей сіи двѣ *лепты*... Подлинно, драгоцѣнны: ибо ты, оставивъ и все имущество, съ *ними* растаться не можешь. Изъ сего заключай, какъ не трудно и величайшее самоотверженіе внѣшнее, сравниваемое съ внутреннимъ, сердечнымъ. Подлинно,—гдѣ степень совершенства человѣческаго, по внѣшнему, не евангельскому сужденію, кончается, то есть, до—нельзя возвышается, тамъ, по размѣру истинной духовности, сіе поприще къ совершенству лишь только начинается.—*Иное* дѣло находить вещь необходимой, желать ее, молиться о ней и готову быть къ дѣйствію, если Господь призоветъ, хотя самымъ дѣломъ и не дѣйствовать, опять *иное*—не дѣйствовать самому, не совѣтовать другимъ, не желать того и не молиться о томъ, потому собственно, что не почитается нужнымъ.

Въ заключеніе сего моего разсужденія, слагаю съ себя всѣ виды препирателя и обличителя и облекаюсь въ свойственное мнѣ грѣшнику смиреніе, грѣшнику во многомъ тебя и многогрѣшнѣйшему. Отлагаю и гласъ мой громкой, а подъ часъ грубой и колкой, и принимаю гласъ брата, искренно тебя любящаго.

На длинное письмо братьевъ, отъ 26 августа 1830 года, іеромонахъ о. Аникита 30 сентября отвѣчалъ имъ краткою припискою на ихъ же письмѣ слѣдующаго содержанія: «Суди ми, Господи, яко азъ не злобою моею ходихъ: и на Господа уповая не изнемогу».

Испуси мя Боже, и увѣжь сердце мое, истяжи мя, и разумѣй стези моя.

Псаломъ XXV, 1—2.

И виждь, аще путь беззаконія во мнѣ, и настави мя на путь вѣченъ.

Псаломъ CXXXVIII, 24.

Ей, Господи Царю! Даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и неосуждати брата моего.

Письмо князя Алексѣя о. Аникитѣ, отъ 26 іюля 1832 года.

Невѣжество въ вѣрѣ о Богѣ, по необходимости, сопровождаемое суевѣріемъ, указываетъ всякому мало-мальски просвѣщенному какъ на происхожденіе свое, такъ и на тѣ подпоры, которыми его, съ нѣкотораго времени низлагаемаго помощію возрастаемаго духовнаго просвѣщенія, усиленно поддерживаютъ. Въ числѣ сихъ подпорокъ я чаю видѣть и тебя, твое несогласованіе съ принятымъ церковными книгами ученіемъ обнаруживавшаго. Всякому явны здѣсь двѣ силы, одна другой противящіяся. Цѣль одной,—ниспровергнувъ съ невѣжествомъ суевѣріе, водворить вѣру, другой цѣль—діаметрально сему противуположная. Разсмотри по признакамъ, кто такіе должны быть сіи послѣдніе? Не тѣ ли, которые, при однихъ внѣшнихъ обрядахъ, вѣры отправленіяхъ, допускаютъ и заповѣдей исполненіе и таинствами освященіе? Очевидно, что таковое состояніе невѣжества кажется вовсе неопасно и спасенію непрепятственно. Очевидно; таковую обрядовую вѣру почитаютъ такой достаточной, что не находятъ нужды разгонять невѣжества глубочайшій мракъ, оставляя оный и съ суевѣріемъ всегдашнимъ, непремѣннымъ его спутникомъ. Ты себя, по всему тому, что я отъ тебя слышалъ и читалъ, показываешь въ числѣ сихъ послѣднихъ. Суди же самъ, какъ мнѣ, видя тебя въ такомъ увлеченіи, не горевать, какъ не продолжать до—нельзя сихъ тебѣ представленій? Можетъ ли быть не богопротивно дѣйствіе той силы, которая, отвлекая отъ познанія необходимыхъ ко спасенію догматическихъ ученій, отвлекаетъ отъ богопознанія, отъ познанія Бога во Христѣ, сего единаго вѣдѣнія Его по надлежащему?

Письмо кн. Алексѣя къ о. Аникитѣ въ генварѣ 1833 года.

Просвѣщеніе невѣжествующихъ это, мнѣ кажется, такой великой важности дѣло, что требуетъ содѣйствія всѣхъ и каждаго, и никто не изъемлется, кто только пріемлетъ законъ Божій, на любви висящій, всякъ по своимъ силамъ и способностямъ. Гдѣ невѣдомъ Богъ, какихъ тамъ ожидать добродѣтелей, гражданскихъ, семейственныхъ, частныхъ. Духъ, питающій невѣжество въ вѣрѣ, есть духъ лукавый. Онъ былъ первый противникъ Божіей волѣ, первѣйшій противникъ боговѣдѣнія. Его то намъ нужно побѣждать, и это есть дѣйствительно труднѣйшій подвигъ, но за то и вѣнецъ любви. Противно сіе дѣло и тѣмъ, которые должны учить и тѣмъ, которыхъ должны учить, противно до крайности, такъ что и тѣ и другіе скорѣе согласятся на дѣло во сто разъ труднѣйшее. Мы нынѣ такъ умудрились мірскою мудростію, что допускаемъ всѣ добродѣтели и даже добродѣтели христіанскія совмѣстимыми съ глубочайшимъ богоневѣдѣніемъ Побѣда надъ врагомъ не только не одержана и къ одержанію надежды нѣтъ, но къ побѣдѣ сей нѣтъ и домогательствъ... Пора смотрѣть намъ на вещи очами будущаго вѣка. Тамошняя стихія есть любовь, а потому она должна быть и здѣсь не обманчивою. У насъ, при вышеописанномъ состояніи вѣры, любовь имѣетъ пищи много и премного. Не нужно ей, подобно древнимъ подражателямъ Христа и апостоловъ, идти на край свѣта и въ непроходимые лѣса и пустыни за пищею себѣ. Она падаетъ на каждомъ шагу. Какъ далеки мы отъ тѣхъ преблаженныхъ душъ которыя, какъ бы безтѣлесныя, переходили просто на крыльяхъ любви всѣ неимовѣрныя препятствія и, для чего? Для просвѣщенія откровеніемъ хотя единыя души. О, съ какою радостію приносили они ее къ подножію креста. Они думали, что на дѣлѣ не возможно было такъ возблагодарить Искупителю своему, какъ распространеніемъ Его искупленія на подобныхъ себѣ грѣшниковъ. Горе, горе великое! Нынѣ слова: искупленіе, спасеніе, освященіе, Богъ въ Троицѣ, покаяніе, таинственное благодатное преображеніе, завѣтъ, обѣтъ, крещеніе, слово Божіе, откровеніе и всѣ прочія, которыя такъ произносились и произносятся оглашенными и просвѣщенными, что каждое слово впечатлѣвалось на сердцѣ, речено было не языкомъ токмо, но всѣми тѣми движеніями человѣка, которыя хотя нѣсколько могутъ послужить къ выраженію чувствъ сердечныхъ, нынѣ, говорю, слова сіи многому множеству даже не вразумительны. Горе сіе великое, безъ сомнѣнія. Но хочешь ли ты слышать еще большее? Посмотри, послушай, вотъ другое множество и знающихъ и свѣдущихъ откровеніе, какъ и мы, не токмо не болѣзнуютъ о семъ, но изо всѣхъ силъ увѣряютъ ихъ... изъ всей мощи спорятъ съ защитниками ихъ, что они находятся на прямомъ пути ко спасенію.

Признакъ истинной живой вѣры есть тотъ же, что и живущаго растенія, а именно, что она на землѣ растетъ, растетъ все выше и выше, доколѣ не достигнетъ неба. Тогда какъ мертвая, изъ однѣхъ бездушныхъ внѣшностей и обрядовъ состоящая, вѣра также не можетъ расти, какъ и дерево, которое, лишась силы въ корнѣ, держится, не столько самымъ корнемъ своимъ, сколько приросшими къ нему чуждыми растеніями, близъ его мѣсто свое избравшими и прицѣпившимися. Что можетъ быть растительно въ такой вѣрѣ, которая чужда нетокмо божественныхъ откровенія словесъ, но и дальнѣйшаго понятія объ откровеніи и о самомъ Богѣ.

Богопознаніе и любовь къ Богу суть два первѣйшія орудія въ системѣ духовнаго человѣка, приводящіе въ движеніе всю машину. Они, какъ свѣтъ и теплота солнечная естественной природы, необходимы для его жизни духовной. Они другъ друга подкрѣпляютъ въ томъ сердцѣ, гдѣ имѣютъ свое пребываніе. Богопознаніе увеличиваетъ любовь къ Богу; ибо чѣмъ больше мы познаемъ Его, тѣмъ болѣе любимъ Его. Да и нельзя Его не любить познавающимъ Его. Истинное познаніе Бога въ состояніи преклонить къ любленію Его и самое ожесточенное сердце. Равнымъ образомъ и невѣдѣніе о Немъ лишаетъ возможности любить Его самыхъ мягкосердыхъ. Здѣсь нетокмо слово Божіе, но и самый разумъ говоритъ каждому убѣдительно, что нельзя того любить, кого не знаешь. Любовь тоже съ своей стороны взаимно подкрѣпляетъ познаніе Бога, ибо что любимъ, то стараемся знать близко. А потому, какъ богопознаніе есть первѣйшее дѣло человѣка и первѣйшая добродѣтель, то и богоневѣдѣніе, по словамъ Василія Великаго, есть тягчайшій грѣхъ. Слѣдовательно, тяжкій грѣхъ суть и всѣ тѣ дѣйствія наши, которыми мы себя и ближнихъ отдаляемъ отъ богопознанія, утверждаемъ въ богоневѣдѣніи, хотя бы это, по обычаямъ людскимъ, считалось препохвальнымъ... Нынѣ поступокъ только что небезнравственный уже нарицается благочестивымъ... Низкая степень нынѣшней нашей нравственности и названіе добродѣтелью того, что только не порокъ, непосредственно происходитъ отъ того погрѣшительнаго порядка, въ которомъ мы нынѣ изображаемъ христіанскую вѣру, измѣнивъ много-много евангельскую истину и многое изъ того, что въ ней божественнаго, переиначивъ на человѣческій ладъ. Но слово Божіе не вяжется (2 Тимоѳ. II, 9). Вѣра наша долженствуетъ быть служеніемъ разума. Богъ нашъ поклоняемъ въ духѣ и истинѣ (Іоанн. IV, 24).

Письмо князя Алексѣя о. Аникитѣ, отъ 10 апрѣля 1833 года.

Допускаемое вами мнѣніе препятствуетъ евангельской вѣрѣ распространяться во всемъ невѣжественномъ многолюдствѣ и имѣетъ то дѣй-

ствіе, которымъ, вмѣсто возведенія умовъ и сердецъ къ высокимъ истинамъ святѣйшаго христіанства, высокія истины сіи низводятся и унижаются до низкаго о нихъ понятія суевѣрныхъ и обычаями опутанныхъ умовъ и такимъ образомъ переиначиваются въ однѣ бездушныя формы и обряды, безъ всякаго понятія о вѣрѣ и церкви, то грубое грѣховное невѣжество въ вѣрѣ, по которому о догматической вѣрѣ не имѣется никакого, а объ обрядовой самое уродливое, самое не позволительное христіанамъ мнѣніе. Что тутъ сказать? Назовешь ли ты описаніе преувеличеннымъ? Пусть бы было сіе такъ. Все горе было бы въ одномъ умѣ и воображеніи. Но ты самъ не можешь не видѣть онаго, видишь и равнодушествуешь, видишь и такъ спокойно пребываешь, какъ бы читалъ въ умѣ и сердцѣ каждаго богопознаніе и благочестіе.

Что, по твоему, невѣжда въ догматической вѣрѣ и слѣпой исполнитель однихъ обрядовъ не подвергаетъ никакой опасности спасенія своей души? Помѣнялся ли бы ты съ нимъ въ вѣрѣ, т. е. отдалъ ли ему свои познанія катихизическія и богословскія, и отъ него получилъ ли бы равнодушное исполненіе обрядовъ и обычаевъ?... Что же, отчего же такое нехотѣніе? Отчего вдругъ всѣ тексты, необходимость евангельскаго богопознанія утверждающіе, всплываютъ въ твоей памяти? Отчего опускается рука, поднятая для положенія креста? Оттого, что чувствуетъ, что крестъ внѣшній безполезенъ безъ креста внутренняго, безъ ученія о крестѣ. Отчего дрожатъ твои колѣна? Ты съ такою ревностію преклоняешь ихъ и днемъ и нощію. Оттого, что боятся преклониться вещественному чтилищу. Отчего твое, такъ обыкшее падать въ прахъ предъ твоимъ Спасителемъ, лице отказывается склониться? Боится поклониться древу. Всѣ сіи члены такого требуютъ поклоненія Богу истинному, что готовы тебѣ не повиноваться, коль скоро воля твоя просвѣщенная сдѣлается отъ сей мѣны мрачной. Итакъ, если я не совсѣмъ ошибаюсь въ сихъ твоихъ чувствахъ, если ты дѣйствительно ни за что не согласишься помѣняться состояніемъ твоей вѣры просвѣщенной и вмѣщающей въ себѣ богословіе глубокое, помѣняться съ состояніемъ того простолюдина, котораго вѣроисповѣданіе ограничивается однимъ отправленіемъ нѣкоторыхъ нужныхъ обрядовъ-обычаевъ, которые безъ вѣры догматической не могутъ не быть суевѣріемъ; если, говорю, ты ни за что не рѣшишься промѣнять твое познаніе вѣры на одну внѣшность, на одно суевѣріе невѣжествующаго, такъ не говори же, что оно есть безопасное для души, не желай же ближнему ничего того, чего самому себѣ не желаешь (Дѣян. XV, 29), а желай и старайся всѣми силами, и домогайся доставлять ему всѣ тѣ средства ко спасенію, которыя тебѣ самому такъ дороги, что ты съ ними ни зачто не разстанешься, иначе уязвляешь любовь въ самомъ сердцѣ.

Ты скажешь, что ты не переставалъ учить другихъ, а потому мнѣніе сіе ограничивается однимъ тобою. Хотя бы оно ограничивалось однимъ тобою, то и тогда небезопасно тебѣ держать такое мнѣніе, которое чревато вредными для ближняго ученіями. Твоя строго монашеская жизнь даетъ тебѣ возможность во многихъ вкладывать твое мнѣніе. Но хотя бы сего не было, то уже болѣзненно моему сердцу то, что ты держишься той партіи, которой вышеписанныя погрѣшительныя мнѣнія о вѣрѣ суть отличительныя черты, и которая, слѣдовательно, напряжена противъ догматическаго ученія о вѣрѣ и почитаетъ настоящее грѣховное невѣжество многихъ и многихъ не опаснымъ.

На послѣднія три письма братьевъ о. Аникита не далъ отвѣта.

Свящ. В Жмакинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ГЛАВА II.

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о Богословіи іеромонаха Ювеналія

[2]) Братья говорятъ здѣсь о своихъ многолѣтнихъ занятіяхъ въ основанныхъ ими же самими двухъ школахъ: одна была для крестьянскихъ дѣтей, находившаяся въ завѣдываніи князя Алексѣя, другая — для дѣтей священно и церковно служителей, въ которой занимался князь Павелъ. Дѣйствительно, оба брата много потрудились для религіознаго просвѣщенія своихъ крестьянъ. У нихъ составлены были, примѣнительно къ пониманію крестьянъ, особые катихизисы, которые имѣли два вида: одинъ катихизисъ предназначался для взрослыхъ крестьянъ, другой—для крестьянскихъ дѣтей.

[3]) Подъ этими иниціалами разумѣется служитель князя Сергія, нѣкто Иванъ Петровичъ Красовскій, находившійся при немъ многіе годы, бывшій нѣкоторое время и въ селѣ Архангельскомъ, гдѣ онъ помогалъ князьямъ Алексѣю и Павлу въ ихъ школьныхъ занятіяхъ съ крестьянами. По переѣздѣ князя Сергія въ Юрьевъ монастырь, Иванъ Петровичъ переселился съ нимъ также въ монастырь и здѣсь, по примѣру своего господина, черезъ нѣкоторое время постригся въ монахи.

[4]) Здѣсь указывается на катихизисъ митрополита Платона, который имѣетъ слѣдующее полное заглавіе: «Пространный катихизисъ для обученія юношества православному закону христіанскому, изданный при учрежденіи народныхъ училищъ въ Россійской имперіи». И. Корсунскій. Судьбы катихизисовъ. «Русскій Вѣстникъ» 1883 годъ, январь. 378.

[5]) Благодѣтелемъ князя Сергія, на котораго въ данномъ случаѣ сдѣлано указаніе, былъ извѣстный русскій дѣятель *А. С. Шишковъ*. Въ 1813 году Шишковъ поднесъ императору Александру I сочиненіе

князи Сергѣя Шихматова: «Ночь на гробахъ», за что послѣдній, состоя еще на службѣ, получилъ пенсію въ полторы тысячи рублей въ годъ Въ 1824 году, по ходатайству того же Шишкова, занимавшаго въ то время постъ министра народнаго просвѣщенія, князь Шихматовъ удостоился Высочайшаго назначенія въ члены главнаго правленія училищъ. О жизни и трудахъ князя Сергѣя Александровича Ш.-Шихматова. Спб. 1838. 12. Шишковъ въ 1829 г. нарочно пріѣзжалъ въ Юрьевъ монастырь для того, чтобы посѣтить князя Сергѣя Александровича Шихматова.

[6]) Митрополитъ *Михаилъ Десницкій*, бывшій въ началѣ своей служебной карьеры приходскимъ священникомъ въ Москвѣ, при церкви св. Іоанна Воина, и здѣсь еще заявившій себя замѣчательнымъ проповѣдникомъ, по принятіи монашества рукоположенъ былъ въ 1802 г. во епископа старорусскаго, въ 1804 году получилъ самостоятельную каѳедру въ Черниговѣ, а отсюда въ мартѣ 1818 г. состоялось назначеніе его на каѳедру петербургскаго митрополита; † 24 марта 1824 г. Проповѣдническіе труды м. Михаила изданы были въ 1817—1824 г. въ девяти томахъ, при денежномъ пособіи императора Александра I.

[7]) Викаріемъ новгородскимъ въ 1829 году былъ Тимоѳей, епископъ старорусскій, хиротонисанный 7 октября 1828 года. До своего епископства преосвященный Тимоѳей былъ нѣкоторое время архимандритомъ Троицкаго третье-класснаго монастыря въ Смоленскѣ; въ томъ же самомъ Смоленскѣ, въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, подвизались двѣ сестры князя Сергѣя, которыхъ онъ посѣщалъ неоднократно и здѣсь имѣлъ случай познакомиться съ архимандритомъ Тимоѳеемъ. 24 февраля 1834 года Тимоѳей былъ переведенъ епископомъ въ Смоленскъ, 26 августа 1856 г. пожалованъ въ архіепископа; 16 мая 1859 г. уволенъ на покой; † 24 іюля 1862 г. въ Ордынской пустынѣ. Строевъ. Списки іерарховъ. 41, 592, 596.

[8]) У насъ нѣтъ подъ руками точныхъ данныхъ, для опредѣленія того, кто былъ ректоромъ новгородской семинаріи въ 1829 году. Объ этомъ можно только догадываться. Какъ извѣстно, новгородская семинарія издавна помѣщалась, какъ и теперь помѣщается, въ Антоніевомъ монастырѣ, и до послѣдняго времени званіе ректора новгородской семинаріи соединялось съ настоятельствомъ въ этомъ самомъ монастырѣ. Если, для опредѣленія личности ректора новгородской семинаріи, взять эту исходную точку зрѣнія, то въ 1829 г. настоятелемъ Антоніева монастыря, а слѣдовательно и ректоромъ новгородской семинаріи, былъ архимандритъ Иліодоръ (Чистяковъ), въ 1828 г. переведенный сюда изъ рязанскаго Спасскаго монастыря. 13 марта 1832 г. Иліодоръ былъ хиротонисанъ во епископа курскаго, въ 1844 г. получилъ званіе архіепископа, 5 ноября 1860 г. уволенъ по прошенію на покой, † 2 февраля 1861 г. въ Бѣлгородскомъ монастырѣ. Строевъ 635.

[9]) Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, извѣстная своимъ рѣдкимъ богатствомъ и благочестіемъ, не одинъ милліонъ потратила на благосостояніе Юрьева монастыря, куда она переселилась на постоянное жительство, гдѣ и скончалась, и погребена. Жизнь графини Орловой. Елагинъ. Спб.

[10]) Эта рукопись будетъ помѣщена въ приложеніяхъ къ матеріаламъ,

[11]) Архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій Спасскій (съ 20 августа 1822 г. † 26 февраля 1838 года) въ первый разъ познакомился съ графиней А. А. Орловой чрезъ преосвященнаго Иннокентія, епископа пензенскаго. Проѣзжая въ 1819 г. въ Пензу, преосвященный Иннокентій, извѣстный графинѣ по Петербургу, остановился, по причинѣ болѣзни, въ Москвѣ. Графиня приняла въ немъ живое участіе и такъ увлеклась его благочестіемъ, что просила его указать ей наставника духовной жизни. Иннокентій указалъ на Фотія. Елагинъ Жизнь графини Орловой.

[12]) Князь Сергѣй Александровичъ Ш.-Шихматовъ 25 марта 1830 года былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Аникиты, 30 марта былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 3 апрѣля того же года—въ іеромонаха. О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты. Изд. I, Спб. стр. 31.

[13]) Рѣчь идетъ о Богословіи іеромонаха Ювеналія.

[14]) Указаніе на графиню А. А. Орлову-Чесменскую.

III

Въ перепискѣ братьевъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ обозначилось между ними различіе также во взглядахъ на слѣдующіе предметы: а) на значеніе западной богословской литературы, б) по вопросу объ отношеніи къ протестанству и в) по вопросу о степени важности церковныхъ обрядовъ. Между этими тремя пунктами находится довольно тѣсная связь.

Князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ держался болѣе отрицательнаго взгляда на значеніе западной богословской литературы и почти отказывался пользоваться ею, тогда какъ другіе его братья, князья Павелъ и Алексѣй Александровичи, придавали большую цѣну произведеніямъ западной богословской литературы и предоставляли себѣ широкую свободу въ пользованіи ею. Это различіе взглядовъ братьевъ зависѣло отъ различія общественныхъ условій, въ которыхъ находились тотъ и другіе. Время жизни князя Сергія Александровича въ столицѣ падаетъ на царствованіе императора Александра I, вторая половина котораго отличалась крайнимъ развитіемъ у насъ въ Россіи мистицизма, занесеннаго къ намъ съ протестантскаго запада. Самъ императоръ окружилъ себя всякаго рода мистиками; примѣру императора слѣдовали, искренно или неискренно, многія высокопоставленныя лица. Ближайшій совѣтникъ и другъ императора, занимавшій два важные поста въ госу-

дарствѣ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ также увлекся мистицизмомъ и покровительствовалъ ему всѣми мѣрами. Въ тонъ охватившему русское общество мистическому настроенію, дѣйствовала и тогдашняя литература. Явился даже особый мистическій журналъ, издававшійся А. Ѳ. Лабзинымъ, подъ названіемъ „Сіонскій Вѣстникъ“. Произошелъ большой наплывъ мистической литературы съ запада. Явились переводы мистическихъ произведеній: Эккартсгаузена („облако надъ святилищемъ“ „ключь къ таинствамъ натуры и пр.) Юнга Штиллинга („побѣдная повѣсть“, „приключенія къ смерти“) Дю-Туа „Божественная философія“) и многихъ другихъ. Проникнутыя мистицизмомъ произведенія издавались безпрепятственно и расходились во многихъ тысячахъ экземпляровъ, причемъ употреблялся даже „начальственный“ способъ ихъ разсылки, исходившій отъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, рекомендація котораго имѣла обязательное значеніе для всѣхъ подвѣдомыхъ ему учрежденій. До какой безцеремонности доходило министерство духовныхъ дѣлъ, въ разсылкѣ мистическихъ книгъ, видно изъ того, что книги, явно противныя православной церкви, разсылались по епархіямъ, съ требованіемъ распространять ихъ въ народѣ. Князь Сергій Александровичъ, жившій въ столицѣ и всегда внимательно относившійся къ церковнымъ вопросамъ, зорко слѣдилъ за развитіемъ мистицизма и даже принималъ нѣкоторое участіе въ борьбѣ съ нимъ. Такъ, онъ обратился къ А. С. Стурдзѣ и поручилъ ему написать разборъ вышедшихъ мистическихъ книгъ, послѣдствіемъ чего была сначала передача „Сіонскаго Вѣстника“ изъ вѣдѣнія свѣтской цензуры въ вѣдѣніе духовной, а затѣмъ совершенное прекращеніе этого мистическаго изданія. (См. Иннокентій еп. пензенскій и саратовскій. Спб. 1885, 96).

Послѣ всего сказаннаго, совершенно понятно будетъ, почему князь Сергій Александровичъ высказывалъ отрицательный взглядъ на западную богословскую литературу, отказывался пользоваться ею, хотя, при всемъ томъ, онъ признавалъ, что и въ ней „можно было найти каплю безвредную.“

Совершенно при другихъ условіяхъ находились князья Павелъ

и Алексѣй Александровичи. Они оставили Петербургъ и поселились въ деревнѣ тогда еще, когда мистическое направленіе не вошло въ немъ въ моду. И въ послѣдствіи времени они хотя и получали свѣдѣнія о мистическихъ движеніяхъ въ столицѣ, но, болѣе или менѣе, отрывочныя, и получали ихъ чаще всего отъ кн. Сергія, который сообщалъ имъ отъ времени до времени о выдающихся событіяхъ изъ области церковной жизни столицы. Но эти свѣдѣнія, какъ получавшіяся разновременно и отрывочно, не могли дать братьямъ возможности составить, болѣе или менѣе, обстоятельное представленіе о томъ вредѣ, какой наносилъ православной церкви распространившійся тогда мистицизмъ. А потому они болѣе снисходительно относились ко всѣмъ западнымъ богословскимъ произведеніямъ и пользовались ими безъ особеннаго опасенія. „Благодареніе Богу, писали они къ Сергію, что Онъ благоволилъ наставлять насъ въ божественномъ своемъ словѣ, и, посредствомъ *единоземцевъ нашихъ* и *иноземцевъ*, церковь наша благословляетъ премногія изъ ихъ сочиненій“.

Князья Павелъ и Алексѣй Александровичи приписываютъ князю Сергію Александровичу крайнее нерасположеніе къ протестантскому вѣроисповѣданію. Князь Сергій, въ своихъ письмахъ къ братьямъ, оставляетъ безъ всякаго отвѣта это обвиненіе, и потому трудно съ положительностію сказать, на сколько дѣйствительно отличался враждебностію взглядъ Сергія на протестантовъ. О причинѣ его нерасположенія къ протестантамъ можно только догадываться. Во время пребыванія на службѣ въ званіи воспитателя морского корпуса кн. Сергію большею частію приходилось состоять подъ командою начальниковъ-лютеранъ, которые не только не поддерживали и не поощряли усиленныя его заботы о религіозно-нравственномъ воспитаніи кадетъ, но иногда прямо противодѣйствовали ему въ этомъ случаѣ. Затѣмъ, кн. Сергій холодно и осторожно относился къ протестантству и отъ того, что послѣднее имѣло тѣсную связь съ распространившимся тогда мистическимъ направленіемъ, возродившимся, какъ извѣстно, на протестантской почвѣ. Но и на основаніи словъ самихъ братьевъ можно заключить, что кн. Сергій не отличался нетерпимостію къ протестан-

тамъ: по свидѣтельству братьевъ, онъ, по принятіи монашества и священства, напримѣръ, при совершеніи литургіи, вмѣстѣ съ православными поминалъ и протестантовъ.

Переписка между братьями по вопросу о значеніи церковной обрядности была вызвана не столько дѣйствительными разногласіями во взглядахъ ихъ на указанный предметъ, сколько вкравшимся недовѣріемъ братьевъ къ Сергію, которые нерѣдко брали отдѣльныя выраженія его писемъ и, расширяя ихъ смыслъ, давали имъ произвольное толкованіе. Впрочемъ, кн. Сергій имѣлъ серьезныя основанія защищать церковную обрядность. Онъ жилъ въ столицѣ въ періодъ распространенія въ ней мистицизма и господства мистической литературы, въ которой встрѣчалось не мало оскорбительнаго для православной церкви—и особенно по отношенію ко внѣшней практикѣ церкви, когда, напримѣръ, въ ней храмы православные приравнивались къ языческимъ капищамъ, отрицалось почитаніе иконъ (Иннокентій, еп. пензенскій и саратовскій, Спб. 1885, 80 стр.). Приписываемыя братьями кн. Сергію односторонніе понятія о постѣ, молитвѣ, поклонахъ и пр. не находятъ себѣ полнаго подтвержденія ни въ его письмахъ, ни въ его нравственной дѣятельности. Да и сами братья обнаруживаютъ нѣкоторую неувѣренность въ самыхъ своихъ обвиненіяхъ, когда сопровождаютъ ихъ оговорками, въ родѣ: „по всей вѣроятности“, „повидимому“, „кажется“. Съ другой стороны, излагая свой личный взглядъ на церковную обрядность, братья иногда сами не бываютъ чужды другой крайности—рѣзкости по отношенію къ обрядамъ церковнымъ, которые они сравниваютъ, напримѣръ, съ шелухою орѣха и скорлупой яйца. Главный источникъ и корень всѣхъ обвиненій братьевъ, князей Павла и Алексѣя, не какія нибудь дѣйствительныя доказанныя разномнѣнія князя Сергія объ обрядахъ церковныхъ, а крайнее недовѣріе и подозрительность ихъ къ той новой средѣ (Юрьевъ монастырь), въ которую попалъ кн. Сергій, и которую его братья прямо называли раскольнической или старообрядческой *партіей*.

Письмо князя Сергія Александровича Ш.-Шихматова къ братьямъ князьямъ Павлу и Алексѣю Александровичамъ, отъ 11-го апрѣля 1823 года.

Осмѣливаюсь замѣтить, что я сомнѣваюсь, полезно ли учить совершенству вѣры изъ книгъ, писанныхъ ересію, которой Духъ Божій тайнъ своихъ открыть не можетъ, поколѣ существуетъ между имъ и ею преграда ложнаго въ вѣрѣ мудрованія, еже есть хула на Духа Божія. Глубокія и, повидимому, свѣтлыя наставленія еретиковъ, съ которой нибудь стороны, непремѣнно окажутся быть внушеніями духа лести, преобразующагося во ангела свѣтла, и ощутительнѣйшій онаго признакъ есть то, что, уничтожая все внѣшнее, подъ благовиднымъ предлогомъ усовершенствованія духовнаго, они заставляютъ духъ мечтать о высшенныхъ, оставляя въ то же время тѣло увязать въ плотоугодіи, ибо ученіе о умерщвленіи тѣла постомъ и другими изнуреніями для нихъ несносно и ими не пріемлется, а безъ него стремиться въ высоту совершенства есть то же, какъ, по слову Златоуста, птицѣ, держимой сѣтію за ноги, махать по пустому крыльями.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 7-го апрѣля 1826 г.

Здравствуйте любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Жизнь моя протекаетъ теперь въ безпрестанныхъ почти занятіяхъ по службѣ, пользы ради ввѣренныхъ мнѣ свыше, птенцовъ, такъ что весьма рѣдко могу упраздниться для собственнаго занятія—самаго для меня пріятнѣйшаго, для чтенія книгъ богодухновенныхъ и отеческихъ (отцами церкви писанныхъ), къ которымъ прилѣпляюсь я нынѣ всѣмъ сердцемъ, отторгаясь отъ чужеземныхъ проповѣдниковъ неправославныхъ, жалѣя крайне, что столько лѣтъ сими блатными струями поилъ жаждущую мою душу, имѣя возможность оживлять ее спасительнымъ питіемъ изъ чистыхъ и всякой отступнической примѣси чуждыхъ источниковъ израилевыхъ.

Письмо князя Сергія Александровича Ш.-Шихматова къ братьямъ князьямъ Алексѣю и Павлу отъ 17-го января 1828 года.

Со времени разлученія нашего Господь посѣтилъ меня тою величайшею милостію, что обращеніемъ съ мужами духовными и истинно-православными утвердился я въ догматѣ самомъ основномъ нашего православія, что нѣтъ спасенія внѣ церкви православной, и еще, что бесѣдами благими и собственнымъ опытомъ приведенъ былъ къ прилежнѣйшему

чтенію церковныхъ нашихъ книгъ, и обрѣлъ въ нихъ такое сокровище духовное, что *почувствовалъ отвращеніе ко всѣмъ инославнымъ учителямъ духовнаго житія* и крайне сожалѣлъ и нынѣ жалѣю, что въ теченіе долгаго времени, оставивъ источники воды живы, искалъ напоеній въ студенцахъ сокрушенныхъ, *не отрицая, впрочемъ, чтобы и въ нихъ, кое—гдѣ, не можно было найти каплю безвредную*, но и та, конечно, заимствованная. О семъ благодарю Господа моего и молю, да утвердитъ во мнѣ ревность внимать истиннымъ стада Его пастырямъ и о семъ уповаю, что и вы за меня возблагодарите Господа, вразумившаго мя въ семъ спасительномъ по превосходству догматѣ вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ вдохнувшаго въ меня благоговѣйную ревность ко всякой видимой, а паче чудотворной, святынѣ, ею же православная наша церковь украшается, и отъ нея же источается вѣрующимъ цѣлебная душамъ и тѣламъ ихъ благодать и сила, ея же и я, окаяннѣйшій, взыскать усердствую.

Письмо братьевъ къ Сергію, писанное между 18—28 числами января 1828 года.

Мы изложимъ перемѣнившіяся твои мнѣнія, каковыя мы изъ твоего послѣдняго и изъ многихъ предыдущихъ твоихъ писемъ усматриваемъ, помѣстивъ въ ономъ и наше мнѣніе какъ о сей перемѣнѣ твоей, такъ и о томъ, въ какомъ видѣ мы представляемъ себѣ истинное христіанство, о которомъ понятіе наше вяще утвердилось въ послѣдніе сіи годы отъ продолжительнаго обученія катихизическаго ученія и отъ внимательнаго чтенія русскихъ и *иностранныхъ* духовныхъ и нравственныхъ писателей. Благодареніе Господу, что Онъ *благоволилъ наставлять насъ въ Божественномъ Своемъ словѣ и посредствомъ единоземцевъ нашихъ и иноземцевъ*. Церковь наша благословляетъ премногія изъ ихъ (т. е. иноземцевъ) сочиненій, снимаетъ съ нихъ всякое о нихъ подозрѣніе тѣмъ, что многія изъ иностранныхъ классическихъ богословскихъ сочиненій, съ ея разрѣшенія, преподаются не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ нашихъ училищахъ. Достойное похвалы не оставляютъ всегда воздавать знаменитымъ иностранцамъ многія великія свѣтила нашей церкви. Нѣкоторые почерпали изъ нихъ мысли, а нѣкоторые переводили ихъ. Таковъ былъ между прочими недавно угасшій († 1824 г.) для времени, но еще свѣтлѣе горящій въ вѣчности, свѣтильникъ нашъ, преосвященный *Михаилъ* [1]), который, при всей строгости исполненія и содержанія православныхъ нашей церкви догматовъ и преданій, много заимствовалъ отъ писателей иностранныхъ, которыхъ онъ хорошо зналъ языкъ, зналъ же, безъ сомнѣнія, для того только,

чтобы читать ихъ, а не для иного чего. Съ тою же цѣлію, и нынѣ и всегда, продолжаютъ учить въ духовныхъ нашихъ училищахъ, кромѣ древнихъ, и новѣйшимъ иностраннымъ языкамъ. А что ученіе такое небезполезно, того не можемъ мы не признать, видя на опытѣ въ выпущенныхъ прежде и нынѣ выходящихъ изъ сихъ училищъ духовныхъ лицахъ. Не говорю о высшихъ пастыряхъ, и жизнію, и дѣлами, и писаніями своими сіяющихъ, но и священниковъ много въ послѣдніе годы, упражняющихся въ переводахъ съ иностраннаго. Изъ сихъ мы имѣемъ одного въ Москвѣ знакомаго протоіерея *Н. П. Другова* [2]), знакомаго и лично, и по его трудамъ, которые онъ намъ доставляетъ, и которые мы читаемъ съ большимъ удовольствіемъ. Да и не знаемъ, чѣмъ можно оправдать совершенное изгнаніе духовной иностранной словесности. Сіе также бы было неблагоразумно, какъ и безразборчивое оной принятіе. Крайности и здѣсь, какъ и во всякихъ другихъ отношеніяхъ, показываютъ слабость человѣческаго ума и равно отстоятъ отъ непогрѣшимой средины. Нельзя не благословлять признательнымъ читателямъ память Боссюэта, Николя, Массильена [3]), Бурдалу, Саси и прочихъ французскихъ, тебѣ и намъ извѣстныхъ, многихъ англійскихъ и нѣмецкихъ, переведенныхъ и не переведенныхъ. Вселенскій учитель, *Василій Великій* не воспрещаетъ читать юношеству и языческія книги, находя и въ нихъ много полезнаго, въ доказательство чего приводитъ мѣста изъ сихъ сочиненій.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 26 августа 1830 года.

Лѣтъ пять тому назадъ обнаружилось въ тебѣ мнѣніе о непозволительности чтенія иностранныхъ духовныхъ книгъ, противъ которыхъ ты ополчился всѣми силами, не смотря на то, что ты самъ премного обязанъ симъ книгамъ за объясненіе тебѣ многихъ евангельскихъ истинъ и заповѣдей христіанскихъ, удержавшихъ тебя, какъ вѣроятно, отъ многихъ грѣховъ. Ты не хотѣлъ и слышать о пользѣ чтенія и такихъ иностранныхъ книгъ, въ которыхъ всѣ или большая часть заключеній извлекаются изъ однихъ и тѣхъ же съ нами положеній, и въ которыхъ свѣтъ христіанской нравственности сіяетъ съ особеннымъ блескомъ.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 5-го апрѣля 1829 года.

Слѣдуетъ тебѣ, любезный другъ, замѣтить, что ополчающіеся противъ иновѣрцевъ-протестантовъ съ ревностію не по разуму, ревностію неосвященною, впадаютъ въ такую крайность, которая изъ ревности

сей не по разуму можетъ произвести вредъ гораздо тягчайшій. Начавъ опроверженіемъ дѣльныхъ нововведеній и упущеній, впослѣдствіи до того воспаляются гнѣвомъ и недоброжелательствомъ, что все кажется уже недостаточнымъ, нестерпимымъ въ ихъ церкви и самое то, что они имѣли и имѣютъ общее съ нами, такъ что даже и въ семъ нежелательно уже быть съ ними единомысленными. Получивши однажды такое чувство, все, чѣмъ можно отклоняться отъ нихъ, охотно пріемлется, и все, что сближаетъ съ нами, охотно опускается. Отсего тѣ внѣшности вѣры, которыя ими опускаются, обращаютъ наибольшее вниманіе, и отправляющіе оныя, хотя бы съ опущеніемъ важнѣйшихъ догматовъ, защищаются, какъ православные.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 11-го іюня 1829 года.

Съ нѣкотораго времени намъ начала открываться причина твоей существенной перемѣны во мнѣніяхъ твоихъ о вѣрѣ и такого чрезмѣрнаго прилѣпленія ко внѣшностямъ. Причина сія есть слѣдующая. Ты такъ устрашенъ былъ *протестантствомъ*, такъ ополченъ противъ него, что не желалъ бы ничего имѣть съ нимъ общаго въ вѣрѣ. А потому все то въ вѣрѣ, что не обще съ ними, для отличенія себя отъ нихъ, особенное твое обращаетъ на себя вниманіе и даже за черту переходящее прилѣпленіе, какъ показываютъ твои неправославныя выраженія о постѣ, молитвѣ и др. Любезный другъ, зачѣмъ вдаваться въ крайности? Не причисляй себя къ протестантамъ, но да не уменьшается въ умѣ твоемъ важность тѣхъ истинъ, которыя у насъ общи съ протестантами потому лишь, что онѣ у нихъ пріемлются.

Письмо братьевъ къ о. Аникитѣ, отъ 26-го августа 1830 года.

Теперешніе единомысленники твои успѣли вселить въ тебя сильную антипатію ко всему вѣроисповѣданію протестантовъ для того, чтобы отвлечь твое довѣріе отъ всего того, что протестанты не неосновательно въ народѣ нашемъ порицаютъ,—а именно—неразсудительное ко внѣшностямъ прилѣпленіе, простирающееся до того въ нѣкоторыхъ, что составляетъ всю сущность вѣры и богослуженія ихъ. Они не довольствовались тѣмъ, чтобы предрасположить тебя противъ тѣхъ изъ ученій протестантовъ, съ которыми церковь наша не согласуется, нѣтъ, сего было для нихъ недостаточно. Они, чтобы не имѣть въ нихъ никакихъ порицателей, рѣшили тебѣ все вѣроисповѣданіе ихъ представить въ превратномъ видѣ. Для того же, чтобы почли ихъ не исповѣдающими по надлежащему ни одного и изъ тѣхъ догматовъ, въ которыхъ они съ

нами не разнствуютъ, опредѣлили считать недостаточнымъ сіе ихъ принятіе догматовъ, по несогласованію съ нами въ обрядахъ и обычаяхъ. Отсего возникло новое правило во мнѣніяхъ вашихъ, по которому какъ догматы вѣры, такъ второстепенныя постановленія церкви и людскіе обычаи, втекающіе въ отправленіе богослуженія, почитаются въ одинаковой важности. Сіе явствуетъ изъ собственныхъ твоихъ словъ, которыми ты увѣрялъ насъ, что сдѣлавшій не во-время земной поклонъ такъ же погрѣшалъ, какъ и преступившій противъ заповѣди десятословія.

Ты возсталъ съ жаромъ противъ иныхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ (которыхъ терпимость допускаетъ церковь и всѣ духовно-нравственные наши писатели и учители, допускаетъ вѣра, любовію споспѣшествуемая Гал. V, 6), возсталъ и на насъ за неосужденіе, за отказываніе наше вмѣстѣ съ тобою произносить осужденіе на протестантовъ и всѣхъ прочихъ христіанъ—иновѣрцевъ, за отказываніе такимъ образомъ мѣрять съ тобою составленнымъ тебѣ неевангельскимъ маштабомъ, и единомыслить съ тобою въ такомъ мнѣніи, къ которому приложиться никакъ не смѣемъ. Да рѣшительнаго къ той или другой сторонѣ мнѣній приложенія церковь ни отъ кого и не требуетъ. Она сама въ нѣкоторыхъ случаяхъ показываетъ намъ не вовсе осудительныя ея мнѣнія о протестантахъ. Ибо при всякой литургіи ежедневно вынимаетъ за протестантовъ частицы. Сіе ты и самъ совершаешь при служеніи всякой обѣдни, опускаешь ихъ съ прочими православными въ кровь Спасителя и воспоминаешь о нихъ въ молитвахъ своихъ съ прочими православными христіанами. Сіе творишь и въ великомъ выходѣ, въ которомъ заключительнымъ ея поминовеніемъ показываетъ она, что молитъ здѣсь лишь о православныхъ, а между тѣмъ поминаются и протестанты. Если же бы, по твоему, они положительно обречены были церковію конечному осужденію, никогда бы и ни въ какомъ случаѣ и никакія лица не поименовала бы она въ числѣ православныхъ. Любовь христіанская, видя такое материнское снисхожденіе церкви и ея непочитаніе ихъ вовсе погибшими, подобно тому какъ ты умствуешь, не можетъ не прижаться крѣпче къ сему снисхожденію и моленію церкви и сильнѣе ухватиться, дабы не допустить чрезъ мѣру умствующимъ лишить ее сего величайшей отрады. Противное сему чувство, изысканіе причинъ или увеличеніе обстоятельствъ къ осужденію ихъ, настойчивость въ своемъ мнѣніи, не взирая ни на какіе резоны и на самую наклонность церкви, упорное въ такомъ мнѣніи пребываніе и сильное домогательство вовлекать въ оное и другихъ, и вообще духъ, показывающій нежеланіе, нерасположеніе къ рѣшенію вопроса, нѣсколько и на сторону ближнихъ сихъ не совсѣмъ осудительное, не показываетъ той высокой любви

христіанской, которая обнаруживается въ истинно-вѣрующихъ, если не благотвореніемъ ближнимъ самымъ дѣломъ, по невозможности, то желаніемъ благодѣтельствовать при всякой возможности, желаніемъ всякаго блага, а паче душевнаго.

Письмо братьевъ князей Павла и Алексѣя къ князю Сергію, писанное въ концѣ января или въ февралѣ 1828 года.

Любезный другъ! Болѣе года во всѣхъ письмахъ твоихъ, гдѣ ты, касаясь о вѣрѣ, доказываешь больше преданіями церковными и обрядовою вѣрою, нежели догматическими истинами изъ евангельскаго источника и христіанскими нравственными сужденіями. Ты воспламенилъ воображеніе и прилѣпилъ духъ къ такимъ предметамъ, которые, хотя и входятъ во всеобщій составъ вѣры, но суть лишь отдаленныя оной принадлежности, кои не всегда бываютъ знакомъ горячей вѣры.

Цѣль евангельскаго откровенія есть искоренить ветхаго человѣка и насадить новаго. Христіанство есть единственное дѣйствительное средство къ тому возрожденію и рожденію въ немъ, безъ котораго не входятъ въ царство небесное. Итакъ, тотъ есть лишь прямой христіанинъ и старается быть таковымъ, кто заботится о семъ сердечномъ измѣненіи. Тотъ и ближе къ царствію небесному, кто болѣе сдѣлалъ приращенія въ духовномъ своемъ обновленіи. Церковь есть то училище, въ которомъ мы научаемся производить сіе великое дѣло, важнѣйшее изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ, и всѣ постановленія церковныя суть тѣ способы, которыми мы лишь можемъ достигать предназначенной вѣрующимъ цѣли.

Внѣшнее и обрядовое христіанство заключаетъ въ себѣ сіи способы, приспособленные попечительною матерію нашею къ душевному нашему врачеванію. Кто ихъ пріемлетъ въ такомъ видѣ и отношеніи, давая въ своемъ сердцѣ первое мѣсто тѣмъ достопокланяемымъ святѣйшимъ, божественнымъ и страшнымъ для бреннаго нашего естества словамъ живота вѣчнаго, словамъ евангельскимъ, произносимымъ гласомъ Самого Бога, поставляетъ сіи служебныя догматамъ евангельскимъ церковныя постановленія и благочестивые людскіе обычаи также въ приличествующемъ мѣстѣ, обращая на тѣ и другіе соотвѣтствующее вниманіе, тотъ, по нашему мнѣнію и по общему мнѣнію церкви и богословскому и катихизическому нашему ученію, есть прямой послушный сынъ церкви.

Напротивъ, не внимающій ея гласу и ученію, не обращающій вовсе никакого вниманія на ея премудрыя установленія, а предпочитающій руководству ея одни мірскіе обычаи и прилѣпляющійся, по выбору своему,

къ той части ея ученія, которая ему по нраву, а тѣмъ паче предпочитающій низшее, второстепенное высочайшимъ догматамъ, что большею частію происходитъ отъ вольнаго невѣжества и отъ другихъ причинъ, которыя за краткостію здѣсь не упоминаются, тотъ, по мнѣнію церкви, не можетъ назваться ея сыномъ послушнымъ.

Вышеупомянутый путь есть сей царскій путь, по ученію церкви. Крайность въ одну сторону, по нашему мнѣнію, есть та, которой держатся, такъ сказать, плотскіе духи, которые, живучи еще въ плоти, желаютъ, подобно духамъ, одно духовное въ служеніи своемъ Богу воздавать поклоненіе. Для того они отметаютъ всѣ постановленія человѣческія, поставленныя церковію, съ которою Господь нашъ І. Христосъ обѣщался быть неразлучнымъ до скончанія вѣка, отмещутъ не разсуждая, что, по нераздѣльному до самой смерти соединенію плоти съ душею, должно быть нераздѣльное служеніе Богу по духу и по плоти.

Въ другую сторону подавшіеся суть противуположные первымъ. Какъ тѣ чаютъ угодить Богу и спастись однимъ духовнымъ служеніемъ, такъ и сіи также несбыточно думаютъ, что все сдѣлали ко спасенію и къ духовному возрожденію, когда еще онаго не начинали, думаютъ угодить церкви, когда низпровергая ея порядокъ и вовсе отступая отъ онаго, пріемлютъ часть за цѣлое, потому что прилѣпляются къ единымъ ея постановленіямъ, полагаютъ быть ненаказанными за то, что не простираютъ умственныхъ своихъ способностей далѣе — къ пріятію тѣхъ истинъ, которыя сама церковь не токмо уважаетъ и благословляетъ, но для которыхъ существуетъ и міръ, и церковь, и человѣкъ, думаютъ церковь обратить къ себѣ такимъ же лицепріятіемъ, какимъ иногда удобно можно преклонить противящагося намъ слабаго человѣка.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 28-го марта 1828 года.

Любезный другъ! Духовная чистота или просвѣщеніе духовныхъ очей есть прямо то состояніе, котораго надобно намъ здѣсь добиваться, и которое доставляетъ истинное благочестіе. Духовное просвѣщеніе показываетъ чистоту сердечную, а лишь чистые сердцемъ узрятъ Бога (Мѳ. V, 8). Внутреннее есть сіе изложеніе, внутренняго требуетъ и дѣлопроизводства. Наружнаго дѣйствія и служенія въ вѣрѣ потребно здѣсь столько, сколько нужно примѣси къ золоту, чтобы составить изъ онаго какую вещь. Безъ примѣси сей, безъ лигатуры вещи не составится, но золото и одно все остается золотомъ, а лигатура одна все лигатурою. Молитва одна внѣшняя, тѣлесная безъ внутренней не токмо не богоугодна, но и грѣховна. Молитва, по ученію церкви, есть возношеніе мысли и сердца къ Богу. Внѣшняя и тѣлесная молитва тогда полезна, когда

проистекаетъ отъ внутренней и показываетъ сію, какъ дымъ показываетъ огонь. Ты, любезный другъ (*ежели мы такъ тебя понимаемъ*), умствуешь совсѣмъ противно съ нами какъ о молитвѣ, такъ и о постѣ и вопреки катихизическому ученію нашей церкви, ибо церковь говоритъ: постимся, братіе, тѣлесне, постимся и духовнѣ. Ужели ты до того увлекся человѣческимъ ученіемъ, что оставляешь сей образецъ ученія церкви для всѣхъ вѣрующихъ? — У тебя замѣчается необращеніе вниманія на дѣятельное христіанство, по чрезмѣрному прилѣпленію къ умозрительному, или паче, по пристращенію ко внѣшностямъ и изъ оныхъ большею частію къ однимъ людскимъ обычаямъ.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 25-го августа 1828 года.

Ты, любезный другъ, содержишь, что не позволено молиться Богу, не имѣя предъ собою иконы. Ты возишь съ собою свои иконы и, выставляя ихъ, молишься предъ ними.—Ты называешь всецѣлымъ подвигомъ христіанскаго поста и *одинъ внѣшній и тѣлесный постъ*, т. е. воздержаніе отъ брашенъ, ясно и вразумительно отдѣляя оный отъ внутренняго, духовнаго поста, т. е. воздержанія отъ страстей. Ты содержишь, что ни въ какомъ случаѣ не дозволяется ѣсть мясо въ посты, ниже по болѣзни, и никакая церковная власть, по мнѣнію твоему, не можетъ сего разрѣшить. По мнѣнію твоему, *одна внѣшняя тѣлесная молитва* безъ внутренней духовной *пріемлется*, хотя бы даже молящійся и не понималъ того, что онъ читаетъ, или о чемъ проситъ. Сверхъ того, ты еще *такого мнѣнія о молитвѣ, что оная въ одномъ мѣстѣ дѣйствительнѣе, нежели въ другомъ.* Ты пріемлешь, что *преданія и обряды церковные суть одинаковой важности съ членами и догматами христіанской вѣры*, т. е. съ письменнымъ ученіемъ священнаго Писанія, такъ что за одно почитаешь нарушенія чиноположенія церковнаго о томъ, когда дозволяются и когда воспрещаются земные поклоны (мало кому извѣстнаго, и еще менѣе исполняемаго, ежели оно и существуетъ) и нарушеніе евангельской заповѣди.

По мнѣнію нашему, ты поставленъ на путь противленія церкви, которое, какъ не прикрываютъ совѣтники твои ревностію по православію, не можетъ не обнаруживаться въ словахъ и дѣлахъ. Ревность по православію есть самый тотъ покровъ, которымъ прикрываютъ свои бредни всѣ *старообрядцы*, *и даже тѣ раскольники*, которые, стараясь соорудить церковь свою на образецъ старинной церкви, до того изуродовали ее, что не имѣютъ и тѣни христіанства. Имѣй терпѣніе еще разъ пересмотрѣть обнажаемыя предъ тобою немаловажныя несогласованія *вашей партіи* съ духомъ церкви, всѣ искаженія съ катихи-

зическаго ученія въ перелаживаніи оныхъ на старинный ладъ. Молитва,—важнѣйшій догматъ христіанскій, отъ которой совершенно зависитъ спасеніе наше,—пріемлется у васъ дѣйствительной и въ такомъ видѣ, въ которомъ катихизическое ученіе называетъ ее молитвою грѣховной и строго запрещаетъ вѣрующимъ молиться такой молитвой, т. е. одной обрядовой, почитая оную также мертвой, какъ бездушное тѣло.—Таково есть чтеніе молитвъ языкомъ, не понимая оныхъ умомъ, и не чувствуя сердцемъ, или одно машинальное въ молитвѣ преклоненіе чела и всего тѣла. Непонятно, какимъ образомъ могъ ты увлечься до такой степени, могъ ты принять такое мнѣніе о первѣйшей обязанности человѣка?—И это называете вы разумнымъ служеніемъ?

Ежели измѣрить отъ протоптаннаго вами пути, съ одной стороны, до оставленнаго пути церковнаго, а съ другой, до той стези, по которой блуждаютъ явно отложившіеся старообрядцы, то, *вѣроятно*, окажется, что вы гораздо ближе къ послѣдней, нежели къ первому. Послѣ сего можно, *кажется*, непогрѣшительно заключать, что, ежели сторонѣ вашей дать нѣсколько усилиться и умножиться послѣдователями, особенно людьми побогаче, то, того и смотри, что вспыхнетъ расколъ. Въ какой безопасности, съ одной стороны, находятся всѣ свято повинующіеся церкви, т. е. пріемлющіе ея уставы и почитающіе духовныхъ пастырей ея, которыхъ ученіе можетъ выстоять всѣ нападенія непріязненныя, не имѣя въ себѣ ничего такого, изъ котораго можно бы было вывесть подобныя вышеписаннымъ слѣдствія: ибо основано на истомъ словѣ Божіемъ, томъ словѣ, по которому всѣ пріимутъ судъ; съ другой же стороны, невозможно быть спокойну въ совѣсти пререкающему ученію церкви въ главнѣйшихъ частяхъ онаго, которыя, будучи всѣ тѣсно между собою соединены, распространяютъ пререканіе и на все прочее. Ты поработился духу партіи—партіи, чувствительно уязвляющей истинную вѣру принятіемъ несущественныхъ истинъ ея, противуположныхъ евангельскому ученію. Таково ученіе о внѣшностяхъ вѣры, къ которымъ вы паче мѣры прилѣпляетесь, и въ которыхъ однѣхъ чаете видѣть истинную набожность,—а именно—*о поклонахъ*, хотя бы молитвеннымъ духомъ неодушевленныхъ и мертвыхъ,—*о постахъ*,—хотя бы на одно тѣло простирающихся, а потому также бездушныхъ и мало различествующихъ отъ постовъ индѣйцевъ и нѣкоторыхъ другихъ идолопоклонниковъ, которые, какъ сказываютъ, до невѣроятной степени воздержанія простираютъ свои посты,—о странствованіяхъ къ святымъ мощамъ, при невѣжествѣ въ вѣрѣ, которое вы не охуждаете, нерѣдко отъ непросвѣщеннаго народа Божескою, а отъ полупросвѣщенныхъ почти Божескою честію почитаемыхъ; и о прочихъ обрядахъ церковныхъ и обычаяхъ людскихъ, съ ограниченностію отъ церкви допускаемыхъ.

Нельзя не замѣтить и того, что всѣ наши расколы при появленіи своемъ отличались такимъ же прилѣпленіемъ чрезмѣрнымъ къ наружности и недовѣріемъ къ издаваемымъ отъ церкви книгамъ. Внѣшняя, недуховная набожность, прилѣпленіе къ обрядовой вѣрѣ столь чрезмѣрное, что въ нѣкоторыхъ рождало готовность скорѣе положить животъ, нежели допустить поправленіе описокъ и погрѣшительно переведенныхъ словъ въ церковныхъ книгахъ; невѣжество, терпимое и одобряемое, были сначала, а теперь стали отличительными свойствами и поповщины и безпоповщины.

Мы ясно показали уже тебѣ, что не евангельскія, не церковныя твои мнѣнія о молитвѣ, о постѣ, о незнаніи догматовъ вѣры и о внѣшностяхъ, изъ предѣловъ церковію поставленныхъ, вами выводимыхъ, показываютъ противленіе закону Божію, а будучи такими должны необходимо въ послѣдователяхъ производить душевную порчу. Всѣ сіи внѣшности, служащія много къ украшенію и прочности всего зданія вѣры, принятыя отдѣльно, не могутъ составить ничего сомкнутаго, благоустроеннаго, а суть лишь груда обломковъ, заставляющая зрителя отгадывать ихъ принадлежность и, отгадавъ, жалѣть, что они, обрушась съ своей высоты, безполезно обременяютъ землю... безполезно! Нѣтъ, не сіе токмо. Сія груда заваливаетъ совершенно входъ ко внутреннему христіанству многимъ и многимъ, которые, останавливаясь при ней, вовсе не видятъ того чуднаго устроенія, которое представляетъ христіанство въ систематическомъ своемъ порядкѣ. Наученный однимъ внѣшностямъ богослуженія и отправляющій оныя, хотя бы онъ не имѣлъ никакого понятія о догматической вѣрѣ, по мнѣнію вашему, есть уже христіанинъ православный. Но самое названіе православный обличаетъ неправость вашего мнѣнія. Ибо во всѣ вѣка у всѣхъ правовѣрныхъ народовъ названіе сіе означало православно-исповѣдующихъ святую вѣру, а не невѣжествующихъ въ существенныхъ догматахъ оной.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 20 января 1829 года.

Любезный другъ! Весь твой споръ, *повидимому*, былъ и есть на внѣшностяхъ вѣры, которыя ты потому и стараешься соблюдать съ точностію и строгостію. Ты до того погрузился во внѣшность религіи, что несогласованія наши съ тобою тебя вовсе не безпокоятъ. Ты, сосредоточивъ набожность твою въ строгомъ отправленіи обрядовъ и обычаевъ людскихъ, со времени самаго твоего разномыслія съ нами не о томъ уже заботился, чтобы тѣснѣе соединиться съ церковію посредствомъ истинной духовной набожности, но, завербовавшись въ число ея разномышленниковъ, только то и имѣлъ въ виду, какъ бы болѣе уве-

личить число вашихъ прозелитовъ, которыхъ лишь во внѣшностяхъ стараетесь вы сдѣлать искусными и неупустительными, что же принадлежитъ до сущности вѣры, то только на тѣ пункты и упираете, въ которыхъ вы съ церковію разнствуете.

Тебя премного обманываютъ и затмѣваютъ отъ тебя важнѣйшую часть церковныхъ ученій внѣшности, къ которымъ ты прилѣпился гораздо паче мѣры. Когда ты вступалъ и продолжалъ съ нами разговоры о вѣрѣ, то это было большею частію о вѣрѣ обрядовой, объ однѣхъ внѣшностяхъ вѣры, объ обычаяхъ людскихъ въ вѣрѣ, къ которымъ прилѣпленіе твое, какъ съ самаго начала, мы замѣтили, такъ и при прощаніи, оставалось въ тебѣ чрезмѣрнымъ, неподобающее мѣсто въ умѣ и сердцѣ твоемъ занимающимъ, и дѣйствительно въ такой же степени чрезмѣрнымъ прилѣпленіемъ къ обрядамъ и обычаямъ людскимъ, какое мы, руководствуясь церковно-учебными книгами, тебѣ показали. У тебя такая безпорядочная смѣсь существенныхъ догматовъ и обычаевъ людскихъ, вовсе до вѣры непринадлежащихъ, такое не по гласу оглашенія церковнаго сихъ различныхъ по важности своей ученій ея размѣщеніе, а рукою слѣпаго предубѣжденія безъ всякой системы расположенное, которое какъ въ отсутствіи твоемъ, такъ и въ присутствіи твоемъ съ нами не оставляли въ тебѣ порицать. Такой твой взглядъ ведетъ къ поддержанію невѣжества и суевѣрія, непропускающаго умы многихъ, сквозь внѣшность богослуженія и обычаи людскіе, пробраться къ сущности вѣры.

Прилѣпленіе твое ко внѣшностямъ вѣры, церковію допускаемымъ, тебя много обманываетъ. Полагая въ оныхъ важность въ такой степени, которая гораздо превосходитъ степень, церковію же опредѣленную, ты почитаешь себя не просто вѣрнымъ ея чадомъ, но и еще ревностнѣйшимъ. Между тѣмъ какъ, по самому твоему признанію, въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя составляютъ сущность вѣры, ты погрѣшилъ и признаешься въ томъ безболѣзненно, такъ безболѣзненно, что ты несравненно болѣе бы сокрушался, если бы обличили тебя въ упущеніи одной изъ внѣшностей богослуженія, такъ высоко тобою поставляемыхъ.

Если спросить тебя: *что ты любишь въ церкви болѣе прочаго?* то не явно ли, что сію внѣшность, къ которой ты прилѣпился такъ чрезмѣрно, ибо прилѣпленіе сердца и есть любовь онаго. Немного нужно проницательности, чтобы видѣть сію твою сердечную склонность. Отъ сего сущность вѣры такъ мало обращаетъ на себя твое вниманіе, что ты разномысліе съ церковію принимаешь за неважное. Будучи къ оному неприлѣпленъ, ты далеко не любишь онаго по надлежащему, не любишь церкви въ самой ея сущности; ибо сію внѣшность также не можно называть церковію, какъ *шелуху орѣхомъ* и *скорлупу яйцомъ*.

Послѣ этого можешь ли, не краснѣя, сказать, что ты ее любилъ и что, пребывая въ тѣхъ же мнѣніяхъ, продолжаешь ее любить? — Если можно твое неумѣстное и безмѣрное прилѣпленіе назвать любовію, то ты любишь *одну служебную внѣшность*. Вспомни, съ какимъ противленіемъ, съ самаго начала твоего сюда пріѣзда, встрѣтилъ ты наши поправленія твоихъ неправыхъ умствованій, какъ противно казалось тебѣ наше мнѣніе, т. е. ученіе церкви, какимъ ты и самъ оное напослѣдокъ не могъ не признать. Сіе такое небезгнѣвное противленіе, такое нерасположеніе противъ ученія церковнаго не можетъ имѣть мѣста съ любовію къ церкви, которую мы обязаны почитать духовно отродившею насъ матерію. Доколѣ ты держалъ и держишь тотъ *толкъ*, отъ котораго, повидимому, отрекся, доколѣ имѣется между тобою и нами вышеописанная разность, ты можешь говорить, что любишь церковь такъ же, какъ ты говоришь, что ты отъ ея ученія не отступалъ, но чувствовать, т. е. имѣть любовь сердечную, любовь надлежащую къ церкви или къ тому обществу, которое мнѣніями тебѣ противно, есть противъ порядка вещей. Духъ такой весьма близко подходитъ къ духу несчастныхъ нашихъ старообрядцевъ, явно отъ церкви отщепившихся, а сіи вовсе не любятъ, даже ненавидятъ церковь. При посѣщеніи тобою многихъ церквей въ послѣднее сіе время ты, вѣроятно, такого чувства не ощущалъ, но это потому, что ты, по невниманію твоему на вышеписанную разность между церковными и твоими мнѣніями и по особенному прилѣпленію твоему *ко внѣшностямъ* и обычаямъ людскимъ, которые вездѣ одинаково отправляются, не видѣлъ ничего такого, чтобы пробравшись сквозь внѣшность твоего богослуженія, коснулось и возбудило твое подозрѣніе къ церкви, твое несогласіе съ нею. Всѣ слышанныя тобою по церквамъ проповѣди касались истинъ вѣры и ученія церкви вообще, не выставляя каждую порознь. Но если бы тебѣ удалось гдѣ-либо слышать, подобно тому, какъ ты слышалъ, въ какомъ видѣ читанный общій катихизисъ церковный и мѣсто изъ ея богословій, которыми мы обличали твою погрѣшительность, и о которыхъ ты объявилъ намъ, что не принимаешь всего, какъ мы, а съ разборомъ, т. е. иное принимаешь, а иное не принимаешь, то непремѣнно дремлющая въ умѣ твоемъ антипатія тотчасъ бы встрепенулась, ты во мгновеніе ока увидѣлъ бы себя судьею церкви противникомъ не токмо всего собранія и управляющаго пастыря, но и всѣхъ право правящихъ слово божественной истины.

Ты, путешествуя по разнымъ церквамъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и пріобщался св. тайнъ, питая между тѣмъ въ умѣ и сердцѣ вышеописанную разность. Поелику несогласіе твое съ церковію было тайное, а не явное, то ты былъ допускаемъ къ страшнымъ тайнамъ.

До такой степени простирается прилѣпленіе твое ко внѣшностямъ,

что самыя слова: *внутреннее христіанство, внутренній человѣкъ, духовный постъ, духовная молитва, духовное возрожденіе*, какъ чужеземцы, съ видомъ незнакомства, пріемлются тобою, тогда какъ сіе-то, по ученію церкви, и составляетъ сущность вѣры. Мы ничего тебѣ такъ не желаемъ, какъ набожности истинной, сердечной, духовной. Ибо духъ животворитъ, плоть же не пользуетъ ничесоже. (Іоанн. VI, 63).

Ты нѣсколько лѣтъ почитаешь себя членомъ какой-то идеальной церкви, которая имѣла и, можетъ быть, теперь имѣетъ существованіе свое въ подобно твоему расположенныхъ умахъ... Не стыдись подтвердить и вновь принять церковное ученіе, ниспровергнуть зданіе, созданное тобою въ продолженіи многихъ лѣтъ по образцу какой-то идеальной церкви, которой ты почитаешь себя членомъ, и воздвигнуть новое по плану той видимой нами церкви, которая создана и основана апостолами и пророками, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу (Ефес. II, 19—20).

Письмо князя Сергія Александровича къ братьямъ князьямъ Алексѣю и Павлу Александровичамъ, отъ 11 февраля 1829 года.

Миръ вамъ, любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья! Скрѣпясь скорбящимъ моимъ сердцемъ, трижды прочелъ строгое ваше писаніе (письмо братьевъ отъ 20 января 1829 года), въ которомъ утверждается рѣшительно, что я, завербовавшись въ число противниковъ церкви, слѣпотствующій умомъ, подъ игомъ внѣшностей богослуженія и обычаевъ людскихъ, подхожу къ раскольникамъ, ненавидящимъ церковь, причисляюсь къ протестантамъ, вѣруя въ церковь идеальную, т. е. не сущую, что мнѣнія о вѣрѣ имѣю такія, которыя открываютъ убѣжище всякимъ ересямъ, и что, наконецъ, содержу такую вѣру, при которой полученіе благодати, а слѣдовательно, и спасенія душевнаго, для меня невозможно. Скрѣпясь сердцемъ, прочитывалъ я сіи обвиненія и прещенія и предъ Свидѣтелемъ на небеси вѣрнымъ испытывалъ свою, ложною объявленную, совѣсть, и поколику истина въ совѣсти моей можетъ имѣть хотя самомалѣйшее мѣсто, не могу, по истинѣ, признать себя виновнымъ въ столь тяжкихъ предъ Богомъ винахъ, въ столь тяжкихъ, что превосходятъ всѣ возможныя въ дѣлахъ человѣческихъ преступленія. Но благодарю отъ всего сердца моего наказующаго меня Господа за премногія мои беззаконія и тѣмъ болѣзненнѣйшимъ наказаніемъ, что я не отъ презрителей вѣры, но отъ ревнителей ея православныхъ, за вѣру и добродѣтели почтенныхъ, провозглашенъ еретикомъ и жертвою погибели вѣчной. Ежели, по слову Лѣствичника, иноку пить должно безчестіе какъ воду, то при вступленіи моемъ въ иночество, принимая отъ Промысла чашу горькаго

сего питія, молю Господа всемилосердаго, да будетъ оное мнѣ во спасеніе.

Слѣдуетъ сказать нѣчто и объ обличеніи меня въ излишнемъ прилѣпленіи ко внѣшностямъ богослуженія, или же къ обычаямъ людскимъ, къ обрядамъ, церковію повелѣннымъ и даже не повелѣннымъ, что вы называете въ посланіи вашемъ шелухою и скорлупою. *Скорлупа* для яйца и *шелуха* для плода необходимо нужны, дабы послѣдній не замялся, а первое не протухло. Когда же и то и другое представляется на трапезу для вкушенія, тогда они обнажаются отъ своихъ обвертокъ. Подобно сему и намъ въ семъ мірѣ нужна необходимо *внѣшность богослуженія для сохраненія внутренняго благочестія*, когда же мы перейдемъ въ иной міръ—духовный, тогда сія необходимость пройдетъ. *И нѣтъ скорѣйшаго средства къ поврежденію внутренности плода или яйца, какъ отъятіе отъ нихъ шелухи и скорлупы* и оставленіе ихъ на воздухѣ, или на солнцѣ, или на дождѣ. Такъ точно безъ внѣшностей богослуженія растлѣвается внутреннее благочестіе. Или, лучше сказать, нельзя совершенно отдѣлить внѣшняго отъ внутренняго; и кое къ первому прилѣпленіе единственно стремится къ сохраненію послѣдняго, или, лучше сказать, то и другое никогда во мнѣ не раздѣляются; и помнится мнѣ, довольно было о семъ говорено, а здѣсь развѣ присовокупить можно, что въ строгомъ храненіи самихъ внѣшностей, церковію, впрочемъ, установленныхъ, а не по обычаямъ людскимъ введенныхъ, свидѣтельствуется, конечно, не неугодное Богу покореніе Его святой церкви, которая ничего не постановила, какъ только нужное къ нашему спасенію, ибо наблюденіе сихъ малыхъ ея заповѣдей внушаетъ вящшую ревность къ сохраненію великихъ, по слову: *вѣрный въ малѣ, и во многѣ вѣренъ есть, а невѣрный въ малѣ, и во многѣ невѣренъ есть* (Лук. XVI, 10).

На вопросъ, что я въ церкви люблю, отвѣтъ не тотъ, который вы предполагаете. Люблю божественную благодать въ ней неисходно пребывающую, и меня таинствами и ученіемъ спасающую; люблю Тѣло и Кровь Бога моего, въ моемъ бренномъ естествѣ за меня пострадавшаго, и меня съ собою соединяющаго до единства съ нимъ по духу и тѣлу. Люблю всѣ прочія святѣйшія таинства, которыми я возрождаюсь, укрѣпляюсь, питаюсь, очищаюсь, освящаюсь во внутреннемъ человѣкѣ, не безъ участія и внѣшняго. Люблю истину богопознанія и богоугожденія, люблю истины, открываемыя мнѣ о моемъ предназначеніи ко вкушенію жизни вѣчныя, съ показаніемъ средствъ, какъ оной достигнуть; люблю самыя прещенія, вѣчною казнію которыхъ благость Божія отъ всякаго зла меня отвлекаетъ; люблю братій моихъ, дѣтей общаго небеснаго Отца, связанныхъ со мною тремя священнѣйшими союзами вѣры, надежды и

любви, съ которыми вкупѣ долженъ я стараться достигнуть спасенія, самъ для себя труждаясь и имъ споспѣшествуя. — Люблю священные обряды богослуженія, возводящіе чрезъ чувства душу мою къ Богу; люблю самыя внѣшности сего богослуженія, умудряющаго меня въ спасеніе; люблю благолѣпіе иконное во храмахъ, для назиданія душевнаго сильное; люблю чудотворные останки праведниковъ; люблю цѣлительныя иконы Царицы небесной и святыхъ угодниковъ; люблю пѣнія богокрасныя; люблю свѣщи горящія, въ знаменіе сердецъ пылающихъ предъ Богомъ; люблю дымъ кадильный, знаменующій моленій нашихъ и благодати Божіей ѳиміамъ; люблю самыя стѣны, святыню Божію въ себѣ вмѣщающія; люблю и почитаю священною и самую персть церковную, по сему слову, «яко благоволиша раби твои каменіе духовнаго Сіона, персть его ущедрятъ» (Пс. CI, 14—15). Столько люблю церковь и все, что въ ней, что совершенно оживаю, когда въ ней изливаю предъ Богомъ мою душу, или паче тогда только и живу, когда въ ней предстою предъ Богомъ моимъ, исповѣдуя Ему свои немощи, благодаря Его неизреченное милосердіе и испрашивая Его всесильную помощь къ довершенію пути жизни сей временной, съ достиженіемъ вѣчнаго упокоенія.

Ежели хотя малѣйшее словцо въ семъ писаніи моемъ окажется для васъ прискорбнымъ, то простите снисходительнѣйше, ибо, исписавъ столько листовъ за одинъ присѣстъ, легко весьма могъ погрѣшить словомъ, оставаясь въ сердцѣ исполненъ искренняго братскаго къ вамъ усердія и глубокаго уваженія.

Письмо князя Алексѣя къ Сергію, отъ 26 іюня 1829 года.

Любезный братъ! съ эпохи нашихъ разногласій, всѣ тѣ, въ которыхъ ты замѣчалъ строгое отправленіе внѣшностей религіи, обращаютъ особенное твое вниманіе, и до того, что ты между всѣми одной и той-же церкви членами началъ отличать нѣкоторыхъ, которыхъ ты именовалъ *православными*, какъ бы намекая, что и неправославіе имѣетъ мѣсто между ея членами, а въ сіе православное сборище включалъ ты, по замѣчанію нашему, безъ изъятія всѣхъ отправляющихъ отличительно отъ прочихъ внѣшнее богослуженіе, не мало, какъ кажется, не заботясь, какъ вѣруютъ и слышали-ли вовсе о вѣрѣ христіанской сіи православные христіане.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 28 декабря 1829 года.

Прошу васъ униженнѣйше, удержитесь навсегда отъ всякаго возставанія самомалѣйшаго противъ обрядоваго богослуженія (вовлекающаго иногда ревнителей внутренняго совершенства даже до сатирическихъ

изображеній внѣшнія святыни, несовмѣстимыхъ съ духомъ благочестія), ибо богослуженіе сіе есть церковію, т. е. Духомъ Святымъ, установлено, и есть свято и освящающее присутствующихъ при ономъ съ простотою сердца и съ молитвеннымъ усердіемъ, а паче при совершеніи страшной безкровной жертвы. Святые отцы, дѣломъ и словомъ, призываютъ всѣхъ, и мудрыхъ и невѣждъ учащать къ олтарямъ Господа силъ и молитвами оттолѣ почерпать благодать, вразумляющую мысли и споспѣшествующую дѣламъ богоугоднымъ.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 26 августа 1830 года.

Любезный братъ! Лѣтъ пять тому назадъ начали мы замѣчать въ тебѣ нѣкоторую перемѣну мнѣній на счетъ церковно-классическаго ученія. Съ сего времени во всѣхъ почти письмахъ твоихъ встрѣчали мы нѣсколько строкъ, выставляющихъ не токмо пользу и приличность внѣшняго богослуженія, но и такое чрезмѣрное къ оному прилѣпленіе, которое не могло не кидаться намъ въ глаза. Нельзя было не замѣтить, какое чрезъ мѣру опасное внѣдрено было въ тебя чувство насчетъ ученія христіанъ—протестантовъ. Противленіе твое мало или совсѣмъ не имѣло въ виду существенной разности между нами и ими, а все обращалось лишь на внѣшнее богослуженіе и обычаи людскіе. Въ сіе то время замѣтили мы въ тебѣ и особенное влеченіе къ монашеству. Ты неограниченно называлъ въ письмахъ твоихъ путемъ спасенія всякій путь, предпринимаемый къ святымъ мѣстамъ, тогда какъ о внутренней евангельской вѣрѣ ты въ нихъ совершенно молчалъ.

Ты, повидимому, такъ прилѣпился ко внѣшнимъ обрядамъ и обычаямъ людскимъ, что едва ли не выронилъ изъ твоего ума разность въ опредѣленіяхъ между вѣрою и суевѣріемъ. Ибо отправленіе однѣхъ сихъ внѣшностей даже и тѣми, которые не имѣли ни малѣйшаго понятія о вящемъ законѣ, ты необиновенно называлъ вѣрою спасительною, какъ будто давалъ ей преимущество предъ ищущими вѣровать евангельски.

Князь Сергій отвѣчалъ на вышеприведенное письмо братьевъ только одною припискою слѣдующаго стиха изъ CXXXVIII псалма: „И виждь, аще путь беззаконія во мнѣ, и настави мя на путь вѣченъ (ст. 24)*.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ГЛАВА III.

[1]) Митрополитъ Михаилъ (Десницкій) изучилъ французскій и нѣмецкій языки во время обученія своего въ московскомъ университетѣ. Обзоръ духовной литературы Филарета, архіеп. Черниговскаго, изд. третье, стр. 426.

[2]) Николай Петровичъ Друговъ, протоіерей трехсвятительской церкви въ Москвѣ, изъ воспитанниковъ московской духовной академіи. Частію переводы, частію оригинальныя его сочиненія: «нравственное изъясненіе евангельскихъ блаженствъ» М. 1818 года, «Вѣрный путь ко спасенію», въ трехъ частяхъ, М. 1816 и 1822 годовъ, «Христіанинъ, поучающійся истинѣ и добродѣтели», М. 1820 года, «Духъ утѣшитель на каждый день» М. 1824 г., «Наставленіе о смиреніи» М. 1825 г. «О христіанскомъ воспитаніи дѣтей» М. 1827 года; «Чтеніе на пользу скорбящимъ» М. 1829 года, «Христіанское нравоученіе» М. 1831 г. Обзоръ русской духовной литературы архіеп. Филарета Черниговскаго, изд. третье, Спб. 1884 года, 440.

[3]) Въ то время въ Россіи извѣстно было сочиненіе Массильена и на русскомъ языкѣ, въ переводѣ священника А. Ив. Бѣликова, подъ заглавіемъ: «Духъ Массильена». М. 1808 и 1822 г. Филаретъ Черниговскій. Обзоръ духовной литературы, 428 стр.

IV.

Князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ расходился съ своими братьями, князьями Павломъ и Алексѣемъ Александровичами, во взглядѣ на монашество. Ближайшій поводъ къ разногласію во взглядѣ на монашество подалъ самъ князь Сергій своимъ образомъ дѣйствій. За нѣсколько лѣтъ ранѣе полученія увольненія отъ службы, онъ предполагалъ остатокъ жизни своей провести вмѣстѣ со своими братьями. Тамъ братья для него уже устроили особый флигель и развели для него садикъ въ ихъ родовомъ имѣніи въ с. Архангельскомъ. Но въ послѣднее время Сергій сразу измѣнилъ свой взглядъ и рѣшился посвятить себя монашескому уединенію. Такая рѣзкая перемѣна во взглядахъ князя Сергія крайне поразила его братьевъ, чрезвычайно его любившихъ и кромѣ того дорожившихъ имъ, какъ человѣкомъ ученымъ и образованнымъ, который могъ оказать имъ великую помощь въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія ихъ крестьянъ и родныхъ. А этому дѣлу оба брата отдались всей душой. Они увидѣли въ образѣ дѣйствій кн. Сергія холодность, нѣкоторое недовѣріе къ себѣ, что, конечно, отзывалось сильною болью въ ихъ любящихъ сердцахъ. Отсюда и то новое внѣшнее положеніе—монашество, къ

которому сталъ приготовлять себя Сергій, какъ-то невольно вызвало въ его братьяхъ нѣкоторое нерасположеніе или несочувствіе къ себѣ. Это первая и ближайшая причина, послужившая и толчкомъ къ обсужденію самаго вопроса о монашествѣ. Кромѣ ея, особенный, отличный отъ князя Сергія взглядъ братьевъ на иночество вытекалъ изъ общей системы ихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній. Они всегда на первомъ планѣ ставили внутреннюю, духовную сторону нравственной дѣятельности человѣка и только съ точки зрѣнія духовно-нравственныхъ требованій оцѣнивали и всѣ внѣшнія дѣйствія и все внѣшнее поведеніе человѣка. Въ началѣ января 1828 года князь Сергій сообщилъ своимъ братьямъ въ село Архангельское, что онъ избираетъ для себя „удаленіе отъ міра на совершенное безмолвіе въ одной изъ обителей иночествующихъ“, и что въ этомъ избраніи онъ видитъ для себя „перстъ Божій“. Что же касается до самаго монастыря, въ которомъ онъ хотѣлъ принять монашество, то Сергій писалъ братьямъ, что объ этомъ ему еще неизвѣстно. — Для того, чтобы провѣрить себя и опредѣлить насколько онъ расположенъ къ монашеству, кн. Сергій рѣшился предпринять странствованіе по святымъ мѣстамъ русскимъ, которое онъ называетъ „приступомъ“ къ исполненію своего желанія о принятіи монашества.

Сергій Александровичъ на путешествіе по святымъ мѣстамъ смотритъ, какъ на „священный православный обычай, примѣрами святыхъ утвержденный и церковію похваляемый“, а самое предпріятіе свое о путешествіи называетъ „надежнѣйшимъ средствомъ“ ко спасенію свой души. Иначе взглянули на вопросъ его братья. Они странствованіе по святымъ мѣстамъ называютъ хотя и благочестивымъ, однакоже *людскимъ* обычаемъ, который по самому характеру своему открываетъ обширное поле для праздности, никогда не приносящей, по словамъ братьевъ, спасенія. Странствованіе по святымъ мѣстамъ тогда только имѣетъ, по взгляду братьевъ нравственное значеніе и цѣну, когда лица, его предпринимающія, проникнуты истинно-христіанскою любовію къ ближнему.

Точно такая же противуположность между княземъ Сергіемъ и его братьями замѣчается въ ихъ взглядѣ на монашество. Князь

Сергій Александровичъ съ величайшимъ благоговѣніемъ относился къ монашеству и называлъ его „надежнѣйшимъ средствомъ ко спасенію“ и останавливался только на однѣхъ привлекательныхъ сторонахъ современной ему иноческой жизни въ Россіи. Онъ усвоилъ себѣ такой высокій чисто идеальный взглядъ на монашескую жизнь, изъ за котораго изъ его вниманія ускользали нѣкоторыя стороны современной жизни въ монашествѣ, не вполнѣ отвѣчавшія усвоенному имъ идеальному взгляду на монашество. Что же касается братьевъ князей Павла и Алексѣя Александровичей, то они, напротивъ, разсматривали вопросъ о монашествѣ съ его современной, *бытовой* стороны и потому относились къ нѣкоторымъ особенностямъ современнаго монастырскаго быта болѣе или менѣе критически. Братья указываютъ кн. Сергію, что онъ, начитавшись твореній *древнихъ* отшельниковъ и пустынножителей, на основаніи ихъ, а не дѣйствительной жизни, составилъ понятіе о современномъ монашествѣ. Разсматривая монашество по его сущности братья находятъ, что сущность иночества и сущность христіанства вообще одна и та же—это дѣятельная любовь къ ближнему, съ тою лишь разностію, что любовь къ ближнему у монаха должна быть сильнѣе, чѣмъ у мірянина. „Безмолвіе же, черная одежда, келейная жизнь и прочія внѣшности суть такія, по словамъ князей Павла и Алексѣя, принадлежности монашества, *которыя сами по себѣ ничего не придаютъ*“.

По воззрѣніямъ братьевъ, дѣйствительное положеніе современнаго русскаго монашества заключало въ себѣ не мало такихъ чертъ, которыя значительно отличали его отъ древняго пустынножительства. Древніе монастыри, по словамъ братьевъ, были, въ полномъ, смыслѣ слова жилищами отшельниковъ, и по наружности и по внутренности, тогда какъ нынѣшніе монахи живутъ также посреди міра какъ и міряне, кромѣ того въ жизнь современныхъ монастырей вкрались многія принадлежности чисто мірскаго житія. Братья находили отличіе между древними и современными монастырями и по отношенію къ нравственной пользѣ, какую приносили и приносятъ христіанскому обществу тѣ и другіе монастыри. Древніе отшельники, поучившись въ безмолвіи истинному христіан-

ству, исходили просвѣщать міръ и свѣтомъ истиннаго богопознанія и дѣятельной вѣры озаряли концы языческаго міра; нынѣшніе же монашествующіе, отходя въ монастырь отъ міра, порываютъ всѣ сношенія съ нимъ и не возвращаются въ него для служенія ему. Въ своемъ критическомъ отношеніи къ современному монашеству, братья шли далѣе и утверждали, что если монашествующіе удаляются въ монастырь не для того, чтобы тамъ въ тиши уединенія приготовить себя на служеніе духовному благу ближнихъ, то этого рода монашествующіе своимъ удаленіемъ въ монастырь напоминаютъ, по выраженію „братьевъ, мизантропическое бѣгство лѣниваго раба отъ законныхъ дѣлъ и работъ своего господина“. Князь Сергій Александровичъ, при всемъ своемъ благоговѣніи къ иночеству, отчасти соглашался съ братьями въ томъ, что современное отшельничество монашеское не то, что было древнее, но въ то же время утверждалъ, что и нынѣ благодать Божія не оскудѣваетъ въ монастыряхъ.

Вопросъ о значеніи монашества получилъ большой интересъ въ перепискѣ между братьями еще по слѣдующему обстоятельству. Около 1817 года двѣ сестры полемизирующихъ братьевъ, княжны Александра и Анна, ушли въ смоленскій женскій Вознесенскій монастырь и тамъ постриглись въ монахини. Онѣ удалились въ монастырь тогда еще, когда жива была ихъ мать, лежавшая очень долго въ параличѣ. Князья Павелъ и Алексѣй Александровичи взглянули на уходъ сестеръ въ монастырь, какъ на явное нарушеніе пятой заповѣди. Они находили, что уходъ за разбитой параличемъ матерью несравненно выше и богоугоднѣе всякаго монашества. Совершенно иначе относился къ поступку сестеръ кн. Сергій Александровичъ, который удаленіе ихъ въ монастырь называлъ вступленіемъ ихъ *на вѣрнѣйшій путь ко спасенію*. Кн. Сергій въ нежеланіи братьевъ видѣть его въ монашескомъ одѣяніи предполагалъ несочувствіе ихъ къ монашеству вообще и даже это несочувствіе называлъ, при всей своей сдержанности и мягкости характера, „несогласнымъ съ церковію неуваженіемъ иноческаго ангельскаго чина, котораго на землѣ высшаго нѣтъ и быть не можетъ“.

Въ подтвержденіе своего намѣренія принять монашество, кн. Сергій въ своихъ письмахъ неоднократно ссылался на Промыслъ Божій, влекущій его, и на званіе Божіе, указывающее ему путь спасенія именно въ монашествѣ. Братья не видѣли и не находили въ его письмахъ доказательствъ этого званія Божія, вмѣсто монашества приглашали его къ себѣ, какъ помощника въ своихъ трудахъ по религіозному просвѣщенію крестьянъ и церковническихъ дѣтей. При чемъ братья нарисовали предъ Сергіемъ замѣчательно симпатичную картину своей трудовой подвижнической жизни у себя въ имѣніи, которая во многомъ напоминаетъ собою жизнь древнихъ отшельниковъ и монашествующихъ и даже въ нѣкоторыхъ чертахъ и превосходитъ ее.

Письмо князей Алексѣя и Павла Александровичей къ князю Сергію, писанное въ началѣ января (1—15 числа) 1828 года.

Надобно тебѣ сказать, любезнѣйшій другъ, что мы, отпуская сіе письмо, остаемся въ немаломъ безпокойствѣ, которое уже нѣсколько времени продолжается, и проясненія котораго ожидали мы отъ твоихъ писемъ, особенно твоего отвѣта на затрудненія наши, но тщетно. Ты и въ послѣднемъ письмѣ также мало и въ такихъ же темныхъ выраженіяхъ пишешь намъ о основаніи союза и образѣ твоей жизни въ отставкѣ, какъ и въ предыдущихъ. Можно лишь видѣть то, что ты не положилъ, по прежнему нашему условію, жительствовать вмѣстѣ и какъ будто пускаешься искать другой Итаки. Отчего такая перемѣна, любезнѣйшій? Это всегда былъ такой радіусъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ твои будущія предположенія. Какая сила отвлекаетъ тебя отъ того мѣста, къ которому столько неразрывныхъ узъ тебя привязываютъ? Нельзя не думать, что архангельскій магнитъ, привлекавшій тебя до оставленія службы, потерялъ теперь для тебя свою силу. Ибо, отрѣшившись отъ службы, ты не токмо не приближаешься, но еще и отдаляешься. — Мы ожидали, что, недержимому тебѣ теперь ничѣмъ, ты, послѣдуя давнему твоему желанію, привьешься къ Архангельскому, присоединишься къ намъ и тѣломъ, съ которымъ давно—давно соединенъ ты духомъ. Ожидали послѣ семилѣтней разлуки, которая противъ порядка вещей въ обратной надъ тобою дѣйствуетъ пропорціи. Сіе безпокойство наше родилось уже съ нѣкотораго времени, когда мы стали замѣчать въ тебѣ къ намъ недовѣрчивость, холодность и невниманіе, ибо съ нѣкотораго уже времени отвѣты твои

на письма наши стали не токмо кратки, но и вовсе неудовлетворительныя, вовсе не сотвѣтствовавшія ни нашему порученію, и просьбы убѣдительнѣйшія, двукратно и троекратно подтвержденныя и вовсе безъ отвѣта оставленныя. Такихъ тебѣ прошеній, на которыя мы не имѣли отъ тебя ни да, ни нѣтъ въ продолженіи года или двухъ, можно насчитать болѣе десяти.

Ты до послѣдняго времени, безъ совѣта, безъ благословенія нашего, не предпринималъ никакого дѣла, и только теперь избираешь или уже избралъ себѣ родъ жизни въ такой періодъ оной, когда каждый шагъ есть величина важная, не токмо не посовѣтовавшись съ нами, но ниже извѣстивъ ясно и подробно, давая лишь догадываться о томъ, что не Архангельское, гдѣ давно готовился тебѣ теплый уголокъ, гдѣ въ сердцахъ нашихъ ты занималъ присущее мѣсто, будетъ вмѣщать въ себѣ своего хозяина и не съ родными кровными, не съ друзьями, не въ лонѣ любви, которой ты конечно не найдешь нигдѣ, опредѣлилъ ты провести остатокъ дней твоихъ.

Замѣть еще, любезный братъ, что твое отложеніе свиданія съ нами почти на годъ безъ всякой причины, послѣ столь продолжительной разлуки, есть одинъ изъ достовѣрнѣйшихъ знаковъ твоего къ намъ охлажденія, слѣдовательно и недостаточность любви, безъ которой, по апостолу, не токмо посѣщеніе святыхъ мѣстъ, но и самое мученичество ничтоже есть (1 Кор. XIII, 3). Казалось, надлежало бы тебѣ летѣть къ намъ, получивши увольненіе отъ службы, не смотря ни на какія знакомства, и прежде и въ послѣдній годъ составленныя. Здѣсь въ совѣтѣ истинныхъ друзей, на лонѣ братства, здѣсь надлежало бы быть опредѣленію твоего будущаго состоянія жизни, ежели бы твое отбытіе изъ Архангельскаго нашлось званіемъ Божіимъ. Ибо, по мнѣнію нашему, да безъ сомнѣнія и твоему, неиначе надлежитъ предпринимать какое дѣло, особенно при избраніи пути жизни, какъ удостовѣрившись сперва о званіи Божіемъ. О званіи же семъ только тѣ могутъ быть судьями необманчивыми, которые не откажутся взвѣшивать всѣ твои обстоятельства и внутреннее твое состояніе и внѣшнее, и способности твои и таланты, особенно тѣ, въ которыхъ Господь отъ каждаго потребуетъ отчета.

Ежели мы не ошибаемся, то кажется намъ, что мы видимъ въ тебѣ духъ твой упадшимъ до такой степени, что преданіе себя необмышляемому тобою руководству другого, т. е. слѣпому повиновенію, есть вещь очень не несбыточная. Признаемся, любезнѣйшій, мы видимъ въ тебѣ совсѣмъ иной духъ. Надобно, чтобы ты много, много отступилъ отъ истины, чтобы исчисленныя нами тебѣ выше недостатки любви къ ближнимъ, ближайшимъ, можно было въ какомъ либо отношеніи почесть добродѣтелями. Ежели бы одно чистое христіанское смиреніе преклонило такъ

твой духъ, то оно отнюдь не дало бы ему пасть ниже всякой разсудительной способности и не допустило бы тебя противодѣйствовать первѣйшей добродѣтели христіанской вѣры. А потому осмотрись, есть ли уныніе твое точно смиреніе. Слѣпое повиновеніе или порабощеніе себя иному въ дѣлѣ вѣры и совѣсти можетъ быть и отъ иного источника, а потому прежде, нежели дѣлать сей вѣрный шагъ, надобно хорошо и хорошо обдумать и также обстоятельно осмотрѣть со всѣхъ сторонъ, по званію ли Божію такое начинаніе предпріемлется. Сіе тѣмъ паче требуетъ большей осторожности и совѣтовъ искренней любви, что однажды вручивъ себя распоряженіямъ другого въ такихъ важныхъ отношеніяхъ каковы суть вѣра и совѣсть, нелегко себя изъять изъ такого порабощенія, хотя бы и обнаружилась впослѣдствіи несостоятельность дѣла.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 17-го января 1828 года.

Признаюсь чистосердечно, что при всей моей къ вамъ приверженности (ибо не смѣю сказать любви), при всемъ удовольствіи съ вами, присными моими, въ нѣдрахъ братства и дружбы сожитія и собесѣдованія, удовольствіи духовномъ и душеполезномъ, почитаю, что *не въ Архангельскомъ указуетъ мнѣ Господь пристанище хотѣнія Своего*, а сильнымъ влеченіемъ внутреннимъ призываетъ меня инуду, призываетъ на покаяніе дѣятельное, для очищенія благодатію Своею въ послѣдніе мои годы многихъ и безчисленныхъ грѣховъ какъ юности моей, такъ и всей окаянной моей жизни. Внутреннее влеченіе не могу я почесть обманчивымъ; ибо оно согласуется совершенно съ симъ словомъ божественнымъ: *Едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, и посѣщати ми храмъ святый Его и зрѣти ми красоту Господню* (Псалом. XXVI, 4—5): ибо оно согласуется совершенно съ ученіемъ святыхъ отцевъ, непрелестныхъ наставниковъ къ спасенію; ибо оно, яко желаніе въ благихъ, исполняется дивно явнымъ споспѣшествованіемъ Промысла Божія о мнѣ окаяннѣйшемъ изъ человѣковъ. То единое, о чемъ я прошу Господа, и чего всемѣрно взыскую, и къ чему зовутъ трубы богогласныя одушевленныя, и къ чему, по неизреченному милосердію, приводитъ меня, окаяннѣйшаго, Господь милости, *есть удаленіе отъ міра на совершенное безмолвіе и даже молчаніе въ мѣстѣ святомъ, въ одной изъ обителей иночествующихъ*, гдѣ бы могъ я, окаяннѣйшій, преотягченную беззаконіями главу мою преклонить на лоно чадолюбивѣйшей нашей общей матери, церкви православной, гдѣ бы могъ, пользуясь примѣрами облагодатствованныхъ на пути къ совершенству чадъ ея и богодухновенными ихъ наставленіями, попещись, при помощи свыше, о искорененіи тернія страстей, ими же обросло

мое сердце, гдѣ бы могъ вечеръ, утро и полудне изливать предъ Господомъ при святыхъ Его алтаряхъ скорбящую о множествѣ содѣянныхъ мною лютыхъ душу мою, и небесною пищею поста и молитвъ возстановлять мало по малу ея изнеможенныя силы, гдѣ бы, наконецъ, могъ хотя нѣсколько уготовиться къ приближающемуся быстро концу своего теченія, да не имать тебѣ смутитися смущеніемъ отчаянія, окаяннѣйшая душа, писано бо есть: *уготовихся и не смутихся* (CXVIII Псал. 60 ст.). Сіе предъ очами Господними положивъ намѣреніе, долго я молился Его благоутробію, припадалъ къ стопамъ Пречистой Его Матери и прибѣгалъ къ помощи святыхъ Его угодниковъ, да укажется мнѣ воля Божія къ оставленію прежняго моего званія, и Господь премилосердый и Матерь Его всеблагая и святые мои заступники не презрѣли деннонощнаго моего къ нимъ вопля молитвеннаго. Всѣ обстоятельства, внутреннія и внѣшнія, малыя и великія, такъ чудно стеклись воедино къ тому, чтобы побудить меня оставить службу, что не токмо я, но и всѣ ко мнѣ приближенные *вижу и видятъ въ нихъ перстъ Божій*, указующій мнѣ путь къ изшествію по желанію моему отъ міра, для взысканія душѣ моей желаемаго ею мѣста упокоенія, еже отъ милости Господней уготовися ей, *а гдѣ? еще мнѣ неизвѣстно.*

Приступъ къ исполненію онаго намѣренія къ моему спасенію есть предпринимаемое мною *странствіе по мѣстамъ святымъ*, дабы, по примѣру многихъ святыхъ Богу угодившихъ, и мнѣ окаяннѣйшему изъявивъ благоговѣніе къ силѣ Божіей, дѣйствующей въ святынѣ Его видимой, призвать силу сію на свою немощь и укрѣпиться во внутреннемъ человѣкѣ къ подвигу уединенной и безмолвной о Господѣ жизни. Признаю совершенно справедливымъ, что безъ любви ничтоже пользуетъ посѣщеніе мѣстъ святыхъ; но для того то и спѣшу я посѣтить святыя мѣста, дабы умолить Пречистую Матерь Еммануилеву предъ чудотворными Ея препрославленными иконами, и упросить святыхъ угодниковъ при нетлѣнныхъ и многоцѣлебныхъ ихъ останкахъ, извести изъ истлѣнія грѣховнаго духовный животъ мой, исцѣлить безчисленныя гнойныя струпы моей души, и въ хладномъ на всякую добродѣтель сердцѣ моемъ возродить хотя едину искру божественной любви, дабы отъ ней при дуновеніи благодати Божіей сердце мое какъ уголь черное и безжизненное возгорѣлось любовію къ Богу и ближнему.

Если вы меня спросите, совершенно ли рѣшился я идти въ монахи, на сіе утвердительно отвѣчать не смѣю; а скажу, что имѣю намѣреніе то, о коемъ уже вамъ открылся, чтобы, посѣтивъ святыя мѣста отнюдь не изъ любопытства, но единственно послѣдуя *православному обычаю, примѣрами святыхъ утвержденному и церковію похваляемому*, испросить отъ Господа ходатайствомъ Пречистой Его Матери и молит-

вами святыхъ Его угодниковъ, да укажетъ мнѣ путь, въ онь же пойду, и покажетъ мнѣ мѣсто ко спасенію удобное, одну изъ святыхъ Его обителей, гдѣ бы могъ я водвориться какъ въ пустынѣ, чая Бога спасающаго мя отъ малодушія, житія по плоти, въ немъ же до сихъ поръ пребываю, и отъ бури страстей, ею же донынѣ бѣдственно обуреваюся; и аще услышу гласъ Его божественный, призывающій на путь иноческаго самоотверженія, то, да не ожесточится сердце мое, а паче съ радостію да преклонится подъ иго Его благое и бремя Его легкое (Мѳ. XI, 30). О семъ Господа молю и молить не престану. Такимъ образомъ изложивъ вамъ, что судьба моя исходитъ отъ Лица Господня, уповаю, что признаваемое мною во всей силѣ право любви вашей надо мною не будетъ уже осуждать меня, да не преречетъ явному суду Господа, въ Его же руку жребіи мои; ибо право сіе есть право оберегать мнѣ путь спасенія, а какой же иной путь спасительный, какъ не тотъ, на который призываетъ слово Божіе, которымъ шествовали избранные Божіи, ихъ же житія святая церковь предлагаетъ чадамъ своимъ въ примѣръ подражанія и который воистинну есть путь узкій и прискорбный, ведущій въ отраду жизни вѣчныя.—Почему же я по сіе время предварительно о семъ, во благомъ намѣреніи моемъ, съ вами не посовѣтовался? Въ семъ признаю себя совершенно предъ вами виновнымъ и прошу помилованія. Однако же это случилось отнюдь не по уменьшенію моей къ вамъ довѣренности, да не будетъ! А потому, во-первыхъ, что, зная ко мнѣ недостойнѣйшему велію любовь, не хотѣлъ оскорбить ее преждевременнымъ извѣстіемъ о нашемъ разлученіи, а, во-вторыхъ, признаюсь, что опасался, дабы при всемъ безпристрастномъ вашемъ о вещахъ сужденіи, любовь ваша ко мнѣ не преклонила на свою сторону выи праведнаго вашего суда, и я получилъ бы отъ васъ совѣтъ не по желанію и влеченію души моей, который, хотя и невольно, нарушить было бы для меня крайне прискорбно. Но какъ въ томъ и другомъ случаѣ открывается недостатокъ братской искренности, то грѣха моего не покрываю, а прошу, да прикроется оный вашимъ великодушнымъ прощеніемъ. Впрочемъ, преднамѣреваемый мною путь, въ который прошу вашего напутственнаго благословенія, предпріемлется мною съ разрѣшенія отца духовнаго и съ одобренія благочестивыхъ душъ изъ священныхъ и мірскихъ, лицъ, любящихъ мое спасеніе.

Меня же, возлюбленнѣйшіе, не лишите вашего благословенія въ предлежащее мнѣ душеполезное странствованіе, на которое вы въ одномъ изъ вашихъ писемъ, помнится мнѣ, уже меня благословили и тѣмъ крайне меня тогда обрадовали.

Замѣчаемый вами во мнѣ до нижайшей степени упадокъ духа моего признаю я дѣйствительно существующимъ; ибо, полагая не восхожденія

въ сердцѣ моемъ, а развѣ нисхожденія, чувствую, что падаю безпрестанно изъ слабости въ слабость, изъ страсти въ страсть и крайне о томъ болѣзную и для сей еще причины нахожу необходимымъ поспѣшить на источники спасенія при святынѣ Господней, во святыхъ мѣстахъ протекающіе, дабы, омывъ въ нихъ, сколько возможно, черноту души моей, предстать чистымъ вашимъ взорамъ, въ нѣсколько (но, конечно, весьма мало) меньшемъ безобразіи. Прискорбно гордому духу моему видѣть себя упадшимъ; но по крайней мѣрѣ въ прискорбіи моемъ утѣшаюсь надеждою помилованія и возстановленія свыше; ибо наказуя наказа мя Господь, попустивъ поникнуть подъ бременемъ моихъ беззаконій, смерти же не предаде мя, ибо оставилъ во мнѣ духъ вѣры, вѣры православной, составляющій всю жизнь человѣка.

Собирая не совсѣмъ еще (и за то, что не совсѣмъ, слава и слава Господу) ослабѣвшія силы ума моего къ разсмотрѣнію сего важнаго моего предпріятія, не только не вижу, чтобы оно было не богоугодно, но напротивъ, пріемля въ разсужденіе всѣ внутреннія и внѣшнія свои обстоятельства и обращая особенное вниманіе на явныя указанія Промысла, вящше еще убѣждаюсь, что *предпріятіе мое есть надежнѣйшее средство ко спасенію многогрѣшной души моей*, о избавленіи коей въ день судный сказано: братъ не избавитъ, когда каждый воздастъ отвѣтъ самъ о себѣ.

Нетокмо убо не остановляйте, не удерживайте, но паче понуждайте, гоните меня на путь покаянія, да яко ближайшіе мои изъ ближнихъ усерднѣйшіе явитесь споспѣшники моему спасенію и истинные мои благодѣтели, за благодѣяніе имѣющіе получить награду отъ Бога кающихся и Спаса согрѣшающихъ. Вѣрую, что вы сіе сотворите по ревностной вашей ко мнѣ любви, и что смиреніе ваше, памятуя, что должны суть сильніи немощи немощныхъ носити и не себѣ угождати (Римл. XV, 1) отложитъ настоятельное требованіе личнаго моего и притомъ самоскорѣйшаго съ вами въ проступкахъ моихъ объясненія.

Письмо братьевъ къ Сергію, между 18—28 ч. января 1828 года.

Любезный братъ!

Съ нѣкотораго времени чтеніе твое, кажется намъ, да и самъ ты не скрываешь, составляютъ большею частью писанія *отшельниковъ и пустынножителей*, а обращеніе и знакомство твое съ людьми подобными тебѣ и съ самими избравшими такое же житіе. Мысль твоя услаждается прелестями жизни древнихъ анахоретовъ, воображеніе исполнено видами пустынь и вертеповъ, въ которыхъ древніе подвижники, удаляясь отъ языческаго міра, гдѣ христіанство было посмѣшищемъ и

предметомъ гоненія, часъ отъ часу болѣе прилѣпляютъ тебя къ богомыслію и упражненіямъ отшельниковъ вдали фиваидскихъ пустынь. То, что въ началѣ вселилось въ тебѣ чтеніемъ, глубже еще врѣзалось разговоромъ о томъ же, такъ и самымъ зрѣніемъ лицъ, по наружности подобныхъ тѣмъ, которыхъ отшельничество и богоугодное житіе память твоя представляетъ тебѣ съ особеннымъ удовольствіемъ. По мѣрѣ такого прилѣпленія твоего къ предметамъ мрачно духовнымъ, происходитъ въ умѣ твоемъ охлажденіе къ міру, къ міру же, говоря вообще, не токмо къ мірскимъ богопротивнымъ обычаямъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и къ такимъ связямъ и упражненіямъ, которыя составляютъ сущность дѣятельнаго христіанства. Все, что не имѣло на себѣ вида пустыннаго въ какомъ либо отношеніи, не обращало твоего вниманія, и самыя первѣйшія добродѣтели христіанскія, дѣятельностію своею составляющія душу христіанства, стали примѣтно терять свою цѣну въ твоемъ умѣ.

Видимъ въ твоихъ письмахъ, что ты называешь путемъ спасенія *путь странствованія*, разумѣя подъ онымъ не переносный смыслъ, но буквальный, какъ то показываютъ всѣ направленія твоего духа. *Странствованія сіи есть лишь одинъ, хотя благочестивый, однакоже людскій обычай.* Какъ же дѣло спасенія, въ которое входятъ первѣе всего догматы евангельскіе, затѣмъ преданія церковныя, ты не именуешь ни по единому изъ сихъ, а преимущественно предъ всѣмъ называешь по одному людскому обычаю, тоже недоумѣваемъ? Таковое опредѣленіе твое намъ кажется необычайнымъ, что мы, уча катихизису юношество столько лѣтъ, обыкли о семъ важномъ пути слышать церковное ученіе, что оно, получивъ сильное впечатлѣніе въ умѣ, возмущаетъ оный, слыша то странное влагаемое во уста наша. Мы не можемъ не удивляться, видя тебя *избирающимъ сей путь, повидимому, не на кратковременный* переѣздъ, но, гадательно, на большую по Россіи ѣзду, и зная притомъ какую особенно богоугодную жизнь могъ бы ты вести вездѣ, гдѣ бы ты ни расположился, при твоихъ талантахъ и при твоемъ состояніи, и имѣя возможность отъ времени до времени не лишать себя и сей духовной отрады, т. е. посѣщенія святыни. Положимъ, что все время твоей бытности въ обителяхъ, ты тамъ занятъ будешь молитвословіемъ и богомысліемъ, что душа твоя не будетъ тамъ алкать. Но чѣмъ займешься ты во время переѣздовъ, иногда долговременныхъ и съ немалыми трудностями сопряженныхъ, трудностями и неудобствами такого рода, что, вмѣсто приготовленія себя дорогою къ святому посѣщенію святаго мѣста, можешь смутиться духомъ, можешь погрѣшить. Все это время, которое составитъ значущую часть всего странствованія твоего, будешь ты въ праздности, которая никогда не приноситъ спасенія. Любезнѣйшій другъ! не надѣйся на непрерывное

твое богомысліе. Духъ можетъ мечтать, что можетъ забыть бросить плоть, но ни того, ни другого не можно и не должно дѣлать, а, напротивъ, беречь и покоить ее, когда она не выходитъ изъ своихъ границъ.

Въ самыхъ монастыряхъ нынѣ не вездѣ найдешь древнюю Фиваиду, которую ищетъ твое воображеніе. Въ нихъ, какъ мы слышали отъ достовѣрныхъ лицъ, есть своя политика и еще *тончае*, нежели въ мірѣ. Но ежели и положить, что воздухъ ихъ на тебя не подѣйствуетъ, то все-таки нельзя же не согласиться съ тѣмъ, что ты сею жизнію отнимаешь у себя много пищи дѣятельнымъ христіанскимъ твоимъ добродѣтелямъ, которыхъ всякій просвѣщеннонабожный не оставитъ предпочтительнѣе указать тебѣ спасительный путь.

Возьми въ разсужденіе и слабое твое здоровье, которое *странствующая жизнь* не можетъ не разстроить. Напротивъ, въ постоянной жизни и слабое здоровье не препятствовало бы исполненію многихъ добродѣтелей, которыя сильно укрѣпятъ духовный твой составъ...

А что скажешь ты о издержкахъ на переѣзды, на жительство, на леченіе, ежели захвораешь, и другія необходимыя при посѣщеніи монастырей издержки. Они будутъ довольно значущи. Въ постоянной же твоей деревенской жизни, при твоей умѣренности во всемъ, издержки твои составили бы самую бездѣлицу.

Но есть еще обстоятельство, относящееся къ предпринятому тобою намѣренію... Когда ты недугуешь, по замѣчанію не насъ однихъ, не вѣрою умозрительною, которую питаетъ посѣщеніе святыхъ мѣстъ, а недостаткомъ дѣятельныхъ добродѣтелей, той любви къ ближнимъ, на которой виситъ весь законъ христіанскій, то, не говоря, что вѣра повелѣваетъ, но и самое благоразуміе заставляетъ предпочтительно обратить вниманіе не на полныхъ тучныхъ коровъ, но на тощихъ и сухихъ, дабы послѣдніе не пожрали первыхъ. Надобно лечиться отъ болѣзни, а не отъ здоровья, надобно избирать мѣста, пользующія отъ видимой своей немощи и врачеваніе предписывать по качеству болѣзни. Что ежели ты вознерадишь о ней и вышеписанный недостатокъ любви еще усилится?

Ты располагаешь странствованіе свое кончить водвореніемъ себя въ которую либо изъ обителей, и именно такую, которую найдешь болѣе соотвѣтствующею твоему выбору. О семъ также любовь наша напоминаетъ намъ дать тебѣ дружескій совѣтъ. Состояніе обителей во время первоначальнаго ихъ учрежденія святыми мужами и теперешнее весьма, весьма различно. Ты большею частію имѣешь понятіе о нихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ, который ты получилъ изъ чтенія житій древнихъ отшельниковъ, но оно во многихъ отношеніяхъ измѣнилось...

Тогдашняго времени монастыри были въ полномъ смыслѣ словъ жилищами отшельниковъ отъ міра, отшельниковъ и по наружности и по внутренности, и по плоти и по духу, и они большею частію имѣли мѣсто въ пустыняхъ, и всегда въ отдаленіи отъ шума мірскаго, что доказываютъ оставшіяся еще названія, ибо и нынѣ отдаленные монастыри называются пустынями. Теперь же, напротивъ, они большею частію въ столицѣ и въ большихъ городахъ, слѣдовательно и по наружности отнюдь не составляютъ жилища отшельниковъ. *Монашествующіе наши живутъ также посреди міра, какъ и міряне*, особенно если взять въ разсужденіе, что политика и другія принадлежности мірскаго обращенія, мірскаго житія вкрались и вкоренились въ монастыри. Политика сія въ монастыряхъ, не имѣя на себѣ того вліянія просвѣщенія, которое имѣетъ мѣсто въ нашемъ классѣ людей, будетъ весьма явственно скоро обнаруживать грубыя страсти человѣка, которыя одно лишь истинное просвѣщеніе въ состояніи и искоренить и держать въ границахъ. Далѣе, изъ примѣровъ древности видимъ, что *многіе отцы, поучившись въ безмолвіи истинному христіанству* и утвердившись въ добродѣтеляхъ, составляющихъ сущность онаго, *исходили просвѣщать міръ, и свѣтомъ истиннаго богопознанія и дѣятельной вѣры озаряли концы языческаго міра*, обращая ко Христу, и ученіемъ и примѣромъ, многое множество изъ сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной. Нынѣ это вовсе вывелось, и отходящій въ монастырь отъ міра не въ переносномъ смыслѣ отходитъ, а въ буквальномъ. Ибо всѣ сношенія ихъ съ міромъ прерваны. Въ тѣ чудесныя времена Промыслъ Божій, повидимому, съ намѣреніемъ наполнялъ пустыни цвѣтами добродѣтелей христіанскихъ, чтобы изъ нихъ потомъ, когда оныя прозябнутъ и подрастутъ, какъ изъ разсадниковъ пересаживать въ вертоградъ свой, въ мірѣ сограженный для облагоуханія всѣхъ концовъ онаго. Теперь вертоградъ сей наполненъ зеленью добродѣтелей, которыя тогда только въ отшельничествѣ могли цвѣсти и плодотворить, теперь безпрепятственно и съ похвалою могутъ быть въ мірѣ отправляемы и отправляются избранными Божіими, которыхъ у него много и гораздо больше, нежели нѣкоторые себѣ то представляютъ. Въ заключеніе скажемъ, ежели бы случилось, что ты опытомъ извѣдалъ справедливость нашихъ тебѣ дружескихъ замѣчаній, опять обратись къ нашей Филадельфіи, къ нашей пустыни.

Обозрѣвъ въ главныхъ отношеніяхъ странствующую жизнь, обратимся теперь къ той жизни, которую бы ты могъ вести безпрепятственно въ селѣ Архангельскомъ. Посмотри на жизнь, которую мы тебѣ вести предлагаемъ и которую, хотя не безъ грѣха, однако и не безъ отрады, продолжаемъ. Служба Божія въ нашей церкви, лишь шаговъ пятьдесятъ

отстоящей отъ нашего дома, производится по всѣмъ воскреснымъ, по всѣмъ двунадесятымъ и нѣкоторымъ другимъ церковнымъ праздникамъ, и сверхъ того по одной бываетъ въ недѣлю обѣднѣ по усопшимъ нашимъ роднымъ, такъ что кругомъ выйдетъ въ недѣлю три, а иногда и четыре обѣдни. Въ великій постъ служба ежедневная. Въ зимнее время служба въ церкви теплой. Вотъ какъ часто наше хожденіе въ храмъ Божій. Въ домѣ нашемъ, какъ тебѣ извѣстно, общая молитва бываетъ четыре раза въ день со всѣми домочадцами нашими. По окончаніи церковной службы и домашней молитвы, каждый изъ насъ принимается за свое дѣло; братъ въ одномъ концѣ дома занимается съ питомцами, которыхъ у него пять, а въ другомъ я съ моими учениками, которыхъ у меня, слава Богу, довольно. Но хотя у меня и гораздо больше, нежели у брата, ему однако же трудовъ гораздо больше, нежели мнѣ, ибо я учу крестьянскихъ дѣтей предметамъ немногимъ, а онъ готовитъ и церковныхъ и государственныхъ служителей, слѣдовательно учитъ всѣмъ нужнымъ для того предметамъ не только такимъ, которымъ самъ учился, но даже и которымъ не учился, и успѣваетъ, благодаря Бога, очень хорошо. Сіи упражненія наши идутъ вплоть до обѣда. Въ предѣлахъ же сего времени иногда приходятъ въ нашу странноприимицу бѣдные больные, которыхъ мы, по возможности, снабжаемъ лекарствомъ и совѣтами. По окончаніи обѣда съ нашими четырьмя питомцами, который въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ трехъ и въ праздники изъ четырехъ блюдъ, питомцы наши съ часъ играютъ, а мы съ братомъ, ходя по нашему залу, который передѣланъ въ одинъ изъ двухъ покоевъ, сдѣлавшись довольно обширнымъ, разговариваемъ, стараясь вести бесѣду ежели не о духовномъ, то о нравственномъ, о воспитаніи, о сосѣдяхъ нашихъ, которые, благодаря Бога, имѣютъ къ намъ нехолодное вниманіе за совѣты наши; говоримъ иногда и о суетѣ мірской, о пропажѣ времени, о настоящемъ ходѣ помѣщичьихъ дѣлъ, о знакомыхъ, о родственникахъ нашихъ и проч. Можетъ случиться, привезутъ изъ города книгу, которой чтеніе продолжится также не болѣе часа. За симъ опять каждый изъ насъ обращается къ своимъ ученикамъ, которые не оставляютъ продолжать свое ученіе и безъ насъ подъ надзоромъ старшихъ. Сіе окончательное ученіе продолжается до пяти или до шести часовъ дня. Въ сіе время мои ученики всѣ расходятся по домамъ, а ученики брата садятся за столъ, который поставляется имъ съ однимъ какимъ либо кушаньемъ. А мы съ братомъ, помолившись Богу, садимся за чайный столъ, въ продолженіе котораго занимаемся опять чтеніемъ или историческимъ или нравственнымъ. По окончаніи стола воспитанники наши опять имѣютъ позволеніе часъ времени играть въ глазахъ нашихъ, а мы въ продолженіи онаго опять ходимъ по залу и разгова-

риваемъ. По прошествіи часа, то есть около осьми часовъ вечера, братъ начинаетъ опять заниматься со своими воспитанниками, а я сажусь писать или ответы на письма или кое-что для пользы ближнихъ и родныхъ нашихъ. Сіи занятія наши продолжаются опять одинъ часъ, послѣ онаго воспитанники садятся ужинать и потомъ, помолившись Богу, ложатся спать, а мы опять съ часокъ передъ отшествіемъ ко сну ходимъ по залу, разговаривая. Часовъ въ десять и мы, помолившись Богу и простившись, отходимъ каждый въ свою спальню и вскорѣ потомъ предаемся сну. Въ праздничные дни, когда ученія не бываетъ, свободное время наше отъ службъ Божіихъ и ученія закону домашнихъ проводимъ мы въ чтеніи въ частномъ или общемъ: сіе послѣднее бываетъ всегда послѣ обѣда и послѣ чая. Въ лѣтнее время, когда погода позволяетъ выходить изъ дома, мы большую часть того времени, которое остается отъ занятій для отдохновенія, проводимъ въ саду, расхаживая по нашей теперь уже густой аллеѣ, а дѣти тутъ же въ саду играютъ и бѣгаютъ. Иногда выходимъ мы съ ними прогуливаться и въ поле какъ лѣтомъ, такъ и зимою, но зимою рѣдко, а чаще лѣтомъ. Гости у насъ изрѣдка на часокъ приходятъ послѣ обѣда; никого почти не бываетъ. Сами мы также, кромѣ какъ въ Верею за покупками и на почту, никуда не ѣздимъ. Вотъ тебѣ, любезный другъ, вкратцѣ, какъ мы, съ Божіею помощію, проводимъ здѣсь наше время, девять лѣтъ живемъ съ братомъ. Вотъ какъ бы и ты могъ проводить остатокъ дней жизни твоей. Но видно, не такъ тому быть должно. Изъ сихъ описаній, какъ предположенной тобою жизни (странническої), такъ и той, которой мы тебѣ желаемъ, ты видишь, какой мы тебѣ предлагаемъ монастырь въ покоѣ деревенской жизни, какое занятіе любви въ дѣятельности христіанской, какое чистое удовольствіе въ бесѣдахъ дружескихъ, какое благочестіе въ молитвахъ частыхъ, въ поученіяхъ взаимныхъ, какое невинное и пріятное упражненіе въ отдохновеніяхъ, какую умѣренность въ необходимыхъ удовлетвореніяхъ плоти, какое удаленіе отъ мірскаго шума, какое уединеніе, несебялюбивое и безполезное, но во всемъ пользою ближнихъ растворенное. Но ты не нашими глазами смотришь на всѣ сіи предметы, всѣ занятія, которыя заставляютъ насъ непрестанно благодарить Бога какъ за великое благодѣяніе послѣ просвѣщенія насъ христіанствомъ, что Онъ на закатѣ дней нашихъ благоволилъ намъ укрыться въ сіе мирное убѣжище, въ сіе тихое пристанище послѣ сильныхъ и продолжительныхъ бурь въ житейскомъ морѣ.

Надобно тебѣ сказать еще, что на дняхъ мы, по обыкновенію, разсуждая о тебѣ и о твоемъ предпріятіи основаться въ такомъ мѣстѣ, которое бы совсѣмъ соотвѣтствовало твоему предначертанію уединенной безмолвной жизни, поражены были мыслію, которая, не знаемъ, приходила

ли и тебѣ, когда ты рѣшался удалиться отъ шума мірскаго. Намъ кажется, что ты нигдѣ не можешь найти столь сообразнаго съ твоею цѣлію уединенія и удаленія отъ развлеченій всякаго рода, какъ здѣсь, въ Архангельскомъ, въ особо выстроенномъ небольшомъ флигелькѣ, изъ котораго ты уходилъ бы лишь въ домъ Божій и къ своимъ кровнымъ, когда тебѣ заблагоразсудилось. Безмолвіе и уединеніе наше здѣсь такое, которое едва ли какая обитель представить можетъ. Упражненія твои въ богомысліи ничѣмъ бы совершенно не прерывались. Ты могъ бы также посвящать время твое въ своей здѣсь кельѣ на молитвословіе, чтеніе и размышленіе, какъ и въ пустынѣ отшельниковъ, съ тою только разницею, что дѣятельность твоя не имѣла бы случая и возможности страдать отъ лишенія предметовъ къ дѣйствію ее возбуждающихъ и упражняющихъ.

Въ вышеописанномъ тебѣ совѣтѣ мы указывали лишь причины, по которымъ предпріятія твои намъ кажутся неудобоисполнимыми, и не представляли тебѣ никакого способа къ удовлетворенію оныхъ въ такомъ видѣ, въ которомъ приведеніе ихъ въ дѣйство сообразовалось и съ нашимъ образомъ мыслей. Описанная тебѣ выше наша жизнь, хотя также не шумная и уединенная, но, повидимому, не въ той мѣрѣ безмолвія и удаленія отъ міра, въ какой ты для себя быть желаешь. Ничто не препятствуетъ на своей странѣ, посреди своихъ родныхъ и домашнихъ, препровождать ее со всею точностію твоего предначертанія. Буде же сіе предложеніе не укрѣпитъ твоего одобренія теперь, когда ты не извѣдалъ еще опытомъ, какая трудная вещь въ нынѣшнемъ вѣкѣ сыскать миръ и доброе согласіе между людьми всякаго званія и состоянія, то просимъ тебя, не забрасывать его совершенно изъ вида твоей памяти. Быть можетъ, оно тебѣ впослѣдствіи пригодится. А твой теплый уголокъ здѣсь дотолѣ не простынетъ, доколѣ не остынетъ совершенно текущая въ жилахъ нашихъ единая съ твоею кровь.

Мы съ братомъ, при благословеніи Божіемъ, обреклись вмѣстѣ жить и умереть, другъ друга назидая, другъ друга поддерживая, другъ другу уступая, другъ друга ставя выше себя. Почему и ты не съ нами? Любовь есть стихія христіанства, по нашему, нигдѣ бы тебѣ не предвидѣлась столь обильная жатва, какъ здѣсь. *Званія Божія въ твоемъ предпріятіи, по которому ты избираешь себѣ жизнь предпочтительно нашимъ совѣтамъ и не спросясь насъ, мы не видимъ изъ твоего письма.* Кромѣ подданныхъ, мы имѣемъ племянниковъ, племянницъ, которыхъ родные обращаютъ намъ взоры свои для воспитанія и утвержденія ихъ въ добродѣтели, кое ученіемъ, кое совѣтами. Доколѣ человѣкъ не лишился вовсе способности быть полезнымъ другимъ, и по закону естественному и гражданскому и по закону Божію долженъ под-

визаться, подобно Начальнику и Совершителю нашей вѣры, Который ходилъ благотворя. Онъ оставилъ намъ образъ, да послѣдуемъ Ему.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 28 января 1828 года.

Любезнѣйшимъ и почтеннѣйшимъ братьямъ и друзьямъ о Господѣ радоватися.

Вы полагаете меня уже пустившимся въ преднамѣренный путь, но я еще не тронулся съ мѣста. Еще дѣло мое о пенсіонѣ не получило своего рѣшенія. Какъ скоро получу конецъ ожидаемаго мною рѣшенія, не замедлю, съ помощію Божіею, удалиться отселѣ и начать мое странствованіе по извѣстному уже вамъ предначертанію. Ожидая, ожидаю благосклоннаго вашего отвѣта на прекословное мое посланіе, которое, ежели чѣмъ либо окажется вамъ неугоднымъ, прошу въ томъ великодушно простить мою искренность, обнаружившую предъ вами чувствованія мои сердечныя, во избѣжаніе двоедушія, достойно порицаемаго свыше и долу. Еще примолвлю вамъ, что, имѣя теперь болѣе времени обращать вниманіе свое на самого себя, болѣе и болѣе вижу сердце свое игралищемъ всякихъ страстей, волнуемое ими непрестанно, вижу студъ мой и поношеніе, вижу, се срамота покрываетъ лице мое, и болѣе и болѣе убѣждаюсь, что *необходимо для меня богомысленное уединеніе*, въ которомъ бы призывающая меня въ оное божественная благодать мятежныя мои страсти утишила, усыпила, связала и, о, дабы истаила, и, наконецъ, болѣе и болѣе желаю примѣтаться къ храмамъ святымъ дивнаго во святыхъ своихъ Бога нашего Искупителя. *Мнѣ же зѣло честни быша други твои, Боже* (Псал. CXXVIII, 17), зѣло утвердишася владычествія ихъ честною славою своею на небесахъ и на земли, и зѣло утвердишася владычествія ихъ надъ силами вражіими, надъ всякою напастію, внутреннею и внѣшнею, находящею на человѣковъ, во еже отгонять отъ насъ всякое зло и наставляти насъ на путь спасенія.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 4 марта 1828 года изъ С.-Петербурга.

Поучительнѣйшее ваше посланіе я получилъ и прочиталъ со вниманіемъ, многія мѣста съ назиданіемъ, а нѣкоторыя, признаюсь, съ прискорбіемъ. Всякая вещь имѣетъ двѣ стороны и всегда одну неблагопріятную. Признаю совершенно справедливымъ, что *нынѣ вообще отшельничество монашеское не то, что было въ древности*, однакоже, по опыту знакомства моего съ нѣкоторыми изъ священныхъ нашихъ отшельниковъ, вижу, что и нынѣ благодать Божія не оскудѣваетъ, но, преизобилуя изливаясь на души простыя, ищущія умудренія свыше

спасенія ради, преисполняетъ ихъ всякою силою духовною, такъ что отъ сердца ихъ чистаго, по слову Спасителя, истекаютъ рѣки воды живыя, напаяющія въ жизнь вѣчную (Іоан. VII, 38) сердца смиренныя, и такъ что они дѣйствительно въ себѣ являютъ всю высоту христіанства истинно-внутренняго. Они его знаютъ совершенно, а я, признаюсь, еще не коснулся сего ученія, разумѣю подъ внутреннимъ христіанствомъ не иное что, какъ Самого Христа Спасителя, живущаго внутрь сердца человѣческаго, по слову Его неложному: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII, 20, 21), *и аще кто Мя любитъ и Отецъ Мой возлюбитъ его и къ нему пріидетъ и обитель у него сотворитъ* (Іоан. XIV, 23). Сіе внутреннее христіанство дѣйствительно есть самая вожделеннѣйшая вещь и должна быть единственною цѣлію стремленія душевнаго нашего подвига противъ трехъ сильнѣйшихъ нашихъ враговъ. Но отцы святые, въ Бозѣ почивающіе, *и отцы святые живые по Бозѣ живущіе, начинали подвиги свои со внѣшняго человѣка* и чрезъ внѣшнюю тѣлесную молитву, и чрезъ внѣшній тѣлесный путь и чрезъ посѣщенія частыя, елико возможно, видимыхъ святилищъ Божіихъ, и чрезъ прибѣганіе къ помощи и заступленію святыхъ угодниковъ Божіихъ, прославляя ихъ и *молясь имъ, по возможности, на самыхъ мѣстахъ, гдѣ они прославлялись свыше и гдѣ, по волѣ Божіей, охотнѣе пріемлютъ возносимыя имъ молитвы*, чрезъ всѣ сіи средства и другія многія, о коихъ я грубый еще и понятія не имѣю, доходили и доходятъ до того, что научали внутренней духовной молитвѣ, не престающей въ сердцахъ ихъ день и нощь, что получали внутренній постъ, сирѣчь воздержаніе отъ страстей, и даже надъ ними власть совершенную, что содѣлывали сердца свои внутренними святилищами Пресвятыя Троицы, что, наконецъ, и сами удостоились упокоиться со святыми идѣже нѣсть печаль, ни болѣзнь, ни воздыханіе, но жизнь безконечная. А первое таковаго ихъ блаженства начало было и есть совершенное отъ молвъ мірскихъ удаленіе или въ пустыни, или въ обители пустынныя, гдѣ премудрость Божія младенцамъ симъ открывалась (Мѳ. XI, 25; Лук. X, 21) и, яко чадолюбивѣйшая мати, питала ихъ млекомъ божественнаго и спасительнаго своего ученія. Многіе, изъ нихъ и почти всѣ, много терпѣли и страдали отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ и отъ самихъ своихъ сподвижниковъ, ибо люди во всѣ времена были не ангелы, и во всѣ времена росли и будутъ расти вмѣстѣ съ пшеницею и плевелы на селѣ Господа нашего небеснаго. Всѣ они помнили и намъ оставили урокъ помнить сіи слова: *чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніи.* Жизнь, вами проводимая, благословенна и богоугодна, и путемъ симъ спасительнымъ да управитъ васъ Господь (отъ всего сердца молю) въ обители небесныя,

сущія во множествѣ въ дому Его нерукотворенномъ, но *меня грѣшнѣйшаго*, очищенія ради грѣховъ моихъ безчисленныхъ, по неизреченной Его милости, *призываетъ къ другой тропинкѣ на томъ же пути спасенія*, дабы вмалѣ ею разлучась съ вами, на вѣки съ вами соединиться предъ лицемъ Божіимъ. Я разлученіе сіе почитаю только мѣстнымъ и отнюдь, Боже избави, не сердечнымъ. Ибо, можно ли разлучить сердца, въ вѣрѣ единствующія и къ единому на потребу стремящіяся? Такъ, по истинѣ, сердцемъ своимъ я отъ васъ не отсталъ и, при помощи свыше не отстану. Увѣренъ, что и вы меня отъ себя не отринули, но только въ праведномъ вашемъ на мое самовольство негодованіи изрекли мнѣ грозное и до глубины сердца моего проникающее съ болѣзнѣннѣйшимъ чувствованіемъ прещеніе.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 28 марта 1828 года.

Намъ представляется, любезный другъ, что ты въ чтеніи книгъ отшельниковъ и пустынножителей избиралъ изъ нихъ, такъ сказать, тѣ нити, которыя тебѣ казались особенно по нраву; изъ нихъ сотканная твоею рукою странническая мантія, предлежа безпрестанно твоему взору, закрываетъ отъ тебя вмѣстѣ съ вредными мірскими вещами и дѣла любви. Ты такъ полюбилъ въ ней составленную твоими руками ткань сію, что для отдохновенія твоего взора отъ утомительныхъ по дѣятельности своей между вредныхъ и не вредныхъ мірскихъ видовъ ты надолго останавливаешь свое зрѣніе, не видя уже ничего изъ окружающихъ тебя предметовъ и содѣйствія твоего требующихъ. Всякое вложенное въ сіе время въ руки твои дѣло полагается подъ мантію до времени, подобно тому, какъ въ старину судьи клали подаваемыя имъ челобитныя подъ сукно, за которымъ засѣдали, съ тѣмъ, чтобы ихъ послѣ извлечь оттуда, но никогда однакоже не извлекали.

Опасайся паче бѣды оттуда, гдѣ въ залогъ твоея вѣрности требуютъ отъ тебя того, что, будучи единожды отдано (въ монашествѣ), поставляетъ человѣка уже не въ состояніе судить право ли или неправо онъ умствуетъ и дѣйствуетъ; а потому, по необходимости, долженъ похвалять и оправдывать то, о чемъ судить ему не дозволяется.

Самая униженность твоя неумѣстна и производитъ въ насъ совсѣмъ отмѣнное чувство отъ того, которое ты имѣлъ въ виду, посылая намъ сіе, по мнѣнію твоему, смиреніе. Истинное христіанское смиреніе благородно, величественно. Послѣднее ты прежде имѣлъ въ высокой степени, но, повидимому, забылъ въ новой твоей школѣ. Всѣ древніе святые особенно отличались высокою добродѣтелью смиренія, какъ то показываютъ назидательнѣйшія ихъ жизнеописанія. Истинное смиреніе

такъ же необходимо для истиннаго христіанина, какъ для жизни тѣлесной атмосферный воздухъ. Но пріобрѣтеніе онаго нелегко потому уже, что оно такъ высоко возноситъ человѣка. *Смиреніе сердца* совершенно отлично отъ того *внѣшняго преклоненія* и униженія, которое ничего не стоитъ. Какъ, съ одной стороны, легко преклонить поклономъ, такъ, съ другой, трудно и претрудно преклонить чело сердца въ поясъ и тѣмъ паче до лица земли. Между внутреннимъ и внѣшнимъ смиреніемъ такая же разность, какъ между душею и облекающимъ оное тѣломъ. Но чтобы имѣть нѣкое понятіе о сей первѣйшей добродѣтели христіанской, надобно учиться оной не видомъ только или подражаніемъ, но истиннымъ сердца просвѣщеніемъ, безъ котораго истинное смиреніе имѣть мѣста не можетъ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 25 апрѣля 1828 года.

Я полагаю, любезные братья и друзья, что путь нашъ нравственный есть одинъ, т. е. стремленіе ко спасенію души своей, только съ тою разницею, что васъ Господь укрѣпляетъ проходить оный безпретковенно, а меня грѣшнаго за многіе грѣхи мои попускаетъ падать, смиренія ради гордости моей и да научуся оправданіемъ Его. Ибо вѣрю, что нехотящій смерти грѣшника, по милосердію своему, паче и наказуетъ меня, но не оставляетъ до конца погибнуть; посѣщающій жезломъ наказанія посѣщаетъ и милостію утѣшенія. Не почитая себя довольнымъ помыслить что-либо благое о себѣ, но признавая довольство сіе проистекающимъ отъ Бога, воздаю Ему изъ глубины кающейся души моей благодареніе о томъ, что желаніе удалиться совершенно отъ міра паче и паче возрастаетъ и укореняется въ моемъ сердцѣ, желаніе обнищать и поработить себя по внѣшнему человѣку ради обнищавшаго для насъ и зракъ раба пріимшаго Господа, дабы получить участіе въ богатствѣ Его благодати и въ истинной, Имъ Однимъ даруемой, свободѣ, желаніе провести остальные дни своей жизни при алтаряхъ Его святыхъ въ сѣтованіи о всѣхъ какъ недавнихъ, такъ и давнихъ своихъ прегрѣшеніяхъ, въ надеждѣ помилованія, желаніе спасти свою душу, взявъ на себя, при помощи Божіей, крестъ иноческаго житія и нося оный съ безропотнымъ покореніемъ судьбамъ Всещедраго и Всеблагаго неоставляющаго насъ Искупителя, паче еже можемъ.—Сей есть путь, въ который стремится душа моя, путемъ предначатаго во славу Божію странствованія моего, путемъ, церковію похваляемымъ, и отцами святыми указуемымъ, и мною избраннымъ, по благоволенію Господа и Пречистой Его Матери, съ котораго соступить не смѣю и для продолженія котораго надѣюсь, по милости Господа и Пречистой Его Матери, получить и отъ васъ соизволеніе и благословеніе, когда предстану лицу вашему для принятія вашихъ братскихъ и дружескихъ со-

вѣтовъ. Тогда и о прочемъ всемъ, о чемъ угодно будетъ Господу, надѣюсь съ вами побесѣдовать, и, можетъ быть, проступки мои покажутся вамъ не самыми преступными. Дабы на пути къ вамъ сколько возможно болѣе воспользоваться случаями почтить тѣлеснымъ и духовнымъ поклоненіемъ святыню Божію и для принесенія молитвъ моихъ Царицѣ небесной и прославленнымъ святымъ угодникамъ Божіимъ, намѣренъ я ѣхать отсюда въ Москву чрезъ Ярославль, дабы какъ въ семъ городѣ поклониться святынѣ, такъ и на пути изъ него въ Москву посѣтить много и премного чтимыя мною святыя обители, въ коихъ почиваютъ нетлѣнными своими останками святитель Димитрій ростовскій и преподобный Сергій, также и въ другія нѣкоторыя славныя святостію обители заѣхать и помолиться и управиться ко спасенію.

Письмо братьевъ къ князю Сергію 25-го августа 1828 года.

Любезный братъ!

Самый порывъ твой къ *монашеской жизни* обнаруживаетъ въ тебѣ не послѣ зрѣлаго разсужденія и совѣтовъ предпринятое обдуманное намѣреніе, а дѣйствіе страсти или пристрастія, не къ монашеству во всѣхъ его отношеніяхъ, ибо тогда любовь къ Богу и богомыслію не токмо не препятствовала бы любви къ ближнему, не токмо не охлаждала дѣятельнаго христіанства, но вяще и вяще раздувала бы сіе пламя, а дѣйствіе, говорю, страсти — страсти къ одному или нѣкоторымъ лишь видамъ монашества, которыми, наиболѣе пораженное, плѣнилось твое *воображеніе*. А великая, величайшая разность, любезнѣйшій, принимать сей санъ собственно по любви къ Богу, или *по страсти къ монашеству лишь въ нѣкоторыхъ онаго видахъ*. Неразсудительность твоя въ такомъ дѣлѣ, которое требуетъ наиболѣе услугъ отъ разсудка, оправдываетъ сіе положеніе наше. Пріемля, такимъ образомъ, часть за цѣлое, ты относишь къ себѣ, въ нѣкоторыхъ лишь пунктахъ къ монашеству прилѣпившемуся, всѣ духовныя выгоды, преимущества и возмездія облекающихся въ санъ сей всесовершенно. *Безмолвіе наиболѣе тебя, повидимому, плѣнившее, черная одежда, келейная жизнь и прочія внѣшности суть такія принадлежности монашества, которыя сами по себѣ ничего не придаютъ*. Буде же приняты будутъ за сущность онаго отъ вступившаго въ сей санъ, такъ, что онъ на нихъ остановится, то весьма еще могутъ обмануть его въ его ожиданіяхъ. *Сущность иночества и сущность христіанства вообще есть одна и та же*, съ тою лишь разницею, что въ первой требуется совершеннѣйшей жизни, то есть совершеннѣйшаго исполненія закона Божія, который весь виситъ на любви къ Богу и ближнему.

Степень послѣдней показываетъ и степень первой. Монахъ долженъ быть совершеннѣе мірянина, слѣдовательно и *любовь* въ немъ должна быть сильнѣе, любовь дѣятельная, ибо любовь къ ближнему умозрительная, или умозрѣніемъ однимъ ограничивающаяся, есть *парадоксъ*, есть такое выраженіе, которое лишь иронически употребляемо быть можетъ. — Любовь къ ближнему лишь умозрительную, безъ готовности, безъ исканія случаевъ къ благотворенію, также не можно себѣ представить, какъ птицу безъ крылъ, или коня безъ ногъ. *Любовь дѣятельная есть та принадлежность духовнаго человѣка, монаха и мірянина*, которая, какъ ртуть въ термометрѣ, вѣрнѣе всего показываетъ степень его святости. Любовь и въ будущемъ вѣкѣ имѣетъ составлять все блаженство праведныхъ. Высшая степень любви есть одна истинная цѣль христіанскаго совершенства — монашества. Но если, съ удаленіемъ отъ міра, удаляемся отъ человѣчества, удаляемся въ монастырь, не какъ въ пограничную крѣпость, или цитадель церкви, то есть, согражданъ нашихъ по духу, для охраненія и защищенія ихъ отъ вражескихъ вторженій и нападеній, для выдерживанія перваго непріятельскаго огня, имѣя съ одной стороны непрестанную почти съ непріятелемъ перестрѣлку и бдительную стражбу, а съ другой, то есть, со стороны своихъ и ближнихъ, всегда отверстые имъ врата — имѣя въ одной рукѣ духовный мечъ на пораженіе враговъ, а другой — врачуя немощныхъ, возставляя падшихъ, поддерживая слабыхъ и, такимъ образомъ, созидая градъ Божій, не смотря на всѣ препоны отъ враговъ:— *если, говорю, удаляемся въ монастырь, какъ въ укрѣпленіе, не доступное и чужимъ и своимъ, удаляемся для одного своего спокойствія и безопасности, запирая всѣ входы и человѣколюбію, и состраданію, и христіанской общительности; то не будетъ ли это болѣе похоже на мизантропическое бѣгство лѣниваго раба отъ законныхъ дѣлъ и работъ своего господина*, нежели на позволенное Господомъ устраненіе братолюбиваго христіанина отъ міра грѣховнаго, для удобнѣйшаго служенія церкви,—устраненіе христіанина-монаха, который, въ самоотверженіи своемъ, болѣе мірянъ подражая Спасителю въ несеніи креста своего, болѣе же ихъ ищетъ служить ближнимъ, шествуя за Спасителемъ, и даже положить душу свою за ближнія своя. Одна христіанская любовь, то есть, любовь къ Богу и ближнему, дѣлаетъ различіе между обоими. Любовь къ Богу и ближнему такъ тѣсно между собою соединены, что также невозможно отдѣлить ихъ одну отъ другой, какъ невозможно разсѣчь на двое солнечнаго луча. — Ежели всѣ христіане суть воины Христовы, то монахи суть *ветераны* въ семъ войскѣ крестоносцевъ. А потому въ первыхъ рядахъ должно быть ихъ мѣсто, въ первомъ огнѣ, въ сшибкахъ воиновъ

Христовыхъ съ княземъ міра и его полчищами. Они наиболѣе должны участвовать къ поддержанію сообщенія войскъ между собою, по всей операціонной линіи. Бѣда, когда непріятель, хитрыми своими маневрами, успѣетъ отрѣзать ихъ отъ *своихъ!* Защитники сіи потребуютъ тогда сами защитниковъ.

Многіе избираютъ отшельничество и пустынное житіе, не столько съ цѣлію, славу Божію и пользу ближняго имѣющею, сколько изъ одного слѣпого неразсудительнаго подражанія древнимъ христіанскимъ инокамъ и пустынножителямъ, думая, что, поелику сіи путемъ симъ обрѣли свое спасеніе, то и они непремѣнно обрящутъ оное. Это заключеніе ложное. Чтобы пути сіи древнихъ отшельниковъ, и теперь предпринимаемые, приводили къ тому же концу, надобно, чтобы было совершенное сходство въ главнѣйшихъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ такія предпріятія. Ибо, по правиламъ логики, сходныя лишь причины производятъ сходныя дѣйствія. Какимъ бы образомъ сей путь отшельничества древними святыми проходимъ ни былъ, но непремѣнно христіанское братолюбіе было въ ономъ первѣйшимъ руководителемъ: ибо безъ сей добродѣтели не могли бы они спастись. Подражать святымъ въ добродѣтеляхъ ихъ обязаны мы не токмо въ *качествѣ*, но и въ *количествѣ*, тѣ наиболѣе уважать и къ тѣмъ наиболѣе прилѣпляться, къ которымъ они прилѣплялись. Многіе, шествуя во слѣдъ святымъ прославляемымъ, подражаютъ наипаче тѣмъ добродѣтелямъ ихъ, которыя *имъ по нраву*, а которыя не по нраву, тѣмъ поверхностно, хотя бы сіи обращали на себя все вниманіе древнихъ оригиналовъ ихъ. Не прелесть ли это? Копирующихъ вообще очень много, а копирующихъ сходно очень мало. Чтобы копія подобилась во всемъ оригиналу, надобно долго надъ ней сидѣть, и не малое потребно искусство и терпѣніе: тогда какъ изобразить нѣсколько округлостей можно и скоро, и безъ затрудненія. *Любовь къ ближнимъ* непремѣнно была въ заглавіи всѣхъ тѣхъ добродѣтелей христіанскихъ, которыми *ознаменованъ путь древнихъ отшельниковъ:* ибо безъ нея, какъ безъ атмосферы плотской, не можетъ имѣть мѣста духовная жизнь А потому въ подражаніяхъ должны мы ей, то есть, любви, наиболѣе держаться, хотя бы они не оставили намъ примѣры оной, хотя бы Господу угодно было сокрыть отъ насъ главные ихъ подвиги. Не странно ли будетъ, когда кто, свѣдавъ изъ житія святаго, что онъ, въ продолженіи своей жизни отшельнической, питался плодами, пилъ воду изъ ручья, трудился въ плетеніи корзинъ или въ иномъ какомъ рукодѣліи безмолвствовалъ—возьметъ въ подражаніе одни сіи его дѣйствія, *не принимая вовсе въ разсужденіе духовныхъ его подвиговъ, подвиговъ любви*, которые непремѣнно имѣли мѣсто, и которые должно предполагать, ежели

не видимъ ихъ описанными: и будетъ также надѣяться спастись? Кто не видитъ въ такомъ подражателѣ точную копію индѣйскаго пустынника, или дервиша магометанскаго? Всѣ сіи внѣшности безъ сомнѣнія входили въ богоугодное житіе праведника; но составляютъ вовсе незначущую часть спасительнаго его поприща. — Любовь или самолюбіе: вотъ двѣ побудительныя причины, управляющія всѣми человѣческими дѣйствіями. О, какъ часто послѣдняя такъ подражаетъ первой, что лишь весьма очищенный духовный взоръ можетъ безошибочно дѣлать сіе различіе, да и то въ продолженіи немалаго времени, когда со всѣхъ сторонъ успѣетъ осмотрѣть и испытать внутренняго человѣка. Съ обыкновенными же мрачными духовными очами надобно очень, очень долго обозрѣвать, чтобы безошибочно усмотрѣть путь званія Божія въ такомъ предпріятіи, гдѣ много можно сказать въ пользу онаго и мало очень вопреки. Поспѣшность въ дѣйствованіи не токмо не обѣщаетъ такому дѣлу никакой прочности, но и есть непогрѣшительный законъ, что не разсудокъ, медлительный въ выборахъ своихъ, располагаетъ, а страсть, слѣпая страсть, которой нетерпѣливость есть всегдашній спутникъ. Что препятствуетъ тебѣ, любезный другъ, прежде нежели послушничествомъ монастырскимъ пріуготовляться къ монашеству, послушничествомъ домашнимъ пріуготовиться къ монастырскому послушничеству.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 20 января 1829 года.

Любезный братъ! Можно ли было предвидѣть, чтобы изъ насъ трехъ, съ юнаго почти возраста вмѣстѣ шествовавшихъ и утверждавшихся на одномъ пути спасенія, подъ старость, ослабляющимся душевнымъ и тѣлеснымъ силамъ, послѣдуетъ такое разногласіе, такое упорное мнѣній своихъ защищеніе, какого, къ величайшему нашему соболѣзнованію, мы были прошедшимъ лѣтомъ въ домѣ нашемъ свидѣтелями? Если бы ты искренно присоединился къ нашимъ мнѣніямъ о вѣрѣ, тогда не токмо холодность, не долженствовавшая имѣть мѣста въ христіанскомъ обращеніи и между чужими, развивавшая нѣкоторое оцѣпенѣніе въ обращеніи между нами родными братьями во всѣ дни твоего здѣсь [1]) пребыванія, въ которое ты гораздо большую часть отъ насъ уклонялся, не токмо, говорю, холодность сія не имѣла бы мѣста, но и самомалѣйшее чувство неискренности было бы чуждо намъ, не языкомъ только бесѣдующимъ, но и сердцемъ въ бесѣдахъ такихъ соединяющимся. Тогда ты не искалъ бы политически прикрывать въ твоихъ поступкахъ то, что истинная душевность обнажаетъ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 11 февраля 1829 года.

Миръ вамъ, любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Холодность моего съ вами обращенія (впрочемъ, развѣ внѣшняя, а не внутренняя) можетъ представлена быть любви вашей въ видѣ не столь виновномъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Сердце мое къ вамъ не холодно, а паче чувствуетъ оно сіе въ то время, когда предъ Господомъ воспоминаетъ ваши почтенныя имена, ибо воспоминаніе сіе пламенно. А что я особился отъ васъ, живучи съ вами, то, ежели могъ тѣмъ оскорбить васъ, признаю себя виновнымъ, впрочемъ неумышленно, и испрашиваю отъ васъ великодушнаго прощенія. Причина же тому есть самая ваша снисходительность, ибо при самомъ началѣ моего къ вамъ возвращенія, получилъ я отъ васъ братское позволеніе въ образѣ жизни моей не принуждать себя нисколько, но жить и съ вами такъ, какъ жилъ одинъ. Имѣя же преднамѣреніе посвятить дни свои богомысленному иноческому уединенію, я поспѣшилъ воспользоваться пребываніемъ у васъ къ испытанію себя и къ положенію начала таковаго богоугоднаго житія, въ которомъ все время проводится въ безмолвіи, уединеніи, воздержаніи и молитвахъ денныхъ и нощныхъ и, при помощи Божіей, получая успѣхъ въ изученіи перваго сего урока, весьма благодарилъ и вашу снисходительность. Въ семъ поученіи не приходило мнѣ и въ голову мірское приличіе, тѣмъ болѣе, что міру небезызвѣстно было намѣреніе мое отказаться отъ него вовсе. Къ тому же, видя, что и вы сами всегда заняты дѣломъ богоугоднымъ, я остерегался отвлекать васъ отъ него, и бесѣдою вашею пользовался только въ то время, когда вы отъ занятій вашихъ были свободны. Впрочемъ, жизнь богомысленная, безмолвная можетъ легко сама по себѣ показаться холодною въ отношеніи къ ближнему (въ чемъ и великіе угодники Божіи, въ пустыняхъ просіявшіе, не избѣгали обвиненія), ибо человѣкъ, жизнь всю ведущій уединенно, удаляется отъ людей и тщится всегда хранить безмолвіе и молчаніе. Къ уменьшенію сей моей вины смѣю снисходительной вашей любви представить и немощь мою, ибо частыя ваши обличенія, письменныя и устныя, не всегда во всемъ любовныя, нѣкоторую отъ скорби оставили во мнѣ робость, которая также имѣетъ видъ холодности.

Письмо братьевъ къ князю Сергію, отъ 4 іюля 1829 года.

Тринадцать лѣтъ тому назадъ, мы, то есть четыре насъ старшихъ брата [2]), въ неблагословенный часъ дерзнули отпустить въ монастырь двухъ сестеръ своихъ [3]), противъ воли въ Бозѣ почивающей нашей матушки [4]), которая незлобивою душою, въ кроткомъ духѣ пріяла опре-

дѣленіе насъ недостойныхъ ея сыновъ, которыхъ не подвигнула къ состраданію ни самая ея тяжкая болѣзнь (параличъ), къ одру ее пригвоздившая и потомъ во гробъ низведшая. Намъ ли смѣть было взять на себя званіе судей? Намъ надлежало бы не давать сестрамъ отверзать устъ противъ матери и, если бы мы замѣтили нѣкоторое ихъ малодушіе, то слѣдовало бы укрѣплять ихъ братски дружескими совѣтами не только о терпѣливомъ перенесеніи всѣхъ безъ изъятія требованій матери, и матери болящей, но и доставить всевозможные случаи угождать ей, утѣшать ее, услужать ей послѣднѣйшимъ служеніемъ, ежели бы то было нужно. Вотъ это былъ бы истинно-христіанскій ихъ подвигъ, къ которому онѣ, по всѣмъ признакамъ, были призваны, и, безъ сомнѣнія, это была бы отъ нихъ угоднѣйшая Богу жертва. Но совсѣмъ не такъ мы поступили. Намъ достаточно было услышать лишь, что онѣ хотятъ въ монастырь, чтобы уже и видѣть въ томъ званіе Божіе. Если бы и подлинно искренно желаніе ихъ было посвятить себя монастырской жизни, то и чистое желаніе сіе, если бы оно было произведено въ дѣло при жизни матушки, оно было бы противъ званія Божія. *Ибо какую монашескую и наибогоугоднѣйшую жизнь можно неосужденно предпочесть служенію разбитой параличемъ, безъ ногъ, матери, которая безъ нихъ должна оставаться на рукахъ рабынь, не токмо нерадивыхъ, но и грубыхъ и непослушныхъ, какъ то и случилось? Успѣли бы онѣ удалиться въ монастырь, пріявъ послѣдній вздохъ ея и закрывъ ея глаза.* Нечего было бы быть намъ ослѣпленнымъ, чтобы не видѣть здѣсь поступка богопротивнаго. Точно такое же преступленіе, въ которомъ виновны мы и сестры, явно порицается въ іудеяхъ, злоупотреблявшихъ закономъ, прикрывая онымъ богопротивное свое намѣреніе. Ибо іудеи думали, что они властны были оставлять безъ пропитанія своихъ родителей, когда отдавали въ корванну (Марк. VII, 11—12) сумму, на сіе издерживаемую. Не то ли допустили и сестры, отнесши въ монастырь тѣ труды и попеченія, которыми онѣ обязаны были матушкѣ, прикрывая такимъ образомъ расположеніемъ къ монастырю нерасположеніе ихъ къ матушкѣ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 11 сентября 1829 года.

Добровольное пожертвованіе любезнѣйшею родительницею нашею своимъ спокойствіемъ, при отправленіи дочерей своихъ на *вѣрнѣйшій ко спасенію путь иноческаго житія*, конечно не осталось безъ награжденія преизбыточнаго всещедраго Господа. Себя обвиняя, любезнѣйшихъ сестеръ отнюдь не смѣю обвинить, ибо *нахожу тысящи примѣровъ въ житіяхъ святыхъ мужей*, прославленныхъ Бо-

гомъ, въ жизни и по смерти, *что ревностію къ Богу воспламененные оставляли они родителей, ближайшихъ родственниковъ, върныхъ впрочемъ, а не невърныхъ, и удалялись спасенія ради во святыя обители*, и за то не токмо не были осуждаемы свыше, но и награждаемы дарованіями благодати, и святостію своею содѣлались какъ современникамъ, такъ и потомкамъ примѣрами къ подражанію богоугоднѣйшему. Ежели же кто скажетъ, что тамъ видна была одна чистая приверженность къ Богу, а здѣсь примѣшалась скорбь нетерпѣливости въ скорби, то, во первыхъ, кто знаетъ сердце ближняго, кромѣ Сердцевѣдца? а, во вторыхъ, по наученію св. отецъ, бываетъ, что сѣмя, и неумышленно посѣянное, но вѣтромъ занесенное, приноситъ плодъ, и тѣмъ свидѣтельствуетъ, что не чуждо оно благословенія свыше. Когда я получилъ ваше о семъ предметѣ писаніе, тогда читалъ въ Четьи-Минеи (прилежно мною читаемой), 21 іюля, житіе св. Симеона, Христа ради юродиваго, и многія онаго обстоятельства весьма сходствуютъ съ тѣми, о которыхъ идетъ рѣчь, и потому прошу васъ всепокорнѣйше въ одно изъ послѣобѣденныхъ вашихъ чтеній заняться упоминаемымъ жизнеописаніемъ святаго мужа съ надлежащимъ вниманіемъ: оно будетъ для васъ и пріятно и полезно. Пребываніе въ монастырѣ, съ сохраненіемъ должной монастырской строгости, близь девяти лѣтъ, и потомъ вотъ уже почти три года въ ангельскомъ образѣ, въ которомъ и житіе провождается ангельское, въ совершенной чистотѣ, непрестанныхъ и неусыпныхъ во дни и въ нощи молитвахъ, въ постѣ строжайшемъ, въ услуженіи Господу пожертвованіемъ славѣ святыни Его послѣдними лептами своими и въ пользованіи ближнихъ богоугоднѣйшаго житія примѣромъ и духовныя премудрости бесѣдами свидѣтельствуетъ ясно и громко всякому видящему и слышащему о любезнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ нашихъ сестрахъ-матеряхъ, *что онъ отъ Господа призваны изъ міра въ нѣдра святыя обители*, въ образъ ангельскаго иноческаго чина, и что благословеніе Господа почиваетъ на нихъ, и что есть имъ отъ Господа благо, и потому я никакъ сказать не могу, чтобы заповѣдь Божія о почитаніи родителей оледенѣла въ сердцахъ ихъ, пылающихъ божественною любовію. Также, по тѣмъ же причинамъ, никакъ не дерзаю назвать корваномъ удаленіе ихъ отъ матери къ ближайшему съ Господомъ соединенію, ибо такимъ образомъ укорилъ бы я и многихъ святыхъ Божіихъ, какъ выше сказано. Бывшее имъ во снѣ видѣніе почитаю я не просто сномъ или мечтою, но откровеніемъ свыше, и тѣмъ паче увѣряюсь, что благопріятна Господу жертва дочерей, отрекшихся міра для угожденія ему и жертва матери, отдавшей ихъ Господу отъ лишенія своего спокойствія. Не велѣно вѣрить снамъ, но какъ и какимъ и кому? Иначе въ самомъ священномъ Писаніи найдемъ мы достаточное осужденіе, не говоря уже о житіяхъ святыхъ, церковію

предлагаемыхъ вѣрнымъ чадамъ ея, да вѣруютъ и послѣдуютъ писанному. Въ томъ же прологѣ, гдѣ заключается поученіе о невѣрованіи снамъ, находятся многія повѣсти, въ которыхъ сновидѣнія утверждаются достовѣрными. И потому я думаю, что всякій человѣкъ всякому сну своему не долженъ вѣрить, но что долговременное пребываніе человѣка въ чистотѣ, постѣ и молитвѣ содѣлываетъ сердце его чистымъ къ узрѣнію Бога въ явленіи открываемыхъ имъ судебъ Его: между плодами пришествія Св. Духа на землю исчисляется и таинственное сновидѣніе: *и старцы ваши сонія видятъ* (Іоиль II, 28—32). По симъ соображеніямъ я увѣряюсь несомнѣнно, что бывшее во снѣ явленіе въ Бозѣ почивающей матушки любезнѣйшимъ сестрамъ и пророчественныя и духовнѣйшія ея съ ними бесѣды не есть мечта воображенія, но откровеніе свыше, и, вѣроятно, въ утѣшеніе сердецъ ихъ, конечно, не нескорбѣвшихъ о своемъ отъ матери отлученіи, о которомъ нельзя было не дойти до нихъ неблагопріятнымъ слухамъ.

Наконецъ, вы, любезнѣйшіе братья, *паки укоряете меня, что я втайнѣ вздумалъ идти въ монастырь и уже его исполнилъ, жалѣете, что меня отпустили, и отсовѣтываете отъ вступленія въ подвигъ иночества*, къ которому я предобучаюся. На сіе скажу вамъ, что *многіе святые мужи для сей важной цѣли христіанскаго совершенства тайно оставляли домы родительскіе, и безъ благословенія родительскаго вступали въ святыя обители*, и сподоблялись благословенія Божія за свою ревность оставить міръ и вся яже въ немъ. Подражаніе, хотя впрочемъ слабое, угодникамъ Божіимъ не можетъ быть сочтено преступнымъ. Я же не скрылъ отъ васъ своего намѣренія, а ежели не съ самаго начала, объявилъ о немъ, то потому, что предвидѣлъ ваше противленіе, которое и теперь еще не прекратилось. Но я прошу васъ не отсовѣтывать дѣла спасительнѣйшаго, ибо мнѣ противъ воли моей *въ отсовѣтываніяхъ таковыхъ слышится несогласное съ церковію неуваженіе иноческаго ангельскаго чина, котораго на земли высшаго нѣтъ и быть не можетъ*. Не жалѣйте и о томъ, что отпустили меня съ міромъ, дабы послѣ не пожалѣть о лишеніи свыше награды за спасеніе грѣшника къ вамъ ближайшаго, котораго вамъ удержать отъ теченія на путь покаянія было впрочемъ невозможно.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 23 сентября 1829 года.

Ты, любезный другъ, не дорожишь, повидимому, нашимъ согласіемъ или несогласіемъ на принятіе тобою монашества. Ты опираешься на примѣры нѣкоторыхъ святыхъ, оставившихъ родителей своихъ и родныхъ. Дѣйствительно нѣкоторые святые оставляли родину и родныхъ, но въ какомъ

случаѣ? — Тогда, — когда ихъ удерживали дома *безъ особенной причины*, но ты, какъ ни говори, безъ сомнѣнія не сыщешь примѣра оставленія своихъ родныхъ, не смотря на такія положительныя обстоятельства удерживавшихъ ихъ по той же самой причинѣ, по которой мы теперь удерживаемъ тебя.

Любезный другъ, куда ты зашелъ? Куда ты зашелъ? Не видишь ли ты, какъ ты насъ терзаешь? Не видишь ли ты, любезный другъ, какія безпрестанно обнаруживаются послѣдствія за отверженіемъ тобою нашихъ остереженій? Воротись, любезный другъ, доколѣ еще простираемыя наши къ тебѣ объятія, охладѣвъ смертнымъ хладомъ, на вѣки не опустились.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 16 октября 1829 года.

Почтеннѣйшіе братья! Престаньте, молю васъ усерднѣйше, отзывать меня изъ тихаго пристанища въ житейское море. Куда я зашелъ — совѣтуете вы мнѣ, опомнившись, разсмотрѣть. Куда же я зашелъ? Зашелъ я на *путь покаянія* во грѣхахъ безчисленныхъ и безмѣрныхъ, зашелъ я на *тѣсную стезю* богоугоднаго иноческаго житія, ведущую въ пространство жизни вѣчной. Зашелъ я *въ училище дѣятельнаго обученія всякой добродѣтели*, а паче всего смиренія, безъ котораго всѣ прочія, яко на пескѣ, а не на камени, основанныя, подвергаются скорому и бѣдственному паденію. Зашелъ я во *святилище Божіе*, въ немъ же выну цо вся дни, по уставу святыя церкви, приносится Ему моленіе и славословіе отъ слугъ Его, оставившихъ яремъ рабства мірского и Ему единому работающихъ. Зашелъ я въ *ограду спасенія* отъ звѣрей лютыхъ, каковъ есть міръ и діаволъ. Все сіе соображая, не могу почесть себя виновнымъ, что зашелъ туда, куда зашелъ. Но не самъ я зашелъ, а заведенъ благодатію Божіею, чудесно о мнѣ промышляющею, за которую не имѣю *я* словъ въ умѣ и устахъ благодарить великаго и всещедраго моего Благодѣтеля. Успокойтесь, еще въ заключеніе повторяю, относительно жребія, свыше мнѣ назначеннаго, но не переставайте молиться, дабы Господь благодатію Своею не преставалъ оживлять корень для принесенія плодовъ, дабы, сподобивъ меня взяться за орало воздѣлыванія нивы душевной въ униженномъ, по мірскому мнѣнію, званіи, воспретилъ бы озираться назадъ, управилъ въ царство свое небесное вмѣстѣ со всѣми Ему благословенными...

Всякое малѣйшее даже противъ васъ возраженіе для меня тягостно, и потому я всегда, сколько могъ, избѣгалъ онаго въ моей съ вами перепискѣ, а теперь уже не рѣшусь отнюдь продолжать горестнаго для меня о вѣрѣ словопренія.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ГЛАВА IV.

[1]) Здѣсь разумѣется пребываніе князя Сергія въ селѣ Архангельскомъ лѣтомъ 1828 года. Князь Сергій предполагалъ, было, проведши великій постъ въ Юрьевѣ монастырѣ, весною 1828 года отправиться на богомолье въ Кіевъ, а отсюда уже въ село Архангельское. Но братья потребовали отъ него немедленнаго прибытія къ себѣ на родину, что онъ и исполнилъ. Въ началѣ іюня 1828 года князь Сергій прибылъ въ Архангельское и оставилъ его въ концѣ іюля мѣсяца, предпринявъ отсюда путешествіе въ Кіевъ и другія святыя мѣста.

[2]) Здѣсь разумѣются слѣдующіе четыре брата: князь Павелъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, умершій въ г. Можайскѣ 25-го апрѣля 1844 года, князь Алексѣй Александровичъ, скончавшійся въ селѣ Архангельскомъ 2-го августа 1849 года, князь Сергій Александровичъ (въ монашествѣ о. Аникита) и князь Василій Александровичъ, умершій 20-го сентября 1834 года въ своемъ имѣніи въ селѣ Пахомовѣ, Рославскаго уѣзда, Смоленской губерніи, гдѣ онъ провелъ большую часть своей жизни.

[3]) Двѣ сестры, княжны Александра Александровна и Анна Александровна Ширинскія Шихматовы, въ концѣ 1816 года поступили въ смоленскій женскій Вознесенскій монастырь, гдѣ и приняли монашество, первая подъ именемъ Агаѳокліи, а вторая—Августы. Въ 1833 году монахиня Августа сдѣлана была игуменіею вяземскаго Аркадьевскаго монастыря, съ нею переѣхала въ Вязьму и сестра ея Агаѳоклія, которая въ томъ же 1833 году и скончалась здѣсь. Игуменія Августа въ свое продолжительное управленіе привела Аркадьевскій монастырь въ самое цвѣтущее состояніе. Она скончалась 20-го августа 1859 года, 69 лѣтъ отъ роду. Памятная записка объ усопшихъ родственникахъ кн. Ширинскихъ-Шихматовыхъ.

[4]) Мать братьевъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ, княгиня Ольга Васильевна Ширинская-Шихматова, осталась тридцатисемилѣтнею вдовою съ двѣнадцатью дѣтьми на рукахъ, изъ которыхъ старшему было не болѣе двадцати лѣтъ, и никто изъ нихъ не былъ устроенъ. Благодаря необыкновенной энергіи княгини-матери, всѣ ея дѣти получили хорошее образованіе и заявили себя выдающеюся дѣятельностью на разныхъ ступеняхъ государственной службы. Княгиня Ольга Васильевна скончалась 10-го ноября 1820 года. Она одиннадцать лѣтъ была одержима параличемъ и послѣдніе два съ половиною года лишена была употребленія ногъ. Памятная записка объ усопшихъ родственникахъ кн. Ширинскихъ-Шихматовыхъ.

V.

Князь Сергій Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, въ концѣ 1827 года, подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы при Морскомъ корпусѣ. Дѣло объ отставкѣ почему-то затянулось на долго. Въ мартѣ слѣдующаго 1828 года, князь Сергій, не дождавшись указа объ отставкѣ, уѣхалъ изъ Петербурга и, въ концѣ великаго поста, прибылъ въ Юрьевъ монастырь. Отсюда, при наступленіи лѣта, онъ предполагалъ предпринять путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ и прежде всего отправиться въ Кіевъ. Но братья, князья Павелъ и Алексѣй Александровичи, настойчиво требовали, чтобы князь Сергій поскорѣе прибылъ къ нимъ въ село Архангельское, для разъясненія возникшихъ между ними религіозныхъ разномнѣній. Князь Сергій уступилъ требованіямъ своихъ старшихъ братьевъ и, лѣтомъ 1828 года, прибылъ на свою родину, въ село Архангельское. Здѣсь между братьями происходили продолжительныя и горячія пренія по извѣстнымъ уже спорнымъ богословскимъ вопросамъ.

Князь Сергій Александровичъ, между прочимъ, объявилъ братьямъ о своемъ желаніи принять монашество и поселиться въ Юрь-

евомъ монастырѣ и просилъ ихъ, какъ старшихъ братьевъ, благословить его на предпринимаемый имъ иноческій подвигъ. Братья, и раньше не одобрявшіе намѣренія Сергія о принятіи имъ монашества, высказались и теперь противъ этого его намѣренія вообще, а также и противъ поступленія его въ Юрьевъ монастырь въ особенности. Для того, чтобы подѣйствовать на своихъ братьевъ въ пользу своихъ намѣреній и отклонить ихъ возраженія какъ противъ монашества, такъ и противъ Юрьева монастыря, князь Сергій сообщилъ братьямъ какое-то особое откровеніе свыше, бывшее относительно его одному изъ братій Юрьева монастыря, которымъ онъ, князь Сергій, призывался къ монашескому постриженію и подвигамъ именно въ Юрьевомъ монастырѣ. Это откровеніе изложено было въ письмѣ, запечатанномъ семью печатями, съ англійскою надписью религіознаго содержанія. Писателемъ письма съ откровеніемъ, да и изобрѣтателемъ послѣдняго[1]) былъ о. архимандритъ Фотій, который, по предположенію братьевъ, воспользовался печатью съ англійскою надписью отъ графини А. А. Орловой, пояснившей писателю письма и самый смыслъ англійской надписи. Къ сожалѣнію, въ перепискѣ братьевъ не встрѣчается никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о характерѣ и содержаніи откровенія. Такъ какъ князь Сергій подробно сообщилъ о немъ своимъ братьямъ устно, при личномъ свиданіи, то въ дальнѣйшей перепискѣ

---

[1]) Архимандритъ Фотій вообще любилъ окружать свои дѣйствія особенною таинственностію. Разъ прибылъ въ Юрьевъ монастырь съ мѣста родины о. Фотія одинъ молодой парень, страдавшій какою-то болѣзнію. Архимандритъ-землякъ пріютилъ больного парня у себя въ монастырѣ, и тотъ здѣсь скоро оправился отъ своей болѣзни. Разъ о. Фотій пригласилъ его къ себѣ въ келлію и далъ ему большую просфору, съ тѣмъ, чтобы тотъ ѣлъ просфору, отламывая отъ нея по маленькому кусочку, и въ то-же время читалъ молитву: «Богородице, Дѣво радуйся». Сдѣлавъ такого рода указаніе, о. Фотій тотчасъ-же вышелъ изъ келліи. Парень сталъ ѣсть просфору, вдругъ слышитъ, что у него во рту что-то завѣнѣло. Оказалось—золотой. Въ это самое время Фотій возвратился въ свою келлію и, на разсказъ удивленнаго земляка о находкѣ въ просфорѣ, сказалъ: «возьми золотой себѣ, это тебѣ Богородица дала.» Свѣдѣнія объ о. Фотіи, собранныя на мѣстѣ его родины, въ с. Ямъ-Тесовѣ, Новгородской губ. и уѣзда. Сообщилъ И. П. Можайскій. «Историч.» Вѣстникъ 1888 года, т. XXXII, стр. 148.

между полемизирующими братьями и не представлялось надобности распространяться о подробностяхъ факта, который хорошо извѣстенъ былъ обѣимъ сторонамъ.

Разсказъ князя Сергія объ откровеніи не произвелъ особеннаго дѣйствія на братьевъ. Онъ заслоненъ былъ другими разсужденіями. Предъ отъѣздомъ князя Сергія изъ села Архангельскаго, между нимъ и его братьями установилось видимое согласіе по всѣмъ спорнымъ богословскимъ вопросамъ. Братья свое единеніе въ религіозныхъ взглядахъ засвидѣтельствовали въ особомъ письменномъ такъ называемомъ ими „примирительномъ актѣ“. Князья Павелъ и Алексѣй Александровичи дозволили, подъ условіемъ единенія и согласія въ религіозныхъ мнѣніяхъ, князю Сергію какъ принятіе монашества, такъ и поступленіе въ число братіи Юрьева монастыря.

По отъѣздѣ князя Сергія изъ села Архангельскаго, оставшіеся въ немъ братья стали вдумываться въ смыслъ происходившихъ между ними богословскихъ разсужденій. Неизвѣстно почему, у нихъ скоро закралось подозрѣніе относительно искренности состоявшагося единенія въ спорныхъ вопросахъ и особенно сильно стало развиваться у нихъ недовѣріе къ направленію, господствовавшему въ Юрьевомъ монастырѣ. У братьевъ составился взглядъ на Юрьевъ монастырь какъ на такое мѣсто, гдѣ „имѣютъ пріютъ противныя церкви мнѣнія“. Выходя изъ такого взгляда на Юрьевъ монастырь, братья стали высказываться самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ поступленія Сергія въ этотъ монастырь. „Скорѣе мы“, писали братья Сергію, „согласимся видѣть тебя, любезный другъ, на концѣ свѣта отъ насъ, нежели въ Юрьевомъ монастырѣ; кромѣ Юрьева монастыря не держимъ тебя ни въ какой другой“. Кромѣ того, братья совѣтовали Сергію поступить въ какой нибудь другой монастырь, но „только не богатствомъ, а бѣдностію знаменитый“.

Князь Сергій Александровичъ догадывался, что причина нерасположенія его братьевъ къ Юрьеву монастырю кроется въ сильномъ недовѣріи ихъ къ настоятелю этого монастыря архимандриту Фотію и потому поставилъ своею задачею выставить предъ ними

въ надлежащемъ видѣ великую и свѣтлую личность о. Фотія. Самъ онъ съ величайшимъ благоговѣніемъ относился къ о. Фотію, который, по его словамъ, явился „свыше избраннымъ благодатію Божіею защитникомъ церкви Божіей отъ сильнаго нападенія враговъ ея“, а управляемый имъ монастырь не былъ „гнѣздомъ какого нибудь раскола или еретичества, какъ представляли братья, а, напротивъ, представлялъ изъ себя хранилище церковнаго православія“. Князь Сергій смотрѣлъ на своего архимандрита, какъ на вполнѣ святаго мужа, обладавшаго даромъ чудесъ и исцѣленій. Онъ называлъ Фотія „избраннымъ орудіемъ благодати Божіей“. Въ доказательство высоты нравственнаго характера своего настоятеля, князь Сергій отправилъ къ своимъ братьямъ руконись съ подробнымъ описаніемъ одного чуда, совершеннаго Фотіемъ. Это чудо было— изгнаніе бѣса изъ одной бѣсноватой женщины. Одна искательница приключеній явилась въ Юрьевъ монастырь и объявила архимандриту, что въ ней бѣсъ. Архимандритъ Фотій сталъ ее отчитывать, и бѣсъ, по словамъ больной, оставилъ ее. Фотій, нисколько не подозрѣвая здѣсь обмана, помѣстилъ исцѣленную по близости монастыря и самъ сталъ относиться къ ней, какъ къ личности святой и богоугодной. По ея совѣту, Фотій сталъ созывать въ монастырь, для слушанія вечерняго правила, дѣвушекъ окрестныхъ деревень, изъ коихъ нѣкоторыя, подъ разными предлогами, оставались въ монастырѣ и на ночь. Отсюда пошли неблаговидные толки и сплетни. Дѣло дошло до высшаго начальства. Мнимоисцѣленную велѣно было выслать изъ Юрьева монастыря, а архимандриту Фотію послѣдовалъ строгій выговоръ. Если главный виновникъ мнимаго чуда сдѣлался жертвою обмана, то такою же жертвою былъ, въ данномъ случаѣ, и князь Сергій, въ простотѣ сердечной видѣвшій въ мнимобѣсноватой женщинѣ дѣйствительно исцѣленную. Въ подтвержденіе своего взгляда на о. Фотія, какъ на угодника Божія, одареннаго силою чудотворной, князь Сергій сообщалъ своимъ братьямъ о новомъ чудѣ, совершенномъ о. Фотіемъ. Въ Юрьевѣ монастырѣ жилъ одинъ схимникъ, два года страдавшій водяною болѣзнію, которую, по ея безнадежности, отказались лечить всѣ врачи, предсказывавшіе больному близкую

кончину. О. Фотій взялъ больного къ себѣ въ келлію, и умиравшій схимникъ чрезъ недѣлю совершенно выздоровѣлъ.

Князья Павелъ и Алексѣй Александровичи не убѣдились доводами своего брата. Они съ большою разборчивостію отнеслись ко всѣмъ его сообщеніямъ и остались при прежнихъ своихъ взглядахъ на Юрьевъ монастырь и на его настоятеля. Братья всесторонне разсмотрѣли сообщенное имъ Сергіемъ откровеніе и нашли его плодомъ не божественнаго внушенія, а грѣховнаго человѣческаго измышленія. Точно также въ исцѣленіи бѣсноватой, съ которымъ они познакомились изъ присланной княземъ Сергіемъ рукописи, они не хотѣли видѣть чуда, а бѣсноватую женщину называли не болѣе какъ притворной кликушей. Братья никогда не переставали вооружаться противъ вступленія князя Сергія въ Юрьевъ монастырь.

Точно также непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи остался и князь Сергій Александровичъ. Онъ, не смотря на всѣ настоянія братьевъ, по принятіи монашества вступилъ именно въ число братіи Юрьева монастыря и сдѣлался однимъ изъ самыхъ преданнѣйшихъ учениковъ (по монашеству) архимандрита Фотія.

Не смотря на разность во взглядахъ, и на независимость своихъ дѣйствій, и особенности образа жизни, между князьми Павломъ и Алексѣемъ Александровичами съ одной стороны и княземъ Сергіемъ Александровичемъ съ другой никогда не прекращались, даже нисколько не охлаждались взаимныя родственныя чувства. Это замѣчательная черта всѣхъ братьевъ, возможная только среди такихъ высокихъ религіозно-нравственныхъ характеровъ, какіе составляли принадлежность всѣхъ членовъ семейства князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ.

Письмо князя Сергія Александровича Ш.-Шихматова къ братьямъ Павлу и Алексѣю Александровичамъ, отъ 17 января 1828 года, изъ С.-Петербурга.

Миръ вамъ отъ Господа, любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Извѣщаю васъ, что я не получалъ еще указа объ отставкѣ, такъ что опасаюсь, чтобы замедленіе сіе не заставило меня дождаться здѣсь

и великаго поста, а святое время четыредесятницы, время покаянія и очищенія, и по сему отношенію для меня многогрѣшнѣйшаго особенно важное и драгоцѣнное, имѣю я ревностнѣйшее желаніе провести все въ обители святой св. великомученика Георгія [1]), у почтеннѣйшаго отца Фотія, дабы тамъ, такъ сказать, взять первый урокъ высокаго ученія жить во святомъ по Бозѣ уединеніи, и дабы, чувствуя совѣсть свою изъязвленную, испросить не моими недостойными молитвами, но молитвами подвижниковъ Божіихъ, себѣ отъ Господа прощеніе и благословеніе на путь странствія къ святымъ мѣстамъ и къ вѣчности, послѣ же четыредесятницы (всѣ сіи предположенія утверждая на ономъ словѣ—аще Господь повелитъ, и живъ буду), дождавшись въ ожиданіи просушки 23. апрѣля, памяти святаго великомученика, покровителя обители и моего великаго заступника, помолиться ему усерднѣйше и испроситъ напутствованіе его защищенія отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. По сей причинѣ, теперь никакъ нельзя мнѣ пуститься въ Архангельское, да и послѣ еще не прямо туда стезя мнѣ указывается. Ибо, почитая по совѣсти жребій званія моего рѣшеннымъ уже на высшемъ судилищѣ, въ чемъ и вашего подтвержденія не отчаяваюсь, долженъ, не говоря уже о издержкахъ, дорожить удобствомъ лѣтняго пути и времени для совершенія предначинаемаго путешествія, никто же возложь руку на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи (Лук. X, 62); и путь предлежитъ великій и не безтрудный, а именно въ Кіевъ (куда по бѣлорусскому тракту четыреста верстъ выкинется противъ московскаго), гдѣ и пожить надобно будетъ, дабы воспользоваться святынею онаго, въ Ахтырку, въ Курскъ на поклоненіе Царицѣ небесной предъ Ея чудотворящими иконами; потомъ для сей причины желаю отъ всего сердца припасть къ стопамъ Ея и въ Казани, имѣя по Ея дару особенное благоговѣніе къ тамошнему чудотворному Ея образу, предъ подножіемъ котораго и нынѣ припадаю, произнося сердцемъ и устами тропарь, для сего образа сочиненный, тропарь, удивительную силу въ себѣ заключающій, который да произнесется и умирающими моими устами. Притомъ же, усердствуя помолиться и на всякомъ мѣстѣ владычествія Господня въ обителяхъ святыхъ, на пути странствованія моего, или близь онаго находящихся, долженъ не малое употребить на сіе время, такъ что по сему обстоятельству, при всемъ сердечномъ желаніи, едва ли удастся мнѣ достигнуть Казани. Ежели же симъ благополучіемъ благословитъ меня Царица небесная, то оттуда указуется мнѣ путь чрезъ Нижній Новгородъ, Кострому, Ярославль и Ростовъ къ великому угоднику Божію Дмитрію, усерднѣйше мною чтимому и подъ покровомъ коего и теперь нахожу я упокоеніе, ибо въ церкви нашей теплый придѣлъ, въ которомъ совершается теперь служба, посвященъ во имя его, а оттуда къ великому въ-

святыхъ, заступнику моему усерднѣйшему, съ душевнымъ глубокимъ благоговѣніемъ мною призываемому, Сергію чудотворцу, а отъ него же къ московскимъ нашимъ чудотворцамъ и всероссійскимъ. Исполненіе всѣхъ сихъ предположеній, къ спасенію души моей клонящихся, отъ любящихъ меня, конечно, не будетъ затрудняемо; и я, изложивъ вамъ планъ первой половины моего странничества на югъ (ибо вторая простирается къ сѣверу), до пріятнѣйшаго съ вами свиданія, прошу убѣдительнѣйше вашу любовь утвердить оный вашимъ соизволеніемъ, дабы я какъ не бѣглецъ отъ васъ, но какъ посланный вами молиться о себѣ и о васъ, ревностнѣе могъ исполнить сіе священнѣйшее дѣло. Не будетъ сіе книга распустная, но торжественное свидѣтельство вашего къ Богу усердія, по которому вы жертвуете собственнымъ удовольствіемъ во славу Божію и для спасенія ближняго, къ которому, хотя и недостойному, ревностную любовь въ душѣ своей питаете. Притомъ же, братія возлюбленная, помнить надобно, что всѣ наши здѣшнія и самыя долголѣтнія сожитія суть только минутныя свиданія, и что пещись должно всемѣрно о томъ только, чтобы тамъ свидѣться намъ предъ престоломъ Божіимъ, гдѣ уже чрезъ цѣлую вѣчность не будетъ разлученія; и такъ какъ я по совѣсти почитаю предлежащее мнѣ странствованіе и уединеніе по Бозѣ вѣрною стезею, къ сему неразлучному съ вами свиданію ведущею, то уповаю, что и ваша любовь отъ сей стези нелукавой не возбранитъ ногамъ моимъ, и тѣмъ возвеселите душу мою, сѣтующую нынѣ о вашемъ на меня огорченіи и возрадуете сердце мое сокрушенное своимъ окаянствомъ. *Имъ же образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому*, (Псал. XLI, 2—3), въ безмолвіе священнаго во святыхъ обителяхъ уединенія, да утолится убо сія жажда моя чашею студены воды вашего согласія и благословенія, и воистинну въ дни воздаянія не погубите вы мзды своея (Мѳ. X, 42).

Отецъ Фотій, по милости своей, уже пріуготовилъ мнѣ грѣшнику уголъ во святой своей обители, и я духомъ порываюсь вселиться въ оный на святую четыредесятницу.

Послѣднее письмо князя Сергія къ братьямъ изъ С.-Петербурга отъ 4 марта 1828 года.

Миръ вамъ отъ Господа, и отъ Пречистой Матери, и отъ всѣхъ силъ небесныхъ, и отъ всѣхъ святыхъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, ежели Господь благословитъ, отправляюсь въ путь, и потому прошу не взыскать съ меня, ежели нѣсколько сокращенно буду писать, ибо Господь вдругъ рѣшилъ отъѣздъ мой... Дѣло мое еще не кончено, и я рѣшилъ оставить все на волю Божію, убоясь, что путь зимній скоро исчезнетъ. Прощайте любезные братья и друзья, помилуйте. Весь вашъ братъ и слуга С. Шихматовъ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 26 марта 1828 года, изъ Юрьевскаго монастыря.

Христосъ воскресе,

Любезнѣйшіе и почеснѣйшіе братья и друзья!

Наконецъ, какъ уже вамъ по моему послѣднему письму извѣстно, я, можно сказать, изторгся, или лучше сказать, изторженъ Промысломъ Божіимъ и Божіей Матери изъ среды шумныя столицы и вступилъ въ путь желаемый и, благодареніе Господу и Пречистой Его Матери, вижу по сіе время дивныя Ихъ милости, напутствующія грѣшника-странника помощію во спасеніе. Оставивъ дѣло свое нерѣшеннымъ на волю пекущагося о непотребномъ рабѣ Господа-Промыслителя, дабы не упустить зимняго пути, а еще паче драгоцѣннаго великопостнаго времени, разставшись со слезами съ добрыми ближними и съ дражайшими добрѣйшими кровными, пустился, по влеченію сердечному, къ Царицѣ небесной въ Тихвинъ и сподобился предстоять Ея чудотворной иконѣ и поклоняться Ей, и лобызать Ее отъ сердца умиленнаго... [2]). Вечеромъ семнадцатаго марта, хотя поздно, прибылъ въ Юрьевъ монастырь, подъ защиту св. великомученика Георгія и подъ гостепріимный кровъ стараго моего, ежели смѣю сказать, друга или паче наставника отца Фотія. Только св. Великомученику угодно было, чтобы я въ обитель его не пріѣхалъ, а пришелъ пѣшъ; ибо, съ версту не доѣзжая до монастыря, извозчикъ мой свернулъ не болѣе сажени съ дороги въ сторону и увязилъ повозку въ таломъ снѣгу такъ, что никакъ лошади вытащить ее не могли, доколѣ не приспѣла помощь изъ монастыря. Почеснѣйшій мой странноприимецъ, спаси его Господи, не только меня упокоеваетъ, но какъ отецъ малое чадо свое лелѣетъ. Кельи мои не монашескія, а княжескія, ибо состоятъ изъ трехъ чистыхъ и теплыхъ покоевъ на углу ограды, подъ башнею, одною стороною обращенныя на Волховъ, а другою на озеро [3]); въ нихъ жилъ нѣкогда на покоѣ многія лѣта одинъ святитель Божій, уже скончавшійся [4]). Во всемъ имѣя совершенное довольство, имѣю паче всего-ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе душевное вечеръ, утро и полудне ежедневно приметаться въ дому Бога моего (Псал. LXXXIII, ст. 11), присутствуя во храмахъ благолѣпныхъ, или паче великолѣпныхъ, при богослуженіи, совершаемомъ, во истинну, благолѣпно. Бесѣды отца архимандрита и любовное согласіе братіи, примѣръ достойный подражанія, назидалъ душу грѣшника, по благодати Божіей, не вовсе еще ожесточеннаго. Уединеніе (ибо монастырь въ трехъ слишкомъ верстахъ отстоитъ отъ города) и почти безпрестанная молитва, особенно на страстной недѣлѣ (въ которую Господь всемилостивый и пса нечистаго подтрапезнаго не лишилъ крупицы хлѣба животнаго), признаться, крайне для меня сладостны, и чувствую,

что для души не безполезны. Сегодня только въ первый еще разъ собрался я въ городъ и то для причинъ болѣе духовныхъ, нежели тѣлесныхъ, и, по благословенію отца настоятеля, Господь утѣшилъ меня исполненіемъ моего желанія. Отслушавъ литургію въ монастырѣ, засталъ еще часть литургіи, совершаемой здѣшнимъ *викаріемъ* [5]) въ Софійскомъ соборѣ, потомъ отпѣлъ молебенъ Премудрости Божіей Софіи великоименитой и всѣмъ новгородскимъ чудотворцамъ, и сподобясь приложиться къ мощамъ шести угодниковъ Божіихъ [6]) нетлѣннымъ и на вскрытіи лежащимъ, а седьмаго подъ спудомъ [7]), благословился у преосвященнаго въ его дому, помолился еще Царицѣ небесной предъ чудотворною Ея иконою, извѣстною подъ именемъ Знаменья... [8]), наконецъ возвратился съ миромъ душевнымъ въ мирную обитель, въ ней же Господь и пречистая Его Матерь и св. великомученикъ Георгій и св. святитель Ѳеоктистъ чудотворецъ (котораго мощи здѣсь почиваютъ подъ спудомъ) дали убѣжище грѣшному страннику. Обитель сія есть одна изъ самыхъ древнихъ въ Россіи, ибо болѣе осьми сотъ лѣтъ какъ построена, состоящая въ числѣ первоклассныхъ монастырей (въ которыхъ настоятели архимандриты, архіерейски священнодѣйствующіе), совсѣмъ уже приходила въ разрушеніе, какъ Господу угодно было и великомученику избрать отца Фотія настоятелемъ. При помощи Божіей, при щедромъ вспоможеніи духовной своей дочери Анны Алексѣевны Графини Орловой-Чесменской и при собственномъ своемъ неусыпномъ трудѣ и многолѣтнемъ, онъ нетолько обитель возобновилъ, но и возвеличилъ ее славою чудною. Ибо великолѣпіе храма соборнаго такъ поразительно и велико, что, я думаю, едвали гдѣ въ Россіи есть что подобное. Утварь и ризница драгоцѣнностію составляютъ сокровище. Внутреннее устройство братіи приходитъ къ совершенству, по составленному отцемъ Фотіемъ уставу общежитія строгаго, уже введеннаго въ обитель. Здѣсь прошу я Господа потерпѣть грѣхамъ моимъ и сподобить меня участвовать въ празднествѣ духовномъ всея обители въ день праздника великомученика святаго (23 апрѣля), а потомъ, съ

а) Св. Ѳеоктистъ былъ хиротонисанъ въ архіепископа Новгородскаго въ 1300 году изъ игуменовъ Благовѣщенскаго Новгородскаго монастыря; въ исходѣ 1308 года удалился на покой въ тотъ же монастырь, гдѣ и почилъ 23 декабря 1310 года. Послѣ упраздненія въ 1764 году Благовѣщенскаго монастыря мощи святителя Ѳеоктиста св. синодъ, по ходатайству митрополита Новгородскаго Гавріила, разрѣшилъ перенести въ Юрьевъ монастырь, въ которомъ они покоятся подъ спудомъ, въ серебряной ракѣ, по лѣвую сторону олтаря церкви св. Великомученика Георгія. Архимандритъ Фотій устроилъ по близости малый придѣлъ во имя св. Ѳеоктиста. Строевъ. Списки іерарховъ. 34. 111. Х. Н. Муравьевъ. Путешествіе по св. мѣстамъ русскимъ. Спб. 1888 года ч. 1 изд. 6, 343—344.

напутствованіемъ Его заступленія и съ благословеніемъ отца и молитвами братіи святой, по просушкѣ уже, пуститься въ путь къ Кіеву. Но прежде помолюсь Господу, да сподобитъ посѣтить еще здѣсь монастыря три, въ которыхъ и прежде еще я не бывалъ. Письма ваши ко мнѣ, дабы не безпокоить о. архимандрита, прошу васъ надписать на имя казначея обители іеромонаха отца Георгія, моего духовнаго отца. Простите, любезнѣйшіе друзья и братья. Буди на васъ благословеніе свыше во всемъ и всегда. Весь вашъ нижайшій слуга и усерднѣйшій братъ С. Шихматовъ.

Письмо братьевъ къ князю Сергію. С. Архангельское. Марта 28, 1828 г.

Христосъ воскресе!

Любезнѣйшій братъ и другъ.

Со днемъ пресвѣтлымъ, днемъ великимъ, съ праздникомъ праздниковъ тебя, любезнѣйшій братъ, усердно поздравляемъ. Да воскреснетъ въ тебѣ Богъ всесовершенно и да расточатся враги Его, враги, непрестанно, повсеминутно насъ облегающіе! Да ограждаетъ всесильный Своею благодатію и входы и исходы твои, и бесѣды твои, и товарищества твои, и предпріятія; а паче, да ограждаетъ тотъ путь, который ведетъ ко спасенію. Молиться о семъ почитаемъ мы всегдашней нашей обязанностію, но наипаче теперь ищемъ мы себѣ пособія въ молитвѣ—теперь, когда продолжаются сіи необыкновенныя наши съ тобою письменныя сношенія. Не полагали мы отнюдь съ тобою бесѣдовать сими святыми днями; ниже имѣли намѣреніе вовсе приниматься за перо. Но одно обстоятельство послѣдняго твоего письма заставило насъ премѣнить прежній нашъ обычай: обстоятельство вовсе нечаянное и для самого тебя невѣдомое. Необычайный такой случай понуждаетъ насъ необычайно прервать седмидневное субботствованіе и по истеченіи трехъ дней святыя седьмицы поспѣшить нашимъ тебѣ отвѣтомъ, чтобы онъ могъ застать тебя въ монастырѣ св. Георгія, гдѣ ты, по прежнему своему письму, располагалъ дождаться и провести праздникъ сей обители. Изъ послѣдняго твоего письма не видать, куда ты намѣреваешься направить дальнѣйшій путь твой: слѣдовательно, выпустивъ тебя изъ онаго, не знали бы мы потомъ, гдѣ тебя искать. Самые поиски заставили бы насъ терять много времени, хотя бы мы тебя наконецъ и отыскали. А могло и то статься, что ты, предпринявъ предполагаемые тобою изъ мѣста въ мѣсто переѣзды, разъѣхался бы съ нашимъ письмомъ, которое, такимъ образомъ, могло вовсе затеряться и никогда тебя не достигнуть. Намъ же весьма желательно, чтобы ты какъ можно скорѣе извѣстился о той перемѣнѣ, которую ты самъ, хотя безъ твоего вѣдома, произвелъ въ нашихъ съ тобою сношеніяхъ. Съ сего намекаемаго тебѣ обстоятельства твоего послѣдняго письма нач-

немъ нашу бесѣду. Подлинно, нельзя безъ слезъ, безъ плача, безъ сжатія сердца видѣть разрывъ такого соединенія, каково было наше. А какое же? Братское и дружеское, духовное и христіанское, подобное тому, какое видно было въ тѣ блаженныя времена, когда соединяющихся вѣрующихъ и сердце и душа были едины (Дѣян. IV, 32.) Такъ ли? Согласенъ-ли ты въ семъ?—Такъ точно, потому что мы во время соединенія точно одною вѣрою и едиными правилами христіанства были одушевляемы: доказательствомъ тому служитъ и самое сіе намѣреніе нашего такого соединенія, которое не составилось бы, если-бы не духомъ любви и вѣры были къ тому побуждаемы. Никакая корысть въ соединеніе наше не входила, какъ тебѣ очень извѣстно. Обратимся теперь къ первой твоей совѣсти, основанной на вѣрѣ твердой и прочной, и не токмо не противурѣчащей любви, съ лишеніемъ которой и самое сожженіе тѣла, не говоря о другихъ тѣлесныхъ подвигахъ, безполезно,—но ею лишь руководствуемой, какъ мы то можемъ тебѣ доказать премногими примѣрами, поставляя и самихъ себя свидѣтельствами твоего подлинно христіанскаго братолюбія; ибо, не говоря далѣе, отъ тебя заимствовали мы свѣтъ, или паче тебя угодно было Господу употребить, дабы озарить нашъ духовный мракъ: отъ тебя я особенно видѣлъ и въ другомъ отношеніи великій знакъ великой къ себѣ любви. Тогда ты бы не мало подивился, если бы кто въ духовномъ человѣкѣ изчислялъ тебѣ тѣ недостатки любви, какіе мы тебѣ въ тебѣ самомъ поименовали — подивился и пожалѣлъ, если бы это былъ посторонній; а ежели бы свой, то всѣми мѣрами старался увѣрить его, чтобы всему предпочитать дѣла любви, безъ коихъ вѣра обманчива, безплодна. Какія же суть заключенія изъ вышеописанныхъ замѣчаній? онѣ суть слѣдующія: первое, что *ты не въ правѣ былъ положить самъ собою, безъ нашего согласія, рѣшенія не жить тебѣ въ Архангельскомъ*: ибо вспомни или прочти выше, каковъ былъ союзъ нашъ—христіанской, духовной, единой души и единаго сердца требующій. А тѣмъ менѣе въ правѣ былъ предпринимать новую жизнь, и такую, о которой тебѣ наше мнѣніе было неизвѣстно,— а тѣмъ еще менѣе отказываться отъ нашихъ (въ справедливости на весь міръ отдаваемыхъ) требованій пріѣхать къ намъ послѣ семилѣтней разлуки, пріѣхать объясниться въ подозрѣніяхъ, относящихся къ душевному твоему состоянію. Ибо, когда трое одно и сердцемъ и душею, то есть, суть лишь три части одного цѣлаго, то не токмо каждая знаетъ все, но и каждая къ одному и тому же стремится концу. Когда-же каждая изъ нихъ что скрываетъ отъ другихъ, или безъ согласія другихъ въ чемъ либо поступаетъ, то симъ самымъ дѣйствіемъ она отдѣляется уже отъ цѣлаго. Мы, по праву завѣта нашего, по власти старѣйшихъ тебѣ братій, занимающихъ теперь мѣсто родителей твоихъ,

не по крови токмо, но паче по любви, связующей насъ союзомъ, ничѣмъ не уступающимъ союзу нѣжнѣйшихъ родителей и дѣтей:—требуемъ твоего сюда пріѣзда, безъ всякихъ отговорокъ, представляющихъ удобности иного тракта, который потому кажется удобнѣе тебѣ, физически отъ Архангельскаго тебя отдаляющій, что нравственный твой путь совсѣмъ иное отъ нашего пріялъ направленіе. Любезнѣйшій другъ, мы теперь по совѣсти не можемъ и не должны принимать никакихъ твоихъ отговорокъ, а всякій отказъ твой почитать обнародываніемъ той разпустной твоей съ нами книги, которую ты имѣлъ неосторожность давно уже въ дѣлѣ твоемъ подписать. Повторяемъ, что доколѣ мы съ тобою не увидимся и не переговоримъ объ всемъ обстоятельно, не можемъ мы дать тебѣ на пріемлемый тобою образъ жизни и на устраненіе себя отъ насъ ни согласія нашего, ни благословенія. Мы теперь, имѣя въ рукахъ нашихъ документъ или явное подтвержденіе бывшаго и существующаго между нами вышеупомянутаго завѣта, смѣло обращаемся къ тебѣ съ нашими требованіями; ежели ты и теперь рѣшаешься вмѣсто себя прислать намъ отказъ, коего извиненія, какія бы онѣ ни были, въ теперешнемъ нашемъ съ тобою положеніи не дѣльны, не основательны, не оправдывающи.—Далѣе, ты не обращаешь вниманія на то, что, пускаясь на подвигъ, по мнѣнію твоему, на величайшій подвигъ христіанскій и особенно тобою уважаемый, пускаешься, не поклонившись праху родителей и не испросивъ такимъ образомъ благословенія отъ нихъ въ твоемъ предпріятіи, пускаешься, рѣшившись миновать оный, лишь стахъ въ двухъ верстахъ отъ пути твоего отстоящій. Можно ли сказать, что ты здѣсь любовію руководствуешься? Нѣтъ, нѣтъ любезнѣйшій, явной нелюбовію къ намъ, которыхъ ты желая объѣхать, объѣзжаешь и родительскій гробъ.

Новгородъ. Юрьевъ монастырь. 1828 года, апрѣля 25 дня.

Христосъ Воскресе!

Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Радуйтеся о Господѣ, подающемъ вамъ преспѣяніе въ добродѣтеляхъ христіанскихъ и, полагая восхожденіе въ сердцѣ вашемъ, восходить отъ силы въ силу духовную, дабы явилася вамъ слава лица Божія въ Сіонѣ небесномъ.—Волѣ вашей покоряюсь и требованіе ваше исполнить намѣреваюсь, сокративъ для сего предначертанное мною путешествіе и предназначивъ оному иное направленіе. Мысль о поклоненіи священнѣйшему для меня праху родительскому, признаюсь, и прежде обращалась всегда въ головѣ моей, и долгъ сыну молиться о упокоеніи душъ родительскихъ есть для меня не токмо священнѣйшій, но и пріятнѣйшій. Воздать почивающимъ въ Бозѣ родителямъ сыновнее раболѣпное поклоненіе и нагробѣ.

ихъ повергнуть о душахъ ихъ молитвы усерднѣйшія вмѣстѣ съ церковію, я предполагалъ на возвратномъ моемъ пути, намѣреваясь расположить оный такъ, чтобы къ 30-му сентября (ко дню кончины отца) быть въ Соловицахъ, о каковомъ предположеніи и намѣреніи моемъ я писалъ и къ брату князю Прохору Александровичу. Но нынѣ радуюсь душевно, что, по вашему убѣжденію, удостоюсь ранѣе получить душевную отраду, изліяніемъ предъ Господомъ души моей окаянной о упокоеніи въ Бозѣ преставльшихся надъ самимъ прахомъ ихъ, къ которому благоговѣю и испросить ихъ благословенія на пути странствованія къ святымъ мѣстамъ и къ святѣйшему мѣсту селенія славы Божіей, бренными очами невидимой. По искренности, опять повторяю вамъ, что одно только разчисленіе времени лѣтняго, краткаго, для пути удобнѣйшаго, было причиною предположеннаго мною прежде минованія мѣстъ, воспоминаніями для меня драгоцѣннѣйшихъ, а отнюдь не удаленіе отъ васъ, по уклоненію нравственнаго моего пути отъ вашего.

Теперь ожидаю повозки для дороги и чаю въ началѣ будущаго мѣсяца, какъ и путь между тѣмъ еще попросохнетъ, отправиться изъ сей святой обители съ благословеніемъ отъ великомученика, великаго моего заступника, котораго праздникъ я удостоился, недостойный, праздновать духовно съ святыми мужами, имъ руководимыми къ царствію небесному, и надѣюсь въ началѣ предбудущаго мѣсяца (основывая всѣ сіи предположенія на словахъ; аще Господь благоволитъ и здравъ буду) достигнуть мирнаго и благословеннаго Архангельскаго, дабы оттуда съ благословеніемъ архистратига Господня и съ напутствованіемъ мира отъ васъ итти далѣе въ путь свой къ Кіеву, радуяся. Здѣшнее-же мое пребываніе есть для меня величайшая милость Господня. Удаленіе отъ суетъ міра, миръ и тишина, господствующія въ святой обители не токмо въ стѣнахъ, но и въ братіи, молитвословія частыя ежедневно, бесѣды поучительныя отца архимандрита и его истинно дружеское, опытами доказуемое, ко мнѣ недостойному расположеніе и нечувственную мою душу приводятъ иногда въ умиленіе и *желаніе провести дни мои въ таковомъ богомысленномъ уединеніи*, не отрицаясь впрочемъ, при помощи свыше, къ понесенію тяготы, какая всеблагимъ промысломъ на немощь мою возложится, для заглажденія многихъ моихъ отъ юности и доселѣ согрѣшеній, глубже и глубже вкореняется въ мое сердце, и гласъ милосердія Божія вопіетъ ко мнѣ окаянному, да къ Нему прибѣгну, оставивъ міръ и все, яже въ мірѣ (1 Іоанн. II, 15). Только теперь желаю, вседушно помолившись Господу и Пречистой Его Матери и святымъ прославленнымъ въ отечественной нашей церкви угодникамъ, повидѣть знатнѣйшія общежительныя обители, гдѣ святые отшельники проводятъ жизнь богомысленную въ отверженіи міра и своей воли, въ нищетѣ, постѣ и молитвѣ, дабы

хотя издали, по благодати Господней, дерзнуть имъ въ слѣдъ, научаясь ихъ примѣрамъ и ободрясь въ малодушныхъ своихъ помыслахъ. Прощайте, любезнѣйшіе братья и друзья, Господь да укрѣпляетъ васъ вящше и вящше въ теченіи вашемъ богоугодномъ. Надѣюсь до радостнаго свиданія, ежели Господь благоволитъ, писать къ вамъ изъ Москвы. Предаю себя вашимъ святымъ молитвамъ и съ искренностію братскаго усердія остаюсь весь вашъ братъ и слуга С. Шихматовъ.

С. Архангельское. Августа 25, 1828 года.

Любезный другъ!

Предметъ, о которомъ мы съ тобою сперва переписывались, потомъ личное имѣли *разглагольствіе, по отбытіи твоемъ*, непрестанно приходитъ намъ на мысль, и тѣмъ большее обращаетъ на себя теперь вниманіе наше, чѣмъ разсудокъ болѣе пріобрѣлъ причинъ къ настойчивости, *къ сопротивленію тебѣ въ твоемъ предпріятіи—вступленію твоему въ Юрьевъ монастырь*. Если съ одной стороны, мы, для сохраненія взаимной любви братской и мира, всегдашняго спутника любви, находимся принужденными уступить твоему сильному желанію принятія *на себя монашества*, и дать на то наше согласіе: то съ другой, обозрѣвъ теперь хорошенько всѣ обстоятельства, склоняющія тебя избрать *именно Юрьевъ Новгородскій монастырь*, *находимъ въ себѣ сильное сопротивленіе* противъ сего твоего избранія такъ, что почитаемъ нужнымъ отклонять тебя отъ того всѣми силами. Сіе заставило насъ опять взяться за перо и сообщить тебѣ на бумагѣ все, что по дѣлу сему находится въ нашемъ сердцѣ.—Но прежде, нежели вступимъ въ дальнѣйшее бесѣдованіе, надобно предварительно сказать слова два о предпринимаемомъ нами испытаніи *сообщеннаго тебѣ якобы откровенія свыше*, бывшаго на счетъ тебя *одному изъ братій сего монастыря*, а именно, что мы, приступая теперь разсматривать истину онаго, не имѣемъ причины опасаться чрезъ то подпасть осужденію тѣхъ, которые не пріемлютъ какого либо явнаго и свѣтомъ принятаго воли Божіей извѣщенія. Ибо оно отнюдь не таково, а, напротивъ, находится въ самомъ томъ видѣ, въ которомъ изслѣдованіе необходимо, для принятія или непринятія онаго. И такъ приступимъ благословясь, и призвавъ въ помощь немощныя укрѣпляющаго Всесвятаго Духа Божія, *приступимъ къ разсмотрѣнію съ седмью печатями, съ семью англійскими стражами доставленнаго тебѣ письма*. Сперва разсудимъ, какъ бы поступилъ ты самъ и всякій въ Бозѣ живущій мужъ, получивъ откровеніе для другого, и какъ поступлено *по семъ выдаваемомъ откровеніи*. Разсмотримъ мѣры, какія свойственны послѣ *истиннаго откровенія*, дабы сличивъ оныя съ мѣрами послѣ выдаваемаго, можно было судить,

подлинное ли оно, или нѣтъ. Получивъ несомнительное откровеніе воли Божіей, для сообщенія иному, для сообщенія твоему другу, твоему искреннему, ты не почелъ бы нужнымъ, ты не дерзнулъ бы искать утвержденія оному *въ какихъ либо таинственныхъ внѣшностяхъ*: прямо бы открылъ оное ему изустно, или, если, по какимъ либо обстоятельствамъ, нужно было оное написать, то не иное что имѣлъ бы въ виду, какъ токмо то, какъ бы точнѣе изложить твое порученіе свыше, будучи совершенно увѣренъ, что начавшій сіе дѣло, самъ и совершитъ. Тебѣ бы и на умъ не пришло искать пособія отъ *нѣкоторыхъ таинственныхъ внѣшностей*. Обратимся къ настоящему случаю. Тебѣ сообщено откровеніе воли Божіей, сообщено такъ, что, по самому твоему замѣчанію, обнаруживается здѣсь ложь тѣмъ, что писавшій письмо ложно отрекается отъ онаго. Для чего? Для того, повидимому, чтобы и самый способъ доставленія тебѣ онаго сдѣлать *чуднымъ*, необычайнымъ. Далѣе, видимъ сіе письмо запечатаннымъ седмью печатями,—*печатями съ англійской надписью*. Спрашиваемъ: по откровенію ли же, по повелѣнію ли свыше писатель письма употребилъ сіе *подражаніе видѣнію* возлюбленнаго ученика Христова, Духомъ Святымъ намъ *сообщенному*, или самъ о себѣ? Ежели самъ о себѣ, то не дерзновенно ли паче мѣры такое самовольное таинственной внѣшности занятіе, такое копированіе оной для облеченія дѣла сего, хотя бы оно дѣйствительно было отъ Бога. Не будетъ ли это, и въ такомъ случаѣ, одинакое преступленіе съ тѣмъ, за которое величайшій угодникъ Божій и боговидецъ Моисей наказанъ былъ преждевременной смертію? Не подобится ли это даже преступленію Озы, преступленію дерзнувшихъ употребить свой огнь для кажденія хотя священнымъ ѳиміамомъ и освященнаго мѣста? Полагать же внушеніемъ Божіимъ сіе таинственное облеченіе письма воспрещаетъ то, что печати сіи *съ иноземной надписью*; то есть, не греческой, единовѣрческаго намъ народа, а англійской, народа, почитаемаго нами еретическимъ. Ибо возможно ли полагать, чтобы такой ревнитель ко православію, каковъ, по словамъ твоимъ, о. Фотій обращенъ былъ, въ семъ дѣлѣ, къ такимъ словамъ печати, которыя вырѣзаны были для протестантовъ, монашество, о которомъ идетъ все дѣло, отмещущихъ? Такимъ образомъ, сія заятая таинственность, не придавая ничего къ важности дѣла, ежели оно и и отъ Бога, но давая оному еще видъ дѣла отъ человѣковъ, весьма уже умножаетъ вину *изобрѣтателя*, когда оно дѣйствительно есть не иное что какъ *человѣческій вымыселъ*. — А что все дѣло сіе носитъ на себѣ видъ изобрѣтеннаго отъ человѣковъ, то явствуетъ изъ слѣдующаго. Самое уже употребленіе въ такомъ дѣлѣ, которое выдаютъ это дѣло Божіе, не можетъ не остановить всякаго безпристрастно испытующаго, истинно набожнаго христіанина: оно, съ перваго взгляда, умень-

шаетъ довѣренность къ оному и вящую возбуждаетъ осмотрительность. Ибо, не говоря о учителяхъ церкви нашей, которыхъ большая часть ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ употребленія лжи, которая есть отъ діавола (1 Іоан. III, 8), мы находимъ оную строго запрещенной въ катихизическомъ ученіи нашемъ, то есть, въ такой книгѣ, которая вручается церковію всякому вѣрующему, всякому воину Христову, подобно тому, какъ вручается всякому вступающему въ службу земного царя его инструкція, и по которой лишь одной мы можемъ содѣлывать наше спасеніе. Отъ діавола ли заимствовать средства къ оправданію путей Божіихъ? Но далѣе, откуда взялась *у о. Фотія, который, по весьма вѣроятнымъ твоимъ замѣчаніямъ, есть писатель письма, печать съ англійской надписью?* Какъ она могла къ нему попасть? Купить ему оную, не предположительно; да и продаютъ ли гдѣ въ лавкахъ такія печати кромѣ англійской лавки? а въ ней онъ, вѣроятно, никогда не бывалъ и ничего не покупывалъ, тѣмъ менѣе *эмблематической* англійской печати. Подарить ему оную, никому и въ голову не придетъ: да и самъ бы онъ ее не взялъ, если бъ кто и дарилъ. Имѣть ее отъ кого изъ монашествующихъ также невозможно; ибо по той же причинѣ не могла она обрѣстись ни у кого изъ нихъ, по какой и у него самого. *Итакъ, явствуетъ, что печать сія занята отъ кого либо изъ свѣтскихъ*, и притомъ такихъ, у которыхъ, по многимъ стекшимся разнымъ обстоятельствамъ, *можно* предположить имѣніе сей печати, и такихъ еще, съ которыми бы отецъ Фотій былъ фамильярно знакомъ; ибо всякій иной могъ бы нѣсколько соблазниться требованіемъ отъ него печати сей. Скажемъ больше, надобно даже предполагать, что лице сіе само предложило отцу печать свою къ его услугамъ. Ибо, не вѣроятно, чтобы онъ самъ собою вздумалъ приложить къ письму своему *протестантскую иностранную печать*—и къ какому еще письму!.. Онъ не понималъ бы вырѣзанныхъ на печати словъ, если бы кто не объяснилъ ему оныхъ. Необходимо предполагать въ дѣлѣ семъ и предложившее и объяснившее сію печать съ надписью, хорошо знакомое отцу, лицо, а притомъ знакомое и тебѣ, и вѣдущее, что ты знаешь англійскій языкъ.—Такое точно лицо и открывается въ дѣлѣ семъ, по снятіи съ него *таинственнаго* покрова. Мы, вѣроятно, не успѣли намекнуть, какъ ты уже и узналъ оное. Вотъ, любезнѣйшій, сколько сказывается человѣческаго въ семъ дѣлѣ, выдаваемомъ за истое дѣло Божіе: сказывается преднамѣренность, сказывается участіе свѣтскаго лица, изъ *подъ руки* тутъ же дѣйствующаго, съ которымъ, вѣроятно, начертанъ и планъ операціи, и по вліянію котораго преосвященный а), совѣтовавшій тебѣ лично избрать монастырь въ полуденной

а) Вѣроятнѣе всего, новгородскій викарій, преосвященный Игнатій

Россіи, вдругъ повлекъ тебя къ полунощной... Ты, вѣроятно, не смѣешь и подумать, чтобы отецъ Фотій рѣшился на такую мѣру: и намъ не хотѣлось бы такъ полагать. Но дѣла говорятъ и говорятъ такъ ясно, что ежели не совершенное объясненіе, то, по крайней мѣрѣ, сильное подозрѣніе не можетъ не имѣть мѣста. Допускающіе позволительность лжи неограниченно, для пользы ближняго, невольно допускаютъ всякую степень оной. О іезуитахъ пишетъ преосвященный Платонъ въ Исторіи Россійской церкви, что нѣтъ такого зла, на которое они, по правиламъ своего ордена, не должны отваживаться для пользы церкви. А іезуиты почитались и почитаются людьми особенно набожными и стражами латинской церкви. Сколько и наша исторія представляетъ примѣровъ фанатизма! Употребленная таинственность въ дѣлѣ семъ (въ дѣлѣ, которое не требуетъ никакого особеннаго чуда къ совершенію онаго; ибо вступленіе въ монашество и самыхъ благонамѣреннѣйшихъ было и бываетъ по общему порядку) даетъ ему совсѣмъ иной видъ. *Ступай* ты путемъ общимъ, *никто бы тогда не могъ открыть, какія были употреблены пружины, какая дѣйствовала политика, для избранія тобою, предпочтительно, сей обители.* Таинственность, употребленная, повидимому, для приданія важности дѣлу сему, вовсе лишаетъ оное всякаго вѣса. Таинственность обратила особенное вниманіе наше; и опасавшихся уже много на твой счетъ, по подозрѣніямъ весьма правдоподобнымъ, заставила насъ пристально разсмотрѣть то обстоятельство, которому она служила дерзновеннымъ покровомъ. При первомъ твоемъ обнаруженіи намъ таинственнаго письма, не могли мы не сомнѣваться въ содержаніи онаго, не токмо по смѣлому копированію такихъ вещей, предъ коими надлежитъ благоговѣть ничтожеству нашему, но и по тѣмъ многимъ причинамъ, въ письмахъ нашихъ тебѣ упомянутымъ, которыя отнюдь не показывали намъ намѣренія твоего, какъ ты себѣ представляешь, званіемъ Божіимъ. Видя твою упорность въ оставленіи насъ и торжественное объявленіе намъ, что ты не хочешь и *не можешь пособлять намъ въ занятіяхъ нашихъ по учебному нашему заведенію,* мы, для сохраненія мира и любви, разсудили за благо не противиться долѣе твоей склонности къ монашеству. Что же принадлежитъ до твоихъ мнѣній о вѣрѣ и церкви, съ нѣкотораго времени въ тебѣ превозмогающихъ, несообразныхъ съ катихизическимъ ученіемъ, мы не могли ни читать ихъ въ твоихъ письмахъ, ни изустно слышать отъ тебя безъ сердечнаго сокрушенія. Пріемля теперь въ разсужденіе, что мнѣнія сіи поселились въ тебѣ съ самаго твоего сближенія съ держащимися онаго мірянами и монашествующими, которые и рѣшили тебя, наконецъ, воспріять твердое намѣреніе вступить въ монастырь и именно Юрьевъ монастырь, *мы не можемъ не предполагать, что сіи противныя церкви*

мнѣнія въ немъ имѣютъ свое убѣжище, и по онымъ то монастырь сей привлекъ на себя отличительное твое предъ прочими одобреніе и избраніе. Ежели къ неправости сихъ мнѣній—мнѣній катихизическихъ, а потому великой важности—присоединить подозрѣніе наше о выдаваемомъ откровеніи, присоединить и то, что съ самаго сближенія твоего съ сей партіей, примѣтно, чувствительно перемѣнился не только образъ твоихъ мыслей, но и самая дѣятельность христіанская охладѣла до такой степени, что мы принужденными нашлись указывать тебѣ холодность сію многими важными, по любви къ ближнему, упущеніями, то невольнымъ образомъ рождается сильное желаніе, *чтобы ты не вступалъ въ Юрьевъ монастырь*, и мы теперь почитаемъ за необходимую обязанность истиннаго братства противиться тому всѣми силами. По мнѣнію нашему, ты поставленъ на широкій путь противленія церкви, которое, какъ ни прикрываютъ совѣтники твои ревностію по православію, не можетъ не обнаруживаться въ словахъ и дѣлахъ. Ревность по православію есть самый тотъ покровъ, которымъ прикрываютъ свои бредни всѣ старообрядцы и даже тѣ раскольники, которые, стараясь соорудить церковь свою на образецъ *старинной церкви*, до того изуродовали ее, что не имѣютъ и тѣни христіанства, и терпятъ у себя, даже уважаютъ, скверности и пороки наигнуснѣйшіе. Вотъ какъ опасно прилагаться къ *старинныхъ толкамъ и партіямъ*.

Нѣтъ, другъ любезнѣйшій, скорѣе мы согласимся видѣть тебя на концѣ свѣта отъ насъ, нежели въ Юрьевомъ монастырѣ. Причины наши тебѣ описаны подробно, и онѣ такъ важны, что разумъ и вѣра понуждаютъ тебя дѣйствовать по внушенію оныхъ. Обдуманность наша въ дѣлѣ семъ тебѣ очень явственна. Дѣйствительно, можно сказать, что мы зрѣло о семъ размышляли, со всѣхъ сторонъ обозрѣвая твое предпріятіе; а ты никакъ не можешь сказать того намъ, чѣмъ мы упрекаемъ тебя, а именно, что мы поступаемъ опрометчиво.—Повторяемъ еще нашу просьбу, не откажи строкамъ симъ часоваго твоего вниманія, и внявъ умомъ, передай на судъ совѣсти—совѣсти же *не плѣнной*, не *порабощенной*, не опутанной, но свободной, какъ она была прежде у тебя и какъ долженствуетъ быть въ человѣкѣ сему гласу Божію.—Ежели склонность твоя къ монашеству такъ сильна, что ты не воленъ и на нѣкоторое время себѣ въ томъ отказывать, то, *кромѣ Юрьева монастыря, не держимъ мы тебя ни въ какой*. Гряди съ благословеніемъ нашимъ и всѣхъ родныхъ въ особую обитель, нашей ли губерніи, или иную. Избери такъ, какъ ты предполагалъ, прежде нежели побывалъ въ Новѣ-городѣ, избери монастырь не богатствомъ, а бѣдностію знаменитый: да подвиги твои вѣдомы будутъ Богу Единому и раздаются не долу на земли, а горѣ на небеси. Согласись, любезнѣйшій другъ, что убогая едва отъ земли види-

мая пустынька болѣе удобна вмѣщать *нищихъ духомъ*, нежели обители богатствомъ, великолѣпіемъ, покровительствомъ властей и проч. и проч. отличающіяся. Сокрытыя батареи дѣйствительнѣе открытыхъ и так выставленныхъ, что представляютъ мѣткую цѣль непріятелю. Въ сем случаѣ мы надѣемся, съ помощію Божіею, возстановить прежній межд нами миръ и доброе согласіе, которое теперь прерываетъ твое прилежані къ старообрядческимъ мнѣніямъ, надѣемся видѣть тебя совершенно пр емлющимъ все ученіе того катихизиса, которому ты, будучи оглашен отъ дѣтства, до позднихъ лѣтъ слѣдовалъ неотступно, держащимъ вс тѣ догматы, которые держитъ святая наша церковь, и называющим церковію все собраніе христіанъ, съ духовными ихъ пастырями и свя тѣйшимъ Синодомъ, а не горсть тайно подрывающихъ ея благословенныя основанія: видѣть тебя одобряющимъ всѣ книги, ею одобряемыя, и вѣрнымъ сынамъ своимъ для душевной пользы предлагаемыя, и отметающимъ тѣ, на которыя она налагаетъ свое запрещеніе. Еще ты не вступилъ въ Юрьевъ монастырь,—еще ты воленъ располагать собою,—еще можетъ совѣсть твоя внимать нашимъ просьбамъ. Отрѣшись, отторгнись, оторвись. Наше упорное несогласіе на вступленіе твое въ сей монастырь, наше даже заклинаніе тебя всѣмъ, что только есть важнѣйшаго въ нашемъ съ тобою союзѣ, достаточно перевѣситъ то обнадеживаніе, которое ты далъ о твоемъ туда вступленіи, и тебя, какъ по совѣсти, такъ и по міру, можетъ вывести изъ затрудненія.—Если же ты, презрѣвъ сіи наши, истымъ усердіемъ внушаемыя, представленія, и, не смотря ни на что, рѣшишься удовлетворить твоей страсти, ступай, любезнѣйшій другъ. Но знай, что ты идешь отъ насъ, нетокмо не оправдавшись во всѣхъ нашихъ обличеніяхъ, но и утвердивши насъ въ мнѣніи, что всѣ твои небратолюбивые поступки суть плоды того неправаго догматовъ нашихъ исповѣданія, которое прежде мы въ тебѣ подозрѣвали, а теперь явно извѣдали.

Приписка братьевъ къ предыдущему письму, отъ сентября 10 дня 1828 года.

Хотя много уже тебѣ сказано выше причинъ, понуждающихъ тебя *перемѣнить твое направленіе отъ Юрьева монастыря* (ежели домъ нашъ тебя держать никакъ не можетъ) къ иному, обѣщающему тебѣ истинное спокойствіе въ лонѣ церкви, причинъ сильныхъ, которыя, будучи присоединены къ твоему великодушію, многіе годы всѣ твои поступки осіявавшему, и теперь, ожидаемымъ отъ тебя подвигомъ, новый блескъ побѣды благочестію твоему уготовляющему, подаютъ намъ надежду, что не совсѣмъ развязанный узелъ нашего тѣснѣйшаго союза опять крѣпко на крѣпко затянется, неразрывно завяжется,—однакоже не можемъ

не дать мѣста, самимъ собою присоединяющимся къ вышеписаннымъ, слѣдующимъ двумъ новымъ обстоятельствамъ. 1-е. Секретарь смоленской консисторіи г. *Даламановъ*, пользующійся въ Смоленскѣ добрымъ мнѣніемъ и уваженіемъ людей благомыслящихъ, въ числѣ которыхъ суть и обѣ наши сестры, и отъ духовенства заслужившій почтеніе за свое правдушіе и безкорыстіе, узнавъ, что ты (онъ знаетъ тебя по Петербургу, гдѣ онъ, служа въ Синодѣ, жительствовалъ, и откуда недавно присланъ въ Смоленскъ) располагаешь вступить въ Юрьевъ монастырь, сказалъ брату Василію Александровичу [9]), пришедшему въ консисторію (въ бытность его въ Смоленскѣ для свиданія съ тобою) за свидѣтельствомъ нашему Евгенію, что онъ, имѣя основательныя причины, совѣтуетъ ему стараться, какъ можно, удерживать тебя отъ сего твоего предпріятія: и ежели есть твое непремѣнное желаніе постричься, то склонять тебя къ избранію другого монастыря, а не *Юрьева, подъ управленіемъ о. Фотія состоящаго*. Краткое сіе дружелюбное остереженіе запечатлѣлъ онъ тѣмъ, что какъ христіанинъ почитаетъ онъ нужнымъ сообщить ему оное. Братъ Василій Александровичъ, имѣя надобность быть въ Боровскѣ на ярмаркѣ, 8-го числа сего мѣсяца, и желая повидаться съ нами на единѣ, чтобы поговорить о бывшемъ ему вышеписанномъ извѣщеніи, пріѣзжалъ къ намъ ранѣе ожидаемаго времени и пробылъ у насъ трое сутокъ, въ продолженіи которыхъ, какъ ты то себѣ легко представить можешь, много и много было говорено о тебѣ. Мнѣнія его узнаешь ты отъ него лично.—Второе обстоятельство есть слѣдующее. На другой же день по пріѣздѣ брата, пріѣзжалъ къ намъ знакомый нашъ архимандритъ сосѣдняго монастыря [10]), бывшій не очень давно въ Петербургѣ и знакомый со всѣми пребывающими тамъ важными духовными лицами и съ синодалами. Онъ брату и намъ говорилъ много такого на счетъ Юрьева монастыря и настоятеля онаго, которое вышеписаннымъ причинамъ нашимъ придаетъ много вѣсу.

Изложенныя тебѣ причины нашего сопротивленія противъ твоего вступленія въ Юрьевъ монастырь, (какъ въ сей тетради, такъ и въ прежнихъ письмахъ и разсужденіяхъ тебѣ читанныхъ и на словахъ представленныхъ) такъ вѣски, что не требуютъ усиленія отъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, а потому мы ихъ и не искали. Добавленныя же здѣсь, какъ ты видишь, сами собою пришли къ намъ и, такъ сказать, сами собою прицѣпились къ нашимъ разсужденіямъ, предстать тебѣ уже готовымъ бывшимъ. Не лиши и сихъ твоего безпристрастнаго обозрѣнія.—Побѣда твоя надъ міромъ очень ощутительна. Но есть еще одно лицо, требующее дальнѣйшаго твоего усилія: лицо сіе есть *самъ* ты. Побѣди самого себя!

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 20 января 1829 года.

Любезный братъ.

Намъ часто приходитъ на мысль твое намѣреніе постриженія въ монашество. Сперва надобно быть истиннымъ сыномъ церкви, послушнѣйшимъ и покорнѣйшимъ, любящимъ ее и любимымъ отъ нея, чтобы потомъ получить въ ней избранное мѣсто. Когда бы мы совершенно единодушествовали насчетъ ученія церкви и видѣли въ тебѣ всѣ тѣ дѣйствія, которыя почитаемъ необходимыми послѣдствіями истиннаго отреченія вышеписанной разности, то мало бы имѣли причинъ удерживать тебя отъ *монашества*. Однако же посовѣтовали бы тебѣ не поспѣшно къ тому приступить и хорошенько разсмотрѣть званіе Божіе, посовѣтовавшись искренно со всѣми тѣми, съ совѣта которыхъ по вѣрѣ и по любви надлежитъ тебѣ предпринимать такое дѣло. Что же принадлежитъ до монастыря, въ который бы тебѣ удалиться, то отнюдь не посовѣтовали бы тебѣ, какъ и прежде уже у насъ о томъ была рѣчь, *богатствомъ, а паче бѣдностію знаменитый избратъ монастырь*, и не ища отъ Бога особеннаго откровенія на избраніе онаго. Ибо не излишне-ли то будетъ, не дерзновенно ли, не искушеніемъ ли Бога будетъ просить откровенія въ томъ, что мы должны сами искать и въ чемъ мы имѣемъ довольно разсудка, чтобы различить доброе отъ злаго. О сообщенномъ намъ тобою *откровеніи* мы точно тѣхъ же мыслей, какихъ и были. А потому, по нашему мнѣнію, *вотъ другая сильная причина не оставаться тебѣ въ Юрьевомъ монастырѣ*, если бы Господь и помогъ намъ пріобрѣсть опять совершенное твое единодушіе. Кромѣ сихъ тебѣ извѣстны и другія причины, по которымъ какъ мы, такъ и прочіе здѣшніе члены нашего семейства, не совѣтуемъ, не благословляемъ тебя избрать сей монастырь. Но о семъ не время еще теперь распространяться. Если ты внемлешь гласу нашему въ первомъ важнѣйшемъ обстоятельствѣ, то въ семъ послѣднемъ, ты, безъ сомнѣнія, ничего не сдѣлаешь безъ нашего совѣта; когда же не послушаешь перваго представленія, то и въ послѣднемъ поступишь также самоправно, но да не будетъ сего, да не будетъ.

Говоря о семъ послѣднемъ обстоятельствѣ, мы не можемъ не замѣтить тебѣ нашего удивленія о распространяемомъ въ Петербургѣ чрезъ уста преосвященнаго Серафима [11]) слухѣ о намѣреніи брата Павла Александровича вступить въ Юрьевъ монастырь, слухѣ ложномъ и выдуманномъ, а для какой цѣли, сіе предоставляемъ судить каждому про себя. Нельзя однакоже не пожалѣть, что ложь и предъ лице первенствующаго святителя нашей церкви предстать не устыдилась.

Въ разговорахъ и сужденіяхъ нашихъ съ тобою слышали мы отъ тебя, что ты тогдашнимъ своимъ духовнымъ состояніемъ, которое ты почиталъ не токмо не погрѣшительнымъ, но и православнѣйшимъ, обязанъ нѣкоторымъ лицамъ, съ которыми ты имѣлъ продолжительныя о вѣрѣ конференціи, и отъ которыхъ выходилъ всегда внѣ себя отъ восхищенія. — Само собою разумѣется, что въ сихъ разсужденіяхъ невозможно было не касаться общихъ о вѣрѣ положеній, нами и тобою различно пріемлемыхъ, ибо они, содержа въ себѣ существенную часть вѣры, а именно ученіе церкви, не могли не быть прикосновенными, о чемъ бы ни зашла рѣчь изъ принадлежности вѣры. А потому, если бы ты въ нихъ или они въ тебѣ замѣтили, не говорю столь существенную разность, но хотя и гораздо меньшую, то не токмо бесѣда ваша не могла быть назидательна другъ для друга, но была бы лишь спорной и столько духовности въ себѣ заключающей, сколько бываетъ оной въ состязаніи о предметахъ всякаго рода, или вовсе не духовныхъ. А изъ сего явствуетъ какъ то, что вышеписанные, восхищавшіе, умудрявшіе тебя собесѣдники твои и тѣ были съ тобою совершенно единомысленны, такъ и то, что ежели и не отъ нихъ первоначально ты сталъ неправо мудрствовать, то, безъ сомнѣнія, они утверждали тебя въ томъ мудрствованіи, отъ котораго ты здѣсь отрекся.

Письмо князя Сергія къ братьямъ изъ Юрьева монастыря, отъ 5 февраля 1829 года, по возвращеніи изъ путешествія по св. мѣстамъ.

По пріѣздѣ моемъ передъ праздниками сюда, я на другой день праздника поспѣшилъ увѣдомить васъ о совершеніи моего странствованія благополучнымъ прибытіемъ въ богохранимую св. великомученика и побѣдоносца обитель; но по сіе время еще не имѣю отъ васъ отвѣта и безпокоюсь относительно вашего здоровья, уповая впрочемъ, что Господь во всякомъ случаѣ не оставитъ васъ своею помощію, о чемъ и обязаннымъ себя почитаю возсылать къ Нему недостойныя мои молитвы. Я же скажу вамъ о себѣ, что съ пріѣзда моего по сей часъ, благодареніе Господу, не имѣю никакой болѣзни, хотя и нѣтъ крѣпости, желаемой въ бренномъ моемъ составѣ. Въ концѣ прошлаго мѣсяца, получивъ настоящій указъ о увольненіи моемъ отъ службы, я не замедлилъ пустить его въ дѣло и, помолившись усердно (поколику усердіе совмѣстно съ моимъ окаянствомъ), наконецъ, 2-го сего мѣсяца, въ день Срѣтенія Господня, подписалъ рѣшительную для себя бумагу, въ которой срѣтаются изшествіе мое отъ міра со вступленіемъ въ монастырь, а именно прошеніе къ преосвященнѣйшему Серафиму, съ приложеніемъ частнаго письма о томъ, чтобы опредѣленъ я былъ въ число братства съ надеждою поступленія, которое чѣмъ скорѣе можетъ совершиться, тѣмъ для меня

будетъ радостнѣе, и того-же числа бумаги сіи съ нужными еще документами отправлены ко владыкѣ. Теперь ожидаю рѣшенія отъ него, для совлеченія мірскихъ одеждъ и облеченія въ черныя монастырскія, и о! дабы совлекся вкупѣ и ветхаго человѣка, и облекся въ новаго! О семъ прошу и васъ усерднѣйше помолиться ко Господу и къ Пречистой Его Матери.

Вступая въ званіе произвольно нищихъ Господа ради, долгомъ неминуемымъ себѣ поставляю и священнымъ и радостнымъ, тѣмъ, что остается у меня отъ богатаго дара царской ко мнѣ щедроты послужить нуждающимся моимъ ближнимъ и преимущественно тѣмъ, которые паче иныхъ имѣютъ ближайшее ко мнѣ отношеніе по разнымъ обстоятельствамъ. И потому, прилагая при семъ четыреста рублей, прошу васъ усерднѣйше взять на себя трудъ раздѣлить оныя (утаивая мое имя) по слѣдующему назначенію.... Приступивъ къ рѣшительному исполненію давняго своего намѣренія, хотя и чувствую, что не довлѣетъ силъ моихъ къ понесенію воспріемлемаго мною бремени, возлагаю всю свою надежду на Господа и Пречистую Его Матерь, ибо повинуюсь Ихъ волѣ, и послѣдую Ихъ званію, и чувствую необходимую нужду въ очищеніи скверны сердца моего его провожденіемъ по тѣсной и безтернистой стезѣ иноческаго житія. Отецъ настоятель и братія дышутъ ко мнѣ искреннѣйшею любовію; въ обители царствуютъ миръ и благочиніе. Моленія совершаются по чину церкви и по особенному при введеніи общежитія данному уставу [12]). Кельи у меня въ монастырѣ и въ скиту [13]) весьма покойныя и чистыя. Остается только, чтобы я самъ, оставивъ лукавый обычай грѣховный, очистилъ свое сердце и упокоилъ душу, по реченному: *обратися душе моя въ покой твой, яко Господь благодѣйствовати* (Псал. CXIV, 6). О семъ подобаетъ молиться и труждатися и не унывати въ скорбѣхъ, имущихъ встрѣтиться на пути спасенія, ибо онѣ для спасаемыхъ неизбѣжны и необходимы. Прощайте, любезнѣйшіе братья и друзья. Не забывайте грѣшнаго брата во святыхъ вашихъ молитвахъ. Господь да пробавитъ вамъ великую свою и богатую милость и въ смертной и въ вѣчной жизни. Съ искреннимъ чувствованіемъ братскаго усердія и дружества и любви остаюсь братъ вашъ и слуга С. Шихматовъ.

Письмо братьевъ къ Сергію, отъ 22 февраля 1829 года.

Письмо твое съ деньгами мы получили вчерашняго числа. Какъ велико было наше удивленіе, при чтеніи твоего увѣдомленія о подписаніи тобою письма и прошенія къ митрополиту, то, по прочтеніи теперь посланнаго тебѣ отъ насъ свитка, ты легко себѣ представить можешь. Пораженный симъ новымъ ударомъ бренный нашъ составъ потрясенъ былъ до основанія. Господу угодно было сопречь насъ съ тобою такимъ тѣс-

нымъ союзомъ, что и самомалѣйшее твое движеніе отъ насъ такъ чувствительно. Вотъ уже больше года ты порываешься по такому направленію, отъ котораго мы по сіе время держали тебя напряженіемъ всѣхъ нашихъ силъ, и, повидимому, удержали было на нашемъ пути. Но кратковременнъ былъ сей нашъ отдыхъ. Въ продолженіи всего прошедшаго года ударъ за ударомъ слѣдовали намъ отъ тебя, и одинъ сильнѣе другого. Начались они усмотрѣніемъ нами въ тебѣ не братской вовсе (да не речемъ не христіанской) холодности, за симъ отдаленіе твое отъ насъ и отчужденіе, за симъ обнаруживаніе подозрѣнія твоего на святую церковь и мнѣній противу церковныхъ, за симъ упорное стояніе твое въ сихъ мнѣніяхъ, за симъ явное испроверженіе признанной было тобою неправости твоей и принятаго съ нами единомыслія, и есть теперешній еще толчекъ, искореняющій послѣднюю отраду, послѣдней лишающей насъ надежды.

Ты видишь ясно, какъ сильно, какъ настоятельно не желаемъ мы твоего вступленія въ Юрьевъ монастырь, и то знаешь, почему мы всѣми силами противъ сего упираемся. По нашему судя, ты ни подъ какимъ видомъ не можешь отказать намъ въ семъ настоятельномъ нашемъ требованіи. Ибо положи на вѣсы съ одной стороны наше о тебѣ радѣніе, наше безпокойство, наше много много стоющее намъ показаніе тебѣ твоей неправости въ важнѣйшемъ отношеніи для человѣка, сіи наши, смѣемъ сказать, предъ тобою не малыя заслуги, нашу болѣзнь сердечную, нашу неописанную скорбь... а съ другой—*лишь перемѣну твою Юрьева монастыря на какой тебѣ угодно другой*: для сей ли ничтожной причины пожертвуешь ты столько вѣскими обстоятельствами? Для сей ли одной причины, которая по большей мѣрѣ доставляетъ лишь спокойное тебѣ жилище, достойно и праведно есть пренебречь всѣми заслугами нашей къ тебѣ любви? Для сей ли одной причины ты истинный братъ и другъ въ продолженіе всѣхъ многихъ нашихъ лѣтъ, подъ старость рѣшаешься дать намъ некончаемую причину слезныхъ сѣтованій? За любовь ли нашу ты намъ платишь оскорбленіемъ наивеличайшимъ? И сіе тогда, когда успокоить насъ совершенно стоитъ тебѣ перемѣнить лишь... мѣстное пребываніе. Мы уже больше ничего не требуемъ... *Не можемъ мы никогда примириться съ твоимъ вступленіемъ въ Юрьевъ монастырь, а потому никогда не успокоимся.* Съ печалію ли ты желаешь насъ видѣть нисходящихъ въ могилу? О! другъ любезнѣйшій, подумай, подумай, въ чемъ ты намъ отказываешь.

...Мы не должны и не можемъ отстать отъ тебя съ возобновленными нашими воззваніями. Доколѣ живемъ не престанемъ тебѣ по обязанности нашей напоминать тоже и тоже. Если бы ты рѣшился и вовсе заперетъ къ себѣ входъ любви нашей въ письмахъ нашихъ: то невозможно,

чтобы совѣсть твоя оставила тебя въ покоѣ, мы будемъ казаться, будемъ сниться тебѣ съ свитками въ рукахъ, будемъ слышаться тоже и тоже повторяющими, когда вѣра одна безъ любви могла горы переставлять съ мѣста на мѣсто: то дивно ли, что съ любовію соединенная она пятьсотъ верстъ можетъ переносить тебѣ гласы наши. Безмолвная твоя келія для другихъ, для тебя стѣнами своими будетъ говорить. Домогательство наше о пріобрѣтеніи твоего единомыслія всѣми возможными способами почитаемъ мы уже прямо званіемъ Божіимъ. Если какая либо власть (по умертвіи родителей) закономъ Божіимъ предоставлена старшимъ братьямъ надъ младшими, то всю сію власть обращаемъ, пускаемъ теперь противъ тебя въ дѣйство, тебѣ формально воспрещаемъ вступать въ Юрьевъ монастырь. Протестуемъ симъ въ твоей совѣсти.

...Что, любезнѣйшій, ужели ты все еще не склоняешь на нашу сторону вѣсовъ, столь вѣскими обстоятельствами наполненную, ужели все держитъ тебя на противной сторонѣ сія мятежная былинка—*мѣстное избраніе?* Если это дѣйствительно, если мы безсильны стали держать тебя, отрывайся же отъ насъ, ступай туда, куда давно устремлены твои тайные отъ насъ замыслы. Попирай всѣ предосторожности нашей любви, совѣты нашей дружбы. Но знай, что, прежде нежели ты вступишь въ Юрьевъ монастырь, ты окончательно подпишешь *распустную съ нами книгу*.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 11 февраля 1829 года. Юрьевъ монастырь.

Любезнѣйшіе братья и друзья!

Что вы отпустили меня отъ себя съ миромъ, въ томъ отнюдь себя не укоряйте, да не лишитесь мзды за поспѣшествованіе моему спасенію, но паче признайте со мною промыслъ Божій, полагающій намъ предѣлъ, котораго мы преступить не можемъ и всему свое время назначающій, котораго ни отсрочить, ни ускорить нельзя намъ бреннымъ. Собесѣдники мои всѣ были люди отличнаго благочестія по вѣрѣ и по дѣламъ, большею частію духовные пастыри стадъ иночествующихъ, и я только одного назову вамъ (ибо прочіе вамъ неизвѣстны), къ котораго имени вы благоговѣете, хотя лично его и не знаете, а именно, преосвященнѣйшаго *Филарета* [14]), нынѣ казанскаго архипастыря, съ которымъ я обращался самымъ простымъ и откровеннымъ образомъ, говоря ему все отъ сердца въ духовныхъ нашихъ бесѣдахъ и не встрѣчалъ отъ него пререканія и пользовался его искреннѣйшею любовію. да благословитъ его Господь и Пречистая Его Матерь въ семъ мірѣ и въ будущемъ. Отъ него и отъ

подобныхъ ему нельзя было мнѣ, чего да не будетъ во вѣкъ, развратиться въ вѣрѣ.

Что касается до слуха, дошедшаго, какъ вы пишете, и до преосвященнѣйшаго архипастыря нашего, что братъ Павелъ Александровичъ намѣревается оставить міръ для вступленія въ иночество, то слухъ сей невиннымъ образомъ могъ произойти отъ о. архим. Фотія, но виновенъ я, а не онъ. Прежде отъѣзда моего въ путь, онъ многократно спрашивалъ меня, что ежели я рѣшусь идти въ монастырь, не рѣшится ли и братъ, и я, не зная совершенно теперешнее положеніе и расположеніе брата, всегда отвѣчалъ ему, что сіе дѣло весьма возможно: такъ что нынѣ лѣтомъ, когда братъ кн. Владиміръ Александровичъ [15]) былъ въ монастырѣ и у о. архимандрита, то онъ, говоря о моемъ намѣреніи вступить въ обитель, шуткою сказалъ ему: мы и Павла перетащимъ. Легко можетъ быть, что нѣчто подобное и другой кто нибудь отъ него слышалъ. Могъ сей слухъ распространиться потому, что въ Петербургѣ насъ обоихъ знали совершенно во всемъ согласными, а потому, услышавъ о моемъ монашествѣ, легко можетъ статься, что приложили оное и къ нему. Вина моя, и прошу прощенія. Напослѣдокъ повергаясь къ ногамъ вашимъ (хотя вы сего и не одобряете, но между монахами это есть дѣло обыкновенное и даже обязанность), умоляю васъ отъ всего сердца пощадить бѣдное мое сердце и не поражать его болѣе ударами подобныхъ обличительныхъ и истязательныхъ посланій, ибо, кромѣ болѣзни отъ нихъ происходящей, я опасаюсь еще вящшаго недуга душевнаго, а именно унынія, которое при теперешнемъ моемъ положеніи вступленія въ новое многотрудное житіе, при искушеніяхъ мысленныхъ отъ міра и врага, можетъ имѣть пагубныя слѣдствія, отъ которыхъ прошу поберечь себя и меня, оставаясь навсегда въ несомнѣнномъ увѣреніи, что я подтверждая мое объявленіе, остаюсь въ лонѣ матери нашей общей и не безъусереднымъ ея сыномъ и таковымъ желаю умереть.

Въ прошломъ письмѣ увѣдомлялъ я васъ о посланномъ мною ко владыкѣ Серафиму прошеніи, а теперь увѣдомляю, что уже послѣдовало и рѣшеніе опредѣлить меня въ число братства Юрьева монастыря, и владыка увѣдомилъ меня, что онъ весьма доволенъ тѣмъ, что, послушавъ его совѣта, избралъ я сію обитель. О. архимандритъ намѣренъ меня въ концѣ сей недѣли, ежели Богъ сподобитъ, облещи въ малый образъ, т. е. въ рясу и камилавку, и для того я теперь говѣлъ и готовлюсь къ причастію. Почему опять васъ умоляю, всѣ мои проступки простить до забвенія совершеннаго. Остаюсь преданный вамъ братъ С. Шихматовъ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ отъ марта 11 дня 1829 года. Скитъ Юрьева монастыря.

Миръ вамъ отъ Господа и отъ Пречистой Его Матери, любезнѣйшіе и поч-

теннѣйшіе братья и друзья! Письмо ваше (отъ 22 февраля), въ отвѣтъ на мое, съ деньгами посланное, я получилъ и вмѣстѣ получилъ глубокую язву скорби въ сердце мое. Но уповаю, что благодать Божія, немощная врачующи, не оставитъ и меня страждущаго безъ своего вседѣйственнаго врачеванія. Господь поразитъ и исцѣлитъ, мертвитъ и живитъ. Васъ же, любезнѣйшіе братья, паки благодарю за ревностную вашу ко мнѣ недостойному любовь, которая хотя и тяжкую нанесла мнѣ скорбь, однако же, по чистотѣ своихъ побужденій, достойна всякаго уваженія. Только усерднѣйше и убѣдительнѣйше прошу васъ пощадить мою немощь, которая отъ сильныхъ потрясеній вашего обличенія можетъ довести меня до совершеннаго изнеможенія. Одно только укрѣпленіе мое состоитъ въ томъ, что дерзаю и учащаю прибѣгать ко всесильной помощи Вышняго, и, благодареніе Его всеблагости, не вотще. Пощадите, любезнѣйшіе, и сами себя; и что сокрушаете самихъ себя по мнѣ, аки уже по умершемъ сѣтуя. Ежели бы не дали вы въ сердце ваше доступа подозрѣнію, то извѣщеніе мое о началѣ моего отъ міра удаленія въ Юрьевъ монастырь не могло бы не токмо поколебать бреннаго вашего состава (который для пользы многихъ да сохраняется въ возможной крѣпости до позднихъ дней), но даже ни мало не долженствовалъ бы вамъ показаться удивительнымъ. Ибо я вами отпущенъ былъ къ совершенію моего желанія воспріять на себя монашескій образъ, и въ не другой какой нибудь, а именно въ Юрьевъ монастырь. И потому я ничего не сдѣлалъ новаго и для васъ неожиданнаго, обратясь къ духовному начальству съ просьбою о помѣщеніи меня въ число братства Юрьева монастыря. Самое важнѣйшее для меня ваше согласіе есть на вступленіе въ иночество; и что вамъ Юрьевъ монастырь не нравится, поистинѣ, причины я тому не вижу. Въ монастырѣ семъ господствуютъ порядокъ и спокойствіе, можно сказать, примѣрные для всѣхъ здѣшнихъ обителей (почему и настоятель онаго отъ владыки сдѣланъ благочиннымъ многихъ монастырей), миръ и тишина между братіею, достойные всякой похвалы; богослуженіе совершается по уставу съ точностію. Ежели позволено мнѣ угадывать ваше къ обители сей святой неблаговоленіе, то *не остается сдѣлать иного заключенія, какъ того, что настоятель не имѣетъ вашей полной довѣренности и что вы опасаетесь, дабы, послѣдуя ему, не впалъ я въ неправославіе.* Со страхомъ осмѣливаюсь я изложить сіе мое заключеніе и, буде оно не вовсе несправедливо, то долгомъ поставляю остеречь васъ отъ великаго для духовныхъ людей несчастія, отъ опасности глаголать неправедное беззаконіе. Опытомъ или паче опытами доказанная *его ревность къ церкви Божіей, чрезъ него благодатію Божіею защищенной отъ сильнаго нападенія*[16]) *враговъ ея*, (по каковой ревности имя его останется въ лѣтописи церковной приснопамятнымъ), освобождаетъ меня

отъ надобности защищать его предъ вами, ревностными же чадами церкви, которая его однимъ изъ наилюбезнѣйшихъ сыновъ своихъ почитаетъ. Промысла Божія пути неизслѣдимы. Во врата Юрьева монастыря я уже вошелъ или паче введенъ торжественно церковію, ибо, когда получилъ ваше письмо, то уже около двухъ недѣль назадъ (а именно 16 февр.) сподобился воспріять на себя начатки ангельскаго образа постриженіемъ въ рясу и камилавку, которыя и составляютъ теперь мое вооруженіе и украшеніе. И какъ монахъ, хотя еще и новоначальный, вамъ, вѣдущимъ и почитающимъ уставы монашескаго житія, должно напомнить не обинуясь, что первая главнѣйшая въ настоящемъ званіи моемъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы настоятеля своего чтить и любить отъ всего сердца, благоговѣть къ его повелѣніямъ, исполняя ихъ охотно и во всякое могущее какимъ либо образомъ возбудиться во мнѣ къ нему недовѣріе или неуваженіе или сему подобное почитать для спасенія своего крайне опаснымъ; а, напротивъ, отнюдь не смѣть судить судію своего, но повиноваться ему, аки Господу, а не аки человѣку а). Братія возлюбленные, будьте совершенно спокойны. Жаждетъ душа моя спасенія и

а) О. Аникита дѣйствительно въ высшей степени свято исполнялъ монашескую заповѣдь о послушаніи своему настоятелю. Отъ близкихъ родственниковъ о. Аникиты намъ приходилось слышать слѣдующій разсказъ, въ достовѣрности котораго едва ли можно сомнѣваться. Архимандритъ Фотій, какъ извѣстно, былъ благочиннымъ многихъ новгородскихъ монастырей. О. Аникита состоялъ при немъ въ качествѣ секретаря или письмоводителя. Исполняя письменное послушаніе, о. Аникита часто сидѣлъ и переписывалъ разныя бумаги въ келліяхъ о. настоятеля. Разъ приходятъ къ о. Фотію двѣ монахини одного изъ новгородскихъ женскихъ монастырей и начинаютъ ему, какъ благочинному, излагать разныя жалобы на строгія мѣры и разныя притѣсненія своей настоятельницы и пр. Фотій выслушивалъ жалобы монахинь, сидя у себя въ залѣ на диванѣ. Въ сторонѣ отъ него за особымъ столомъ сидѣлъ и переписывалъ бумаги о. Аникита. Когда монахини начали перечислять неудовольствія на настоятельницу, о. Фотій, обращаясь къ о. Аникитѣ, сказалъ: «Святой (такъ Фотій называлъ всегда о. Аникиту) поди сюда»; о. Аникита тотчасъ же всталъ изъ-за своего стола, подошелъ къ настоятелю и, сдѣлавъ ему низкій поклонъ, сталъ передъ нимъ. Фотій всталъ съ дивана и ударилъ о. Аникиту по щекѣ, о. Аникита отвѣтилъ на это глубокимъ поклономъ, раздалась другая пощечина, и новый глубокій поклонъ о. Аникиты. «Полѣзай подъ диванъ», сказалъ ему Фотій, послѣ того какъ наградилъ его двумя пощечинами. О. Аникита безпрекословно повиновался и полѣзъ подъ диванъ. Сидя на томъ же самомъ диванѣ, о Фотій продолжалъ выслушивать жалобы монахинь, но послѣднія, видя предъ собою такую оригинальную сцену, очень скоро поняли смыслъ ея и поторопились поскорѣе оставить въ покоѣ своего начальника.

не невѣдаетъ, что православіе единственный къ оному путь, и сего пути держится всевозможнымъ образомъ, и лучше предастъ, при содѣйствіи благодати, тѣло свое на погибель, нежели отъ него совратится. Успойтесь и не тревожьтесь нисколько мыслію, что яко бы я съ вами неединомысленъ. Едину исповѣдую вѣру, едину исповѣдую церковь, едино стараюсь соблюсти житіе христіанское: не единствуемъ ли мы сердцемъ и душею? Я несомнѣнно уповаю, что Господь во время благопотребно утѣшитъ ваши ко мнѣ скорбящія сердца тѣмъ утѣшеніемъ, что вы прославите Его дивный надо мною Промыслъ чудно совершающійся, ко спасенію грѣшника, который, для очищенія грѣховъ своихъ, а паче юности, долженъ понести крестъ житія строгаго иноческаго. Теперь, нѣсколько поуспокоясь скажу вамъ, что, не взирая на скорби, чувствуетъ сердце мое и отраду въ новомъ моемъ званіи, а паче спокойствіе отъ развязки съ міромъ и его прелестями. Здоровье мое хотя некрѣпко, но не болѣзненно. Теперь живу я въ скиту въ совершенномъ безмолвіи, провождая время въ исполненіи послушанія и молитвѣ, пріуготовляясь паки приступить къ безсмертной трапезѣ (ибо о. архимандритъ благословилъ меня каждую субботу обновляться великимъ таинствомъ). И для сего прошу васъ паки и паки простить меня многогрѣшнѣйшаго.

Письмо братьевъ князей Алексѣя и Павла къ Сергію, отъ 5 апрѣля 1829 года.

Послѣднее твое письмо извѣщаетъ насъ, что ты уже вошелъ во врата Юрьева монастыря и что сіе случилось прежде полученія нашего письма. Поздравляемъ тебя съ симъ вступленіемъ въ преддверіе монашескаго обѣта и житія. О семъ теперь почитаемъ невременнымъ съ тобою бесѣдовать. О семъ побесѣдуемъ, когда получимъ всей нашей любовію требуемое и ожидаемое отъ тебя безусловное, необращающееся вспять согласіе съ нами и съ церковно-учебными посланіями.

Скажемъ тебѣ еще, въ отвѣтъ на твое послѣднее письмо, что мы дѣйствительно не можемъ не полагать всѣхъ прежнихъ единомышленниковъ твоихъ также погрѣшающихъ какъ и тебя противъ той точности, съ каковою ты самъ почиталъ неразлучной обязанность всякаго православнаго христіанина. Когда мы, съ помощію Божіею, склонили было тебя принять церковно-учебныя книги, какъ мы и вся наша русская церковь принимаетъ оныя, то просили тебя вразумить и всѣхъ единомышленниковъ твоихъ, которыхъ неправильное мнѣніе, тобою оставленное, ты не можешь не знать, имѣя такое частое подробное съ ними о вѣрѣ разглагольствіе. О всѣхъ такихъ лицахъ, о всѣхъ безъ изъятія, мы не иначе можемъ перемѣнить свое мнѣніе, какъ удостовѣрившись также, какъ желаемъ удостовѣриться о тебѣ. Напротивъ, почли бы себя погрѣ-

шившими немало, когда бы поступили вопреки сей мѣрѣ христіанскаго благоразумія, которая предписываетъ, не оскорбляя впрочемъ никого, наблюдать всевозможную осторожность. Про себя всѣмъ позволено судить и о всѣхъ и, вслѣдствіе такого сужденія, располагать свои поступки; упущеніе въ семъ есть самое то, что называется безразсудностію. Если бы кто и несправедливое имѣлъ мнѣніе о комъ либо, но ежели онъ составилъ оное изъ справедливаго заключенія по стеченію обстоятельствъ, по которымъ одинъ онъ можетъ о немъ судить, то такое погрѣшеніе, если его можно назвать таковымъ, безъ сомнѣнія причисляется къ невольному. Ограниченныя твари, мы не иначе можемъ судить о людяхъ, какъ по ихъ мнѣніямъ и правиламъ и по инымъ знакамъ, доходящимъ до насъ. Самая молва людская не должна быть принимаема... Итакъ, не простирай сего нашего съ тобою словопренія, ожидая, не оскорблена ли честь кого либо. Судить никого мы не предпринимаемъ, но намъ это предоставлено. Но разбирая дѣло о тебѣ и дѣло такой важности, не можемъ мы не брать въ разсужденіе лицъ въ ономъ прикосновенныхъ. Когда себѣ сего не дозволить, то самая способность сужденія, самый разсудокъ будетъ излишнимъ. Когда бы мы себѣ сего не дозволили, то не могли бы остеречь и тебя и за то вмѣсто благодарности, которую мы отъ тебя получили, заслужили бы праведное отъ тебя порицаніе.

Не излишнимъ будетъ еще, для умноженія вѣса нашей части вѣсовъ, увѣдомить тебя, что мы рѣшились на продолженіе, по отбытіи твоемъ отъ насъ, нашего съ тобою словопренія, съ совѣта нашего духовнаго отца [18]), котораго почли за нужное ввести въ тѣ обстоятельства, которыя можно было ему открыть; на сіе мы тѣмъ паче рѣшились, что онъ и твой духовный отецъ, и притомъ человѣкъ испытаннаго благочестія. Онъ не почелъ ничѣмъ обремененной совѣсть нашу, выслушавъ главныя причины нашего несогласія. Если ты рѣшишься на такое точное неоговоренное церковноучебныхъ преподаваемыхъ книгъ пріятіе, какого мы желаемъ всѣмъ сердцемъ, то постриженіе въ монашество отъ тебя не уйдетъ. Буде же напишешь неудовлетворительное намъ посланіе, то воздержись вступить въ сей священный санъ въ несогласіи съ нами въ несогласіи о предметѣ столь важномъ, въ Юрьевъ монастырь или въ какой иной.

Но и самое безмолвное пріятіе твое ученій церковныхъ не достаточнымъ будетъ теперь, чтобы намъ подтвердить прежде согласіе на твое вступленіе въ монашество, т. е. въ такое состояніе, въ которомъ ты слѣпо обязываешься принимать мнѣнія другихъ въ вѣрѣ. Надобно, чтобы время утвердило твое съ нами и насъ бы удостовѣрило въ постоянномъ непоколебимомъ твоемъ церковнаго ученія пріятіи. *Да и тогда не въ*

Юрьевъ монастырь тебѣ наше благословеніе. Вотъ, что тебѣ говоритъ наша къ тебѣ любовь, родство и дружество. Но въ тебѣ давненько не встрѣчается искренняго совѣтамъ нашимъ вниманія. Прилѣпленіе твое къ Юрьеву монастырю и многія иныя обстоятельства показываютъ намъ, что *въ умѣ твоемъ не избраніе монастыря слѣдовало за избраніемъ монашества, а монастырь былъ послѣдствіемъ намѣренія жить въ Юрьевѣ монастырѣ.*

Замѣть далѣе, до какой степени перемѣнилъ ты къ намъ расположеніе, что ты въ самомъ томъ свободно искреннемъ нашихъ мыслей и сердечныхъ чувствъ изложеніи, которымъ дышетъ истинная любовь, чуждая свѣтской политики, видишь не братьевъ, раздирающихся сердцемъ, а какъ бы судей, обличающихъ вовсе чуждаго имъ подсудимаго. Вспомни, какое близкое ты намъ лицо. По сей близости нашей лежитъ на насъ долгъ подвизаться... и не мало сѣтуемъ на самихъ себя, когда по немощи своей тяготимся бременемъ симъ, которое Господу угодно было присоединить къ нашему кресту.

Доколѣ ты еще не изрекъ, доколѣ еще не закрытъ входъ въ Юрьевъ монастырь нашимъ письмамъ, не престанемъ до конца сближать тебя съ нами въ твоемъ вѣроисповѣданіи.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 20 апрѣля 1829 года. Юрьевъ монастырь.

Христосъ воскресе!

Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья!

Любовь ваша ко мнѣ, которую чувствую съ благодарностію, пріемлетъ на себя трудъ назирать всѣ шаги мои, и, такъ сказать, какъ бы водить меня за руку мою. Но не утомителенъ ли и не излишенъ ли будетъ для нея трудъ сей? Не должно ли оставить мѣста благодати Господней дѣйствовать силою своею въ моей немощи, той благодати, которая извела меня изъ мірскаго житія и чрезъ церковь возложила на меня малый иноческій ангельскій образъ, и церкви, въ лицѣ служителей ея, а своихъ избранниковъ вручила меня для наставленія на подвигъ совершеннѣйшаго жительства, на тѣсный и прискорбный путь ко спасенію. Симъ вождямъ долженъ я слѣдовать неуклонно и имъ покоряя свою волю, отъ нихъ получать спасительное вразумленіе. Сихъ вождей я судить не смѣю, и даже ни чьихъ сужденій объ нихъ, особенно же имъ неблагопріятныхъ, принимать не долженъ, дабы не возмутить должнаго къ нимъ сердечнаго своего покоренія. Осмѣливаюсь, прося убѣдительнѣйше васъ съ вашей стороны къ тому же мнѣ споспѣшествовать своими совѣтами, просить васъ не допускать до себя, или

по крайней мѣрѣ не принимать молвы недоброй и ложной о томъ лицѣ, котораго дѣла его защищаютъ, какъ ревностнаго и свыше избраннаго защитника православія, въ ту страшную годину, когда оно боримо было сильными нападеніями богопротивныхъ писаній и сочиненій. Осмѣливаюсь также замѣтить, что поелику слово Божіе есть живо и дѣйственно, и проходящее до раздѣленія души же и тѣла, и судительно помышленіямъ сердечнымъ человѣческимъ, то кажется, что оное грозное изреченіе: не судите (Мѳ. VII, 1), относится не только ко внѣшнему, но и ко внутреннему въ тайнѣ сердца совершаемому сужденію ближнихъ, которое приводитъ къ осужденію. Ежели нѣтъ сѣмени терноваго, то и терніе вырости не можетъ; а ежели есть сѣмя, то и растеніе можетъ прозябнуть. Простите мнѣ мою дерзость невольную.

Ревность вашего о мнѣ попеченія, на мнѣ не останавливаясь, простирается и до другихъ, называемыхъ вами прежними моими единомышленниками. Позвольте, братіе любезнѣйшіе, изнести въ услышаніе вамъ вопль и стонъ сердца моего, болѣзнующаго при таковомъ названіи. Оно укоряетъ меня, что аки бы я, содѣлавшись самъ раскольникомъ, соблазнилъ и другихъ привлеченіемъ ихъ въ свой расколъ. Ни до того, ни до другого зла Господь меня не допустилъ и да не допуститъ. Единомышленники мои прежніе и нынѣшніе суть всѣ православные христіане. Называемые же отъ васъ прежними суть или пастыри церкви богомудрые, или мужи изъ мірскихъ, словомъ и дѣломъ благочестивыхъ, и потому успокойтесь относительно ихъ вѣрованія: таковыхъ чадъ церкви искреннѣйшихъ подобаетъ мнѣ быть ученикомъ (а можетъ быть и не одному мнѣ), а не учителемъ.

Что же касается до воспріятія мною монашескаго обѣта, увѣдомляю васъ, что, взявшись за рало не съ тѣмъ, чтобы зрѣть вспять, я усерднѣйше желаю придти скорѣе тому времени, когда кончится мое испытаніе, и отверзется мнѣ дверь во вступленіе въ совершенное иноческое званіе, дабы вступить въ оное съ благодареніемъ въ сердцѣ и въ устахъ Господу, призвавшему меня недостойнѣйшаго въ ближайшее предъ лицемъ Его предстояніе и служеніе. Болѣзненно мнѣ слышать, что вы поставляете препоною сему намѣренію мое съ вами, любезнѣйшіе братья, аки бы несогласіе. Я сей препоны отнюдь не вижу; ибо, находясь въ совершенномъ согласіи съ церковію, съ вами ли ревностнѣйшими сынами церкви почту себя въ несогласіи? Лоно православной святой нашей церкви, и васъ въ себѣ покоющее, и меня въ себѣ содержащее, одно и тоже, а потому и мы по вѣрѣ нашей одно и тоже. Братья и друзья, престаньте тревожиться подозрѣніемъ и оставайтесь въ совершенномъ увѣреніи, что и я, грѣшный, сынъ церкви православной, такъ, какъ и вы, и недо-

вѣріемъ вашимъ не лишайте меня сего и вамъ и мнѣ общаго я досточтимаго нарицанія: и отнынѣ молю васъ убѣдительнѣйше и униженнѣйше, да прекратятся прежнія обличенія для сердца моего тяжкія и неудобоносимыя, и для вашего горестныя и болѣзненныя. Отвѣчать на оныя я уже не въ силахъ, а и слышать робѣю.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 27 мая 1289 года. Скитъ Юрьева монастыря.

Здравствуйте любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья. Пріуготовляясь, по благословенію настоятеля, въ безмолвіи скитскаго уединенія, къ принятію въ день пятидесятницы самаго Господа славы въ убогій домъ грѣшной души моей, и благодати Всесвятаго Духа, сошествіемъ Своимъ, въ день пятидесятницы празднуемымъ, весь міръ обновившаго, прошу, съ поклоненіемъ до земли, разрѣшить на мнѣ плѣницы грѣховъ, ими же когда либо и въ чемъ либо согрѣшилъ предъ вами, и по любви вашей ко мнѣ недостойному почитаю уже прошеніе мое исполненнымъ.

О себѣ. окаяннѣйшемъ рабѣ всемилосердаго Господа моего, много сказать мнѣ нечего, какъ токмо, повергаясь предъ Нимъ въ прахъ уничиженія, воззвать: Щедръ и милостивъ, и долготерпѣливъ и многомилостивъ (Псал. CII, ст. 8)! Толикое множество содѣянныхъ студныхъ преступленій не возбранили Всемилостивому посѣтить преступника благодатію помилованія. Исполняя разнаго рода послушанія, видя въ настоятелѣ своемъ отца по духу попечительнѣйшаго, ревнующаго по Бозѣ Вседержителѣ ревностію святою спасти себя и дѣтей, яже даде ему Богъ, видя незлобіе и добродушіе и согласіе братіи, благодарю Промыслъ Всещедраго и меня грѣшнаго къ нимъ присоединившаго, именемъ Всеблагаго да утвердится до конца на мнѣ грѣшномъ милость Его, извед шая меня отъ суетъ для удобнѣйшаго многихъ грѣховъ моихъ очищенія. Ваши святыя молитвы да пособствуютъ мнѣ въ испрошеніи желаемаго дара небеснаго. Здоровье мое, кажется, не уменьшается, и хотя многіе изъ братіи страдали и еще страдаютъ лихорадкою, которая есть въ Новгородѣ и въ окрестностяхъ нынѣ весьма обыкновенна, я, благодаря Господа, не испыталъ на себѣ ея лихости.

Въ монастырѣ у меня предъ кельями садъ новонасажденный, котораго часть принадлежитъ моему жительству [2]); а въ скиту я живу на берегу моря и слышу шумъ волнъ, разбивающихся о брегъ; ибо нельзя не назвать моремъ разлитіе озера и рѣки на нѣсколько верстъ. О если бы даровалъ Господь мирное убѣжище, въ благодати своей, сердцу моему, волнами страстей избитому и еще обуреваемому. Жду спасенія Господня.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 18 іюня 1829 года. Скитъ Юрьева монастыря.

Здравствуйте любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья.

Исполнивъ письменное послушаніе [20]), которое нѣсколько времени заставило меня прожить въ монастырѣ, теперь опять уклонился я въ безмолвный свой уголъ почти пустыннаго уединенія и опять, по благословенію настоятеля, готовлюсь ко вкушенію хлѣба небеснаго, и опять всѣмъ до земли покланяюся, требующій прощенія. Хотя за исправленіемъ разныхъ послушаній и не имѣю я столько времени, сколько бы желалъ, для благомыслія, однакоже о семъ не скорблю, памятуя, что отреченіе отъ міра состоитъ наипаче въ совершенствѣ послушанія, до котораго отрекающемуся всемѣрно достигать должно.

Недавно посѣтилъ меня въ монастырскихъ моихъ кельяхъ почтеннѣйшій мой отецъ и благодѣтель Александръ Семеновичъ [21]). Отправляясь въ Москву, дабы путешествіемъ и леченіемъ искусственно-минеральными водами разслабленное свое здоровье подкрѣпить, онъ, проѣзжая Новгородъ, не облѣнился почтеннѣйшій, несмотря на слабость свою, пріѣхать въ нашу обитель, и я со слезами радости его встрѣтилъ и благодарилъ Господа и Пречистую Его Богоматерь, что еще единожды сподобился увидѣть и облобызать мужа и добродѣтелями и просвѣщеніемъ и заслугами великаго, и мнѣ, въ теченіе почти 30 лѣтъ, отеческія милости оказывавшаго. Храмина его тѣлесная весьма обветшала, но да дастъ ему Господь подкрѣпить оную или, ежели скоро уже ея раззореніе, обрѣсти храмину вѣчнаго упокоенія на небесѣхъ.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 3 іюля 1829 года. Скитъ Юрьева монастыря.

Миръ вамъ отъ Господа и отъ Пречистой Его Богоматери Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе друзья и братья.

Что принадлежитъ до извѣщенія вашего, чтобы я не страшился и оставилъ бы политику, скажу вамъ откровенно, хоть и явился предъ вами яко лжа глаголы сердечной моей откровенности (а любы, любезнѣйшіе братья, не мыслитъ зла) о Господѣ вамъ сказанныя, скажу вамъ откровенно, что страха никакого не токмо въ сердцѣ, и въ мысли не имѣю, и что политики и въ мірѣ живучи я удалялся, то тѣмъ паче теперь въ черныхъ ризахъ долженъ ею гнушаться. Пиша вамъ отъ сердца собственно самъ отъ себя, все это пишу вамъ изъ Юрьева монастыря, написалъ бы вамъ изъ всякаго другого. Притомъ же еще разъ прошу повѣрить мнѣ, что *Юрьевъ монастыръ не есть гнѣздо еретичества, а напротивъ хранилище православія церковнаго.*

Полагая конецъ вынужденному и тяжкому для меня (по причинамъ прежде объявленнымъ) состязанію съ вами, съ поклоненіемъ монашескимъ до земли, прошу не отрѣзать меня отъ вашего согласія и простить меня великодушно, ежели чѣмъ либо какъ въ семъ, такъ и въ прежнихъ письмахъ, оскорбилъ, хотя нѣсколько, вашу нѣжную ко мнѣ любовь, которая да не тревожится болѣе никакимъ отнюдь недовѣріемъ къ моей искренности.

Надняхъ отыскалъ меня, бывшій проѣздомъ въ Новгородѣ, почтенный старикъ послѣ Устина служившій мнѣ многіе годы, котораго благочестіемъ я крайне былъ доволенъ, и обнадежилъ меня, что опять переселится ко мнѣ въ монастырь, ибо онъ лишился жены; дѣтей всѣхъ устроилъ, и имѣетъ позволеніе отъ господъ своихъ жить у меня. Ежели его Господь ко мнѣ пошлетъ, то лучшаго не надобно...

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 11 сентября 1829 года. Скитъ Юрьева монастыря.

Миръ вамъ отъ Господа и отъ Пречистой Его Богоматери Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья.

Учащая четырежды въ день на молитву общаго богослуженія (которое вы называете обрядовымъ служеніемъ и о которомъ—простите великодушно—пишете такъ рѣзко, что мнѣ грѣшному и читать больно) и въ келіи кой-какія молитвы, занимаясь и послушаніемъ письменнымъ и книжнымъ, не имѣю я времени и возможности также распространяться въ моихъ писаніяхъ въ отвѣтъ на ваши, которыя, признаюсь, и прочитывать долженъ иногда выискивать свободнаго времени, лишая себя не токмо душеполезнаго богомыслія, но и самаго нужнаго церковнаго чтенія. Скорблю сердечно, что любовь ваша ко мнѣ толико для меня утруждается; и за трудъ ея, въ пользу мою подъемлемый, хотя и тяжкій для меня, приношу искреннѣйшее благодареніе.

На слѣдующей почтѣ отправлю къ вамъ обратно тетради ваши, заключающія въ себѣ доказательства о истинѣ вѣры, которыми, по предположенію вашему, не могъ я воспользоваться. Съ сими тетрадями посылаю три книги Псалтири, вамъ двоимъ двѣ, да для брата князя Прохора [32]) Алечсандровича третію, новаго прекраснѣйшаго изданія, но не отъ себя, а яко благословеніе вамъ отъ почтеннѣйшаго моего настоятеля о. архимандрита Фотія, который подарилъ мнѣ таковую книжку, подарилъ еще по одной для каждаго изъ моихъ братьевъ, дабы я отправилъ къ нимъ оныя, яко его благословеніе. Пріятно мнѣ сіе порученіе, и исполняя оное, желаю, да почіетъ на васъ благословеніе мужа благословеннаго Господу.

Письмо братьевъ къ князю Сергію, отъ 28 ноября 1829 года.

Послѣ всего того, что мы писали тебѣ, суди самъ, можемъ ли мы спокойно видѣть тебя за 600 верстъ отъ насъ въ Юрьевомъ монастырѣ. Ты тамъ имѣешь намѣреніе вступить въ тѣснѣйшій союзъ съ церковію, будучи мнѣніямъ церковно-учебныхъ книгъ противящимся. Если сію врачебницу избралъ ты для своего излеченія, то какъ надѣяться тебѣ въ ней отгнанія недуга, когда ни ты и никто не подозрѣваетъ въ тебѣ его существованія. Напротивъ, съ сей-то стороны почитаютъ тебя наиздоровѣйшимъ. Слѣдовательно, эта врачебница нимало насъ не успокоиваетъ. Твоя болѣзнь въ томъ и состоитъ наипаче, чтобы не видѣть болѣзни, а потому не тотъ врачъ тебѣ можетъ быть полезенъ, который пріемлетъ болѣзнь твою по твоимъ обманчивымъ чувствамъ, а который самъ своею прозорливостію вникаетъ въ твой составъ и доходитъ до корня болѣзни. Для сего надобно знать обстоятельно твою духовную натуру, твой образъ духовной жизни, твои склонности, привычки. Кто же можетъ знать ихъ лучше насъ? Мы такъ тебя хорошо знаемъ...

Вся бѣда отъ того, что ты безъ всякой причины съ нашей стороны лишилъ насъ своей довѣренности и въ встрѣчающихся недоумѣніяхъ прибѣгалъ уже къ инымъ совѣтникамъ, которые и успѣли всѣять въ тебя сѣмя недовѣрчивости къ церковной вообще системѣ (проповѣди). Поздно мы о семъ хватились, поздно замѣтили, что ты увлеченъ за черту и подъ видомъ ревностнаго защищенія церкви сталъ удаляться отъ церковныхъ постановленій, защищая церковь идеальную насчетъ истинной, видимой, существующей.

Чрезмѣрное твое прилѣпленіе къ обрядамъ и обычаямъ даетъ знать, что ты завлеченъ за черту. Если бы ты не отступилъ въ такомъ существенномъ предметѣ отъ единоутробныхъ и нераздѣльныхъ съ тобою, то и самое недоумѣніе твое, которое теперь повлекло тебя искать новыхъ учителей, постарались бы мы совокупно рѣшить на основаніи церковно-учебныхъ книгъ, и ты бы обрѣлъ опять твой покой въ томъ же блаженномъ лонѣ нашей церкви, въ которомъ ты отъ многихъ лѣтъ находился. Ты увѣряешь, что ты въ теперешнемъ мѣстѣ (Юрьевомъ монастырѣ) обрѣлъ покой... Здѣсь въ Архангельскомъ ожидалъ тебя истинный покой, покой совѣсти, миръ съ собою и съ нами. Ибо невѣроятно, чтобы ты могъ быть въ мирѣ съ собою, пребывая въ разномысліи съ нами въ такомъ важномъ предметѣ. Вотъ твоя врачебница. На помощь Божію надѣясь, дерзаемъ увѣрить тебя, что ты дѣйствительно найдешь ее здѣсь, когда вступишь въ сіе общежитіе наше, совершенно безусловно показывая повиновеніе церкви, проповѣди закона Божія. Архангельское во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ тому мѣсту твоего на землѣ

покоя, который, зная твое духовное расположеніе, предписалъ бы тебѣ мудрѣйшій духовный врачъ.

Еще позволимъ тебѣ замѣтить, что кажется не должно бы тебѣ имѣть большее если неуваженіе къ старѣйшинству нашему въ избраніи мѣста и образа жизни, то по крайней мѣрѣ во имя сего старѣйшинства. Ибо спроси свой разсудокъ, свою совѣсть, дозволила бы тебѣ матушка на такое избраніе мѣста противъ постояннаго неодобренія большей половины нашего семейства, полною ея довѣренностію пользовавшагося, и противъ нашего убѣдительнаго доказательствами сопровождаемаго ей слезнаго представленія? Нѣтъ, нѣтъ. Я совершенно увѣренъ, что она вняла бы нашему безпристрастному сужденію и едва ли бы она тебя благословила и на яву также, какъ ты видѣлъ во снѣ [23]). И такъ ты смерть матушки долженъ почитать благопріятствующей твоихъ желаній исполненію.

Письмо братьевъ къ князю Сергію, писанное ими въ началѣ января 1830 года.

До насъ, любезный другъ, дошли слухи о томъ, что ты поступилъ въ іеромонахи... Не думаемъ, чтобы слухи эти были вѣрны, но отсюда заключаемъ, что ты дѣйствительно близокъ къ постриженію въ монашество и къ поступленію въ число братіи Юрьевскаго монастыря и, какъ мы подозрѣваемъ, что ты можешь рѣшиться произвести въ дѣйствіе сіе намѣреніе твое безъ всякаго съ нами о томъ сношенія, то и находимъ за нужное повторить здѣсь вкратцѣ еще разъ наше семейственное нежеланіе, чтобы тебѣ основаться въ семъ монастырѣ. Подѣйствуетъ оно или не подѣйствуетъ, но мы почитаемъ себя обязанными повторить здѣсь, по праву нашего старшинства, и братства, и дружества, наши резоны, удерживающіе тебя отъ предпріятія, въ которомъ званіе Божіе не токмо сомнительно, но и сильное имѣетъ на себѣ подозрѣніе, что оно не есть таково, хотя нѣкоторое откровеніе, привязанное къ оному, и даетъ ему видъ званія Божія. — Если и самое сіе *откровеніе* не имѣетъ въ себѣ ничего подозрительнаго, то и тогда многія другія обстоятельства ведутъ не къ тому, а къ противному заключенію. Но мы видимъ напротивъ того, что и самое-то событіе, которое ты называешь чудеснымъ откровеніемъ, оказывается имѣетъ въ себѣ такія обстоятельства, которыя ты предъ нами оправдать никакъ не могъ, т. е. не могъ удовлетворить насъ, какимъ образомъ это дѣло человѣческое впущено въ событіе, выдаваемое за истинное дѣло Божіе..... Положенныя на письмѣ къ тебѣ семь печатей съ англійскимъ девизомъ и употребленная по твоему собственному показанію ложь, доказываютъ, во-первыхъ, человѣческое заимствованіе

таинственныхъ покрововъ печатями, которыя не иначе можно бы было законно употребить, какъ по чудесному же повелѣнію, котораго не было; ибо если бы было, то о немъ непремѣнно упомянуто было въ письмѣ, а слѣдовательно этимъ уничтожило тотъ покровъ и единаго, употребившаго таинственность. Во-вторыхъ, англійская печать съ англійскимъ же девизомъ ясно показываетъ, что кромѣ единаго изъ монашествующихъ, какъ утверждаетъ письмо, было тутъ и другое постороннее лицо, и уже изъ не монашествующихъ, изъ которыхъ, навѣрное, никто не знаетъ англійскаго языка, а стороннее, которое бы не токмо сообщило сію печать, но и въ состояніи было объяснить, что девизъ сей значитъ, ибо по невѣдѣнію можно бы было употребить одну изъ модныхъ, отъ монастыря направленныхъ, любовныхъ такихъ печатей. Если не допускать сего, то чѣмъ рѣшить вопросъ: какъ дошла печать съ англійскимъ девизомъ въ монастырь, и кто объяснилъ ея девизъ? Монашествующимъ имѣть ее никакъ не предположительно, и разумѣть девизъ, не разумѣя языка, невозможно. Въ третьихъ, слѣдуетъ тебѣ напомнить на счетъ лжи, открывающейся, по твоимъ словамъ, тѣмъ, что писавшій отрицается и вмѣсто да говоритъ нѣтъ. Но прежде, нежели продолжить замѣчанія о вышеписанныхъ обнаруживающихся несообразностяхъ, спросимъ, нужно ли, по услышаніи отъ кого-либо о призваніи Божіи, разсмотрѣть все подробно прежде, нежели почитать оное таковымъ? Отвѣтствуемъ устами церкви, устами евангелія: нужно непремѣнно и не токмо нужно, но и такъ необходимо, что за пріятіе безъ сего разсмотрѣнія подлежать будемъ отвѣту, ибо ясно такое изслѣдованіе повелѣвается въ законѣ Божіемъ. Сверхъ того, если такое пріятіе слѣдуетъ допустить, то допущеніе такое оправдываетъ всякую ложь и обманъ, который, по несчастію, много вредитъ, и легковѣрные умы, облекая благочестіемъ, стараются выдавать за истину эту ложь. Если же должны изслѣдовать, то въ нашемъ разбирательствѣ не только нѣтъ ничего богопротивнаго, но богоугодное заповѣдей Его исполненіе открывается. Вотъ почему мы такою смѣлою рукою раскрываемъ таинственный покровъ, надъ которымъ ты заняться не имѣешь, и, когда раскрываютъ предъ тобою, закрываешь глаза, раскрой ихъ теперь вотъ на эти наши обстоятельства, и наша совѣсть, не терпя укрытія оныхъ покровомъ чудеснаго, открываетъ изложенное выше.....

Вотъ, любезный, наши резоны, по которымъ мы по совѣсти не можемъ не противиться твоему вступленію въ Юрьевъ монастырь, ибо откровеніе сіе обличено, и само по себѣ, и навлекло на себя сильное подозрѣніе и по сопровождающимъ его обстоятельствамъ.

Откровеніе сіе дѣлаетъ уже вступленіе твое туда (Юрьевъ монастырь

непозволительнымъ и насъ побуждаетъ всѣми силами не допускать тебя до того, что нынѣ торжественно тебѣ о семъ и объявляемъ.

Письмо кн. Сергія къ братьямъ, отъ 3-го февраля 1830 г. Скитъ Юрьева монастыря.

Миръ Вамъ отъ Господа и отъ Пречистыя Его Богоматери и отъ святыхъ и праведныхъ Симеона и Анны,

Любезнѣйшіе братья и друзья.

Слухи, дошедшіе до васъ о моемъ іеромонашествѣ и встревожившіе васъ и обратившіе васъ къ прежнимъ возраженіямъ, которыя не вовсе оставлены были безъ отвѣта, слухи сіи суть несправедливы. И прежде и теперь я вамъ писалъ и пишу, что поставленный Промысломъ на тѣсный путь иночества, я ублажаю мой жребій, и да не будетъ мнѣ отнюдь, возложивъ руку на рало спасенія, озираться вспять (Лук. IX, 62 ст.) на оставленныя суеты міра, дабы ни мыслію не увязнуть въ тонкихъ и хитроразставленныхъ сихъ сѣтяхъ. Чувствуя себя псомъ нечистымъ, почитаю себя недостойнѣйшимъ впущену быть во святое святыхъ: — но не отчаяваюсь принятъ быть милосердіемъ Божіимъ, во время благопотребно, въ ликъ ангеловъ земныхъ (ибо таковыми почитаю я съ православною нашею церковію иночествующихъ подвижниковъ), дабы благодатію Божіею очистившись отъ скверны житія прешедшаго, прочее живота время посвятить покаянію и богоугожденію въ безмолвіи и богомысліи, получивъ въ воспріятіи иноческаго чина благодать возблагодать къ богоугожденію. Ежели сіе предпріятіе кажется для васъ необдуманнымъ, прошу у васъ прощенія, но отъ предпріятія по моей слабой душѣ богоугоднаго отступить страшусь и не помышляю. *Да не смущается сердце ваше неправымъ сужденіемъ о святой обители св. великомученика и побѣдоносца*, въ ней же я, грѣшный, водворяюсь, вступивъ въ оную съ надеждою постриженія и получивъ въ ней посему и начатки ангельскаго образа. Не прогнѣвайте святаго великомученика осужденіемъ чудесно покровительствуемой имъ обители: чудесно, *ибо изъ совершенныхъ развалинъ возобновилъ онъ ее вдругъ въ самоблаголѣпнѣйшемъ видѣ* [21]), дабы возсылаемое въ ней славословіе Господу и прославленіе Его самого во славу Божію чрезъ семьсотъ лѣтъ на семъ мѣстѣ продолжавшееся и бывшее многимъ душамъ виною спасенія, не умолкло, но съ вящшею силою продолжалось еще вѣки, доколѣ Господу угодно. Чудесно, ибо въ наши дни, воочію нашею явилъ онъ въ ней великими благодѣяніями свое благодатное присутствіе, о чемъ я вамъ *для прочтенія пришлю тетрадь*, когда перепишется и, можетъ быть, съ вашею рукописью, съ покорнѣйшею просьбою, прочитавъ возвратить оную ко мнѣ немедленно.

Изъ оной усмотрите вы, что *обитель святая наша паче многихъ другихъ*, въ которыхъ даже нетлѣнные открытые останки святыхъ прославляются, *имѣетъ свыше благодать спасительную человѣкамъ и губительную врагамъ нашимъ невидимымъ.* Изъ оной утѣшится ревнующее по православной вѣрѣ нашей сердце ваше доказательствомъ несомнительнымъ, что и нынѣ *между чадами церкви есть такія*, которыя имѣютъ въ себѣ знаменія истинной богоугодной вѣры, по реченному: знаменія же вѣрующимъ сія послѣдуютъ, и проч.: Будьте спокойны, не *въ худое мѣсто привела меня божественная благодать* и ввела на путь смиренія, хотя и не безскорбный, но очистительный, и напоиваетъ меня чашею спасенія не негорькою для внѣшняго человѣка, а особенно для гордости, имъ живущей, но сладкою для внутренняго, приводя его къ исцѣленію отъ немощей киченія и возношенія средствами униженія и умаленія. Оставивъ излишній трудъ и неполезный для вашей души и моей грѣшной убѣжденія къ извлеченію меня изъ нѣдръ святаго мѣста, пролейте усерднѣйшія ваши молитвы о моемъ окаянствѣ, да начный дѣло спасенія моего Господь Спаситель и совершитъ оное къ славѣ пресвятаго Своего имени, дабы разставшимся намъ здѣсь на краткое время уже не многихъ нашихъ дней, соединиться тамъ на вѣки, да любя другъ друга вѣчною любовію, единомыслiемъ исповѣмы всесвятую Троицу: Отца Сотворителя, Сына Искупителя, Духа Освятителя, во всю вѣчность...

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 17 марта 1830 г. Юрьевъ монастырь.

Миръ вамъ, любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе братья и друзья.

Повергаясь предъ вами съ крайнимъ болѣзнованіемъ, прошу отпущенія всякой вины моей когда либо и въ чемъ либо предъ вами содѣянной. Сіе полное и совершенное ваше прощеніе и отпущеніе тѣмъ для меня нужнѣе, что уже время мое, о которомъ я нѣкогда вамъ писалъ, что оно близь есть, не зная еще какое оно, нынѣ уже наступило, время отреченія отъ міра и воспріятія на себя ига Господня благаго, и шествованія за нимъ по тѣсному и прискорбному пути иноческаго подвижничества. Святѣйшій Синодъ, по представленію настоятеля моего, рѣшилъ сократить время искуса моего на основаніи законовъ и благословилъ мое въ иночество постриженіе, которое, какъ скоро ожидаемый о семъ указъ пришлется въ здѣшнюю консисторію, уповаетъ въ самомъ непродолжительномъ времени совершиться. Приступаю къ сему духовному моему обновленію, въ которомъ, по наученію святой церкви, пріемлющему отъ искренняго сердца великій на себя обѣтъ иноческаго ангельскаго

образа, отпущаются всѣ содѣланные имъ грѣхи во вся дни живота его, и онъ творится новъ духомъ, аки вторицею крещенный, почему и налагается ему новое имя; приступая къ сей великой благодати Божіей, прошу вашего напутствованія прощеніемъ, моленіемъ, благословеніемъ; прошу всеусерднѣйше и да внидетъ прошеніе мое въ уши вашего сердца... И въ семъ случаѣ явилъ мнѣ Господь необычайную милость тѣмъ, что, призывая грѣшника на спасительнѣйшій путь благоугоднѣйшаго Ему покаянія, отвратилъ, можно сказать, чудеснымъ образомъ, всѣ препятствія, возбранявшія еще стопамъ моимъ вступленіе на путь сей желаемый. Буди слава святому Его имени и благодареніе Заступницѣ рода христіанскаго, святымъ Его о мнѣ грѣшномъ предъ благостію Его ходатаямъ. За симъ *прошу покорнѣйше поспѣшить присылкою мнѣ обратно тетради моей*, отправленной къ вамъ съ вашимъ рукописнымъ сочиненіемъ, *содержащей въ себѣ явленіе силы Божіей въ немощи человѣческой надъ силами присносдней, явленіе дивное, награждающее истинную богоугодную вѣру избраннаго орудія благости Божіей* [25]) и утверждающее оную въ видѣвшихъ и слышавшихъ.Ославъ къ вамъ тетрадь свою собственно для вашего токмо прочтенія, всепокорнѣйше васъ прошу, ежели вамъ разсудилось списать оную или сдѣлать изъ нея выписки самимъ, или и другому кому сіе вы сдѣлать позволили, прошу васъ всеусерднѣйше, подъ отвѣтомъ совѣсти вашей предъ Господомъ, всѣ сіи списки и выписки какъ ваши, такъ и чужія, переслать ко мнѣ немедленно, дабы ввѣренная вамъ тайна оставалась тайною въ вашемъ вѣдѣніи, дабы врагу отнять всякое средство порицаніемъ тщеславія оклеветать предъ Богомъ дѣло любви божественной, и тщетною славою человѣческою не удалить отъ славы Божіей побѣдившаго его силою Божіею. Остаюсь въ несомнѣнной увѣренности, что просьбу сію вы исполните безъ малѣйшаго упущенія и не допустите меня за нескромность мою подвергнуться запрещенію.

Вашъ слуга С. Шихматовъ.

Письмо братьевъ къ князю Сергію, отъ 18 апрѣля 1830 года.

Пиша намъ увѣдомленіе о скоромъ принятіи монашества, ты долженъ былъ ощущать, какое вѣсть сія произведетъ въ насъ чувство, ибо вѣдаешь, что *мы отнюдь не желаемъ видѣть тебя монашествующимъ въ Юрьевомъ монастырѣ* по причинамъ, давно тебѣ сообщеннымъ и не одинъ разъ повторяемымъ. Зная сіе наше нежеланіе, какъ ты просишь нашего благословенія? Напротивъ, посылаемъ тебѣ наше неблагословеніе на сіе твое предпріятіе... неблагословеніе насъ, старшихъ твоихъ братьевъ и замѣняющихъ мѣсто родителей твоихъ. Вотъ

что говоритъ Законъ Божій: «дѣтей должность есть родителей своихъ любить и почитать и безъ ихъ приказанія ничего не начинать. Къ сему отечеству принадлежатъ и большіе кровные, напр. родной дядя, тетка и братъ большой, и оныхъ должность и почести, которыя прямымъ родителямъ, хотя и не равною мѣрою, принадлежатъ». Знай, любезный другъ, что званіе сіе себѣ пріемлешь совершенно противъ нашего согласія, ты наносишь намъ обиду большую, какую только представить можно, больше чѣмъ кто-либо когда-либо намъ нанести могъ ударъ такой, какой производитъ великое несчастіе. Знай, что мы всѣми силами удерживаемъ тебя отъ Юрьева монастыря. Буде же поступленіе твое совершится до полученія сего письма, то все же еще остается тебѣ отвращеніе отъ насъ сего великаго удара намѣреніемъ выйдти изъ сего монастыря и немедленнымъ исполненіемъ намѣренія сего. Ибо, повторяемъ еще, никакъ не желаемъ тебя видѣть въ числѣ братіи сего монастыря, тогда какъ во всякомъ другомъ пребываніе твое сопровождаться будетъ не токмо благословеніемъ нашимъ, но и молитвами усерднѣйшими. Разсмотри, что отъ тебя требуютъ братья, любящіе тебя больше, нежели кто-либо на свѣтѣ? Но скажутъ тебѣ: требованіе родителей, а не токмо братьевъ можетъ быть незаконно. Согласны, незаконное требованіе есть дѣйствительно такое, въ которомъ дозволено не внимать и родителямъ, т. е. причина, отвлекающая тебя отъ Бога или иное богопротивное, это есть едино обстоятельство, въ которомъ ты и безъ благословенія старѣйшихъ семейства можешь воспринять монашество. Спроси же своей совѣсти, достаточная ли наша причина тебя удерживаетъ? Причина сія не отъ Бога тебя отвлекаетъ, но отъ того исповѣданія, которое тебя отъ Бога отвлекаетъ, отъ исповѣданія не церковнаго, которое намъ извѣстно по собственному твоему признанію. Мы съ братомъ суть тѣ лица, которымъ допустилъ Господь имѣть къ тебѣ такую пламенную любовь, какъ будто собственно для того, чтобы указать тебѣ опасность, въ которую ты, подъ конецъ дней, ослабѣвающимъ умственнымъ способностямъ, сомкнувъ очи, ввергнуться стремишься. Ибо кому тебя остеречь кромѣ насъ? Ибо какихъ пособій въ семъ случаѣ тебѣ ожидать отъ другихъ? Свѣтскіе твои друзья о тебѣ и думать забыли. Единомысленники твои духовные видятъ въ тебѣ сильнаго Геркулеса врагамъ ихъ, готовящагося возвеличить ихъ возносящуюся гордыню.

Друзья истинные у тебя есть, ты ихъ имѣлъ и имѣешь, могутъ и желаютъ тебѣ пособить, но лишены всѣхъ способовъ. Изъ сихъ послѣднихъ одинъ имѣется и въ нашихъ краяхъ, котораго ты невѣдомо обратилъ отъ міра къ Богу, который тебя за сіе первѣйшее ему благодѣяніе любитъ любовію истинною духовною христіанскою, хотя ты, можетъ быть, его вовсе не знаешь, и который также, какъ и мы, не желаетъ

твоего пребыванія въ Юрьевомъ монастырѣ, не желаетъ по причинамъ еще основательнѣйшимъ нашихъ, которыя онъ имѣлъ хорошій случай ослѣдить и, судя по его набожности и христіанской жизни, безъ сомнѣнія, ослѣдить подробно: ибо желаніе свое о невступленіи твоемъ въ сей монастырь выражалъ еще сильнѣе нашихъ вышеписанныхъ. Укажѣмъ тебѣ сколько вреда по сіе время принесла тебѣ несчастная твоя система, сколько обнаруживается въ тебѣ такихъ странныхъ дѣйствій.

Прежде всего легковѣріе твое съ той поры простирается до того, что *ты принимаешь за чудеса, за откровеніе* собственно по однимъ словамъ сообщающаго оное, не давая ни мало дѣйствовать разсудку, который и не можетъ дѣйствовать тогда, когда низложенъ съ своего престола, пріемлешь за чудеса и то, что не неимѣетъ въ себѣ слѣдовъ человѣческаго придуманнаго. Между прочими твоими непонятными намъ поступками нельзя умолчать и о семъ тоже немаловажномъ, что ты за всю нашу любовь не хочешь пожертвовать намъ, не оставляешь намѣренія поступить въ Юрьевъ монастырь, къ которому ты имѣешь склонность для пребыванія, ты не хочешь пожертвовать пребываніемъ въ одномъ монастырѣ вмѣсто другого, въ незначительномъ вмѣсто знатнаго, въ ближайшемъ къ намъ, вмѣсто отдаленнѣйшаго отъ насъ, въ бѣдномъ, вмѣсто богатаго. Вотъ тѣ изъ поступковъ твоихъ со времени твоего отъ насъ отчужденія, которые наиболѣе кидаются въ глаза, несообразныхъ вовсе съ прежними твоими правилами. Ты ихъ чаятельно не видишь.— Не забудь и сего слова Божія, ты, приступающій ближе прочихъ приносящихъ къ алтарю: аще принесеши даръ твой къ алтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой (Матѳ. V, 23—24). Ты приносишь такой даръ, котораго пріятіе для тебя великой важности, ибо приносишь самого себя, а между тѣмъ знаешь, что братья твои, сосредоточивающіе въ себѣ почти все твое семейство и занимающіе мѣста твоихъ родителей, имѣютъ на тебя не нѣчто маловажное, но причину тяжелую, полновѣсную, по которой тебя въ Юрьевъ монастырь вступить не благословляемъ, воспрещаемъ, причину, которая, въ теченіе двухъ лѣтъ осматриваемая, не уменьшилась въ своей тяжести. Вернешь ли ты такъ явно противъ Евангелія несомый, неблагословенный свой даръ? Ибо опять торжественно тебѣ повторяемъ по всѣмъ твоимъ мнѣніямъ и дѣламъ и словамъ отнюдь не видимъ мы званія Божія на твое вступленіе въ Юрьевъ монастырь.

Слѣдуетъ теперь сказать тебѣ слова два о твоей рукописи, т. е. о внезапномъ твоемъ ее отъ насъ требованіи и всѣхъ съ нее списковъ. Сія статья твоего письма не мало насъ изумила. *Ты прислалъ намъ тетрадь свою для сдѣланія насъ участниками въ прославленіи*

имени Божія о чудѣ, въ монастырѣ вашемъ совершившемся, прислалъ безъ всякихъ оговорокъ хранить ее тайно и не дозволять никому читать или списывать. Да и странное бы это было условіе; прославленіе имени Божія есть первѣйшая наша обязанность и главная цѣль нашего бытія. Что же это значитъ, что ты теперь подъ отвѣтомъ совѣсти требуешь немедленнаго нашего возвращенія не только сей твоей тетради, но и копій, буде имѣются списаны, даже копій другихъ съ нея списавшихъ требуешь, прося насъ всеусерднѣйше, чтобы доставить тебѣ оную безъ малѣйшаго упущенія? Недоумѣваемъ о такой внезапной перемѣнѣ, о такомъ странномъ прошеніи, чтобы то дѣло, то чудо, описаніе котораго ты нарочно прислалъ къ намъ, чтобы сдѣлать явленнымъ особенное благословеніе Божіе надъ мѣстомъ, гдѣ оно совершилось, то чудо повелѣваешь теперь скрыть прямо вопреки заповѣди Христовой—свѣтильникъ со свѣщникомъ ставить подъ одръ? Причина, которую ты приписываешь даваемому тобою противоположному направленію твоему первому намѣренію, вовсе насъ не удовлетворяетъ. *Если подлинно для того ты подъ кровать прячешь сію свѣчу, чтобы блескъ оной не возбудилъ тщеславіе въ совершителѣ*, если для сего единственно ты прибѣгаешь къ утаенію дѣлъ Божіихъ и требуешь немедленнаго возвращенія рукописи, то зачѣмъ тебѣ наша копія, *недостаточно ли для неподанія пищи тщеславію заказать намъ не распространять сіе списываніе и списанныя уже копіи хранить въ тайнѣ*, или по большей мѣрѣ истребить ихъ здѣсь. Нѣтъ, тебѣ непремѣнно нужно, ты заклинаешь насъ, чтобы прислать къ тебѣ немедленно не токмо нашу копію, но и прочія и чужія. Какъ тебѣ пришло на умъ просить насъ о доставленіи тебѣ чужихъ копій? Какую мы можемъ имѣть власть надъ другими и надъ ихъ собственностію, которая для нихъ драгоцѣнна? Сіе можетъ лишь управа благочинія. Такое странное порученіе твое намъ не можетъ не показывать намъ смущенный твой духъ. Если бы подлинно одно тщеславіе заставляло тебя принимать сію мѣру, то ты имѣлъ бы то одно попеченіе въ твоемъ отъ насъ требованіи, чтобы вообще не распространялась молва о семъ происшествіи, т. е. молва и словами передаваемая также, какъ и на письмѣ. Ты же не мало не запрещаешь передавать оное словами, а только заботишься объ однихъ спискахъ, заботишься даже гораздо чрезъ мѣру, ибо поручаешь намъ прислать тебѣ всѣ списки, т. е. сдѣлать то, чего мы сдѣлать не смѣемъ сами по себѣ. А если просьбою вздумалось бы намъ испрашивать у нихъ списки, то надлежало бы сказать имъ и то, что самъ ты, который прислалъ намъ тетрадь для прославленія вашего монастыря, теперь поспѣшно и подъ заклинаніемъ требуешь возвращенія не ее токмо, но и всѣхъ списковъ. Суди самъ, какое бы дѣйствіе произ-

вело надъ ними таковое наше имъ объявленіе — необусловленіемъ ли послужилъ сей поступокъ твой вмѣсто прославленія? Что за противности такія въ твоихъ поступкахъ?

Описываемая въ тетради твоей тобою бѣснующая во всемъ такъ соотвѣтствуетъ тѣмъ кликушамъ, о которыхъ прежде частая была молва, а теперь изрѣдка случается слышать кое-гдѣ по монастырямъ. Увѣдомляю тебя, что всѣ приходскіе священники нѣсколько лѣтъ тому назадъ обязаны подпискою по синодскому предписанію каждое полугодіе доносить своему начальству, что въ приходахъ ихъ кликушъ и никакихъ иныхъ суевѣрствъ не имѣется, что и исполняется, какъ мнѣ извѣстно изъ рапорта, подаваемаго во всякій вышеписанный срокъ благочинному нашимъ священникомъ.

Посылаемъ тебѣ теперь обратно сію твою тетрадь. Читали же сію твою рукопись только я и братъ, а списывать ее никто не списывалъ, а потому будь покоенъ; у насъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ея не останется.

Письмо князя Сергія къ братьямъ, отъ 7 апрѣля 1830 г. Юрьевъ монастырь.

Христосъ воскресе!

Возлюбленнѣйшіе о Господѣ братья и друзья.

Говоря о себѣ, не знаю какъ возблагодарить безчисленныя Господа нашего ко мнѣ, ничтожному рабу Его, милости и благодѣянія въ малыхъ сихъ дняхъ совершившіяся, и всѣ запечатлѣнныя явственною печатію отеческаго Его о мнѣ грѣшномъ промышленія. Далъ мнѣ Господь желаніе сердца моего (Псал. XX, 3) и весь совѣтъ мой исполнилъ (Псал. XIX, 5), допустивъ меня до воспріятія ангельскаго образа, и великая моя заступница и покровительница, Царица небесная, въ день оный великій, иже есть спасенія нашего главизна, въ который ангелъ Божій благовѣстилъ Ей и всему міру радость велію, о совершеніи спасенія моего промышляя, вчинила меня въ ликъ ангеловъ земныхъ, и тѣмъ, воистинну, возрадовала сердце мое радостію, которая, надѣюсь на Ея всемогущее покровительство, не отымется отъ меня. Новое имя наречено мнѣ грѣшному въ иночествѣ, имя животворящаго креста Господня, нареченное ему отъ боголюбивѣйшаго царя Ираклія греческаго, который силою непобѣдимою креста Господня побѣдилъ враговъ своихъ сильныхъ персовъ, плѣнившихъ оное честное древо, и сіе сокровище у нихъ отъялъ и паки возвратилъ христіанамъ, и своими царскими руками водрузилъ знаменіе нашего спасенія на Голгоѣ, на мѣстѣ, идѣ же самое спасеніе наше совершилось. (Прошу прочитать о семъ въ прологѣ 14

сентября о воздвиженіи честнаго креста Господня). Имя мое новое есть *Аникитъ*, по переводу съ греческаго—*непобѣдимый*. Да сподобитъ Господь силою крестною непобѣдимою быть мнѣ немощному непобѣдимымъ для міра плоти и діавола! Да помнитъ душа моя непрестанно, именемъ моимъ понуждаемая, обязанность иноческую нести безпрестанно въ терпеніи крестъ скорбей и лишеній тѣснаго пути, ведущаго въ пространство жизни вѣчныя. За симъ первымъ даромъ всещедраго Господа, сподобился еще я, недостойнѣйшій, новыхъ и вящшихъ къ прославленію имени Его святаго. Сѣдяй на херувимѣхъ на небеси и возсѣдый на жребя безсловесное на земли и съ торжествомъ вшедый во святый градъ, не возгнушался въ самый день празднованія сего вшествія, и во храмѣ, въ которомъ празднованіе сіе есть храмовой праздникъ, не возгнушался, но съ милостію неизреченною благоволилъ благодатію своею возсѣсть на жребя словесное, нечистое по житію и строптивое по нраву, на грѣшнаго монаха Аникіта и ввелъ его въ святая святыхъ, въ чинъ левитовъ. А въ великій четвертокъ, когда церковь святая учащаетъ воспѣвать тайную вечерю и празднуетъ ея установленіе, сподобилъ Господь, установитель оной, грѣшнаго монаха Аникіта быть служителемъ и совершителемъ таинственной оной вечери, на ней же Онъ Самъ себя предлагаетъ вѣрнымъ въ снѣдь душецѣлебную и питіе животворное. Облеченнаго благодатію священства, грѣшнаго монаха Аникіта, паки Господь облагодатствовалъ, ибо въ тотъ же день, по напитаніи трапезою безсмертія, посадилъ его въ число избранныхъ своихъ и сподобилъ принять омовеніе ногъ отъ священнѣйшихъ рукъ святителя Божія, дабы симъ таинственнымъ очищеніемъ истребить всѣ скверны мірскаго перваго житія и побудить его шествовать въ чистотѣ тѣла и души по немъ въ ликѣ, ангельскій образъ на себѣ носящихъ отшельцевъ отъ міра. Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми? Чашу спасенія пріиму и имя Господне призову (Псал. CXV, 3—4). Всю сію седмицу отправляю и далѣе имѣю отправлять чреду богослуженія, со страхомъ и трепетомъ и удивленіемъ о милостяхъ, яже удиви Господь на мнѣ (Псал. XVI, 7), предстоя страшному престолу, воспоминаю и до конца дней моихъ воспоминать не престану васъ, возлюбленные о Господѣ братья, въ посильныхъ моихъ молитвахъ... Прошу также поспѣшить исполненіемъ покорнѣйшей моей просьбы о возвращеніи моей тетради съ переписками и выписками, буде сіи послѣднія были сдѣланы.—Предаю себя вашему братолюбію, и съ таковымъ же чувствованіемъ остаюсь усердный о Господѣ братъ вашъ и богомолецъ, грѣшный іеромонахъ Аникитъ.

Письмо іеромонаха Анниты къ братьямъ, отъ 1-го іюня 1830 года. Юрьевъ монастырь.

Миръ вамъ отъ Господа, возлюбленнѣйшіе о Господѣ братья. На письмо ваше хотя и могъ бы я отвѣчать поранѣе, но какъ я прежде полученія онаго писалъ къ вамъ о посѣтившей меня недостойнаго великой свыше благодати, то и поджидалъ отъ васъ слова привѣтнаго, а потому и не торопился отвѣтомъ. Но ждалъ и не бѣ; и потому молчаніе мое прерываю. Жалѣю крайне, но не для себя, а для васъ, что паки слова мои, яко лжа вмѣнилися предъ вами; и вы какъ бы подозрѣваете меня въ умыслѣ уловить васъ въ легковѣріи, по случаю неожиданнаго вами потребованія мною препровожденной прежде къ вамъ бумаги, въ ней же сила Божія прославляется. Желаю, чтобы случай сей послужилъ вамъ доказательствомъ, что и при всей ревности къ истинѣ, ежели только духъ недовѣрчивости имѣетъ въ сужденіи свое мѣсто, можно истину почесть за ложь.—*Не обманулъ я васъ, братіе, ни словомъ: все написанное есть сущая правда, съ присовокупленіемъ того, что нельзя всего описать, что происходило.* Неожиданному же потребованію причина есть та, что *описаніе истинное истиннаго происшествія послалъ я къ вамъ безъ благословенія настоятеля*; и когда онъ, по случаю, потребовалъ отъ меня сей бумаги и узналъ отъ меня, гдѣ она находится, то *сдѣлалъ мнѣ строгій за своевольство мое выговоръ и требовалъ немедленнаго возвращенія какъ самой бумаги, такъ и выписокъ изъ оной и списковъ, буде были кѣмъ сдѣланы.* Жалѣю, братіе, что *чудо силы Божіей надъ силою вражіей причли вы къ немѣностямъ суевѣрія и истинно исцѣленную бѣснующуюся вмѣнили въ притворную кликушу.* Блюдитесь, да не огорчите Духа Божія, дѣйствіе силы Его явное отвергая или смѣшивая съ мнимыми чудесами, злоухищреніемъ производимыя и простоуміемъ разглашаемыя. Хотя слова мои для васъ и недостовѣрны, однакоже я долженъ вамъ сказать, что подобные опыты силы Божіей въ облагодатствованномъ мужѣ надъ силою вражіею видѣлъ я у себя въ монастырѣ и послѣ сего не одинъ, и притомъ такіе, что если бы вамъ привелось быть зрителями оныхъ, то увѣряю васъ, что трепетъ вошелъ бы въ ваши кости и вы увидѣли бы на дѣлѣ вѣру живую богоугодную, и вы смирили бы высокое свое мнѣніе о собственной вашей вѣрѣ, внушающей вамъ смѣлость судить и осуждать тѣхъ, иже Богъ явно дѣйствующею въ нихъ силою Своею (силою изгнанія бѣсовъ о имени Іисусовомъ, знаменіемъ вѣры истинной и Богу угодной) оправдываетъ. Простите меня, униженнѣйше прошу, ежели слово сіе покажется вамъ жестоко: свидѣтельство о истинѣ исторгло оное изъ устъ моихъ.

На послѣдній въ свиткѣ вопросъ, яко не принадлежащій къ обличеніямъ, можно дать такой отвѣтъ, что положеніе справедливо, но не таково примѣненіе. Отецъ, предлагающій учрежденіе, есть не иной кто, какъ самъ Господь, который о довольствѣ трапезы печется самъ невидимо промысломъ своимъ отеческимъ, и видимо чрезъ отцевъ духовныхъ, святителей и священниковъ; прочіе, яко нищая чада, да вкушаютъ съ благодареніемъ предлагаемая, отнюдь не дерзая входить въ непринадлежащее имъ распоряженіе пиромъ Отца небеснаго, не призвавшаго ихъ въ таковое дѣланіе. По пріятіи мною недостойнѣйшимъ благодати священства, я сряду шесть недѣль, при помощи свыше, провелъ въ ежедневномъ литургисаніи и съ дерзновеніемъ упованія на милосердіе Божіе приступалъ къ совершенію безкровныя жертвы, не чувствуя ни самъ въ совѣсти своей ни малѣйшаго укора относительно православія, которое одушевляетъ мою душу, ниже отъ тѣхъ, иже вѣдятъ свидѣнія Божія и имже отверста совѣсть моя, не смущаемый ни мало, но паче благословляемый: и благословеніемъ ихъ напутствуемый имѣлъ и имѣю ни съ чѣмъ несравненное благополучіе священнодѣйствованія божественныя тайны, со страхомъ благоговѣнія и съ радостію неизглаголанною, недомыслимою.

Письмо кн. Алексѣя и Павла къ о. Аникитѣ, отъ 9 іюня 1830 г.

Всѣ твои три письма мы получили. Послѣ перваго поджидали отвѣчать, доколѣ получимъ отвѣтъ твой на нашу тетрадь, которую не очень давно получили.

Поздравляемъ тебя, любезный братъ, съ принятіемъ сана монашескаго и священническаго и благодаримъ за воспоминаніе о насъ грѣшныхъ въ молитвахъ твоихъ при совершаемомъ тобою богослуженіи. Что до насъ, то и мы не оставляемъ попрежнему молиться о тебѣ съ тѣмъ усердіемъ, какое внушаетъ братская любовь, препятствіями къ единодушію съ твоей стороны лишь больше воспламеняемая. Любовь наша и ревность къ тебѣ подобна теперь *жару пещному*, накопившемуся отъ многихъ охапокъ сожженныхъ дровъ. Жару много, хотя отъ удручающихъ насъ немощей и болѣзней по уменьшаемой силѣ духа и ревность пламеннѣе, но огня едва ли не прибавилось...

Письмо о. Аникиты къ братьямъ, отъ 15 сентября 1830 года Юрьевъ монастырь.

Миръ вамъ, возлюбленнѣйшіе о Господѣ братья и друзья. Настоятель мой богомудрый и боголюбивый, отечески и дружески ко мнѣ расположенный, радуется сердечно гостямъ моимъ [26]) и спрашиваетъ у меня

и часто, когда ты посѣтишь меня, любезнѣйшій братъ князь Павелъ Александровичъ. Ибо онъ очень тебя помнитъ и съ любовію заводитъ нерѣдко слово о тебѣ со мною. Однажды за столомъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ о твоемъ посѣщеніи и услышавъ отъ меня, что я не надѣюсь имѣть сего удовольствія по причинѣ болѣзненнаго твоего состоянія по тѣлу, онъ тутъ же за столомъ, движимый любовію къ тебѣ, написалъ къ тебѣ грамоту пригласительную, которую при семъ къ тебѣ препровождаю, прося тебя не оставить ее безъ отвѣта. *При семъ за нужное почитаю сообщить тебѣ примѣръ чудеснаго исцѣленія, почтеннѣйшимъ нашимъ отцомъ совершеннаго. Помянутый старецъ, богопросвѣщенный схимникъ, два года страдалъ ужаснѣйшею водяною болѣзнію, такъ что врачи, всѣ свои средства истощивъ, наконецъ объявили, что кончина его неминуемо послѣдуетъ вскорѣ при наступленіи осени. Тогда о. архимандритъ взялъ его въ свою келью, сталъ его самъ лечить врачествомъ данной ему благодати, и въ недѣлю умирающій ожилъ и выздоровѣлъ совершенно,* такъ что вотъ уже теперь другой годъ пользуется полнымъ здоровьемъ. Опасаясь, что карандашъ можетъ стереться, я переписалъ грамоту чернилами а).

а) Архимандритъ Фотій написалъ князю Павлу Александровичу слѣдующее краткое письмо и въ довольно своеобразной формѣ: «Павле, Павле, что ты страждеши и не радиши пріѣхать во врачебницу святаго великомученика Георгія? Пріиди и исцѣлишися отъ недуга твоего, имже одержимъ живеши, якоже умираеши: Пріиди и воздвигнетъ Господь тебя, и возрадуешися, и радости твоея никто же отъ тебя возметъ. Спасайся, подвизайся и радуйся.

15-го августа, 1830 г.

Убогій Фотій.

О. Фотій былъ знакомъ съ княземъ Павломъ Александровичемъ Ш.-Шихматовымъ еще въ то время, когда послѣдній жилъ въ Петербургѣ и состоялъ на службѣ при морскомъ корпусѣ. Это можно видѣть изъ слѣдующаго письма Фотія (издаваемаго съ подлинника), занимавшаго тогда должность законоучителя второго кадетскаго корпуса, къ князю Павлу Александровичу.

Рабе истиннаго Бога, Христовъ ученице,
Любимиче святыхъ, брате Павле.
Радоватися тебѣ о Господѣ молитъ Фотій.

Христосъ твоя сила, Христосъ твоя мудрость, Христосъ твой Богъ и Господь, Христосъ твой свѣтъ, твоя истина, путь и животъ (Іоанна XIV, 6): убо воистинну реку паки тебѣ: радоватися: радоватися же о Христѣ Спасѣ нашемъ, радоватися духомъ, душею и плотію тако, да возрадуются всѣ кости твои и рекутъ: Христосъ моя сила, Богъ и Господь честная церковь! Радоватися о всемъ тебѣ глаголю, прошу и молю Создателя; и радоватися наконецъ и о томъ, что Христосъ

Письмо братьевъ къ о. Аникитѣ, отъ 26 августа 1830 года. Село Архангельское.

Любезный братъ!

Мы отпустили тебя въ Новгородъ, для вступленія тамъ въ Юрьевъ монастырь, но отпустили по полученіи отъ тебя торжественнаго увѣренія въ твоемъ съ нами единомысліи. Сіе мнимое единомысліе твое съ нами

посредѣ насъ съ тобою есть и будетъ: не ино что глаголю, какъ и реку, какъ токмо радоватися о Господѣ, яко же вѣрую чему быти въ тебѣ, о томъ же и глаголю: и благословенъ буди, возлюбленне, свыше отъ Бога Отца и Сына Его Духомъ Святымъ. Благочестиваго ты корене всечестная отрасль былъ и желаешь быти, убо быти сему и азъ желаю помощію Вышняго. Часто поминаю твое боголюбіе, твое смиреніе, твою вѣру, твою любовь о Христѣ къ намъ и ко всѣмъ. Поминаю и благодать Божію на тебѣ. Блаженъ еси ты, рабе Божій, что изшелъ изъ многомятежнаго міра.—Блаженъ еси ты, что покой обрѣлъ Божій себѣ. Знаю, что ты самъ въ себѣ зришь и находишь, что тамо Богъ, гдѣ миръ, тишина, простота и любовь въ благословенныхъ простолюдинахъ царствуетъ. Весь смутъ и плачъ на нихъ особенно исходитъ изъ главы или изъ сердца Россіи, гдѣ всякъ быти мнитъ себя нѣчто. Богъ тебя избавилъ отъ всего суетнаго, радуюся. Съ тобою нынѣ миръ Божій и ты его лучше дѣломъ разумѣешь и вкушаешь, нежели что я могу тебѣ изрещи и написать на сей хартіи, ты такъ чувствуешь живо, дѣйственно, что я и помыслить не могу. Самъ Богъ тебѣ даетъ свыше вкушать и чрезъ мирную природу и чрезъ откровеніе Божіе, священное Писаніе, и чрезъ внутреннее чувство и чрезъ внутренніе очи, пути подвизанія и видѣнія. Вѣдаю, что среди благопріятнаго лѣта болѣе несказанно услаждаетъ тебя сельскій зефиръ, шорохъ кустарниковъ, колебаніе класовъ на нивахъ и гласъ птички коея-либо, полетъ ласточки и взоръ на небосклонъ среди лѣсовъ и полей, нежели нашихъ искусственныхъ аллей, ароматами отъ чадъ міра исполненныхъ иногда. Болѣе зеліе и мягкая травка тебя услаждаетъ, нежели кресты и звѣзды вельможъ нашихъ и всѣхъ расширяющихъ воскрилія ризъ. Что у насъ ни есть новое мѣсто, суета и мудрованіе. Не хощу болѣе тебѣ о томъ и напоминать, что ты самъ живо чувствуешь, но пока реку духу твоему: радоватися!

Радоватися всему дому твоему и всѣмъ твоимъ приснымъ, вѣрнымъ, ибо вѣрую, что и всѣ твои, якоже и ты, отъ Бога поучены, благословенны.

Я за благо великое почитаю и писать къ тебѣ, ибо люблю тебя нелестнымъ сердцемъ, люблю, вѣдая, что ты сынъ церкви святой, защитникъ, любимецъ, Христовъ подражатель, зерно пшеницы Христовой, свѣтъ отъ свѣта Христова и той крупины соли, кая міръ высмердѣвшійся осоляетъ и цѣлитъ, и если обуяетъ уже и она, увы, горе землѣ.

отвратило наше вниманіе отъ всѣхъ тѣхъ причинъ, по которымъ мы сильно упирались противъ вступленія твоего въ сей монастырь во все время нашего здѣсь несогласія въ вѣрѣ. Ибо, при всѣхъ сомнѣніяхъ нашихъ о непрочности примирительнаго нашего акта, надежда на твою искренность брала верхъ. Послѣдствіе показало, что не слѣдовало бы намъ такъ скоро склоняться по одному твоему слову — по слову отъ тебя, такъ предубѣжденнаго, что запертымъ совершенно былъ слухъ твой всѣмъ нашимъ доводамъ и свидѣтельствамъ церковнымъ, тебѣ указуемымъ. Въ семъ же состояла главная наша оплошность. Намъ надлежало бы, вмѣсто одного требованія отъ тебя, — вмѣсто одного ближайшаго съ нами единомыслія, на которое ты, повидимому, согласился, присоединить къ оному и другое—неизбраніе тобою Юрьева монастыря ни подъ какимъ видомъ. Но мы такъ обрадовались первому, что почти забыли думать о послѣднемъ: а чрезъ то и упустили изъ рукъ всю нашу надъ тобою власть. Поздно проникли мы, что ты лишь для того, пови-

---

Подвизайся, ревнуй, гряди духовный служителю, священниче, по апостолу: вы есте родъ избранъ, царское священіе (1 Петр. II, 9). Блаженно буди чрево тебя носившее и блаженны сосцы воспитавшія тебя: ты бо любишь Христа. Я уже не могу напоминать тебѣ о смиреніи, коего ты уже рожденіе, и вѣрую, что ты паче смиришися, нежели вознесешися. Подвизайся: благо есть въ клѣти сердца молитися и въ клѣти крова. Безъ клѣти въ кровѣ молиться кто мнитъ внутрь въ себѣ, въ клѣти, тоже что рыбу мнитъ ловити безъ бредника, невода и сѣти, и птицы хощетъ удержать на полѣ и въ покоѣ въ одномъ мѣстѣ безъ клѣтки.

Всѣ святіи имѣли клѣть молитвы ради, весьма малую, что же и пишется въ житіяхъ ихъ: иные въ длину аршина два съ половиною, а въ ширину въ аршинъ и съ половиною, и что вящше ино къ тому рещи, самому тебѣ уже речетъ духъ; иже чтетъ, да разумѣетъ. Когда плоть бываетъ въ клѣти и духъ и душа въ клѣти, то есть внутренно духомъ и истинною молитися. Кто имѣетъ внѣшнюю и внутреннюю купно у себя клѣть, тотъ вѣдаетъ, что истинно есть и духъ и животъ Христовы о клѣти слова для молитвы: убо егда молишися, и духъ и Христосъ и мы глаголемъ: вниди въ клѣть твою и помолися Отцу твоему въ тайнѣ (Мѳ. VI, 6). Знаю, что ты ревнуешь бдѣть и молитися, благо есть, когда то словомъ и мыслію и духомъ и дѣломъ бываетъ: то есть молитва и поклоненіе духомъ и истинною (Іоанн. IV),— чему мѣсто въ мирѣ—на селѣ, а не у насъ въ шумѣ, въ столицѣ, гдѣ живу азъ, грѣшный рабъ твой осуетился до конца. Господи! прежде даже до конца не погибну, спаси мя. Ими же вѣси судьбами спаси мя.

Наконецъ, и привѣтствовавъ твое сіятельство и побесѣдовавъ нѣчто и пожелавъ и помянувъ маніемъ духа, молю, да Христосъ Господь тебѣ да поможетъ съ возлюбленнымъ твоимъ братомъ по плоти и по

димому, склонялся на первое, чтобы получить послѣднее, поздно—ибо хотя доводы наши, которые, повидимому, склонили тебя здѣсь присоединиться къ нашимъ мнѣніямъ, были потомъ мною усилены, однакоже не въ состояніи были удержать тебя отъ нарушенія того договора, который ты здѣсь торжественно утвердилъ твоимъ согласіемъ.

Главная цѣль твоя въ сношеніяхъ твоихъ съ нами по дѣлу твоего отъ насъ устраненія въ томъ и состояла, какъ теперь явствуетъ, чтобы имѣть невозбраннымъ отъ насъ вступленіе твое въ Юрьевъ монастырь. Для сего ты, какъ бы возбраняя намъ всякое къ тому противорѣчіе, на первомъ шагѣ представилъ откровенную волю Божію. Откровенія сего не могли мы принять слѣпо, какъ ты того, можетъ быть, желалъ, и какъ ты самъ оное принялъ отъ другихъ. Ибо св. Писаніе предписываетъ не иначе принимать Откровенія, какъ съ испытаніемъ. Оно было нами разсмотрѣно и оказалось, по нѣсколькимъ существеннымъ причинамъ, не подходящимъ къ такому изъявленію воли Божіей, которое разумъ и вѣра принимаютъ невозбранно. Достаточно будетъ упомянуть здѣсь о двухъ. Первая — извѣщательное тебѣ о семъ откровеніи письмо имѣло на себѣ семь печатей, подражательно апокалипсическимъ, тогда какъ о семъ подражаніи въ Откровеніи никакого особеннаго повелѣнія Божія не видать—повелѣнія, необходимо - нужнаго быть тебѣ сообщеннымъ, если оно послѣдовало отъ Бога, чтобы не принять тебѣ такое подражаніе самовольнымъ и имъ не соблазниться. Сверхъ того, и самая печать, употребленная здѣсь, не можетъ не подавать сомнѣнія,

---

духу, со всею братіею, друзьями, родными, знаемыми и незнаемыми, но вѣрными о Христѣ Спасѣ въ единомъ духѣ, въ цѣлости и совершенствѣ. Особенно поблагодари и поцѣлуй и главу и очи и уста и руки братцу Сергію Александровичу. Рабъ онъ Божій меня зѣло не оставляетъ своею любовію. Христосъ съ нимъ есть и будетъ.

Да спасется же и весь вашъ домъ, ваши рабы и рабыни, старцы и юноши, дѣвы и жены и все ваше да спасено будетъ Христомъ Богомъ во вѣки. Аминь.

Сіятельства твоего и боголюбія слуга и доброжелатель есмь азъ недостойный и убогій служитель Христовъ Фотій.

Спасайся о Христѣ и прости мя, брате мой и господине Павле. рабе Божій, въ чемъ азъ, недостойный, согрѣшилъ.

Съ миромъ буди и спасайся!

И всѣ люди Божіи вѣрные православные христіане молю, спасайтеся.

Ваше есть царствіе Божіе! Аминь.

1820 года. Генваря 16 дня.

2 Кадетскаго корпуса законоучитель и настоятель соборный іеромонахъ Фотій.

ибо печать сія съ англійскимъ девизомъ, хотя и духовнымъ, но употребляемымъ между протестантами, противъ которыхъ угадываемый тобою писатель письма (архимандритъ Фотій) ополчается много паче сверстникъ своихъ. Слѣдовательно, таковая печать ни у него, а тѣмъ менѣе у кого другого въ монастырѣ, найтись никакъ не могла, и безъ сомнѣнія доставлена ему отъ постороннаго лица, въ языкѣ англійскомъ свѣдущаго и писателю надпись на печати объяснившаго. Итакъ, не ясно ли, что печать сія показываетъ въ дѣлѣ семъ нѣкоторое предварительное совѣщаніе, откровенію никакого мѣста не допускающее. Вторая причина, возбраняющая давать вѣру такому откровенію, есть та, что ты, по собственному твоему признанію, сіе время, когда откровеніе сіе о тебѣ послѣдовало, погрѣшительно умствовалъ о важныхъ истинахъ вѣры, которую погрѣшительность ты призналъ и отвергъ примирительнымъ актомъ, уже въ бытность твою здѣсь, т. е. гораздо послѣ полученія тобою вышеписаннаго письма. Сихъ вѣскихъ причинъ, безъ сомнѣнія, достаточно было намъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ никогда не согласиться на вступленіе твое въ сей монастырь. Но мы не такъ поступили, частію по необращенію тогда должнаго вниманія на сіе обстоятельство, которое было сильнѣйшимъ орудіемъ, *тобою самимъ* противъ *тебя самого* намъ вручаемое: частію, по желанію сохранить миръ и согласіе, которыхъ чаемое водвореніе такъ насъ обрадовало, что мы въ упоеніи радости дозволили нѣкоторую ослабу нашей бдительности, по которой ты и ускользнулъ изъ нашихъ рукъ. Если бы *слѣпо* приняли сіе выдаваемое откровеніе, то что бы изъ того послѣдовало? Мы бы вовсе не дерзнули удерживать тебя отъ твоего предпріятія, но это не все: очень вѣроятно, что мы согласились бы съ тобой и въ тѣхъ мнѣніяхъ твоихъ нецерковныхъ, которыхъ ты самъ потомъ нашелся принужденнымъ отрещись. Кто не видитъ, что съ паденіемъ, съ опроверженіемъ сихъ твоихъ мнѣній, падало и самое откровеніе? Кто не видитъ тебя въ минуту признанія твоего неправаго мнѣнія предъ нами (нарочно вызванными тобою въ нашъ залъ), низлагающаго обѣими руками и всю ту систему, которую ты нѣсколько лѣтъ сооружалъ, по указамъ отвлекшихъ тебя отъ насъ твоихъ единомышленниковъ? Кто бы могъ подумать, что зданіе сіе опять изъ развалинъ своихъ выростетъ, по отправленіи твоемъ отселѣ, и опять тѣ же мнѣнія засядутъ въ немъ, которыя вовсе не сильны были защищать оное противъ положительныхъ доводовъ нашихъ? Но вотъ сіе видимъ на самомъ дѣлѣ, и ты уже сильно и не обинуясь показываешь, что первоначальное предубѣжденіе твое положено было въ тебѣ съ такою силою, что (не токмо наши доводы, но) и самояснѣйшія очевидности не въ состояніи бы были поколебать оное.

Время также бросить взоръ на твою тетрадь (*тобою, кажется*,

писанную), заключающую въ себѣ *описаніе отчитыванія нѣкоторыхъ крестьянъ*. Посредѣ вышеписанныхъ жаркихъ нашихъ тебѣ представленій какъ о неосновательности мы болѣе и болѣе тебѣ раскрывали, такъ и о неблагонамѣренномъ отвлеченіи твоемъ насъ съ прямаго пути постороннему дѣлу обстоятельствами: получаемъ мы сію тетрадь, описывающую такія событія въ вашемъ монастырѣ, какія и изъ многихъ монастырей слышать случается, какія и во многихъ городскихъ церквахъ нерѣдко происходили, доколѣ святѣйшій Синодъ не почелъ за нужное лишить убѣжища по городамъ такъ называемыхъ кликушъ. Съ нашей стороны, мы приняли сіе описаніе твое точно также, какъ слушали твое изустное повѣствованіе о подобномъ происшествіи, видѣнномъ тобою въ одномъ изъ монастырей калужской епархіи. Но ты, какъ догадываемся, для того собственно послалъ намъ свою тетрадь, чтобы однимъ симъ ударомъ низложить всѣ наши доводы о твоей неправости, какъ бы говоря такъ: смотрите, можетъ ли быть что неправое тамъ, гдѣ такія великія дѣла совершаются? Мы хотя поняли сіе твое намѣреніе, но не распространялись о немъ, чтобы не прервать нить нашихъ сношеній, которыя въ послѣдующихъ письмахъ попрежнему потомъ и продолжали, забывъ о тетради твоей, дожидавшейся быть обратно отправленной съ пріуготовляемымъ мною тебѣ посланіемъ. Вдругъ, вовсе нечаянно, получаемъ мы отъ тебя письмо, въ которомъ ты наиубѣдительнѣйше просишь насъ, ни мало не медля, выслать къ тебѣ твою тетрадь, и не одну ее, но и со всѣми копіями, которыя мы, или кто другой, могли съ нее списать. Такое неожиданное, такое *опасливое* твое востребованіе тетради со всѣми списками, которыхъ ты отнюдь не воспрещалъ намъ списывать,—да и какое вѣроятіе могли мы имѣть къ происшествію, съ такой тайностію сообщаемому,—*весьма меня удивило и заставило нѣсколько побезпокоиться, не нажилъ ли ты себѣ какихъ хлопотъ, вязавшись въ такое дѣло, о которомъ имѣлось запрещеніе отъ начальства*. Я не могъ не замѣтить тебѣ далѣе, какую слабую и ненадежную ты избралъ подпору твоему дѣлу; такъ ненадежную, что самъ принужденнымъ нашелся отнять ее своими руками. Случилось такъ, что ни мы, ни посторонній кто тетради твоей не списывали, а потому какъ получили, такъ и выслали ее тебѣ обратно. Если полагать, что ты симъ способомъ хотѣлъ устрашить насъ въ допущеніи твоихъ мнѣній, то неудачно послужило тебѣ сіе орудіе. Да и самая та причина, которой ты приписываешь нечаянное твое тетради востребованіе, для насъ вовсе неудовлетворительна. Не понимаемъ, какое могло быть твое преступленіе посланіемъ намъ сей тетради, которая, повидимому, была написана и начисто переписана съ тѣмъ собственно, чтобы давать ее читать внѣшнимъ. Да и какое страя-

нее (болѣе страхъ нежели благоразуміе показывающее) требованіе твое и самихъ копій! Утаиваешь то, что сперва старался сдѣлать явнымъ: не есть ли это навязанное съ одной стороны распускать съ другой? Утаивать до того, что и копій не оставлять, — ниже довольствоваться истребленіемъ копій сихъ на мѣстѣ, а домогаться получить ихъ въ руки! Да и возможное ли было дѣло исполнить твою просьбу, если бы мы, принявъ все съ твоего слова, роздали такіе списки? Намъ могли бы ихъ и не возвратить: ибо вправѣ были мы давать списывать, или не давать, но ни въ какомъ правѣ списаннаго требовать. Притомъ же, не подали ли бы мы востребованіемъ копій сихъ какого соблазна самымъ тѣмъ лицамъ, которымъ мы сіе разгласили? Не видишь ли, что необдуманно было такое твое и самихъ списковъ востребованіе: соблазнъ этотъ былъ бы такъ великъ *противъ* вашего монастыря, что маловажная причина недостаточна рѣшить тебя его произвести, а тѣмъ менѣе та, которую ты упоминаешь. Но довольно о семъ. Дѣло это стороннее нашему съ тобою разномыслію. Здѣсь у мѣста было коснуться онаго, для указанія тебѣ, какъ неудачны твои противъ насъ *прямыя* дѣйствія и какъ еще неудачнѣе *косвенныя*. Надобно однако же замѣтить тебѣ еще по сему дѣлу, что евангельское церковно-учебныхъ книгъ ученіе стоитъ и устоитъ само собой. Такъ твердо оно утверждено всѣмъ множествомъ чудесъ, во всѣхъ народахъ и всѣхъ вѣкахъ, что нѣтъ нужды намъ искать опоры оному въ новыхъ чудесахъ. Противное же сему, или въ чемъ важномъ несообразное ученіе, не можетъ стоять, при всемъ множествѣ подпоръ и отъ самихъ чудесъ, которыя при такомъ ученіи послѣ того, что читаемъ въ евангеліи о чудесахъ, имѣющихъ быть въ послѣднее время, не могутъ и не должны останавливать вниманіе наше, какъ бы очевидны онѣ не казались.

Теперь отлагаю перо обличителя и облекаюсь въ смиренную одежду послѣдняго грѣшника. Останавливаю голосъ мой громкій, а по временамъ и колкій. Прости неумѣстной моей колкости и грубости за дѣльную и умѣстную ревность. Я часто испытываю, часто повѣряю себя въ моемъ къ тебѣ расположеніи, опасаясь, не простирается ли неблаговоленіе мое къ мнѣніямъ твоимъ и на самого тебя. Но слава Господу, милующему меня испытаніе сіе, кажется, *паче другихъ* примиряетъ меня съ моею совѣстію.

Іеромонахъ Аникита, вмѣсто отвѣта на письмо братьевъ, отъ 26 августа 1830 года, сдѣлалъ только краткую надпись на самомъ ихъ письмѣ и отправилъ его обратно.

Надпись была слѣдующая: „Суди ми, Господи, яко азъ не злобою моею ходихъ: и на Господа уповая не изнемогу“ (псал. XXV, 1). Скитъ Юрьева монастыря. 30 сентября 1830 года.

Свящ. В. Жмакинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ГЛАВА V.

[1]) Новгородскій Юрьевъ монастырь основанъ въ 1030 году великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ I, нареченнымъ въ крещеніи Георгіемъ (или Юріемъ), который построилъ монастырь въ честь своего ангела св. великомученика Георгія Побѣдоносца. Описаніе новгородскаго Юрьева монастыря, архимандрита Макарія. С. П. Б. 1862 г. изд. 2, стр. 1—2.

[2]) Чудотворная икона Тихвинской Божіей матери, находившаяся въ Тихвинскомъ Успенскомъ первокласномъ монастырѣ, въ 1888 году была перенесена въ городъ Старую Руссу.

[3]) Юрьевъ монастырь находится на лѣвомъ берегу рѣки Волхова, при устьѣ ручья Княжева, съ западной и сѣверной стороны обтекающаго монастырь и впадающаго въ Волховъ, близь озера Мячина. Макарій. Историческое описаніе Юрьева монастыря.

[4]) Это былъ преосвященный Викторъ (Онисимовъ), епископъ владимірскій и суздальскій. До своего архіерейства, именно съ 1775 года по 1782 годъ, онъ занималъ должность настоятеля Юрьева монастыря, отсюда онъ былъ хиротонисованъ въ епископа олонецкаго, викарія новгородскаго, а съ 1783 г. по 1800 годъ состоялъ епископомъ владимірскимъ; 24 февраля 1800 г. удалился на покой въ Юрьевъ монастырь, гдѣ и умеръ 29 марта 1817 года и погребенъ въ паперти соборной Георгіевской церкви. Макарій. Историческое описаніе Юрьева монастыря, 121—122 стр. Строевъ, Списки іерарховъ, 659.

[5]) Викаріемъ новгородскимъ, епископомъ старорусскимъ былъ въ то время преосвящ. Игнатій (Семеновъ), 22 мая 1828 года переведенный въ епископа олонецкаго, съ 1842 года архіепископъ донской, съ 1847 года воронежскій; умеръ въ С.-Петербургѣ 20 января 1850 года. Строевъ. 839. 991. 1015.

[6]) Въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ почиваютъ открыто св. мощи: 1) св. Никиты, еп. новгородскаго († 30 янв. 1108 года; мощи обрѣтены въ 1558 году, находятся въ придѣлѣ св. богоотецъ Іоакима и Анны. Описаніе новгород. Соф. собора, протоіерея П. Соловьева, Спб. 1858 г. 99 стр.), 2) св. Иліи, въ схимѣ Іоанна, архіепископа новгородскаго († 7 сент. 1186 года, мощи обрѣтены въ 1493 году) и 3) брата его св. архіепископа новгородскаго Григорія († 24 мая 1193 года; мощи св. Иліи и Григорія находятся въ придѣлѣ усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя. Соловьевъ. Историческое описаніе Соф. собора, 101—102), 4) св. благовѣрнаго князя новгородскаго Владиміра Ярославича, строителя Софійскаго собора, и 5) матери его св. благовѣрной княгини Анны (мощи св. Владиміра и Анны сначала поставлены были въ Корсунской паперти, но въ 1652 году перенесены были въ самый соборъ и въ настоящее время находятся въ южной сторонѣ собора подъ арками. Соловьевъ, 104) и 6) св. благовѣрнаго князя Ѳеодора, брата св. князя Александра Невскаго (Соловьевъ. Историч. описаніе Соф. собора, 104).

[7]) Подъ спудомъ въ новгород. Софійскомъ соборѣ находятся мощи св. Іоакима корсунянина, перваго епископа новгородскаго († 1030 г.), св Луки Жидяты, еп. новгородскаго († 1059 г.), св. Аркадія, еп. новгородскаго († 19 сент. 1163 года. Соловьевъ. Описаніе Соф. собора, 104).

[8]) Чудотворная икона Знаменія Пресвятыя Богородицы принадлежитъ къ числу самыхъ уважаемыхъ святынь въ Новгородѣ. Съ этою свят. иконою соединено воспоминаніе о чудесномъ спасеніи Новгорода отъ нападенія многочисленнаго войска суздальскаго князя Андрея боголюбскаго, бывшемъ въ 1170 году. До половины XIV вѣка икона Знаменія Божіей Матери находилась въ Спасопреображенской церкви, на Ильинской улицѣ. Во второй половинѣ XIV вѣка для чудотворной иконы Знаменія Пресв. Богородицы въ Новгородѣ построенъ былъ особый храмъ, который доселѣ называется соборомъ Знаменія Богородицы. Дебольскій. Дни Богослуженія прав. церкви. Спб. 1882 года. Изд. 7. 169—171 стр.

[9]) Князь Василій Александровичъ Ш.-Шихматовъ жилъ въ своемъ имѣніи въ селѣ Пахомовѣ, Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Онъ скоропостижно скончался въ своемъ имѣніи въ 1834 году. Записки объ усопшихъ родственникахъ кн. Ш.-Шихматовыхъ.

[10]) Село Архангельское находится недалеко отъ своего уѣзднаго города Можайска, а у самаго Можайска расположенъ Лужецкій Рождества Богородицы второклассный монастырь, основанный св. Ѳеραпонтомъ бѣлозерскимъ въ 1408 году. Лужецкій монастырь самый ближайшій къ селу Архангельскому, и братья князья Алексѣй и Павелъ Александровичи Ш.-Шихматовы, по отзывамъ ихъ родственниковъ, любили и часто посѣщали этотъ монастырь. Архимандритомъ Лужецкаго монастыря въ разсматриваемое время (съ 14 ноября 1824 г. до 14 января 1829 года) былъ *Іоаннъ* Доброзраковъ, переведенный отсюда въ Пинскій Богоявленскій монастырь, а въ 1830 году хиротонисованный во епископа пензенскаго, съ 1835 года еп. нижегородскій, съ 1847 года архіеп. донской, въ 1867 году архіеп. Іоаннъ уволенъ былъ на покой въ Кременецкую пустынь. Строевъ: 181, 607, 1015.

[11]). Преосвященный Серафимъ (Глаголевскій), митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, первенствующій членъ св. Синода, умершій 17 января 1843 года. Строевъ. Списки іерарховъ, 38.

[12]) Съ давнихъ временъ архимадриты Юрьева монастыря имѣютъ слѣдующія отличія при богослуженіи, принадлежащія собственно къ особенностямъ архіерейскаго священнослуженія: они служатъ на коврѣ (орлецѣ) съ осѣняльными свѣчами и рипидами, съ возглашеніемъ къ народу: «приври съ небесе, Боже, и виждь» и пр. Настоятель Юрьева монастыря имѣетъ по нынѣ особенный чиновникъ божественнаго служенія. Онъ напечатанъ въ историческомъ описаніи Юрьева монастыря, о. Макарія, 88—96 стр.

Общежитіе въ Юрьевѣ монастырѣ введено было по ходатайству архимандрита Фотія въ 1827 году. Самъ о. Фотій составилъ общежительный уставъ для Юрьева монастыря, который въ первый разъ напечатанъ былъ въ 1830 году. Согласно съ требованіями этого устава, въ Юрьевѣ монастырѣ, кромѣ единообразія въ пищѣ, одеждѣ и принадлежностяхъ келейныхъ для всей братіи, соблюдаются нѣкоторыя

особенныя священныя учрежденія: 1) употребленіе древняго столповаго пѣнія при всякомъ богослуженіи; 2) чинъ панагіи, каждодневно соблюдаемый въ братской трапезѣ; 3) вседневное, кромѣ праздниковъ, общее для всей братіи правило съ поклонами, совершаемое въ церковной паперти; 4) въ каждые пятокъ и субботу, кромѣ случающихся въ сіи дни праздниковъ, соборныя панихиды; 5) въ пятокъ каждой седьмицы на вечерни чтеніе акаѳиста Божіей Матери; 6) неумолкаемое чтеніе псалтири въ монастырѣ во всю первую седьмицу св. четыредесятницы; 7) во всѣ воскресенья великаго поста на вечерняхъ прощаніе настоятеля съ братіею и братіи между собою взаимно по скитскому обычаю; 8) въ четвергъ страстной седьмицы совершеніе елеосвященія и помазаніе сею святынею братіи и богомольцевъ; 9) раздаяніе въ монастырѣ серебряныхъ и мѣдныхъ крестиковъ всѣмъ богомольцамъ въ праздникъ Воздвиженія, и др. Макарій. Историческое описаніе Юрьева монастыря, 98—99 стр.

[13]) Скитъ Юрьева монастыря находится въ четырехъ верстахъ отъ Новгорода и въ одной верстѣ отъ Юрьева монастыря, на берегу озера Ильменя, при истокѣ изъ него р. Волхова, на возвышенномъ холмѣ. На этомъ самомъ мѣстѣ, окружаемомъ въ весеннее время водою, въ языческія времена Новгорода стоялъ славянскій идолъ Перунъ, по принятіи христіанства новгородцами низвергнутый ими въ Волховъ, и на его мѣсто поставлена церковь въ память Рождества Пресвятыя Богородицы, при первомъ новгородскомъ епископѣ Іоакимѣ корсунянинѣ. При этой церкви былъ устроенъ монастырь, называемый «Перынь Богородицы». Дальнѣйшая судьба Перынскаго монастыря мало извѣстна. Извѣстно только то, что онъ неоднократно подвергался пожарамъ, опустошеніямъ при нашествіи враговъ. Въ XVII вѣкѣ Перынскій монастырь находился уже въ большомъ запустѣніи и былъ приписанъ къ Юрьеву монастырю. При учрежденіи монастырскихъ штатовъ въ 1764 году Перынскій монастырь былъ упраздненъ и обращенъ въ приходскую церковь Юрьевской слободы. Въ 1826 году, по просьбѣ Юрьевскаго архимандрита Фотія, Перынская церковь приписана была по прежнему къ Юрьеву монастырю, возобновлена безъ измѣненія древней простой архитектуры и 10 ноября 1828 года вновь освящена. При ней основанъ скитъ, въ которомъ, по уставу древнихъ палестинскихъ скитовъ, ежедневно совершаются утреня, часы и вечерня, неумолкно читается псалтирь съ поминовеніемъ усопшихъ, а литургія совершается только по субботамъ, воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Въ скиту пища всегда во весь годъ бываетъ постная, даже молочная и рыбная пища никогда не разрѣшается къ употребленію. Входъ въ скитъ женскому полу запрещенъ, за исключеніемъ одного дня въ году — храмоваго праздника. Князь Сергій Александровичъ Ш.-Шихматовъ, по принятіи монашества, былъ первымъ скитоначальникомъ Перынскаго скита.

Въ скиту, окруженномъ со всѣхъ сторонъ стѣною, зданія состоятъ, кромѣ церкви, изъ каменныхъ келій для пріѣзда юрьевскаго архимандрита, изъ настоятельскихъ келій и братскихъ келій съ трапезою. Около скита со всѣхъ четырехъ сторонъ насажена аллеями роща изъ дикаго лѣса. Роща насажена архимандритомъ Фотіемъ и скитона-

чальникомъ о. Аникитою. Макарій. Историческое описаніе Юрьева монастыря. 38—41, 43, 100 стр.

[14]) Филаретъ (Амфитеатровъ), архіепископъ казанскій (1828—1836 г.), съ 1836 года архіепископъ ярославскій, съ 1837 года митрополитъ кіевскій; умеръ 21 декабря 1857 года, принявши схиму и имя Ѳеодосія. Строевъ. Списки іерарховъ, 290. 9. Обстоятельный очеркъ благочестивой жизни высокопреосвященнаго Филарета можно читать въ сочиненіи рхимандрита Сергія: митрополитъ кіевскій Филаретъ Амфитеатровъ,[a] въ схимѣ Ѳеодосій, и его время; два большіе тома.

[15]) Князь Владиміръ Александровичъ Ш.-Шихматовъ жилъ въ своемъ имѣніи, въ Тихвинскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Онъ женился въ молодыхъ лѣтахъ и имѣлъ многочисленное семейство. Онъ умеръ 7 мая 1860 года, 70 лѣтъ, и погребенъ въ Антоніевомъ Дымскомъ монастырѣ, находившемся въ 38 верстахъ отъ его усадьбы. Записки объ усопшихъ родственникахъ князей Ш.-Шихматовыхъ.

[16]) Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о борьбѣ архимандрита Фотія противъ мистицизма и главнаго его защитника министра духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына. При содѣйствіи графа Аракчеева и графини Орловой, Фотій получилъ доступъ къ императору Александру I и раскрылъ ему вредныя для православной церкви дѣйствія министра духовныхъ дѣлъ. По настойчивому убѣжденію архимандрита Фотія митрополитъ Серафимъ явился къ императору Александру Павловичу не въ урочное время и изложилъ ему также вредный для церкви образъ дѣйствій князя Голицына. Участь князя Голицына была рѣшена. Скоро появился Высочайшій указъ объ увольненіи Голицына отъ должности министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и самое министерство духовныхъ дѣлъ было уничтожено. Исторія паденія князя Голицына и участія въ немъ архимандрита Фотія подробно изложена въ автобіографіи Фотія (книга III) и въ статьѣ А. Пыпина о Россійскомъ библейскомъ обществѣ, напечат. въ Вѣстникѣ Европы за 1868 годъ августъ—ноябрь.

[17]) Это былъ приходскій священникъ с. Архангельскаго о. Матѳей, къ которому всѣ князья Ширинскіе-Шихматовы относились съ глубокимъ уваженіемъ, высоко цѣнили его благочестіе и смиреніе. О. Матѳей былъ какъ бы членомъ княжеской семьи. Князья Шихматовы оказывали всегда большую матеріальную поддержку своему приходскому священнику, безвозмездно обучали у себя въ школѣ всѣхъ его дѣтей, а затѣмъ содержали на свой счетъ, когда они обучались въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣ смерти о. Матѳея князья Шихматовы позаботились объ устройствѣ оставшихся послѣ него сиротъ.

[18]) Архимандритъ Фотій украсилъ свой монастырь разведеніемъ въ немъ нѣсколькихъ садовъ: таковъ садъ настоятельскій съ кедровыми, каштановыми и др. деревьями, садъ братскій—на сѣверной сторонѣ монастыря, большая роща внѣ монастыря съ западной его стороны, вишневый садъ также внѣ монастыря, на его южной сторонѣ, близъ ограды къ р. Волхову и озеру Ильменю, и роща на восточной сторонѣ монастыря. Историческое описаніе Юрьева монастыря о. Макарія, 36—37.

[19]) Князь Сергій, какъ образованный человѣкъ, оказался очень полезнымъ для о. Фотія, который сдѣлалъ его своимъ секретаремъ.

Фотій писалъ очень много и онъ нуждался не въ одномъ переписчикѣ. Такъ онъ написалъ собственную автобіографію, обширный трудъ въ трехъ частяхъ, житіе Иннокентія, епископа пензенскаго, огласительное богословіе (уроки по Закону Божію во II кадетскомъ корпусѣ), историческое описаніе Юрьева монастыря, множество книгъ и тетрадей съ посланіями, письмами, документами, касающимися борьбы его съ мистицизмомъ.— Въ 1850-хъ годахъ въ библіотекѣ Юрьева монастыря насчитывалось 24 книги сочиненій Фотія, часть которыхъ очевидно переписывалась трудами князя Сергія Александровича. Историческое описаніе Юрьева монастыря, о. Макарія, 72 стр.

[20]) Министръ народнаго просвѣщенія, извѣстный покровитель князя Сергія Александровича, Александръ Семеновичъ *Шишковъ*, получившій министерство послѣ князя А. Н. Голицына въ 1824 году.

[21]) Князь Прохоръ Александровичъ Ш.-Шихматовъ былъ самымъ младшимъ изъ братьевъ, онъ остался послѣ смерти отца полугодовымъ сиротою, учился въ московскомъ университетѣ, нѣсколько лѣтъ состоялъ на государственной службѣ, находясь въ канцеляріи попечителя московскаго округа, затѣмъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи въ селѣ Дерновѣ, гдѣ и умеръ въ 1864 году. Памятная записка объ усопшихъ родственникахъ. Князь Прохоръ имѣлъ многочисленное семейство.

[22]) Князь Сергій Александровичъ не могъ испросить у своей матери, за ея смертью, благословенія на принятіе монашества, что его очень огорчало. Разъ онъ послѣ усиленной молитвы заснулъ. Во время сна къ нему явилась его родительница и, на просьбу сына о благословеніи на иноческое подвижничество, внятно произнесла слѣдующія слова: «благословить много, а дозволить можно». О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, изд. 1, 29—30.

[23]) Юрьевъ монастырь отличался крайнею бѣдностію и запущенностію предъ вступленіемъ архимандрита Фотія въ управленіе этимъ монастыремъ въ 1822 году. Со времени архимандритства Фотія Юрьевъ монастырь сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ монастырей во всей Россіи. Въ 1823 году, по Высочайшему повелѣнію, каждогодно стали отпускать изъ казны на поддержаніе Юрьева монастыря 4900 р. Самою главною благотворительницею монастыря была графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, которая въ теченіе десяти лѣтъ на однѣ постройки израсходовала болѣе 700,000 рублей. На эти деньги и другія стараніемъ о. Фотія въ 1822 году возобновлена церковь Женъ Мироносицъ на монастырскомъ подворьѣ въ Новгородѣ; въ 1823 году построена въ монастырѣ церковь Всемилостиваго Спаса съ двумя придѣлами и церковь всемірнаго Воздвиженія Креста Господня; въ 1824 году украшена соборная церковь во имя Спаса; въ 1825—1827 годахъ вполнѣ обновленъ соборный храмъ св. великомученика Георгія и пристроены къ нему придѣлъ святителя Ѳеоктиста, тамъ почивающаго, паперть и ризница; въ то же время выстроенъ особый братскій корпусъ; въ 1827 году построена каменная ограда съ кладовыми на монастырскомъ подворьѣ; въ 1828—1831 годахъ совершенно обновленъ принадлежащій Юрьеву монастырю скитъ, а въ монастырѣ построена церковь во имя Божіей Матери Неопалимыя Купины съ

лѣтними настоятельскими кельями, съ больничнымъ корпусомъ, башнею и церковію во имя архистратига Михаила и др.

Кромѣ того графиня Орлова пожертвовала на содержаніе монастыря и живущей въ немъ братіи въ разныхъ процентныхъ билетахъ 625 тысячъ р. ассигнаціями и болѣе 473 тысячъ рублей серебромъ, съ тѣмъ, чтобы капиталъ оставался неприкосновеннымъ, а получаемые съ него проценты шли на благоустроеніе монастыря и содержаніе братіи. Историческое описаніе Юрьева монастыря, архимандрита Макарія, стр. 83—84,—9—11, 36.

[24]) Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что подъ указываемымъ здѣсь «избраннымъ орудіемъ благости божіей» разумѣется архимандритъ Фотій, а подъ исцѣленною извѣстная искательница приключеній *Фотина Павловна*.

Это была еще молодая дѣвица, нѣкоторое время состоявшая на театральной сценѣ. О. Фотій иногда читалъ заклинанія надъ бѣсноватыми. Фотина является къ Фотію въ Юрьевъ монастырь и таинственно объявляетъ ему, что ей было откровеніе о томъ, что только одинъ Фотій можетъ освободить ее отъ бѣсованія. Фотій сталъ читать надъ нею заклинательныя молитвы и бѣсъ, по словамъ больной, скоро оставилъ ее. По исцѣленіи Фотины архимандритъ Фотій отвелъ ей помѣщеніе подлѣ монастыря и окружилъ ее своими заботами, не замѣчая того, что дѣлается жертвою самаго возмутительнаго обмана. Фотина начала разсказывать, что ей бываютъ разныя откровенія, видѣнія святыхъ. Фотій, хотя и довѣрялъ ей, но все таки иногда провѣрялъ ея разсказы, посылалъ сначала своего келейника посмотрѣть что дѣлаетъ исцѣленная Фотина. Послѣдняя между тѣмъ вошла въ сдѣлку съ келейникомъ, который сталъ докладывать архимандриту, что она молится, что въ ея комнатахъ видѣнъ таинственный свѣтъ и пр. По совѣту Фотины, подкрѣпленному разсказомъ объ особомъ видѣніи, о. Фотій сталъ приглашать дѣвицъ сосѣднихъ деревень на слушаніе вечерняго правила въ монастырь и устроилъ для нихъ особые хитоны. Охотницъ явилось множество, и нѣкоторыя изъ нихъ оставались даже на ночь въ монастырѣ. Тутъ происходили безпорядки, явились сплетни и ропотъ окрестныхъ крестьянъ. Митрополитъ Серафимъ сдѣлалъ строгій выговоръ архимандриту Фотію и Фотина была переведена въ Ѳедоровскій Переяславльскій монастырь. По смерти Фотія, матеріально поддерживавшаго ее и въ этомъ монастырѣ, Фотина оставила Ѳедоровскій монастырь, вышла замужъ за своего кучера и умерла отъ дурного обращенія съ нею мужа.

Графиня А. А. Орлова сразу разгадала Фотину и убѣждала Фотія, что Фотина обманываетъ его. Фотій не обратилъ вниманія на неоднократныя убѣжденія графини Орловой и поплатился. Въ библіотекѣ Юрьева монастыря есть переплетеная въ четверть листа книга, на первой страницѣ которой находится заглавіе: «повѣсть зѣло чудна о нѣкоей дѣвицѣ, избавившейся отъ нечистаго духа». Повѣсть начинается съ общихъ разсужденій и на второй страницѣ, гдѣ писатель хотѣлъ перейти къ самому предмету повѣсти, прерывается на-полу-словѣ. Очень можетъ быть, что Фотій описывалъ здѣсь исторію исцѣленія Фотины, но графиня Орлова, послѣ уже его смерти, уничтожила ,му

повѣсть, оставивъ только предисловіе къ ней. Русскій архивъ, 1870 годъ, стр. 893—900. Фотина Павловна.

Вышеприведенными указаніями разъясняются нѣкоторыя дѣйствія князя С. А. Шихматова. Очень вѣроятнымъ авторомъ и переписчикомъ повѣсти объ исцѣленіи бѣсноватой былъ самъ князь Сергій. По крайней мѣрѣ повѣсть, посланная имъ къ братьямъ, была, по ихъ словамъ, написана самимъ Сергіемъ. Если только признать вѣрнымъ подобнаго рода предположеніе, то находящаяся въ настоящее время въ Юрьевѣ монастырѣ рукопись есть та самая, которую князь Сергій отправлялъ къ своимъ братьямъ. Неожиданное требованіе князя Сергія о немедленномъ возвращеніи рукописи, предъявленное имъ къ братьямъ, находилось, безъ сомнѣнія, въ связи съ исторіею Фотины, которая вдругъ приняла крайне невыгодный для архимандрита Фотія оборотъ.

[25]) Въ сентябрѣ 1830 года пріѣхалъ въ Юрьевъ монастырь князь Платонъ Александровичъ Ш.-Шахматовъ съ своимъ семействомъ, прожилъ въ монастырѣ около недѣли и говѣлъ здѣсь. Князь Платонъ Александровичъ, занимавшій долгое время мѣсто директора канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія при А. С. Шишковѣ, самъ впослѣдствіи былъ министромъ народнаго просвѣщенія и умеръ въ 1853 г.

Изъ «Христ. Чтен.» №№ 5—6, 7—8, 11—12 за 1889 г.
№№ 1—2, 3—4, 5—6, 7—8 за 1890 г.

Печатать позволяется. 29 Мая 1890 г.
Заслуженный профессоръ *Иванъ Троицкій.*

Типографія А. Катанскаго и К°. Невскій пр., № 132.